

АРХИВ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

13
ТОМ

ЕВРЕЙСКИЙ
МУЗЕЙ
И ЦЕНТР
ТОЛЕРАНТНОСТИ

THE JEWISH MUSEUM AND TOLERANCE CENTER
RESEARCH CENTER

•
**Archive
of Jewish History**

Volume 13

Editor-in-Chief *Oleg Budnitskii*

Editorial Board:

*Israel Bartal, Gennady Estraikh, David Gaunt, Alexander Kamenskii,
Mikhail Krutikov, Victoria Mochalova, Benjamin Nathans,
Vladimir Petrukhin, Szymon Rudnicki, Gabriella Safran,
Shaul Stampfer, Nikolai Tsymbayev, Steven Zipperstein,
Tatyana Voronina (Associate Editor)*

Academic Studies Press

Bibliorossika

Moscow / Boston / St. Petersburg

2022

ЕВРЕЙСКИЙ МУЗЕЙ И ЦЕНТР ТОЛЕРАНТНОСТИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

•

Архив еврейской истории

Том 13

Главный редактор *О. В. Будницкий*

Редакционный совет:

*И. Бартадь, Д. Гонт, А. Б. Каменский,
М. Крутиков, В. В. Мочалова, Б. Натанс, В. Я. Петрухин,
Ш. Рудницкий, Г. Сафран, Н. И. Цимбаев,
С. Ципперштейн, Ш. Штампфер, Г. Эстрайх,
Т. Л. Воронина (ответственный секретарь)*

Academic Studies Press

Библиороссика

Москва / Бостон / Санкт-Петербург

2022

УДК 94(47+57);(093)

ББК 63.3(2)

A87

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

A87 Архив еврейской истории. Т. 13 / гл. ред. О. В. Будницкий. — Москва / Бостон / СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 447 с.

ISBN 979-8-887190-80-8 (Academic Studies Press)

ISBN 978-5-907532-51-9 (Библиороссика)

ISBN 979-8-887191-03-4 (Open Access)

В 13-й том «Архива еврейской истории» вошли избранные главы из воспоминаний выдающегося юриста начала XX века Бориса Гершуна, «простого человека» Анны Шойхет, «автобиография» которой охватывает первую половину прошлого века, воспоминания Геннадия и Елены Эстрайх об их попытках эмигрировать из СССР, начиная с конца 1970-х. Попытки завершились успехом уже в начале 1990-х. В раздел «исследования» вошли статьи об одном из малоизвестных членов знаменитого клана баронов Гинцбургов — Альфреде, сыне Горация и о народовольце Савелии Златопольском. Альфред Гинцбург был управляющим Ленскими золотыми приисками и внес существенный вклад в развитие российской золотодобывающей промышленности. И, разумеется, в благосостояние семейства. Статья о члене Исполнительного комитета «Народной воли» Савелии Златопольском является по существу первым исследованием об этом видном деятеле революционного движения. В приложении к статье публикуются показания Златопольского на следствии и письма из заключения. Завершают том публикации лагерных писем известного фольклориста и музыковеда Моисея Береговского и транскрипт интервью Бориса Каменко, чудом пережившего Холокост на Ставрополье. Все остальные члены его семьи были расстреляны нацистами. Материалы, публикуемые в настоящем томе, извлечены из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Нью-Йорка, а также из семейных архивов.

УДК 94(47+57);(093)

ББК 63.3(2)

This book is subject to a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International Public License (CC BY-NC 4.0). To view a copy of this license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>. Other than as provided by these licenses, no part of this book may be reproduced, transmitted, or displayed by any electronic or mechanical means without permission from the publisher or as permitted by law.

Сборник «Архив еврейской истории» публикуется на условиях лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International Public License (CC BY-NC 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>). За исключением случаев, предусмотренных настоящей лицензией, запрещается полное или частичное воспроизведение и передача настоящего издания какими-либо электронными или механическими средствами без письменного согласия издателя, если иное не разрешено законом.

ISBN 979-8-887190-80-8

ISBN 978-5-907532-51-9

ISBN 979-8-887191-03-4

© Еврейский музей и центр толерантности, 2022

© Academic Studies Press, 2022

© Оформление и макет,

ООО «Библиороссика», 2022

О. В. Будницкий

От редактора

13-й том «Архива еврейской истории» открывается публикацией избранных глав обширных мемуаров Бориса Львовича Гершуна (1870–1954), озаглавленных им «Воспоминания русского адвоката». Автор этих строк обнаружил рукопись воспоминаний Гершуна (свыше 800 рукописных страниц!) в Бахметевском архиве русской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. Первые же страницы показались мне настолько интересными, что «пришлось» переснять рукопись в надежде когда-нибудь опубликовать текст мемуаров полностью. Борис Гершун принадлежал к «племени» русских евреев, и его записки среди прочего очень живо воспроизводят, говоря ученым языком, процессы аккультурации и модернизации российского еврейства. Фрагменты о его еврейском детстве в Вильно включены, наряду с эпизодами профессиональной деятельности Гершуна, в настоящую публикацию. Борис Гершун входил в число выдающихся русских юристов начала XX века. Он служил в Сенате, затем был юрисконсультom многих предприятий, а также великих князей Кирилла, Андрея и Бориса Владимировичей, участвовал в ряде крупных гражданских процессов. В 1918 году Гершун был вынужден эмигрировать, сначала в Германию (1918–1933), затем во Францию (1933–1954). Его авторитет среди коллег был чрезвычайно высок: Гершун избирался председателем Совета присяжных поверенных в Петрограде, а также профессиональных союзов русских адвокатов в Германии и Франции. Его воспоминания были написаны в 1936–1939 годах во Франции. Воспоминания Б. Л. Гершуна — уникальный источник по истории русского суда,

русской адвокатуры, быта и нравов русского общества конца XIX — начала XX века. Галерея «портретов» российских адвокатов, судебных деятелей, да и просто видных фигур, от великого князя Андрея Владимировича до знаменитого авантюриста «Митьки» Рубинштейна, «портретов», очень далеких от иконописных, не имеет себе равных. Воспоминания Б. Л. Гершуна — не только исторический источник, это великолепный образец русской мемуарной прозы и весьма увлекательное чтение.

«Автобиография» Анны (Ханы) Моисеевны Шойхет (урожденной Резник, 1900–1995) — это, в отличие от воспоминаний знаменитого адвоката, мемуары так называемого «простого» человека. Как справедливо замечает автор вводной статьи к публикации Валерий Дымшиц (Санкт-Петербург),

такие мемуары встречаются реже, чем записки людей, чем-либо прославившихся, но часто гораздо точнее доносят ощущение эпохи. Из них можно не только понять, но и почувствовать, что сохраняли (семейственность, жизнестойкость и оптимизм) и с чем, не задумываясь, расставались (язык и религия) в процессе стремительной модернизации русские евреи; как происходило превращение обывателей из черты оседлости в советских евреев — жителей мегаполисов.

Анна Шойхет писала свою «Автобиографию» неспешно, с 1986 по 1989 год. Писала по просьбе внука Павла Фишеля, младшего сына ее единственной дочери Марины. Ее старший внук, Тимур Фишель (Таллин)¹, подготовил рукопись «Автобиографии» к печати, а Валерий Дымшиц снабдил подробным комментарием. Мемуаристка подробно изложила запомнившиеся ей события своей жизни, начиная с раннего детства и заканчивая возвращением в Киев после окончания Великой Отечественной войны.

История недавнего прошлого, можно сказать нашего времени, воспринимается нередко как нечто общеизвестное: раз мы это

¹ См. весьма интересные воспоминания Тимура Фишеля о его семье и собственном жизненном пути: https://www.ejc.ee/templates/articlecco_cdo/aid/1449501/jewish/-htm (дата обращения: 24.08.2022).

знаем и помним, значит, это как бы не история. К числу таких «общеизвестных» событий относится еврейская эмиграция из СССР и затем из бывших советских республик. Хотя об этом немало написано, но детали как будто недавних событий забываются, очень часто — вольно и невольно — мифологизируются. Очень важно сохранить живую память об «общеизвестном», ибо никакие официальные документы не сохранят реалии, детали, аромат (иногда не слишком приятный) времени. И здесь историк не должен ждать милостей от природы: исторические источники надо не только находить, их надо создавать. К примеру — просить бабушку, как это сделал Павел Фишель, записать, что помнится. Ну а в случае еврейской эмиграции необязательно обращаться к бабушке. Как в песне — по другому поводу — «обращусь я к друзьям...» Друзья, а ну-ка, вспомните, что там и как происходило, когда вы собрались покинуть страну социализма. Вот автор этих строк и обратился к друзьям — профессору Нью-Йоркского университета Геннадию Эстрайху и до недавнего времени руководителю проекта по компьютерной каталогизации периодических изданий знаменитой Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета Елене Эстрайх — как написал бы Исаак Бабель, жене вышеизложенного Геннадия. Долго ли, коротко ли, но воспоминания — весьма живые и занимательные — были написаны и предлагаются вниманию читателей этого тома.

Елена и Геннадий Эстрайх решили подать документы на выезд из СССР на пике еврейской эмиграции, в 1979 году, но их надеждам в скором времени покинуть страну не суждено было сбыться. Они оказались в категории, получившей название «отказники». Причину отказа им так никогда и не сообщили. Была такая замечательная формула: «Ваш отъезд признан нецелесообразным», причем сообщалось это заявителям устно. В отличие от многих других подавших на выезд в Израиль, Геннадию удалось сохранить место работы и даже получать повышения в должности. Елена тоже со временем устроилась на работу по специальности. В воспоминаниях, написанных четыре десятилетия спустя, отсутствует элемент «героизации». Это, скорее, картинки из жизни советской еврейской семьи с конца 1970-х годов.

Статья Ирены Владимирски (Беэр Тувия, Израиль) и Марии Кротовой (Санкт-Петербург) посвящена одному из членов клана Гинцбургов — барону Альфреду Горациевичу Гинцбургу, до настоящего времени остающемуся в тени своих знаменитых родственников. В работах, в которых упоминается имя Альфреда Гинцбурга, вышедших как в России, так и за рубежом, встречается много неточностей; в его биографии немало моментов, требующих изучения и уточнения. Многочисленная литература по печально известным событиям, произошедшим на приисках Гинцбургов весной 1912 года (Ленский расстрел), также практически не затрагивает имя Альфреда Гинцбурга, несмотря на занимаемый им пост директора-распорядителя акционерного общества «Ленское золотопромышленное товарищество». Из всей большой семьи Гинцбургов Альфред Горациевич был единственным управленцем-практиком, часто и подолгу бывавшим в далекой Олекминско-Витимской тайге, где он работал на принадлежащих Гинцбургам золотых приисках. Альфред Гинцбург сыграл большую роль в реорганизации и разработке новых подходов к постановке, ведению и техническому оснащению золотопромышленного дела применительно к российским климатическим и географическим условиям. В статье на основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот архивных документов и материалов не только уточняются отдельные моменты биографии, но и оценивается вклад Альфреда Гинцбурга в развитие золотопромышленного дела в Российской империи как управленца-практика и постоянного члена и соучредителя профессиональных организаций золото- и платинопромышленников.

Обширная статья Марии Барабановой (Москва) посвящена Савелию Златопольскому (1856/57–1885), члену Исполнительного комитета «Народной воли», незаслуженно обойденному вниманием исследователей. Статья продолжает изучение темы «евреи и русская революция» и является (хотя никакого «умысла» ни автора, ни редактора в этом нет) как будто продолжением сюжетной линии о евреях в составе «Народной воли», начатой в предыдущем томе статьей Григория Кана о члене Исполни-

ного комитета «Народной воли» Аароне Зунделевиче². Статья М. А. Барабановой предваряет публикацию показаний и писем Златопольского. Публикация включает полные показания Златопольского, его конспиративные записки из Петропавловской крепости на волю и три письма родным. Материал этот важен тем, что способствует не только пониманию эпохи, особенностей революционного движения, но главное — пониманию воззрений самого Златопольского, не оставившего ни дневников, ни воспоминаний. Примкнув к революционному движению еще в 1870-е годы, он во многом стоял особняком: его политические и социальные взгляды не были похожи на воззрения революционной молодежи той эпохи. По своим воззрениям он был почти отщепенцем, отрицавшим готовность крестьянства к массовому восстанию и, соответственно, смысл «хождения в народ». Полностью Златопольский отдает себя революционному движению только тогда, когда оно ставит перед собой политические задачи. Став членом народовольческой организации, признавая терроризм как метод революционной борьбы, он являлся во многом прежде всего политическим радикалом, ставящим первой задачей революционного движения достижение демократии, а не социалистические преобразования.

Завершают том две обширные публикации. Евгения Хаздан (Санкт-Петербург) публикует лагерные письма известного фольклориста Моисея (Арона-Мойше) Яковлевича Береговского (1892–1961), посвятившего свою жизнь исследованию музыкальной культуры восточноевропейских евреев. Береговский был арестован в Киеве 18 августа 1950 года, в период кампании против «безродных космополитов». Обвинения были соответствующие: «Вы подчинили работу фольклорного отдела националистическим целям, организовывали в институте экспедиции по сбору старых еврейских синагогальных песнопений и националистических преданий». Чем не преступная деятельность? Береговского приговорили к 10 годам заключения в лагерях особого режима,

² Кан Г. С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М., 2022. С. 128–229.

освободили 18 марта 1955 года по состоянию здоровья. Публикуемые письма хранятся в Кабинете рукописей Российского института истории искусств в Санкт-Петербурге.

Ирина Реброва (Берлин) публикует транскрипт интервью Бориса Львовича Каменко, записанного в 1997 году Еленой Леменево́й в рамках реализации проекта Стивена Спилберга. История Бориса Каменко — история со счастливым концом, ибо он пережил Холокост. Везение же (не знаю, брать ли в этом случае слово «везение» в кавычки или нет) его заключалось в том, что Бориса в числе 30 физически крепких молодых евреев отобрали для того, чтобы закапывать могилы расстрелянных ставропольских евреев. Среди них была вся его семья: отец — ученый-биолог, доцент Ставропольского медицинского института, мать, младшая сестра и бабушка. Их расстреляли 15 августа 1942 года. Мать Бориса Каменко расстреляли несмотря на то, что она была украинкой³. Бориса Каменко оставили на некоторое время в живых для использования на тяжелых физических работах, однако ему удалось бежать из гестаповской тюрьмы. Публикация транскрипта интервью сопровождается вступительной статьей и подробным комментарием.

Обзор содержания тома завершу традиционным призывом: читайте «Архив еврейской истории»! Как этот том, который вы держите в руках, так и предыдущую дюжину.

³ См.: Заявление Б. Л. Каменко об уничтожении немецко-фашистскими оккупантами еврейского населения г. Ставрополя, 24 февраля 1943 года // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 269. Оп. 1. Д. 26. Л. 115. Доступно на сайте Федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»: <https://victims.rusarchives.ru/zayavlenie-bl-kamenko-ob-unichtozhenii-nemecko-fashistskimi-okkupantami-evreyskogo-naseleniya-g> (дата обращения: 24.08.2022).

ВОСПОМИНАНИЯ

О. В. Будницкий

Б. Л. Гершун — юрист и общественный деятель

Борис Львович Гершун (1870–1954), бесспорно, принадлежал к числу выдающихся русских юристов и общественных деятелей. Его имя, столь известное среди российских юристов начала XX века, и в особенности — среди членов русской «адвокатуры в изгнании», не на слуху у более широкой, даже просвещенной публики. Объясняется это, очевидно, тем, что Гершун был цивилистом — занимался гражданскими, а не уголовными или политическими делами, привлекающими обычно больший интерес. Он был членом партии кадетов, однако не был особенно активен в политике. Его профессиональный авторитет, так же как мнение о его человеческих качествах были весьма высоки среди коллег. Не случайно они избрали его сначала членом Совета присяжных поверенных в Петрограде, а затем его председателем. Последним председателем — Совет просуществовал год после прихода к власти большевиков и был распущен за бессмысленностью его существования в условиях фактической замены законов «революционным правосознанием». В эмиграции коллеги избрали Гершуна сначала председателем Союза русских присяжных поверенных в Германии, а затем, после его переезда во Францию, — председателем Объединения русских адвокатов в этой стране. «Воспоминания русского адвоката», написанные Гершуном в эмиграции, на мой взгляд, сопоставимы со знаменитыми мемуарами А. Ф. Кони («На жизненном пути»), а по остроте и яркости некоторых характеристик их превосходят.

Между тем из этого объемистого текста (рукопись — свыше 800 страниц убористым почерком) увидел свет лишь небольшой фрагмент¹. Воспоминания Бориса Гершуна — не только уникальный источник по истории русского суда, русской адвокатуры, быта и нравов русского общества конца XIX — начала XX века, но и весьма увлекательное чтение. Ну а галерея «портретов» российских адвокатов, судебных деятелей, да и просто видных фигур, от великого князя Андрея Владимировича, чьим юрисконсультom был Гершун, до знаменитого авантюриста «Митьки» Рубинштейна, «портретов», очень далеких от иконописных, не имеет себе равных.

Ниже — об основных вехах жизненного пути Бориса Гершуна; пунктиром — о дореволюционном периоде, ибо о многом говорится в его мемуарах, некоторые главы которых публикуются ниже, несколько подробнее — о его делах и днях в эмиграции. Разумеется, эта статья, предвещающая публикацию, не заменяет научную биографию Гершуна, которую он, на мой взгляд, вполне заслуживает.

Если говорить о понятии «русский еврей», то Гершун был, вероятно, одним из наиболее характерных представителей этого своеобразного племени. Хотя он родился (Соколки) и вырос (Вильно) в черте еврейской оседлости, он был человеком русской культуры: его семья далеко отошла от традиционного еврейства, и еще дед по отцовской линии, оптовый торговец сукном, отдал своих старших сыновей, втайне от религиозной жены, в русскую гимназию. Бедняжка думала, что дети ходят в хедер, а они переодевались в гимназические мундиры в доме знакомых и шли совсем в другое учебное заведение. Затем отец и двое дядей Бориса отправились учиться в Московский университет, на медицинский факультет. Дед со стороны матери, оптовый торговец лесом, отправлял своих детей учиться в Кенигсберг. Там София Шерешевская, будущая Гершун, окончила «средне-учебное заведение». Она говорила по-немецки и по-французски и русскому

¹ Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 134–152.

языку научилась только после замужества, однако никогда им хорошо не владела: с детьми говорила и переписывалась по-немецки².

По словам Бориса Гершуна, в его семье «не велась кошерная кухня», он не помнил родителей идущими в синагогу, «еврейские праздники, даже Йом-кипур, не отличались от будних дней, — зато праздновалось Рождество, устанавливалась елка с подарками, на Пасху появлялись на столе рядом с мацой и изюмным вином <...> куличи, пасха, ветчина». В субботу доктор Гершун, ссылаясь на срочность врачебных визитов, разъезжал по больным на извозчике так же, как и в будние дни. Домашним языком из-за матери был немецкий, в некоторые дни говорили по-французски. Детям строго запрещалось говорить на «жаргоне», то есть идише, «разговорном языке всей Вильны». В результате, живя в Вильне, Борис не знал идиша, и так никогда и не научился на нем говорить.

Отец Бориса, Лев Яковлевич Гершун (1836–1898), начавший профессиональную карьеру в качестве уездного врача в Соколках, в 1877 году получил назначение ординатором городской еврейской больницы Вильно; в 1891 году он стал старшим врачом этой больницы, с производством в статские советники. В 1888 году Борис Гершун с серебряной медалью окончил 1-ю Виленскую гимназию. В том же году он поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Для еврея, даже «из хорошей семьи», это было непросто ввиду установленной за год до этого процентной нормы для евреев. В Петербургский университет их могло быть принято не более 3 %. Помогли хлопоты отца, который все-таки был почти «штатским генералом» (чин статского советника соответствовал чину бригадира, правда, к тому времени уже упраздненному, в армии или должности вице-директора департамента или вице-губернатора в гражданской службе). Гершуна приняли в университет по приказу министра народного просвещения И. Д. Делянова — того самого, распоряжением которого

² Здесь и далее сведения, если это специально не оговорено, почерпнуты из «Воспоминаний русского адвоката» Б. Л. Гершуна.

была введена процентная норма. Окончил Гершун университет в 1894 году с дипломом 1-й степени³.

Старший брат Б. Л. Гершуна, Александр Львович Гершун (1868–1915), также выпускник Петербургского университета, но по физико-математическому факультету, был ученым-физиком и инженером, крупным специалистом в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основателем российской оптической промышленности.

После окончания университета по заключению выдающегося юриста профессора Н. Л. Дювернуа Б. Л. Гершун «был признан заслуживающим оставления при университете по кафедре гражданского права для подготовки к ученному званию». Однако юного юриста влекла практическая деятельность. Он поступил на службу в 4-й департамент Правительствующего Сената на должность помощника обер-секретаря и провел в Сенате в этом качестве 15 месяцев. Здесь Гершун проявил себя как толковый юрист и набрался опыта. Особенно он отличился при рассмотрении дела о несостоятельности сибирской купчихи Варыпаевой. Безднажно запутанное дело лежало в канцелярии уже 15 лет и составляло 20 томов! Гершуна освободили от всяких других обязанностей на месяц, и он сумел-таки разобраться в деле и подготовить проект сенатского решения. Первоприсутствующий оценил мастерство начинающего коллеги и предложил выдать ему награду. Обер-прокурор 4-го департамента П. П. Кобылинский назначил в качестве премии немаленькую по тем временам сумму — 300 рублей, однако заявил, по воспоминаниям Гершуна: «Но я Вас вижу насквозь: Вы здесь не останетесь, Вас, несомненно, перетянет в адвокатуру, и Вы будете правы. Получив 300 рублей, Вы немедленно удерете. Нет уж, голубчик, будете получать эту награду по 25 рублей в месяц»⁴. Однако вскоре, осенью 1895 года, сам же Кобылинский рекомендовал Гершуна своему приятелю, известному адвокату В. Н. Герарду.

³ ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1. Автобиография Б. Л. Гершуна, написанная для Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, 1934 год.

⁴ *Гершун Б. Л.* Воспоминания адвоката. С. 136.

После недолгой службы в Сенате, а затем работы помощником В. Н. Герарда в 1899 году Гершун отправился в самостоятельное «плавание». Его карьера была блистательной. Гершун стал присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты, в 1906–1917 годах был присяжным стряпчим⁵ Санкт-Петербургского коммерческого суда. Он был юрисконсультом множества торгово-промышленных предприятий, а также великих князей Бориса и Андрея Владимировичей. К 1917 году Гершун владел 17 юрисконсульствами; входил в правления бельгийского Общества доменных печей и фабрик на Ольховой, Общества для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений «Артур Кеппель (Коппель)», Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз» и, очевидно, был небедным человеком. Гершун занимался также благотворительной деятельностью: оказывал бесплатную юридическую помощь, был казначеем Общества защиты детей от жестокого обращения. Его профессиональные и человеческие качества нашли признание у коллег: он руководил конференцией помощников присяжных поверенных, был членом Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, после Февральской революции был избран его председателем⁶.

«Момент истины» наступил для присяжных поверенных после большевистского переворота. В итоге адвокаты, по крайней мере большинство из них, решили не становиться советскими «защитниками», наличие университетского диплома у которых власть поначалу не считала обязательным. Понятно, что Гершун был несовместим с властью, упразднившей русскую присяжную адвокатуру⁷. В октябре 1918 года он уехал из Петрограда в Вильно,

⁵ Присяжный стряпчий — в Российской империи поверенный по делам частных лиц в коммерческом суде.

⁶ Гершун Борис Львович // *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 235.

⁷ Ликвидация адвокатуры была провозглашена первым советским законодательным актом о суде — Декретом о суде № 1, принятым 22 ноября 1917 года. О жизни присяжных поверенных в первый год советской власти, ставший последним годом существования адвокатуры как сословия, то есть профес-

а в конце года перебрался в Берлин, чтобы провести там следующие 15 лет своей жизни⁸.

В Берлине у Гершуна была солидная практика, которая все же не могла идти в сравнение с практикой петербургского периода. Среди его клиентов были самые разные люди: от торговцев А. Г. Айзенштадта и М. Л. Гешеля, между которыми возникла тяжба о расчетах при продаже бочек табаку, до известного издателя З. И. Гржебина⁹ и графини Брасовой, вдовы великого князя Михаила Александровича. Графиня унаследовала лес, принадлежавший некогда великому князю, а Гершун помогал ей взыскать деньги с неких немецких купцов, эксплуатировавших лес, оказавшийся в период Первой мировой войны на оккупированной германскими войсками территории¹⁰. Кроме практики Гершун занимался также и теорией — опубликовал несколько статей на юридические темы в германских специальных юридических изданиях.

Гершун не был особенно активен в эмигрантской политике, хотя входил в берлинскую группу Партии народной свободы (кадетов). Большую часть времени он уделял общественной, нежели политической деятельности, в особенности защите интересов русских беженцев и объединению (в том числе и с целью

сиональной общности, см. воспоминания Б. Л. Гершуна «Последний год Петроградской адвокатуры»: ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1в. Л. 417. См. также: *Гершун Б. Л.* Воспоминания адвоката. С. 147–152.

⁸ В 1920 году Гершун принял приглашение стать юрисконсультom русского Балтийского банка в Копенгагене. Однако уже весной 1921 года банк, в том числе по его настоянию, был ликвидирован, и Гершун вернулся в Берлин. По-видимому, он изначально не слишком верил в надежность банка, и оставил семью в Берлине (ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3).

⁹ Гершуну пришлось вести переговоры с кредиторами Гржебина и заниматься ликвидацией этого некогда крупнейшего эмигрантского издательства. См. об этом подробнее: *Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // *Диаспора: Новые материалы.* Т. 6. Париж; СПб., 2004. С. 571–573.

¹⁰ Материалы более 400 дел, которые Гершун вел в период эмиграции в Германии, были переданы им в РЗИА и находятся сейчас в его личном фонде в ГАРФ: Ф. Р-5986.

защиты интересов беженцев) русских юристов за границей. В июне 1920 года он был инициатором, совместно с И. В. Гессеном, И. М. Рабиновичем и М. Д. Ратнером, создания Союза русских присяжных поверенных в Германии. В 1921 году Гершун был избран членом Совета русских общественных организаций в Берлине, в 1923-м — членом правления Общества помощи русским гражданам в Германии, в 1925 году был кооптирован в состав постоянного русского третейского суда в Берлине (предназначенного для урегулирования споров между русскими эмигрантами в досудебном порядке). Кроме того, он был председателем берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей, инициатором и одним из организаторов Съезда русских юристов за границей (1922), членом Союза русских евреев, германского отделения Американского фонда помощи русским литераторам и ученым, Общества друзей русской печати. По «еврейской линии» Гершун вошел также в правление Союза защиты детей русских евреев в Германии¹¹.

В эмиграции Гершун, человек явно нерелигиозный, выросший в семье, в которой «к вопросам национальным и религиозным относились без всякого интереса», пересмотрел отношение к собственному еврейству. Вскоре после окончания университета он крестился, но вовсе не ради карьеры. Это было условием женитьбы на горячо им любимой с детства кузине, которая «уже родилась православной (ее родители крестились в молодости)». Кузина была еще подростком, но в том, что он на ней женится, Борис не сомневался (в чем не ошибся), так что крестился загодя, тем паче что это облегчало профессиональную карьеру.

Можно было принять протестантство: но пастор требовал, чтобы я в течение месяца занимался у него так называемым «законом Божиим» и «готовился» к крещению. Лицемерить мне не улыбалось ради того, что я считал просто формальностью. Священник отец Слепян (сам происходивший из евреев) согласился без всяких формальностей и «обучения» выдать мне метрику о крещении.

¹¹ Серков А. И. Указ. соч. С. 235.

Очевидно, крестил Гершуна Сергей (при рождении Израиль) Слепян, популярный в то время в Петербурге священник.

Этот акт, который теперь я бы ни за что не совершил, — писал Гершун в 1936 году, — я тогда совершил почти машинально, как машинально устраниют ветку, преграждающую дорогу. Со временем — с возрастом — во мне проснулось и зрело сознание моей принадлежности к еврейству; это сознание проявилось с большей силой в эмиграции. До того я был так занят моей профессиональной работой, так захвачен сословными интересами, одно время (1904–1905) так увлечен общероссийскими проблемами, что еврейский вопрос оказался вне моих повседневных интересов. Я никогда не скрывал своего еврейства, называл себя евреем, в анкетах писал: русский подданный, национальность — еврей, вероисповедание — православное. <...> когда я попал в эмиграцию, я сбросил с себя то, что я так несознательно набросил на свою жизнь и что считал и считаю крупнейшим своим прегрешением. Я так же несознательно, как при принятии крещения, с первого дня эмиграции, не задумываясь, записал себя евреем, а жену, как она того желала, православной.

Сын и дочь Гершуна, даже не зная о решении отца, при поступлении в германский университет записали себя иудеями.

После прихода к власти нацистов Гершун уехал во Францию и обосновался в Париже. Он вел обширную переписку с коллегами, как еще остававшимися в Германии, так и перебравшимися в другие европейские страны или за океан. Пожалуй, наиболее интенсивный и содержательный эпистолярный диалог завязался у Гершуна с его младшим товарищем по адвокатскому цеху Алексеем Александровичем Гольденвейзером (1890–1979), в декабре 1937 года уехавшим в США. Откликаясь на послание Гольденвейзера, посвященное его адаптации к жизни в другой стране, Гершун писал:

Итак, Вы в третий раз строите свою жизнь. Такова наша судьба. Жить две, а то и три жизни. Если бы я был моложе,

я бы тоже оставил Европу. Здесь повсюду скверно и будущее чревато опасностями¹².

Далеко не юному Гершуну также пришлось начинать третью по счету жизнь, после российской и германской. «Старость заключается в том, — писал он в мае 1938 года, — что человек для окружающих часто умирает раньше, чем наступает его физическая кончина... И комизм заключается в том, что сошедший со сцены внутри еще считает себя актером, а сцены-то уже давно нет»¹³.

Однако «на сцене», во всяком случае эмигрантской, Гершуну еще предстояло сыграть немаловажную роль, и не одну. Во Франции он тоже довольно быстро занял видное положение в профессиональном сообществе: в 1939 году был избран товарищем (заместителем) председателя Объединения русских адвокатов во Франции. Председателем был Н. В. Тесленко, в прошлом депутат Государственной думы. В Париже Гершун стал принимать самое живое участие в работе Очага для евреев-беженцев, основанного Т. И. Левиной, а после ее эмиграции в США в 1940 году стал руководителем Очага¹⁴.

Гершун входил еще в одно эмигрантское сообщество — масонскую ложу «Свободная Россия» (достоинимый мастер в 1939 и 1949 годах). Он принимал участие в посвящении в масоны писателя Романа Гуля, о чем тот рассказал в своих воспоминаниях:

После ритуала посвящения пошли в другую комнату разделить братскую «агапу», то есть братскую трапезу, застолье. Тут уж все братья сняли ленты и передники и уселись за

¹² Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., Париж, 25 декабря 1938 года // В движении: Русские еврей-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны / сост. и вступ. ст. О. В. Будницкого. М., 2020. С. 91.

¹³ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., Париж, 15 мая 1938 года // Там же. С. 79–80.

¹⁴ О жизни Б. Л. Гершуна во Франции см. подробнее: Зеелер В. Ф. Памяти хорошего человека // Русская мысль. 1954. 28 июня (№ 679). С. 4.

сервированный длинный стол. И за едой (хорошей) начался самый непринужденный, обычный разговор. И это было приятное общество культурных, интеллигентных людей¹⁵.

Это, пожалуй, главное, что можно сказать о масонах, во всяком случае об их парижском клубе. Приписываемая нередко в литературе масонам важная политическая роль, на мой взгляд, сколько-нибудь серьезного подтверждения в источниках не находит.

Вернемся, однако, к эмигрантской переписке. «Как Вам должны казаться теперь далекими наши европейские дела! Рад за Вас, что вы из этой трясины выбрались. По-моему, еще немало пройдет времени, пока здесь наладятся дела. Еще много волнений и потрясений придется пережить европейцам», — пророчески писал Гершун Гольденвейзеру в мае 1938 года¹⁶.

Впрочем, чтобы предсказать европейцам потрясения, не надо было быть пророком. Бывшие берлинцы пристально следили за происходящим в Германии. Гершун, упоминая об изменении германских законов, иронически замечал: «...там идет усердный пересмотр гражданских законов: искоренение либеральных иудомасонских правовых идей»¹⁷.

Гольденвейзер предрекал: «...нынешнее положение в центральной Европе закончится либо дипломатической победой Германии, либо всеобщей войной, которая неминуемо должна повести к всеобщему поражению, обнищанию и вырождению»¹⁸. Нельзя отказать Гольденвейзеру в проницательности в оценке ближайших перспектив Европы. Вот только сбылись оба его прогноза — и о дипломатической победе Германии, и о войне. Дипломатическая победа Германии, получившей по мюнхенскому соглашению

¹⁵ Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 212.

¹⁶ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., Париж, 15 мая 1938 года // В движении... С. 81.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ Гольденвейзер А. А. — Гершуну Б. Л., 11 августа 1938 года // В движении... С. 86.

Судетскую область, оказалась не альтернативой войне, а ступенькой к ней.

Гершун писал о Париже в дни чехословацкого (мюнхенского) кризиса:

Париж в эти дни опустел. В доме, где мы жили, остались только некоторые мужчины и прислуга. На улице видны были такси и частные автомобили, нагруженные людьми и вещами: все бежало из Парижа. Деловая жизнь остановилась. Картина незабываемая: предвкушение будущей войны. Мобилизация проходила здесь — в Париже — не особенно гладко. Люди оставались кое-где по три дня без крова и пищи. И вдруг... мир. Истерическая радость населения, считавшего войну неизбежной, в сущности начавшейся — благословения, посылаемые Чемберлену, который на несколько дней стал героем. Затем... похмелье. Сознание, что и Франция, и Англия, и главным образом Чехословакия стали жертвами блефа и шантажа. И радость омрачилась сознанием стыда и обиды. Теперь Франция не поддастся блефу, вооружается вовсю, но к войне еще далеко не готова. Политика Чемберлена была, конечно, мудра, но есть моменты, когда ум ценнее мудрости. Во Франции молодежь была за войну... А победителем вышел Гитлер, создатель Великой Германии, и это так, как бы англичане и французы ни кусали бы себе пальцы.

А то, что теперь рассказывают беженцы из Германии и Австрии, так ужасно, так невероятно, что не допускаешь мысли, что это возможно...

Вот Вам бледная картина тех переживаний, которые нам выпали и выпадают на долю. И каждый день приносит какую-нибудь новую гадость с той стороны Рейна¹⁹.

Адвокатов, наряду с общими для беженцев проблемами, волновала и еще одна, специфическая: чем жить? В большинстве своем они были людьми немолодыми, даже один из самых «юных», Гольденвейзер, приближался к 50-ти. Ничего другого, кроме как занятия юриспруденцией, они не знали и не умели.

¹⁹ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 25 декабря 1938 года // Там же. С. 90–91.

Переучиваться было поздно, заниматься физическим трудом не позволяли возраст и здоровье.

И все же Гольденвейзер не терял оптимизма.

В Америке я не разочарован, — писал он М. Л. Кантору через полгода после приезда в новую страну. — Поле для наблюдения и изучения здесь громадное, да и для деятельности были бы интересные возможности, но вот только *специальность наша как нельзя менее подходит для трансплантации* (курсив мой. — О. Б.), а кроме того нужно жить и входить в жизнь годами, пока настолько с ней освоишься, что сможешь активно в ней участвовать²⁰.

Это было справедливо для любой другой новой страны. Если даже удавалось приспособиться, то выйти на прежний уровень было нелегко. Гершун писал после пяти лет жизни во Франции:

Мы с О. М.²¹ живем тихо, уединенно и скромно, одним словом, не столько живем, сколько доживаем. У меня много всякой работы, и не профессиональной, а заработки скромные. С здешним правом, обычаями и нравами больше или меньше освоился. Право неплохое, обычаи — хуже, а нравы — совсем скверные²².

Переписка юристов не исчерпывалась обсуждением профессиональных проблем, сводившихся в основном к отсутствию клиентов и, следовательно, работы и заработков. Очень любопытны рассуждения Гершуна о вышедшей в Париже в 1938 году книге воспоминаний знаменитого адвоката Оскара Грузенберга

²⁰ Гольденвейзер А. А. — Кантору М. Л., 12 июня 1938 года // Там же. С. 149. «Службы или иного постоянного заработка пока также не имею. Можно ли будет существовать здесь в качестве русского адвоката, пока еще не могу сказать», — писал он месяц спустя Гершуну (Гольденвейзер А. А. — Гершуну Б. Л., 10 июля 1939 года // Там же. С. 313).

²¹ Ольга Марковна Гершун, жена Б. Л. Гершуна.

²² Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 25 декабря 1938 года // В движении... С. 92.

«Вчера». Он писал все тому же Гольденвейзеру, тоже состоявшему с Грузенбергом в переписке:

Милюков — страха ради иудейска — напечатал о ней восторженную рецензию. Я прочел эту книгу. Лучше бы она не вышла. Очерки, посвященные воспоминаниям о делах, очень интересны, но они пропадают в автобиографии и в воспоминаниях о «великих людях», его друзьях — Короленко, Горьком, Кони. Язык — вымученный, любовь к «истинно-русским» оборотам речи и поговоркам (Кременецкий — Алданова²³), — и повсюду Оскар, Оскар и Оскар, — некуда от него спрятаться.

Как вам нравится в первых строках — определение русского языка:

«я полюбил этот удивительный язык: в ласке шелковисто-нежный, завораживающий; в книге — простой, просвечивающий до невозможности скрыть малейшую фальшь; в испытаниях борьбы — подмороженный, страстно-сдержанный»²⁴.

И в таком стиле почти вся книга. Только там, где он рассказывает о делах, защитах, муках за подзащитных, — там язык натуральнее.

Ни один настоящий русский человек не писал, и не будет писать таким русским языком.

²³ Адвокат Семен Исидорович Кременецкий — герой трилогии М. А. Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера». В предисловии к первому книжному изданию «Ключа» автор писал: «Добавлю в качестве курьеза, что мне называли пять адвокатов, с которых будто бы писан (и тоже “портретно”) Кременецкий. Скажу кратко <...> в этих указаниях нет ни одного слова правды» (Алданов М. Ключ. Берлин: изд. Книгоиздательства «Слово» и журнала «Современные записки», 1930. С. 6). В. В. Набоков говорил в одном из своих интервью 1930-х годов: «...в алдановском Семене Исидоровиче Кременецком во что бы то ни стало старались найти черты какого-нибудь известного петербургского адвоката, живущего сейчас в эмиграции. И, конечно, находили. Но Алданов слишком осторожный писатель, чтобы списывать свой портрет с живого лица. Его Кременецкий родился и жил в воображении одного только Алданова. Честь и слава писателю, герои которого кажутся людьми, живущими среди нас, нашей повседневной жизнью» ([Набоков В. В.] <Интервью, данное Андрею Седых> // Владимир Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 147).

²⁴ Грузенберг О. О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 5.

Книга успеха не имеет. Трахтерев²⁵, которого я на днях встретил, рассказывал мне, что написал для «Возрождения» резкую рецензию про «Вчера», а про одного русского мне рассказывали, что он сказал, что, прочитав книгу Грузенберга, стал антисемитом. А Грузенберг собирается выпустить второй том²⁶.

Грузенберг своей самовлюбленностью и самоуверенностью раздражал многих. Но все же — это была история и слава русской адвокатуры. И Гершун не выдержал — написал о сильно не понравившейся ему книге положительную рецензию. Точнее, чтобы не кривить душой, написал статью по поводу книги:

Я написал статью «Грузенберг, как уголовный защитник (по поводу книги его воспоминаний “Вчера”»)» и послал ее П. Н. Милюкову. Написал, платя этим свой долг Грузенбергу, который настойчиво потребовал от меня статью о себе еще по поводу его 70-летия. Я не написал: убоился. А теперь решился²⁷.

Но, конечно, на первом плане в переписке — политика, напрямую влиявшая на судьбы беженцев. Гольденвейзер поначалу считал, что в Германии все как-то перемелется и встанет на привычные места и что информация парижских «Последних новостей» о нацистских зверствах преувеличивает происходящее.

Гершун совершенно не разделял скепсиса Гольденвейзера в отношении информации «Последних новостей», в частности о событиях в Берлине. Из рассказов приезжающих из Германии

²⁵ Трахтерев Осип Сергеевич (1876/77–1944), присяжный поверенный Петербургской судебной палаты; в эмиграции жил в Берлине (1922–1923), затем в Париже, председатель парижского Союза русских адвокатов за границей, занимавшего более правые позиции по сравнению с Объединением русских адвокатов, возглавлявшимся Н. В. Тесленко; погиб в Освенциме.

²⁶ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 15 мая 1938 года // В движении... С. 80–81.

²⁷ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 3 июля 1938 года // Там же. С. 83. См.: Гершун Б. Л. Грузенберг, как уголовный защитник (По поводу книги его воспоминаний «Вчера») // Последние новости. 1938. 1 сентября.

он заключил, что «действительность куда более мерзка, чем Вы думаете, и чем изображают “П[оследние] Н[овости]”»²⁸.

Летом 1939 года Гольденвейзер был вынужден признать: «Все сложилось хуже, чем можно было себе представить в 1937 году, когда я покинул Берлин. Ни для какого оптимизма теперь не осталось места...»²⁹

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, которую многие предвидели, но ход и последствия которой превзошли самые худшие ожидания. 6 июня 1940 года, то есть в разгар наступления германских войск на Париж, Гершун писал:

События, нас постигающие, мы переносим спокойно. В находящийся от нас в двух шагах лицей Мольера попала бомба; к счастью, в этом учебном заведении с начала войны прекращены занятия и жертв не было. Отклонение падения сверху на один миллиметр могло лишит меня удовольствия писать Вам. Мы не оставляем Париж, веря в то, что к этому нет оснований, а бомбы могут всюду упасть. Но если Париж будет в опасности, на что мы не рассчитываем, веря в то, что нас отстоят, мы под началом Гитлера не останемся и станем вновь беженцами. А пока жизнь идет своим чередом, каждый делает свой долг, чтобы поддержать течение жизни, и каждый должен так поступать, а не дезертировать «в страхе иудейском».

Большинство русских адвокатов пока не уезжает. Тесленко на днях уехал на юг и свалил на меня председательствование в Объединении [русских адвокатов во Франции]. Приходится помогать находящимся в нужде коллегам из имеющихся пока сумм, так как пополнение их теперь немислимо. Действует и будет действовать Очаг для евреев-беженцев, и мы кормим еще теперь по 250 человек в день. Средства у нас пока имеются. Эвакуировать наших старцев, живущих в Очаге, некуда и надо и о них заботиться. Т. И. Левина, которой теперь уже 76 лет, будет, вероятно, увезена

²⁸ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 5 сентября 1938 года // В движении... С. 87.

²⁹ Гольденвейзер А. А. — Гершуну Б. Л., 10 июля 1939 года // Там же. С. 314.

сыном. Дело налажено и пойдет своим обычным ходом: голодные продолжают желать обедать каждый день, и от этой привычки их не отучить³⁰.

Надежды Гершуна не оправдались. Через восемь дней Париж был объявлен открытым городом. Для русских евреев, независимо от их профессиональной и даже конфессиональной принадлежности, начались испытания, по сравнению с которыми бледнели все предшествующие.

22 июня 1941 года, сразу после нападения Германии на Советский Союз, Гершун, наряду со многими другими заметными русскими эмигрантами, был арестован нацистами и заключен в концентрационный лагерь Компьен под Парижем. Наци не стали разбираться в политических воззрениях эмигрантов и их отношении к СССР: точнее, решили сначала интернировать, а разбираться потом. Заключение, однако, затянулось и продолжалось для одних несколько месяцев, для других Компьенский лагерь стал промежуточной станцией по дороге в Освенцим. В лагере оказалось немало ученых, организовавших нечто вроде вольного университета, в котором можно было послушать лекции по самым разным специальностям. По словам одного из организаторов университета, математика В. А. Костицына, Борис Львович Гершун оказался «симпатичнейшим человеком»:

Этот старый адвокат и старый сенатский служащий хранил в своей памяти ценнейшие воспоминания и охотно согласился прочесть в нашем университете несколько лекций. Словом он владел великолепно, и было настоящим наслаждением слушать его рассказы о Плевако, Карабчевском, Урусове, Кони, о деятельности Сената как высшего судебного учреждения³¹.

Гершуна освободили в ноябре 1941 года. В это время нацисты еще не приступили к «окончательному решению еврейского вопроса» и в оккупированной Франции вели себя несколько иначе,

³⁰ Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру А. А., 6 июня 1940 года // Там же. С. 456–457.

³¹ Костицын В. А. Воспоминания о Компьенском лагере (1941–1942). М., 2009. С. 62.

чем в Польше или Советском Союзе, играя в «европейцев». Желтые шестиконечные звезды евреев обязали носить с 1 июня 1942 года. Облавы на евреев-эмигрантов, не имеющих французского гражданства, в возрасте от двух до 55 лет начались в середине июля. Затем последовали депортации в лагеря уничтожения — сначала евреев-эмигрантов, а потом и «коренных» французских евреев. Гершун избежал участи, постигшей многих русских евреев, в том числе двух сестер-близняшек Алексея Гольденвейзера, скрываясь на юге Франции под чужим именем.

Вернувшись после освобождения в Париж, Гершун сыграл ключевую роль в восстановлении разоренного нацистами Очага для евреев-беженцев. С 1945 года он был бессменным председателем Очага, уделяя ему много внимания — ведь после войны и Холокоста значение Очага для уцелевших евреев существенно возросло. Создал при нем юридическое бюро и отдел социальной помощи. Возобновил адвокатскую практику. В 1945 году Гершун был избран председателем Объединения русских адвокатов во Франции. В 1952-м стал председателем комитета по изданию «Мемориала» русской адвокатуры.

Гершун обладал необыкновенной работоспособностью и организованностью: в Петербурге, где жизнь в определенных кругах начиналась поздно, он уже в 8:30 утра был за рабочим столом, диктовал стенографистке деловые бумаги и письма; затем отправлялся в суд или иные учреждения, принимал клиентов; вечером готовился к делам следующего дня. В эмиграции рабочий график менялся в зависимости от обстоятельств, но время, уделяемое профессиональным и общественным делам, оставалось столь же продолжительным. Возраст брал свое, но все же... В 1953 году Гершун писал в ответ на комплимент Гольденвейзера: «...я далеко не так “неутомим”, как Вы пишете. Могу работать только до 6½, а затем я к работе более не гожусь»³². То есть его рабочий день на 84-м году жизни продолжался, очевидно с перерывом, 10 часов!

³² Гершун Б. Л. — Гольденвейзеру, 29.X.1953 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, Alexis Goldenweiser Papers, Box 43.

В последнем письме Гершуна к Гольденвейзеру, датированном 18 июня 1954 года, Борис Львович сетовал на утомление, не позволившее ему даже пойти в Очаг в его «присутственный день» (он бывал там три раза в неделю). «С нетерпением ждем 15 июля, чтобы уехать на отдых. Поможет ли он мне?» — задавался вопросом Гершун³³. Уехать на отдых ему не пришлось: 19 июля 1954 года Борис Гершун скончался в Париже в возрасте 84 лет.

Некрологи — не тот жанр, где можно найти о покойном что-либо, кроме комплиментов. Тем не менее полагаю, что А. А. Гольденвейзер был недалек от истины, объясняя причины успеха Гершуна в профессиональной и общественной работе. Этому

...во многом способствовали привлекательные черты его характера — его природная мягкость и уравновешенность, его деликатность и такт в обращении со всеми, с кем он приходил в соприкосновение. Но при этом Борис Львович умел быть и настойчивым, в особенности в деловых переговорах. Я не встречал никого, кто бы мог сравниться с ним в умении вести такие переговоры или защищать вверенные ему интересы в административных учреждениях³⁴.

Трудно не согласиться со словами А. А. Гольденвейзера, что в период беженства заслуги Гершуна «перед товарищами по словию неоценимы. Более чем кто-либо, он содействовал разрешению трудной и не имевшей исторических прецедентов задачи — создать статус “адвокатуры в изгнании”. Это навсегда останется в анналах российской эмиграции»³⁵.

* * *

Над воспоминаниями Гершун начал работать, как им собственноручно помечено в рукописи, 4 августа 1936 года. В первых же строках он определил цели своего труда, так же как мотивы, побудившие его взяться за воспоминания:

³³ Ibid.

³⁴ Гольденвейзер А. Памяти Б. Л. Гершуна // Новое русское слово. 1954. 1 августа.

³⁵ Там же.

Я пишу не для печати. В условиях эмигрантской жизни печатать эту толстую тетрадь, которую я собираюсь заполнить, негде и некому. Я пишу под давлением воспоминаний, от которых я не могу иначе освободиться. Они теснятся в моей памяти, рвутся наружу, не дают мне покоя. Надо перестать вспоминать прошлое, чтобы спокойно переносить настоящее. Я пишу для той адвокатуры, которая в России еще должна прийти. Я когда-то писал: «Она не имеет настоящего, ибо не может почитаться адвокатурой то “сословие” зависимых от администрации, не обладающих свободой слова правозаступников, которые теперь заменяют старую русскую адвокатуру, созданную Судебными уставами. Но русская адвокатура имеет будущее», — ибо не всегда останется Россия под властью диктатуры, и не мыслится свободная демократическая Россия — без свободной, независимой адвокатуры.

Рукопись Гершун предполагал передать в Пражский архив. 16 октября 1939 года он писал А. А. Гольденвейзеру:

Чтобы чем-либо заняться, я пока перечитываю и исправляю написанные мной за последние три года «Воспоминания русского адвоката» за время с 1894 по 1918 год. Всего 1000 страниц большого формата убористого шрифта. Воспоминания касаются всего того, что я видел и пережил как сенатский чиновник и адвокат, а также характеристики адвокатского Олимпа, его представителей и богов меньшего калибра. Написано не для печати, а для будущего историка адвокатуры, который «найдет мой труд усердный» и, отряхнув пыль десятилетий, использует его для своей работы³⁶.

Возможно, именно то, что Гершун не предназначал воспоминания для печати, обусловило свободу, с которой они написаны. Таким образом, тетрадь разрослась до текста, по словам его автора, объемом 1000 страниц. Возможно, это «фигура речи». Во всяком случае, в фонде Гершуна в Бахметевском архиве при Ко-

³⁶ В движении... С. 316.

лумбийском университете находится рукопись (листы в самом деле большого формата) объемом свыше 840 страниц. Неясно также, что Гершун понимал под шрифтом, ибо рукопись — автограф, а почерк Гершуна в самом деле был убористым. Небольшие фрагменты воспоминаний, отобранные и подготовленные к печати Гольденвейзером, как говорилось выше, увидели свет в «Новом журнале» (1955, кн. 43) под названием «Воспоминания адвоката».

В редакционной врезке к публикации говорилось:

В бумагах скончавшегося в 1954 году в Париже Бориса Львовича Гершуна осталась обширная рукопись (около 800 страниц на машинке) под заглавием «Воспоминания русского адвоката (1894–1918)», которую ему не удалось опубликовать при жизни. Автор воспоминаний занимал видное положение в петербургской адвокатуре, был юрисконсультом многих предприятий и участвовал в большом количестве крупных гражданских процессов. Его мемуары дают интересную картину русских судов, адвокатуры и деловых кругов столицы³⁷.

Машинописный экземпляр, если он в самом деле существовал, мне не удалось обнаружить ни в бумагах Гершуна, ни в фонде Гольденвейзера в Бахметевском архиве. А вот приблизительное число страниц в рукописи указано верно. Гершун печатать на машинке не умел, переписку он вел от руки. О том, что свои мемуары Гершун отдал перепечатать, он нигде не упоминает. Как бы то ни было, в нашем распоряжении имеется только автограф. Воспоминания Бориса Гершуна, представляющие собой рукопись объемом чуть более 840 страниц, хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке (Boris Lvovich Gershun Papers, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University). В настоящую публикацию нами включена выдержка из главы,

³⁷ Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 134.

в которой рассказывается о еврейском детстве Гершуна и его отношении к собственному еврейству, а также часть главы о некоторых эпизодах его работы в качестве юрисконсульта великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, в особенности в связи со столкновением с финансистом Д. Л. («Митькой») Рубинштейном. В публикацию включена также глава, посвященная характеристике этого знаменитого авантюриста. Полностью воспоминания Б. Л. Гершуна готовятся к публикации в издательстве «Статут». Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации, однако с сохранением стилистических особенностей оригинала и некоторых «неправильностей», позволяющих сохранить аромат эпохи. Текст и комментарии подготовлены Т. Л. Ворониной. Примечания Б. Л. Гершуна оговорены в примечаниях отдельно.

Б. Л. Гершун

Воспоминания русского адвоката

*Подготовка текста и примечания
Т. Л. Ворониной*

Предисловие

Я пишу не для печати. В условиях эмигрантской жизни печатать эту толстую тетрадь, которую я собираюсь заполнить, негде и некому¹. Я пишу под давлением воспоминаний, от которых я не могу иначе освободиться. Они теснятся в моей памяти, рвутся наружу, не дают мне покоя. Надо перестать вспоминать прошлое, чтобы спокойно переносить настоящее. Я пишу для той адвокатуры, которая в России еще должна прийти. Я когда-то писал:

Она не имеет настоящего, ибо не может почитаться адвокатурой то «сословие» зависимых от администрации, не обладающих свободой слова правозаступников, которые теперь заменяют старую русскую адвокатуру, созданную Судебными уставами. Но русская адвокатура имеет будущее, — ибо не всегда останется Россия под властью диктатуры, и не мыслится свободная демократическая Россия — без свободной, независимой адвокатуры.

¹ Выдержки из воспоминаний Б. Л. Гершуна, подготовленные к печати его многолетним другом А. А. Гольденвейзером, были опубликованы уже после его смерти: *Гершун Б. Воспоминания адвоката* / публ. и ред. А. А. Гольденвейзера // *Новый журнал*. 1955. № 43. С. 134–152.

Для этой будущей адвокатуры мои записи, которые я сдам в Пражский архив², могут оказаться не лишними интереса. Я хочу поделиться с моими будущими коллегами не только моими воспоминаниями, но и опытом более чем сорокалетней адвокатской деятельности.

Я когда-то мечтал написать книгу «Правила адвокатской профессии». У меня не было никогда досуга, чтобы привести это намерение в исполнение. Теперь, когда я обладаю свободным временем, эти «правила» никому не нужны. Но они пригодятся тому будущему адвокатскому поколению, которое начнет свою работу — без связи с прошлым. Эмигрантская адвокатура мечтала быть этим связующим элементом. Доживет ли она до дней возрождения русской адвокатуры? Что к тому времени останется от нас? Пусть этот труд, «старым беременный»³ (мое имя для будущего ничего не будет значить), послужит материалом для того коллеги, который извлечет эту тетрадь из Русского заграничного архива и воспользуется имеющимся в ней материалом для своего труда о прошлой адвокатуре и о том, какой она должна быть в будущем.

Будущей русской адвокатуре я и отдаю эти записи.

4 августа 1936 г.

Herrenalb (Schwarzwald)⁴

Германия

² Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) — крупнейший европейский архив русской эмиграции, созданный в 1923 году. В задачи Архива входило «собрание, хранение, систематизация и научная обработка материалов по истории России и входящих в нее народов». В конце 1945 года был вывезен в СССР. В настоящее время хранится в ГА РФ. Рукопись воспоминаний Гершуна хранится в Бахметевском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

³ «Обратное цитирование» известного выражения К. Маркса: «Насилие — повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым» (Маркс К. «Капитал». Т. 1, гл. 31).

⁴ Бад-Херренальб (нем. Bad Herrenalb) — курортный город в Германии в регионе Северный Шварцвальд, земля Баден-Вюртемберг.

Семья. Детство. Учеба в университете⁵

Я окончил Петербургский университет весной 1892 года. По сдаче экзаменов я поехал к родителям в Вильну⁶, где было решено, что я прежде всего отбуду воинскую повинность. Я вступил вольноопределяющимся⁷ в 4-й Псковский лейб-драгунский Ее Величества Государыни императрицы Марии Федоровны полк, стоявший в Вильне. Я жил дома, но проводил почти весь день в казармах. Я захватил с собой из Петербурга юридические книги (главным образом по гражданскому праву), но о каких-либо занятиях во время службы не могло быть и речи: я слишком уставал к вечеру. Отбыв воинскую повинность, я в ноябре 1893 года поехал в Петербург. Родители сшили мне зимнее пальто, темный костюм, дали немного белья и 30 рублей денег. В Петербурге я поселился у моей замужней сестры на Фонтанке у Невского проспекта (№ 52). На следующее утро по приезде я вышел на Невский проспект. Был чудный день, я дошел до Полицейского моста. В окне книжного магазина Мелье⁸ я увидел

⁵ Текст включает отрывок из первой главы первой части «Воспоминаний русского адвоката»: «Вступление в адвокатуру. IV департамент Правительствующего Сената».

⁶ Вильна (с 1939 года — Вильнюс) — губернский город, крупнейший город Литвы.

⁷ По уставу о воинской повинности 1874 года вольноопределяющимися считались военнослужащие из нижних чинов, добровольно поступившие на военную службу и пользовавшиеся в связи с этим определенными льготами. Лица иудейского вероисповедания поступали в вольноопределяющиеся на общих основаниях. После 1886 года срок службы для вольноопределяющихся Первого разряда, к которому причислялись и лица, окончившие университеты и другие высшие учебные заведения, составлял 1 год и 9 лет в запасе (срок службы на общих основаниях — 2 года и 13 лет в запасе). По выслуге обязательного срока службы вольноопределяющиеся производились в офицеры. До 1913 года закон не содержал прямого запрета на получение евреями офицерского чина, тем не менее в офицеры их не производили.

⁸ Книжный магазин «Мелье и К^о» (Mellier & Co), находившийся по адресу: Невский проспект, 20.

книгу «L'Éducation de la Volonté», кажется, Payot⁹ и купил немедленно: я всегда себя упрекал в недостаточно сильной воле и решил узнать, как ее воспитать и укрепить. В соседнем магазине — эстампном и художественном — Дациаро¹⁰ — я увидел в окне фотографию с какой-то картины, изображавшей девушку-подростка, брюнетку с милым овалом лица, с взглядом темных глаз, устремленных вдаль. Лицо этой девушки мне напомнило мою 13-летнюю двоюродную сестру, которую я уже тогда любил нежной любовью и которая впоследствии стала моей женой. Я купил эту фотогравюру. Эти два моих первых действия в значительной степени предопределили всю мою будущую жизнь.

Я упражнял свою волю, заставляя себя работать и упорно идти к поставленной цели, не уклоняясь в сторону и не поддаваясь никаким соблазнам.

Любовь к черной девочке-подростку меня предохранила от других увлечений, дала тонус моей личной жизни, определила выбор моей карьеры и мое крещение (она была по рождению православной).

Преодо мной предстал вопрос: что делать, по какому пути пойти?

Легче всего было бы поступить на службу в банк. Все трое дядей со стороны матери были банковские деятели: один был вице-директором Учетного и ссудного банка, всего недавно

⁹ Я недавно видал эту книгу в окне одного из книжных магазинов rue de la Pompe [в Париже]. Как живучи некоторые книги! (*примеч. Б. Л. Гершуна*). Payot Jules. L'éducation de la volonté [Пэйю Жюль. «Воспитание воли»] — самая известная книга французского педагога и публициста Жюль Пэйю (1859–1940), впервые вышедшая в 1893 году. К 1909 году выдержала не менее 32 изданий и была переведена на несколько иностранных языков.

¹⁰ Художественный магазин семьи Дациаро (Daziaro) располагался на Невском проспекте, 1. Основатель первого в России частного издательства печатной художественной графики, специализировавшегося на продаже литографированных эстампов, Джузеппе (Иосиф Христофорович) Дациаро (1806–1865) приехал в Россию из Италии в начале 1820-х годов. Продукция издательства Дациаро пользовалась популярностью благодаря своему качеству и верно выбранному небольшому формату литографий, позволившему значительно расширить круг покупателей.

оставившим свою службу; другой — совладельцем банковского дома на Невском проспекте; третий — директором, издателем, представителем Дрезденского банка в Петербурге¹¹. Они с легкостью пристроили бы меня в любом банке, и мне была бы обеспечена так называемая «приличная карьера». Это значило бы пойти по линии наименьшего сопротивления. У меня не было никаких колебаний: банковская деятельность мне была не по душе.

При окончании университета я представил работу на диплом I степени «О принадлежностях» и был признан — по заключению профессора Дювернуа¹² — заслуживающим оставления при университете «для приготовления к ученому званию» по кафедре гражданского права.

В университете со 2-го курса я занимался под личным руководством профессора Дювернуа почти исключительно гражданским правом, не отдавая себе еще ясного отчета, какую профессию я изберу. Мой брат (физик) избрал научную карьеру¹³,

¹¹ Дяди Б. Л. Гершуна по матери: Борис Семенович Шерешевский (Шершевский), вице-директор Учетного и ссудного банка; Григорий Семенович Шерешевский (1848–?), купец первой гильдии, владелец банкирского дома «Г. Шерешевский и К^о» и биржевого фонда Г. С. Шерешевского; Дмитрий Семенович Шерешевский (1856–?), комиссионер по биржевой части, член правления Русского общества машиностроительного завода Гартмана и учредитель Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз». Петербургский учетный и ссудный банк, учрежденный в 1869 году при участии немецких капиталов, проводил активную политику по финансированию промышленности, выступая младшим партнером Международного коммерческого банка. Основанный в 1872 году Dresdner Bank ежегодно выдавал в России ссуды более чем на 100 тыс. марок.

¹² Дювернуа (Duvernois) Николай Львович (1836–1906) — юрист, историк права, заслуженный ординарный профессор, доктор гражданского права. С 1881 года преподавал на кафедре гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

¹³ Гершун Александр Львович (1868 (по др. сведениям 1866) — 1915) — физик, специалист в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основатель российской оптической промышленности. В 1886–1890 годах учился на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета, по окончании которого остался там работать. Действительный статский советник (1911).

и я подумывал более о научной карьере, менее об адвокатуре. Ясно было только одно: долго я не должен и не могу претендовать на поддержку со стороны родителей и должен скорее стать сам на ноги. По приезде в Петербург я зашел немедленно к профессору Дювернуа, который принял меня очень ласково и сам предложил в ближайшем заседании факультета (или Совета) внести вопрос о моем оставлении при университете. Что и осуществилось в скором времени. Я получил от профессора Дювернуа и затем от профессора Ефимова (по римскому праву)¹⁴ программу занятий, получил в университетской библиотеке необходимые книги и засел за работу — подготовку к магистерскому экзамену.

Мне тогда казалось, что юристу, избравшему научную карьеру, необходимо знакомиться с судебной работой так же, как врачу необходима клиническая работа, что голая теория далека от жизни и мертва. Мне думалось, что занятия теоретические должны быть соединены с практической работой в суде или в адвокатуре — с тем, однако, что практической работе было посвящено время, остающееся от научной работы.

Об адвокатуре я имел очень слабое представление, но мне было ясно, что надо попытаться попасть в помощники к такому адвокату, у которого я бы мог заняться изучением дел и их разработкой и не был бы принужден посвящать много времени беготне по справкам и ходатайству по мелким делам. Мне казалось, что только у крупного адвоката я бы нашел работу, которую я бы мог совместить с подготовкой к магистерскому экзамену. Мой старший дядя был знаком с присяжным поверенным Герардом¹⁵, о котором я впервые и слышал от дяди. Дядя, по моей

¹⁴ Ефимов Василий Владимирович (1857–1902) — юрист, с 1891 года ординарный профессор кафедры римского права Санкт-Петербургского университета.

¹⁵ Герард Владимир Николаевич (1839–1903) — один из самых известных российских адвокатов. После окончания в 1859 году Императорского училища правоведения служил в течение нескольких лет в Сенате и в Царстве Польском (в юридической комиссии, занимавшейся подготовкой введения Судебных уставов). Член Санкт-Петербургского окружного суда (1866); присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты

просьбе, просил Герарда зачислить меня помощником, но Герард посоветовал, чтобы я прежде всего послужил некоторое время в Сенате, лучше всего в IV департаменте¹⁶, где канцелярия самостоятельно подготавливает решения дел. Так возникла мысль о моем поступлении в Сенат. И тут нашлась протекция: мой дядя был знаком с обер-прокурором IV департамента Сената П. П. Кобылинским¹⁷, с которым он вместе заседал в Ревизионной комиссии Тульского поземельного банка¹⁸. Кобылинский согласился меня зачислить в Сенат. Путь для этого был прост: надо было причислиться к Министерству юстиции и быть откомандированным для занятий в IV департамент Сената. Это можно было проделать и в качестве еврея (пример Закса, сына присяжного поверенного, зачисленного после меня — в 1900 году в Сенат), но я крестился, приняв православие, еще до вступления в Сенат.

(1868); член Совета присяжных поверенных (1869; 1902–1903 — председатель Совета). Получил известность благодаря участию в крупных политических процессах 1870–1890 годов: деле нечаевцев, процессе 50-ти (защищал Н. Ф. Цвилленева, В. Н. Батюшкову, А. Е. Трубецкого, Л. А. Иванова), процессе 193-х (защищал 16 участников процесса), по делу 1 марта 1881 года (защищал Н. И. Кибальчича), процессе 20-ти. В последующие годы вел гражданские дела. Работал вместе со знаменитыми адвокатами Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовичем, Н. П. Карабчевским и другими. Занимался благотворительной деятельностью; основатель и председатель Общества защиты детей от жестокого обращения. В. Н. Герарду в значительной степени посвящена первая часть воспоминаний Б. Л. Гершуна.

¹⁶ IV (апелляционный) департамент Сената (1805–1898), наряду со II и III департаментами, занимался рассмотрением гражданских дел.

¹⁷ Кобылинский Петр Петрович (1847–1918), окончил Императорское училище правоведения (1868); действительный статский советник (1887); тайный советник (1899); действительный тайный советник (1899); обер-прокурор IV департамента Сената, сенатор (Гражданского кассационного департамента, затем Первого департамента Правительствующего Сената; 1890); член правой группы Государственного совета (1906); член Совета Русского Собрания (1914–1917).

¹⁸ Петербургский Тульский поземельный банк, основанный в 1872 году и выдававший ссуды под залог земли и городских имуществ.

Мне и сейчас непонятно, как легко я решился на крещение и как мало было у меня колебаний перед шагом, который я бы теперь никогда и ни при каких условиях не совершил. В этом акте я раскаиваюсь и понимаю тех, кто меня за это осуждали и осуждают. Попытаюсь, однако, из условий и обстановки моего детства и юности найти объяснение этому моему поступку, который, в сущности, не вяжется со всей моей моральной личностью.

Я рос в семье, в которой к вопросам национальным и религиозным относились без всякого интереса. Еще дед мой, живший в Гродно¹⁹, имевший небольшую оптовую торговлю сукном, мало придавал значения религиозным обрядностям. Он был одним из тех вольнодумцев, которые стали нарождаться в еврейской среде и которые были первыми адептами ассимиляционного движения среди евреев. Это движение началось в пятидесятые годы прошлого столетия и шло параллельно с нарастанием той либеральной эры, которая дала освобождение крестьян, судебные уставы, земства и городское самоуправление. Дед был одним из первых гродненских евреев, который отдал своих детей в русскую гимназию²⁰; первые годы мальчики посещали гимназию втайне от матери, не разделявшей либеральных взглядов деда; она думала, что дети утром отправляются в хедер. Мальчики по пути в школу переодевались в знакомой семье, придерживавшейся также передовых взглядов, в мундирчики с красным околышком, а на обратном пути опять надевали свои лапсердаки. Однажды бабушка, к своему ужасу, встретила своих сыновей по пути из гимназии в мундирчиках. Дома разразилась буря. Дед оказался стойким, и бабушке пришлось подчиниться. Она уже не возмущалась, а только тихо стонала, когда дед нанял для старших мальчиков учителя французского языка, того же самого, что

¹⁹ Гродно — губернский город, в 1856 году насчитывавший 18 тыс. жителей, среди которых евреи составляли самую многочисленную группу.

²⁰ В Гродно была одна мужская классическая и одна женская гимназия. Традиционное еврейское обучение происходило в одноклассном начальном училище, талмуд-торе и ешиботе.

преподавал у губернатора. В Гродно того времени это вызвало сенсацию. В конце 50-х годов три старшие сына деда постепенно кончали гимназию и уезжали в Москву, в университет, на медицинский факультет. Характерно, что дед уже тогда дал своим детям — всем, кроме одного (Хацкеля — очевидно, единственная уступка бабушке; Хацкель и не кончил гимназии), — христианские имена, значившиеся в их документах (Моисей — не Мойша, Лев²¹ — не Лейба и т. д.). Так началась в еврейской среде ассимиляция с русским обществом. Дома у деда обряды еврейской религии исполнялись больше по инерции. Попав в университет, Гершуны-студенты вошли в русское общество, забывая о своем еврействе²². Мой отец мне рассказывал, что в лучших слоях русского общества ассимиляционные стремления еврейской молодежи встречали симпатию и поддержку. Студенты пополняли свои средства уроками исключительно в русских семьях. До окончания университета отец не ездил домой: железной дороги еще не было, и путешествие лошадьми было и продолжительным, и не по средствам. Летом он, как и прочие еврейские студенты (число их было невелико) жили на так называемых «кондициях» в качестве репетиторов в русских помещичьих и — нередко — аристократических семьях; считалось даже модным и соответствующим «духу времени» приглашать летом к детям еврея-студента. Так многие студенты того времени понемногу отходили от еврейства, привыкая к русскому обществу. Когда по окончании университета отец получил сразу место уездного врача в уездном городе Соколки Гродненской губернии²³, он женился. Мать моя, урожденная Шерешевская²⁴, происходила из еврейской семьи города Юрбурга (Ковенской губернии) у самой германской гра-

²¹ Гершун Лев Яковлевич (1836–1897) — отец Б. Л. Гершуна.

²² Вероятно, что еврейского общества в том виде, как оно существовало в наше время, в Москве тогда и не было (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

²³ Соколка — уездный город Гродненской губернии (с 1807 года). Более половины его жителей составляли евреи, почти все остальные по вероисповеданию были католиками.

²⁴ Гершун (урожд. Шерешевская) София Семеновна.

ницы²⁵; дед был оптовый торговец лесом, человек, говорят, умный и «свободомыслящий». Детей своих он с детства воспитывал в Германии, в Кенигсберге, где мать моя и кончила средне-учебное заведение. Мать говорила по-немецки и по-французски и русскому языку научилась только после замужества, но никогда им хорошо не владела: с нами она говорила и переписывалась по-немецки.

В Соколках родители попали в польско-русскую среду. Жившие там евреи — шинкари, лавочники, мелкие ремесленники — не могли составить общества врачу, одной из видных персон уезда; отец стал вскоре и городским врачом и, как единственный врач, овладел всей частной практикой, как в городе, так и среди окружающих польских помещиков. Родители прожили в Соколках около тринадцати лет; когда мы переехали в Вильну, мне было семь лет. Я помню среди наших гостей в Соколках ксендза, русского батюшку, местного судебного следователя, к которому мы детьми бегали по соседству получать леденцы, которыми были полны ящики его комода. Помню, что мы ездили за город в гости к местным помещикам. С раннего детства у нас была немецкая гувернантка Frä. Jantzon. Мы с детства говорили по-немецки, молились по-немецки и вряд ли подозревали, что мы евреи. Я отчетливо помню, как праздновались у нас русская Пасха и Рождество, как мы готовили к Рождеству сами все елочные украшения, как ездили в лес вырубать елку. Знаю из позднейших рассказов, что отец был очень популярен и любим в польском обществе; он имел, правда, медаль в память «усмирения польского мятежа»²⁶, но

²⁵ Юрбург (*нем.* Georgenburg) — местечко Россиенского уезда Ковенской губернии, расположенное на реке Неман недалеко от прусской границы. К началу XX века в городе насчитывалось 6,5 тыс. жителей, из них: 4,3 тыс. евреев, 1,5 тыс. представителей Римско-католической церкви, 365 лютеран и 266 православных. В настоящее время город Юрбаркас (*лит.* Jurbarkas) на западе Литвы.

²⁶ Медаль «За усмирение Польского мятежа» вручалась участникам подавления восстания 1863–1864 годов в Царстве Польском, Северо-Западном крае и Волыни. Учреждена в 1865 году, имела два варианта: светло-бронзовый (им награждались военнотружущие всех званий, принимавшие участие

«усмирение» его выражалось в том, что он давал всякие поправки сидевшим в местной тюрьме польским «мятежникам» и по всякому удобному поводу переводил их в находившуюся рядом с нашим домом-усадьбой уездную больницу, чтобы они — «на честное слово» — пользовались большею свободой. В 1877 году отца по его просьбе перевели в Вильну «для воспитания детей», он был назначен ординатором виленской еврейской больницы, где он со временем дошел до должности старшего врача. В Вильне — еврейско-польском городе — мы оказались в кругу вновь образовавшегося с 1860-х годов еврейского интеллигентского общества — врачей, аптекарей, присяжных поверенных, учителей вновь учрежденных еврейских школ. Большинство этих семей укладом своей жизни мало отличалось от нашей. Все же можно утверждать, что эти семьи имели бóльшую связанность с еврейством, чем мы: они праздновали большие еврейские праздники, посещали в эти дни синагогу, постились в иом-кипур²⁷, изредка вели — из-за отношений к родным или родителям, или просто по традиции — кошерную кухню. У нас не велась кошерная кухня, я не помню родителей идущими в синагогу, еврейские праздники, даже иом-кипур, не отличались от будних дней, — зато праздновалось Рождество, устанавливалась елка с подарками, на Пасху появлялись на столе рядом с мацой и изюмным вином, которые мы очень любили, куличи, пасха, ветчина; в субботу мой отец, ссылаясь на срочность врачебных визитов, так же разъезжал по больным на извозчике, как и в будние дни. К этому в Вильне привыкли, нас не осуждали и не чуждались нас,

в боевых действиях или находившиеся в войсках при исполнении воинских обязанностей) и темно-бронзовый (для гражданских и военных чиновников, служивших в 1863–1864 годах на территории Царства Польского и Западного края и не принимавших непосредственного участия в сражениях, но своими действиями помогавших подавлению восстания, а также представителей духовенства всех вероисповеданий, способствовавших прекращению восстания, и ряд других категорий штатских лиц). Всего было отчеканено около 370 тыс. светло-бронзовых и более 230 тыс. темно-бронзовых медалей.

²⁷ День прощения (примеч. Б. Л. Гершуна).

тем более что родители, особенно мать, отличались приветливостью и гостеприимством. У нас были гувернантки: сначала Frl. Jantzon, переехавшая с нами из Соколов, затем француженки; нас всех обучали игре на рояле, а когда мы оканчивали гимназию, нас заставляли брать уроки английского языка. Домашним языком у нас был из-за матери немецкий. И по известным дням французский язык. Нам строго запрещалось говорить на «жаргоне»²⁸, разговорном языке всей Вильны, отсюда произошло то, что, живя в Вильне, я не умел и до сих пор не умею говорить на идиш.

Так шло наше воспитание. Поступив в гимназию²⁹, я почувствовал, что я еврей. Правительственный антисемитизм сказывался иногда резко в школе. Были преподаватели, издевавшиеся над еврейскими мальчиками, такие были, впрочем, исключениями. В классах большинство учеников были евреи. Сказывалась и рознь между учениками-христианами, особенно поляками, и евреями. Почему-то в отношении ко мне и брату этот антагонизм проявлялся меньше. Имело значение и общественное положение отца, быстро завоевавшего в Вильне значительную практику, и большое уважение, и, наконец, весь строй нашей жизни, воспитание, нам даваемое, и, может быть, и то, что внешне мы все были не типичными евреями.

Помню, и в других еврейских гимназистах, уклад жизни которых приближался к нашему, пробудилось впервые национальное чувство, когда по юго-западной России в начале 80-х годов прокатилась волна еврейских погромов³⁰. О них говорили, о них читали в газетах, они волновали всех, их опасались и в Вильне.

²⁸ Так назывался язык идиш в те времена (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

²⁹ Б. Л. Гершун учился в виленской 1-й гимназии, которую окончил в 1888 году с серебряной медалью.

³⁰ После убийства Александра II в более чем 150 городах и местечках черты оседлости юга и запада Российской империи (в том числе в Екатеринославе, Одессе, Борисполе, Варшаве и др.) произошли — часто при попустительстве властей — еврейские погромы, в результате которых Россию покинуло 2 млн евреев. Большинство из них уехало в Америку, меньшая часть — в Эрец Израэль.

Благодаря энергичным действиям виленского губернатора³¹ погромы миновали Вильну, и впечатления от погромов в других городах быстро изгладились в детских душах. Нас — мы были 12–14-летними мальчишками — стало захватывать чтение русской литературы: Гоголя, Тургенева, Гончарова, наконец Достоевского, которым мы зачитывались. Затем присоединилось чтение запрещенной тогда литературы: Добролюбова, Писарева. Некоторые из наших товарищей-евреев (Ромм, Ефрон) конспиративно интересовались противоправительственными группами, к которым принадлежали и старшие братья. Все это происходило в орбите русских движений и течений и не имело специфически еврейского характера.

Когда приближалось мое 13-летие, время еврейского духовно-религиозного совершеннолетия, я выразил родителям желание обучаться древнееврейскому языку и молитвам и решил готовиться к торжественному отправлению, так называемой бармице. Родители мне препятствий не ставили, и мне был нанят «ребе», приходивший ко мне несколько раз в неделю с толстой книжкой, по которой он водил то грязной деревянной указкой, то не менее грязным указательным пальцем. Я усердно учился и этим успокаивал возникшее у меня недоумение по поводу моей принадлежности к еврейству и полному неотправлению дома еврейских религиозных требований и обрядов. Мне казалось, что, раз я еврей, я должен исповедовать еврейскую религию во всем, согласно требованиям еврейского законоучения. Когда наступило мое 13-летие, я с моим ребе отправился в синагогу, где я фальшиво спел полагающуюся по этому случаю молитву, прочел, кажется, что-то из Торы, но обычной речи («драша») не произнес, так как не имел достаточной для этого подготовки. Никакого интереса — ни одобрения, ни порицания — к моему «чужачеству» я ни дома, ни среди моих ближайших товарищей не встретил; не было ни обычного в таких случаях домашнего

³¹ С ноября 1869 по май 1882 года пост виленского губернатора занимал действительный статский (позднее — тайный) советник Егор Павлович Стеблин-Каменский (1815–1882).

празднества, приглашенных гостей и т. п. В течение нескольких дней я, вставая утром, клал на лоб ремешки (тфилин), произносил молитвы, но потом бросил эти «церемонии»: никакого религиозного чувства у меня не было и от молитв не пробудилось. Этим окончились мои попытки стать «настоящим евреем»; я весь ушел в чтение произведений русской литературы, я чувствовал себя русским и только русским. Даже то, что для поступления евреев в университет были установлены ограничения, не пробудило ни во мне, ни в окружающих национального чувства; этими ограничениями только усиливалось наше оппозиционное отношение к современному режиму... То, что я кончил гимназию с серебряной медалью, то, что отец мой состоял на государственной службе, то, что в Петербурге у меня были постоянные родные, то, что мой брат уже два года был студентом Петербургского университета, облегчало мое принятие в Петербургский университет на юридический факультет.

Я стал студентом. Из моих гимназических товарищей никто не пошел в Петербургский университет, и мне пришлось завязывать новые знакомства. Это шло довольно туго. На первом курсе я стал посещать кроме лекций моего факультета также лекции по антропологии, тогда новой модной науке, и практические занятия (рефераты) у профессора Петри³²; я сам сделал доклад у Петри. На практических занятиях познакомился с несколькими русскими студентами, но у них главный интерес сводился к выпивке и легким кутежам, и я быстро отстал от них. На втором курсе я сблизился с Шклявером (потом присяжным поверенным,

³² Петри Эдуард Юльевич (1854–1899) — географ, этнограф, антрополог. Потомок деятеля шведской реформации XVI века Олауса Петри. В молодости был близок к «Земле и воле», арестовывался, был сослан. Из ссылки бежал в Швейцарию, где окончил Бернский университет, защитил докторскую диссертацию по медицине и в 1883–1887 годах в качестве внештатного профессора читал там на философском факультете лекции по географии и антропологии. В 1887 году после амнистии вернулся в Россию. В 1887–1899 годах возглавлял кафедру географии и этнографии на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

принявшим для этого христианство)³³, А. Я. Острогорским (затем основателем и директором Тенишевского училища в Петербурге)³⁴, вошел в кружок студентов, работавших в семинарии (тогда совсем новом почине) у профессора М. И. Свешникова³⁵ (Д. И. Соколов, Струве³⁶, Никольский³⁷ и др.), подружился с Аркадием Преном (затем служившим в Сенате, тоже крестившимся). Во всех этих кружках преобладали русские интересы, о еврейских проблемах никто среди нас не говорил и не думал. Общество, в котором я по родственным своим связям поневоле бывал, состояло из обширной семьи дядей и тетей, почти поголовно крестившихся по тем или иным соображениям. Мой брат окончил на два года раньше меня университет, женился на православной (смолянке³⁸) и тоже крестился.

³³ Шклявер Гавриил Григорьевич — присяжный поверенный Санкт-Петербургской (Петроградской) судебной палаты, присяжный стряпчий при Петроградском коммерческом суде; председатель правлений Акционерного общества «Стромат», Русско-английского банка, Каменноугольного акционерного общества «Александровская гора»; член правления Акционерного общества Николаево-Павдинского горного округа. После 1917 года эмигрировал вместе с женой и сыном.

³⁴ Острогорский Александр Яковлевич (1868–1908) — педагог, писатель, журналист, редактор и общественный деятель. В 1892 году окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1899 года директор Тенишевского училища в Петербурге.

³⁵ Свешников Митрофан Иванович (1862–?) — правовед. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1888); член Юридического общества при университете (1889); читал лекции по общему государственному праву и вел практические занятия со студентами (семинарий государственного права; с 1890 года).

³⁶ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, публицист, историк, философ, общественный и политический деятель. В 1889 году поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета, на следующий год перевелся на юридический факультет (окончил в 1894).

³⁷ Никольский Борис Владимирович (1870–1919) — политический деятель, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1899–1907 годах читал лекции по римскому праву и некоторым отделам гражданского права. В июне 1919 года расстрелян ЧК.

³⁸ То есть выпускнице Смольного института благородных девиц.

Со второго курса — после кратковременного существования Свешниковского семинария, закрытого ректором Владиславлевым³⁹ из-за либерального направления — после занятий сначала историей философии и политической экономией я решил посвятить свое время и усилия одной дисциплине — гражданскому праву — в значительной мере под влиянием увлекательных лекций профессора Дювернуа. Я настолько ушел в эти занятия, что все остальное в университете как бы перестало для меня существовать. Я много читал, особенно любил Heine⁴⁰ и французскую литературу, но политическими и общественными течениями в русском обществе и его отражениями в университетских кругах я совершенно не интересовался. Правда, это и были годы (1888–1892) затишья в общественной и университетской жизни. На четвертый год моего пребывания в университете разразились так называемые «университетские беспорядки»; по молчаливому соглашению студенты-юристы, уже приготовившиеся к государственным экзаменам, писавшие свои работы на диплом 1-й степени, в этом движении не принимали никакого участия. Еще меньше я прикасался к еврейским проблемам. Я просто не думал о них, не знал о существовавших тогда течениях еврейской мысли. Отсутствие равноправия евреев, существование еврейских гетто, возмутительные ограничения для евреев — все это я ясно сознавал, но, как многие, считал, что с неминуемым наступлением либеральной эры и «свобод» для русского народа автоматически отпадут и ограничения для евреев. Надо, значит, работать в России, для России — каждый на избранном поприще — реформы придут в ходе эволюции, и с реформами положение евреев улучшится.

Таковы были мои мысли или, вернее, настроения к моменту вступления моего в практическую жизнь. Я чувствовал себя

³⁹ Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890 (по др. сведениям — 1889)), окончил духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Экстраординарный профессор (1868), декан историко-филологического факультета (1885), ректор Санкт-Петербургского университета (1887); действительный статский советник (1877). Был женат на племяннице Ф. М. Достоевского (дочери его брата Михаила).

⁴⁰ Гейне Генрих (1797–1856) — немецкий поэт, публицист и критик.

русским, вопросы религиозные и национальные меня не тревожили, сознание, что я еврей, лежало где-то глубоко под спудом, и мне казалось, что раз на моем пути то, что я «иудейского вероисповедания», является препятствием к осуществлению поставленной мною цели быть профессором гражданского права, то надо устранить эту помеху так, как это делали по иным соображениям мои дяди и по тем же соображениям мой брат, имевший своим примером на меня всегда большое влияние. Это решение облегчалось и тем, что в моей личной жизни мне было ясно, что мне придется креститься: я не сомневался в том, что кузина-подросток, которую я очень любил, станет моей женой. Она уже родилась православной (ее родители крестились в молодости), и чтобы на ней жениться, мне придется креститься. Что могло случиться иначе, чем я намечал, мне и в голову не приходило. Я чувствовал в себе достаточно настойчивости, чтобы достигнуть того, что я желаю. Лучше сейчас проделать «процедуру крещения», думалось мне, чем ее откладывать, сразу поступить в Сенат, получить затем от университета заграничную командировку и добиваться кафедры. Можно было принять протестантство, но пастор требовал, чтобы я в течение месяца занимался у него так называемым «законом Божиим» и «готовился» к крещению. Лицемерить мне не улыбалось ради того, что я считал просто формальностью. Священник отец Слепян (сам происходивший из евреев) согласился без всяких формальностей и «обучения» выдать мне метрику о крещении⁴¹.

⁴¹ Слепян Сергей Николаевич (Израиль Иосифович) (1852–1912) — сын богатого минского купца. Окончил коммерческое училище в Минске. В молодости эмигрировал в Англию, где принял христианство (вероятно, пресвитерианство). Вернувшись в Россию и приняв православие, стал вольнослушателем Санкт-Петербургской духовной академии. В 1891 году рукоположен в священники. Занимался благотворительной деятельностью: инициатор создания Общества трезвости во имя св. мученика Вонифатия (1890), товарищ председателя Санкт-Петербургского общества трезвости; инициатор создания дневных приютов для детей работающих родителей от 5 до 12 лет (1902); председатель основанного по его инициативе Сергиевского кружка трудовой помощи детям на Выборгской стороне (с 1906 года — Сергиевское общество трудовой помощи в Санкт-Петербурге) и др.

И так я оказался с метрикой, устранявшей все препятствия на моем пути. Этому акту я не придавал особенного значения, и только впоследствии, вступив в адвокатуру и войдя в присяжные поверенные ранее моих товарищей-друзей, не крестившихся, я почувствовал себя неловко. Не было еще сожаления о содеянном (оно мне казалось неизбежным ввиду планов моей жизни), но уже было чувство человека, совершившего нечто такое, что лучше было бы избежать⁴².

Зачем я так подробно на этом остановился? Чтобы оправдаться? Быть может, да. Во всяком случае, чтобы объяснить. Этот акт, который теперь я бы ни за что не совершил, я тогда совершил почти машинально, как машинально устраняют ветку, преграждающую дорогу. Со временем — с возрастом — во мне проснулось и зрело сознание моей принадлежности к еврейству; это сознание проявилось с большей силой в эмиграции. До того я был так занят моей профессиональной работой, так захвачен сословными интересами, одно время (1904–1905 годы) так увлечен общероссийскими проблемами, что еврейский вопрос оказался вне моих повседневных интересов. Я никогда не скрывал своего еврейства, называл себя евреем, в анкетах писал: русский подданный, национальность — еврей, вероисповедание — православное.

Одно могу сказать: соображения карьерного характера мною — при принятии крещения — не руководили. Верная карьера, быть

⁴² Звание присяжного поверенного (адвоката) введено в ходе судебных реформ 1860-х годов. Присяжные поверенные вели в суде гражданские и уголовные дела, поддерживали частные обвинения. Присяжными поверенными могли стать лица, получившие высшее юридическое образование, прослужившие не менее пяти лет по судебному ведомству или занимавшиеся такой же срок судебной практикой в качестве помощника присяжного поверенного. Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам в соответствии с их местом жительства. Во время правления Александра III правительством были приняты меры к ограничению доступа евреев в адвокатуру. С 1889 года допуск в адвокатуру «лиц нехристианских исповеданий» производился только с разрешения министра юстиции по представлению советов присяжных поверенных. В 1915 году была введена процентная норма (от 5 до 15 %) для приема евреев в состав присяжных поверенных. Эти ограничения были отменены после Февральской революции 1917 года.

может, даже «блестящая», мне предстояла, если бы я пошел по тому пути, по которому пошли мои дядья, и использовал их громадные связи в банковских кругах. Та карьера, которую я хотел избрать, мне сулила скромное существование профессора в каком-либо университете. Когда я думал об адвокатуре, я тоже рассчитывал на очень скромную карьеру. У меня было твердое желание работать, и тем более сильное, что у меня не было веры в свои способности. Я страдал в значительной мере тем, что называют теперь *complex d'identité* (*Minderwertigkeitskomplex*)⁴³.

Я был убежден в том, что совершенно не владею словом и что поэтому, если я уже решусь пойти в адвокатуру, то мне уготовлена судьба скромного цивилиста. О славе уголовного защитника, о которой мечтает каждый помощник присяжного поверенного, я и не смел думать.

Поэтому упреки, которые мне делались не в глаза (и за глаза) за мое крещение, не были справедливыми: я не искал карьеры. Я заслуживал лишь упрека в несознательности. Я помню, когда я уже был в адвокатуре, Грузенберг⁴⁴, с которым мы вместе как-то возвращались из суда, с присущей ему резкой откровенностью меня спросил: «Зачем Вы крестились? Это не хорошо». — Я ему объяснил, сославшись, главным образом, на мою женитьбу. — «Почему Вы это никому не объясняете? Ведь Вас за это осуждают!» В его глазах я оправдался, и наши отношения были неизменно дружескими, хотя и не близкими.

Впрочем, мое крещение на отношение ко мне сословия не отразилось; через год после вступления в адвокатуру я был избран

⁴³ *Complexe d'identité* (*фр.*); *Minderwertigkeitskomplex* (*нем.*) — комплекс неполноценности.

⁴⁴ Грузенберг Оскар Осипович (Израиль Иосифович) (1866–1940) — знаменитый адвокат, общественный деятель. Окончил юридический факультет Киевского университета (1889); присяжный поверенный в Санкт-Петербурге (1905). Специализировался по политическим и уголовным делам, выступал защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (в том числе М. Горького, В. Г. Короленко, К. И. Чуковского, П. Н. Милюкова и других). В 1913 году был одним из защитников на процессе по делу Бейлиса. См. о нем подробнее ниже, а также отдельную новеллу (ч. 2, гл. 4).

членом Комиссии помощников присяжных поверенных. По выходе в присяжные поверенные я еще очень молодым адвокатом был совершенно неожиданно для себя избран руководителем конференции. На избрание мое в Совет⁴⁵ мое «крещение», быть может, отразилось. Я несколько лет был кандидатом, регулярно проваливаемым, может быть, еврейскими голосами, а вернее всего, я «проваливался» и потому, что моя слишком быстрая и успешная адвокатская карьера во многих вызывала сдержанное ко мне отношение. Когда я, наконец, прошел в Совет, я прошел без перебаллотировки (редкий случай в выборной практике при первом избрании) и подавляющим большинством (следовательно, и голосами евреев).

Я так подробно остановился на вопросе моего крещения потому, что чем старше я становился, тем более я сам себя за него осуждал, хотя не мог себе объяснить, как бы я мог поступить иначе, раз женитьба на моей двоюродной сестре мне казалась *conditio sine*⁴⁶ для ее и моего существования, а по тем условиям брак без моего крещения не был бы мыслим. Я думал, что было бы лучше, «красивее», если бы я, крестившись и вступив в адвокатуру, не использовал ни одного из тех преимуществ, которые мне дало крещение: я мог не брать свидетельств на ведение дел, не выйти в присяжные поверенные до тех пор, пока мои товарищи-евреи не достигли того же самого без крещения. Так, между прочим, поступил московский адвокат О. Б. Гольдовский, крестившийся при своей женитьбе на Хин⁴⁷. Но он был тесно связан

⁴⁵ Совет присяжных поверенных.

⁴⁶ *Conditio sine qua non* (лат.) — необходимое условие.

⁴⁷ Гольдовский Онисим Борисович (1865–1922) — адвокат, публицист, один из основателей партии кадетов. Принял лютеранство для заключения брака с писательницей Рашель Мироновной Хин (1863–1928; в первом браке Фельдштейн, для развода с мужем в 1880-х годах приняла католичество). «Христианин Гольдовский, казалось, сразу должен был освободиться от существовавших для евреев-адвокатов ограничений и приобретал возможность выйти разом из помощников в присяжные поверенные. Однако таковым правом он не воспользовался, давая тем самым понять, что в своем “романическом” крещении материальной выгоды не искал. И оставался в рядах помощников

с еврейством, ярко ощущал свою принадлежность к еврейству, во мне эти чувства проснулись лишь в эмиграции. Мне, по правде сказать, такой выход и в голову не приходил.

Произошло ли это от беспринципности моего характера? Мне кажется, что всю мою жизнь я доказал, что беспринципности в моем существе нет. И в частной жизни, и в адвокатуре я не отступал от того, что считал правильным, и не поступался своими принципами и правилами морали ни ради материальных, ни ради «иных каких-либо выгод». В корыстолюбии меня тоже нельзя упрекнуть. Коллеги и мои помощники меня часто упрекали в непрактичности и в неумении «брать гонорары». Эти «упреки» были правильны.

Как бы то ни было, когда я попал в эмиграцию, я сбросил с себя то, что я так несознательно набросил на свою жизнь и что считал и считаю крупнейшим своим прегрешением. Я так же несознательно, как при принятии крещения, с первого дня эмиграции, не задумываясь, записал себя евреем, а жену, как она того желала, православной. Дети этого не знали, но сын по собственному почину, вступив в университет, на вопрос о вероисповедании записал «mosaisch»⁴⁸, так же затем поступила и дочь.

Я знаю, что сын мой как-то в разговоре с матерью ставил мне в упрек мое крещение христианином, и тот же сын мой, не задумываясь, отказался от русского гражданства и добился германского подданства и, утратив германское (при Гитлере), приобрел американское гражданство. Я его в этом не виню, понимая, что у него не было никакой связи с Россией, которую он оставил 16-летним мальчиком. Я чувствовал и чувствую свою связанность с Россией, и, несмотря на предложение, которое я имел от литовского правительства (должность посланника, если приму литов-

до самого конца 1905 года, когда все евреи, отбывшие пятилетний стаж помощничества, вышли в полноправные члены адвокатского сословия» (Бердников Л. Защитник беззащитных. Исторический очерк // «Новый Берег» 2016. № 5. С. 4). См. о нем отдельную новеллу (ч. 2, гл. 4).

⁴⁸ Mosaisch (нем.) — Моисеевой веры.

ское подданство), я от подданства отказался. Когда мне польский консул в Берлине, с которым мне пришлось столкнуться, указал, что я, как уроженец Соколок, могу без всяких затруднений получить польское гражданство и что они особенно будут рады меня принять, я без всяких колебаний отказался и от этого предложения, несмотря на многие выгоды, которые предоставляло это подданство, облегчавшее передвижения по Европе. Я не мог и не могу себе представить, что я, работавший в России и для России, приму чужое мне гражданство.

Приведу еще один факт. В 1918 году после Брестского мира большевики должны были назначить своего судью в тот, предусмотренный по Брестскому трактату, арбитражный суд, который должен был заседать в Берлине и разбирать возникающие по трактату гражданско-правовые споры. Суд должен был состоять из двух судей, по одному от России и от Германии, и из суперарбитра, назначаемого нейтральной страной. Мне позвонил один присяжный поверенный и сообщил мне, что большевики в большом затруднении: не могут найти среди своих лицо, удовлетворяющее требованиям, которые ставят суды: знание иностранных языков, юридическая подготовка и опыт и приличная репутация — требования, на которых настаивают немцы. Не согласился бы я принять это назначение: пребывание в Берлине, жалование 1000 марок в месяц, право взять с собой не только жену и детей, но и ближайших родных, входящих в семью (родителей, братьев...), и столько вещей, сколько пожелаю. Коллега довольно явственно намекнул, что таким путем можно выбраться из России, а затем отказаться от должности. Как мне ни хотелось уехать, я категорически и не задумываясь отклонил это предложение. Я не мог и не хотел изменить своей политической антибольшевистской установки, не желал также бросить работу в Совете присяжных поверенных, где на мне лежали взятые на себя обязанности. Чудовищным мне показалось предложение быть двойным изменником: сначала себе, а потом моим новым «работодателям» большевикам.

На этом заканчиваю вопрос, так меня беспокоивший. Пусть, кто захочет, меня осуждает за этот шаг.

Дмитрий Львович Рубинштейн⁴⁹

Приблизительно в 1903–1904 годах я стал юрисконсультom Управления делами <...> Великих князей [Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей]. У них не было Конторы по управлению их делами, как у Великих князей Владимира Александровича, Николая Николаевича⁵⁰ и др. «Контора» являлась учреждением, в силу закона предоставлявшимся членам императорской семьи, от своего имени действовавшим, выдававшим доверенности, заключающим от своего имени договора и т. п. «Управления» не были самостоятельными органами; акты доверенности совершались самими Великими князьями или по их доверенности. Управляющий же Конторой действовал в силу назначения его на эту должность, без особой доверенности. Разница между Конторой и Управлением в силу этого проявлялась и в том, что иски предъявлялись от имени либо против Конторы, но при наличии Управления от имени или против данных Великих князей лично. Впрочем, служащие как в Конторах, так и в Управлениях значились чиновниками по Министерству Двора.

Получил я это юрисконсульство случайно. Я по чьей-то претензии был избран в Конкурсное управление по делам Михайловского горнозаводского общества. Одним из членов Конкурсного управления был полковник Семеновского гвардейского

⁴⁹ Текст включает отрывки из двух глав второй части «Воспоминаний русского адвоката»: «Великие князья: Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи. Великий князь Николай Михайлович» и «Д. Л. Рубинштейн».

⁵⁰ Владимир Александрович, вел. кн. (1847–1909) — третий сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны; младший брат Александра III. Член Государственного совета (1872), сенатор (1868); генерал-адъютант (1872), генерал от инфантерии (1880).

Николай Николаевич (младший), вел. кн. (1856–1929) — первый сын вел. кн. Николая Николаевича (старшего) и вел. кн. Александры Петровны (урожд. принцессы Ольденбургской), внук Николая I. Генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1900); верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи (1914–1915 и март 1917); наместник Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917).

полка Петр Нилович Карцов⁵¹, управляющий делами Великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей⁵². Великие князья имели значительную претензию к несостоятельному Обществу. Однажды после заседания Конкурсного управления, проходившего в помещении Управления Великих князей, Карцов попросил меня остаться и заговорил о делах Управления. Он мне объяснил, что юридические дела их несколько запутаны. Великий князь Андрей Владимирович вступил в какие-то Управлению не совсем ясные финансовые дела с неким Д. Л. Рубинштейном⁵³.

⁵¹ Карцов Петр Нилович (? (до 1867) — 1910) — полковник лейб-гвардии Семеновского полка.

⁵² Борис Владимирович, вел. кн. (1877–1943) — третий сын вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны, внук императора Александра II. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1896). Участник Русско-японской войны. Генерал-майор Свиты Его Величества (1914). С 1919 года в эмиграции в Париже.

Андрей Владимирович, вел. кн. (1879–1956) — четвертый сын вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны, внук Александра II. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1902) и Александровскую военно-юридическую академию (1905). Сенатор, не присутствующий в департаментах (1911). Участник Первой мировой войны. Генерал-майор Свиты Его Величества (1915). В эмиграции с 1920 года во Франции. Был женат (регистрация брака состоялась много позднее, в 1921 году) на балерине Матильде Кшесинской.

⁵³ Рубинштейн Дмитрий Леонович (Львович) (1876–1937) — банкир, адвокат, биржевой делец, основатель и распорядитель Русско-французского банка в Петербурге, член правления Санкт-Петербургского частного коммерческого банка (1907–1908), директор правления общества Петро-Марьевского и Варвароплесского объединения каменноугольных копей, страхового общества «Якорь» и многих других. Владел значительной частью акций газеты «Новое время». Был близок с Григорием Распутиным. Выступал кредитором правительства. Один из самых колоритных представителей финансовых кругов Петрограда, известный в обществе как Митька Рубинштейн. В 1916 году был арестован по подозрению в пособничестве неприятелю и выслан в Псков: ему инкриминировались продажа русских процентных ценных бумаг, находившихся в Германии, через нейтральные страны во Францию; продажа акций общества «Якорь» германским предпринимателям; взимание высоких комиссионных за сделки по русским заказам, выполнявшимся за границей, и пр. Его деятельность расследовалась комиссией генерала Н. С. Батюшина. Был освобожден в конце того же года благодаря заступничеству императрицы Александры Федоровны.

Дела эти вызывают тревогу как в Управлении, так и у самого Великого князя. У них имеются и другие имущественные дела, требующие юридического контроля. По просьбе Великих князей к Управлению был откомандирован по повелению Государя помощник юрисконсульта Министерства финансов (я его знал, но забыл фамилию). Этому юристу, очень почтенному и сведущему, но лишенному всякого делового опыта, их дела не по плечу. Они получают от него юридические заключения, но ни одного практического совета. Перед возникающими у них затруднениями он совершенно беспомощен. По соглашению с ним (он не получал у них жалованье), они решили его заменить практическим адвокатом и обратиться ко мне. Если я соглашусь, Великий князь Андрей Владимирович испросит разрешение Государя на замену «казенного» юрисконсульта поверенным по найму. Я охотно согласился. Мне предложено было жалованье в 150 рублей в месяц (больше средства Управления не позволяли), но я имел право на отдельное вознаграждение по каждому судебному делу, особенно сложному договору или вообще выходящему из ряда обычных консультаций делу. Согласие Государя было получено, и я вступил в исправление своих обязанностей. Это было летом. Я поверхностно ознакомился с делами Управления. У Великих князей было немалое имущество, недвижимое и движимое; были участия в горных и промышленных предприятиях; были, наконец, весьма неясные деловые отношения Великого князя Андрея Владимировича с Рубинштейном. Об этих делах Управление очень мало знало, так как дела с Рубинштейном вел сам Великий князь Андрей Владимирович. Великий князь Кирилл Владимирович жил за границей (как я впоследствии узнал, он был в опале и не имел права возвращения в Россию из-за женитьбы на разведенной жене брата императрицы⁵⁴). Великий князь Борис

⁵⁴ В октябре 1905 года вел. кн. Кирилл Владимирович (1876–1938) вступил в брак со своей двоюродной сестрой Викторией Мелитой Саксен-Кобург-Готской (1876–1936), по отцу — внучкой королевы Виктории, по матери — императора Александра II, разведенной супругой герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского. Брак не был разрешен императором Николаем II, и невеста не собиралась принимать при заключении брака православной веры. Поми-

Владимирович делами Управления не интересовался. Как мне объяснил Карцов, мне придется иметь дело пока исключительно с Великим князем Андреем Владимировичем. Великий князь Андрей Владимирович был в лагере, я уехал, как обычно, в конце июня за границу, и мое знакомство с Андреем Владимировичем состоялось лишь осенью. Великий князь Андрей Владимирович занимал особняк на Английской набережной, купленный им от Дервиза после его разорения⁵⁵. Я приехал с Карцовым. Нас провели в большую мрачную комнату парадной столовой, где кожаные кресла еще сохранили монограммы барона Дервиза. Мы недолго ждали и были приняты Великим князем в его громадном светлом кабинете в шесть окон, выходивших на набережную Невы. Кабинет был уставлен разнообразной хорошей мебелью с массою мелких ценных вещей — ящичков, пепельниц, фигур, ваз, расставленных по столикам, полкам, каминам. Великий князь оказался совсем молодым человеком, блондином с маленькими усиками, приятным лицом и приветливыми манерами. Одет он был в серую военную тужурку. Говорил он высоким фальцетом, находившимся в противоречии с его высокой фигурой. Наша первая беседа ограничилась общими фразами. Он мне сообщил, что он сам юрист — кончил Военно-юридическую академию. Особенно тепло он вспоминал профессора Гольмстена⁵⁶, читав-

мо этого брак столь близких родственников противоречил православным канонам и тем самым не допускался гражданским правом Российской империи. По распоряжению Николая II Кирилл Владимирович был лишен всех постов и привилегий члена императорской семьи, супругам было запрещено проживать в России.

⁵⁵ Особняк П. П. фон Дервиза (Английская набережная, 28). Приобретен в 1889 году вдовой железнодорожного магната П. Г. фон Дервиза (1826–1881). Спустя год перешел к ее младшему сыну — П. П. фон Дервизу (1870–1943). В 1903 году продан за 400 тыс. руб. вел. кн. Андрею Владимировичу.

⁵⁶ Гольмстен Адольф Христианович (1848–1920) — ординарный профессор, декан юридического факультета и ректор Санкт-Петербургского университета; ординарный профессор Военно-юридической академии по кафедре гражданского права; член Санкт-Петербургского юридического общества; член комиссии для собирания юридических обычаев при Императорском русском географическом обществе.

шего гражданское право и процесс. Затем он попросил меня в ближайшие дни побывать у него для беседы «по некоторым делам». Это вызвало явное неудовольствие Карцова, сообщившего мне на обратном пути, что речь будет о Рубинштейне и что Великий князь, очевидно, не желает его, Карцова, посвящать во все детали дела. Так оно и оказалось. Наша ближайшая беседа, на которую я уже явился один, была о деле Рубинштейна. Великий князь поведал мне всю «историю», как он выразился. У него была на очень крупную сумму облигация персидского золотого займа. Заем этот, гарантированный русскою казною, не был публично реализован, а размещен между членами императорской фамилии с обязательством не выпускать его на рынок. Реализовать его можно было только в Государственном банке, а эта реализация наталкивалась постоянно на категорический отказ Министерства финансов. Он рассказал это Рубинштейну, с которым познакомился по поводу продажи своего имения Крестьянскому поземельному банку⁵⁷. Рубинштейн взялся за реализацию персидского займа и прибег к очень простой, но никому не приходившей в голову комбинации. Он отвез бумаги в Берлин к Блейхредеру (известному банкиру)⁵⁸, который уже от своего имени представил облигации (которым срок уже истек) к оплате русскому Министерству финансов. Министр финансов рвал и метал, но не мог отказать Блейхредеру, который мог и не знать об условии, тяготевшем на владельце облигаций, — облигации

⁵⁷ Несколько лет спустя, когда мы ближе познакомились, Великий князь мне рассказывал, что на его прошение в Крестьянский банк с предложением продать имение Государь сделал надпись о желательности приобретения этого имения Крестьянским банком. Тем не менее банк от приобретения имения отказался. Великому князю рекомендовали обратиться к посреднику — Д. Л. Рубинштейну, который за комиссию в несколько процентов устроил покупку имения Крестьянским банком. Великий князь с добродушным смехом говорил мне: «Не к Государю надо было обращаться, а сразу к Рубинштейну, который, очевидно, имеет большее влияние в Крестьянском банке» (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

⁵⁸ Бляйхредер Герсон, фон (*нем.* Bleichröder Gerson) (1822–1893), немецкий банкир («банкир Бисмарка»). Выполнял в том числе политические миссии при Министерстве иностранных дел.

были оплачены. Уверовав в финансовые способности Рубинштейна, Великий князь последовал его совету и внес вырученные от персидского займа деньги срочным вкладом в Частный коммерческий банк⁵⁹. Вскоре после этого Рубинштейн был избран членом правления этого банка и занял в нем влиятельное положение. О банке пошли неблагоприятные слухи, и Великий князь стал тревожиться за судьбу своих денег. Одновременно Рубинштейн вовлек Великого князя в ряд предприятий, акции которых Великий князь приобрел. Об этих предприятиях Великий князь не имел ни малейшего представления. Задача, которую мне поставил Великий князь, усомнившийся в Рубинштейне, сводилась к тому, чтобы развязать его с Рубинштейном и получить из банка вклад обратно. Великий князь дал мне понять, что Управление не было в курсе этих дел, которые он вел самостоятельно, что он желал бы получать от меня сообщения по делу непосредственно, а не через Управление.

Я стал разбираться в деле. Переданное мне досье содержало очень недостаточный материал. Я собрал некоторые сведения и между прочим узнал, что Рубинштейн был избран банком в члены правления не особенно охотно и лишь потому, что заявил, что Великий князь вносит деньги вкладом только под условием его избрания. Банк был в очень печальном положении, и крупный вклад дал ему возможность окрепнуть. Тем не менее в серьезных деловых сферах относились к положению Частного коммерческого банка с немалым скептицизмом, особенно вследствие руководящей роли в нем Рубинштейна.

Д. Л. Рубинштейн был уже тогда личностью, привлекавшей общественное внимание. Про него шли самые разнообразные анекдоты, создававшие ему скандальную известность. Я вспо-

⁵⁹ Санкт-Петербургский частный коммерческий банк — первый российский акционерный коммерческий банк (1864). С 1900 года банк испытывал значительные затруднения, которые удалось преодолеть только после 1910 года благодаря помощи Министерства финансов и привлечению крупных французских инвесторов. В последние годы своей деятельности активно взаимодействовал с Русско-Азиатским банком. Входил в первую десятку крупнейших банков России.

мнил, что за несколько лет перед тем я уже видел Рубинштейна и при следующих обстоятельствах. Я возвращался с моим клиентом М. Д. Волинским из Харькова. Когда мы уселись в поезд, мое внимание было привлечено толпой, шумно провожавшей кого-то. Из окна кто-то кричал хриплым голосом: «Еду в Петербург и скоро вернусь!» — толпа отвечала ему шутками, смехом, криками. Волинский следил не без интереса за происходившим. «Вы знаете, кто это уезжает? — спросил меня Волинский. — Это Митька Рубинштейн! Большой ловкач. Но что-то подозрительно, что он все кричит, что едет в Петербург. Он не едет в Петербург, он замечывает следы. Вот увидите. На такой-то станции с нашим поездом скрещивается поезд, идущий на юг, и могу поспорить с Вами, что он выйдет на этой станции и пересядет в обратный путь». Так оно и было. Я увидел, как на одной из следующих станций небольшой толстенький молодой человек с чемоданом вышел из соседнего вагона и направился в станционное здание. «Вот видите, — говорил Волинский, — он едет на юг устраивать какую-нибудь аферу и скрывает от харьковцев свою поездку».

От Волинского и других я затем слышал много рассказов про Рубинштейна. Он кончил юридический факультет в Демидовском лицее в Ярославле⁶⁰, так как в Харькове никак не мог сдать экзамены. В Ярославле он перед экзаменом распустил слух, что по благополучном окончании экзаменов он даст перед отъездом банкет на вокзале, к которому будет приглашен весь преподавательский персонал и товарищи-студенты. Отношение к нему на экзаменах было будто бы более чем снисходительным. Банкет был, действительно, устроен, и все приглашенные — профессора и студенты — собрались на вокзале чествовать веселого и радушного хозяина-банкера. Было много выпито, и шумная толпа провожала Рубинштейна. Однако гостей ждало разочарование в виде большого счета станционного буфетчика. Рубинштейн

⁶⁰ Демидовский лицей (Ярославское Демидовское высших наук училище) — высшее учебное заведение в Ярославле, основанное в 1803 году на средства ученого-натуралиста, действительного статского советника и мецената П. Г. Демидова (1739–1821).

уехал, не уплатив счета. Сам Рубинштейн будто бы рассказывал про эту свою проделку.

По окончании университета⁶¹ он занялся страхованием жизни и действовал весьма успешно. Говорят, что он побил агентский рекорд: встретив в вагоне агента конкурирующего страхового общества, он сумел его застраховать в своем обществе. Он женился на одесситке из хорошей семьи, по характеру вполне подходящей ему женщины, как я потом узнал, очень доброй. Поехав с ней в Харьков, уверил ее, что дом, в котором они поселились, составляет его собственность. Госпожа Рубинштейн и стала себя вести как домовладелица и в этом качестве грозила выселением жильцу соседней квартиры, чем-то ее беспокоившему. Велико было ее удивление, когда «жилец» оказался владельцем дома.

В Харькове Рубинштейн занимался и комиссионерской деятельностью. Харьковский банкир Моисей Голобородко⁶², человек осторожный и трезвый, мне рассказывал, что Рубинштейн ему «сватал» имение в Крыму, покупку которого он изображал чрезвычайно выгодной. Они поехали в Крым смотреть имение. Осмотру предшествовал завтрак, устроенный Рубинштейном. Голобородко завтрак показался слишком роскошным, напитков, которыми его усердно угощали, было чересчур много, и банкир, от природы не особенно доверчивый, насторожился. После завтрака поехали осматривать имение. Рубинштейн показывал поля, луга и леса, принадлежавшие к имению. Покупка казалась необычайно выгодной. Голобородко ухитрился как-то выйти из коляски и расспросить встречных, чьи это земли. Оказалось, что Рубинштейн возил Голобородко по чужим землям и лесам. «Дело» у Рубинштейна сорвалось. Характерно, что Голобородко расска-

⁶¹ По Уставу 1868 года лицей получил название Ярославский Демидовский юридический лицей и был приравнен по своему статусу к юридическим факультетам университетов, как по составу преподаваемых предметов, так и по правам, получаемым его выпускниками.

⁶² Голобородко (Голобородьков) Моисей Осипович (?–1930). После 1917 года — в эмиграции в Германии.

зывал это очень добродушно, без резкого осуждения Рубинштейна, а как забавную историю.

Когда Харьков оказался для Рубинштейна тесным, он переехал в Петербург, где занялся комиссионными и другими делами, благодаря деньгам Великого князя он вышел в банковские и промышленные деятели. О нем стали в Петербурге говорить.

Я вызвал в Управление Рубинштейна. В кабинет управляющего Карцова вкатился уже знакомый мне с виду кругленький человек, с круглым розовым лицом, безбородый, с маленькими бегающими глазками и прической *à la Napoleon*, которого он напоминал, как карикатура напоминает оригинал. Он сразу затрещал, выпуская, как пулемет, тысячу слов в минуту, захлебываясь, брызгая слюной. Голос у него был хриплый, иногда визгливый. Темперамент у него был, видимо, бурный. Чувствовался в нем недюжинный ум, хитрость и плохо скрываемая трусость перед предстоящим разговором. Я его не прерывал, и это его, по-видимому, наконец смутило. Он замолк и с недоумением и тревогой посмотрел на меня. Я ему сказал, что я осведомлен о всех обстоятельствах, при которых был учинен вклад в Частный коммерческий банк; мне известно, что он был избран в члены правления вследствие ложного уверения, что Великий князь ставит его избрание условием вклада; мне известно и положение банка; я не полагаю, что в интересах Великого князя дальнейшее оставление вклада в банке и что потому, ввиду скорого истечения срока вклада, я его предупреждаю, что вклад будет потребован обратно. Рубинштейн стал опять кипятиться, но я остался невозмутим. Затем я потребовал от Рубинштейна разъяснений по поводу двух промышленных дел, в которые Великий князь был им вовлечен. Разъяснения меня не удовлетворили, и я сказал, что скоро вернусь к этим вопросам. Рубинштейн ушел расстроенным и уже без того победоносного вида, с которым он вошел. У нас затем было еще несколько свиданий с Рубинштейном, всегда в присутствии П. Н. Карцова, и результатом весьма длительных переговоров с ними и с другими членами правления банка было то, что вклад частями был возвращен Великому князю. Рубинштейн должен был уйти из банка, который перешел в руки другой

финансовой группы и даже переехал в другое помещение. Во главе банка стал, по совету Министерства финансов, бывший чиновник Кредитной канцелярии Алексей Августович Давидов⁶³, мой хороший знакомый, товарищ моего старшего брата по университету, человек безупречной честности, но малоопытный⁶⁴.

Из промышленных дел, акции которых приобрел Великий князь по настоянию Рубинштейна, мой особенный интерес вызвало одно дело по разработке залежей соли. Никакого досье у Великого князя не оказалось, и абсолютно никаких данных я не мог добиться у Рубинштейна. Тогда я заехал в Министерство финансов в отдел торговли, в то отделение, где сосредотачивались дела по утверждению уставов. Когда я заговорил об этом деле с начальником отделения, милым и кротким Казакевичем, которого я хорошо знал, бывая часто в этом отделении, он побледнел

⁶³ А. А. Давидов был сын известного составителя курса физики для средних учебных заведений и племянник известного виолончелиста. А. А. Давидов дружил с моим другом детства Гр. Анат. Блохом, и вместе с ним и А. И. Вышнеградским составляли небольшой тесный кружок, объединенный, главным образом, любовью к музыке (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

⁶⁴ Давидов Алексей Августович (1867–1940) — банкир, промышленник и предприниматель; композитор и виолончелист. Сын математика и механика, профессора Августа Юльевича Давидова. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1891). Одновременно (1887–1891) учился в Петербургской консерватории по классам виолончели (у А. В. Вержбиловича) и композиции (у Н. А. Римского-Корсакова). Один из учредителей и член (1894), впоследствии председатель (1896–1897) Петербургского общества музыкальных собраний. С 1892 года на государственной службе в Министерстве финансов. В чине надворного советника перешел в Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны. Действительный статский советник (1913). С конца 1890-х годов доверенный правления Санкт-Петербургского международного коммерческого банка. В 1909–1916 годах председатель правления и директор Санкт-Петербургского частного коммерческого банка. Член и председатель правлений связанных с банком предприятий золотопромышленной, каменноугольной, машиностроительной и других отраслей. Член правления «Общества электрического освещения 1886 г.», правления общества «Электрическая Сила»; председатель правления Общества Ораниенбаумской электрической железной дороги. Член совета фондового отдела Петербургской биржи. После 1917 года в эмиграции в Берлине.

и сказал мне, что это дело его давно беспокоит. В досье отделения не оказалось копии этого договора на разработку залежей соли, для которой это Общество, согласно Уставу, было учреждено. Такие доказательства реального существования предмета эксплуатации Общества неизменно от учредителей требуются; без этого устава не представляются на утверждение Кабинета министров. Как удалось Рубинштейну обойти отделение, Казакевич сам не понимает, и, просматривая это дело по какому-то поводу, он с ужасом заметил, что одним из акционеров является Великий князь. Он иногда лишается сна из-за этого дела, предвидя, что разразится скандал. Обращение к учредителям и правлению о присылке копии договора осталось безрезультатным. Я успокоил Казакевича, обещав уладить дело и, по возможности, не довести до открытого скандала. Я чрез Управление навел у местного губернатора конфиденциальную справку, и мое подозрение, что у Общества нет никаких прав на разработку соли в районе, указанном в Уставе, вполне подтвердилось. Я вызвал в Управление Рубинштейна и объяснил ему, что мне известно. Я предложил ему либо доказать, что мои справки неточны, либо вернуть Великому князю полученные за акции деньги. Объяснения происходили, по моему требованию, в присутствии управляющего и его помощника, для того чтобы он потом не говорил, что ему чем-либо угрожали или оказывали на него давление. Рубинштейн согласился вернуть деньги, подписал соответствующее обязательство (я предоставил ему удобные сроки для уплаты) с указанием, что значащийся в Уставе договор не был заключен. Обязательство Рубинштейн оплатил в условленные сроки.

Между тем в Петербурге распространились слухи, что я «прижал» Рубинштейна, хваставшегося до того времени, что он управляет делами Великого князя и «ближайший к нему человек». Слухи эти нашли свое подтверждение в том, что Рубинштейн должен был уйти из Частного коммерческого банка. Я лично не проронил нигде ни слова о деле Великого князя. Чтобы опровергнуть эти слухи, Рубинштейн совершил следующее. На ежегодном адвокатском балу, собиравшем лучшую петербургскую публику, жена моя продавала за чайным и фруктовым столом. К ней

внезапно подкатился шарообразный Рубинштейн, которого жена совершенно не знала, взял из ее рук какой-то фрукт и, положив на стол крупную бумажку, стал оживленно что-то жене рассказывать. Я случайно стоял неподалеку и наблюдал за этой сценой. Жена была очень любезна с крупным жертвователем. Поболтав и поцеловав жене руку, Рубинштейн победоносно отошел и, как мне потом передавали, тут же на балу всем, кому только не было лень слушать, говорил: «Рассказывают, что Гершун меня преследует. Это все выдумки. Вы видели, как я дружески болтал с его женой. Мы с ними очень дружны».

Мне и в Управление стали со всех сторон присылать письма со всякими жалобами и сплетнями на Рубинштейна, и в Управлении образовалось целое досье о Рубинштейне. В числе этих бумаг была копия жалобы, поданной прокурору матерью молодого гвардейского офицера, которого Рубинштейн так запутал в какие-то аферы, что тот не нашел другого исхода, как самоубийство. Обвинение основывалось на мало кому знакомой статье Уложения о наказаниях, карающей виновного в доведении своей жертвы до самоубийства. Дело было прекращено.

На ликвидацию отношений Великого князя к Рубинштейну ушла вся зима, и к лету я считал эпопею законченной и собирался, как каждое лето, 28 июня уехать за границу. За несколько дней до намеченного отъезда я получил от Великого князя телеграмму из Парижа с просьбой немедленно приехать к нему в Париж. Из телеграммы было видно, что ему переслана выписка его счета в Частном коммерческом банке с сальдо в пользу банка по какому-то неизвестным Великому князю операциям 212 000 рублей и что Великий князь никогда такого счета не открывал. Ехать мне в Париж не хотелось, да и что я мог бы в Париже больше узнать и увидеть, чем эту выписку. Я телефонировал Великому князю, чтобы он немедленно телеграфировал и затем написал банку, что счета не признает, а выписку выслал мне. В банке, который к тому времени имел другой состав правления, я от нового его директора А. А. Давидова узнал, что еще в «эпоху Рубинштейна» последний по доверенности Великого князя открыл онкольный счет, по которому проходили многочисленные покупки за счет

Великого князя, главным образом акций Частного коммерческого банка, и что с падением курса этих акций — по их реализации — получился убыток, и выразившийся в сумме 212 000 рублей. Мы условились с А. А. Давидовым, что по моем возвращении из-за границы я разберусь в этом деле и определю свое отношение к этой претензии. Но уже тогда мне было ясно, что Рубинштейн, пользуясь доверенностью, которую по легкомыслию выдал Великий князь, открыл счет без ведома Великого князя и затем спекулировал по этому счету: если бы по счету была польза, Великий князь ее никогда не увидел, а убыток был бы как-нибудь списан, если бы Рубинштейн остался в банке у власти. Когда я осенью занялся этим делом, я убедился в том, что доверенность была правильно совершена и что оспаривать самое открытие счета нет возможности. Я тогда попросил Давидова открыть мне книги банка и показать мне все оправдательные документы. Я обещал Давидову, что, если в банке все в порядке и записи основаны на реальных и правильно поведенных операциях, я не допущу до процесса и уплачу все должное, оставив за собою право обратиться свои претензии к Рубинштейну. Мне был отведен в банке отдельный кабинет, и я в течение нескольких дней по несколько часов в день — с помощью банковского счетовода — проверил все записи в книгах по оправдательным документам и биржевым котировкам. Благодаря моему знакомству с банковской техникой мне нетрудно было установить, что те же самые биржевые «фишки» служили оправдательными документами не только для счета Великого князя, но и для других счетов, то есть покупки и продажи производились один раз, но производились по счетам нескольких клиентов. Этот прием практиковался в некоторых мелких банковских конторах, применялся Рубинштейном в Частном коммерческом банке и давал возможность дебетовать нескольких клиентов, дававших приказы на покупку акций Частного коммерческого банка расходом на покупку в действительности не приобретенных бумаг. Так как бумага все же единожды была куплена и единожды реально продана, то не было никакой возможности установить, за чей счет из трех-пяти клиентов, по счету которых эта сделка проводилась, она, в суц-

ности, произведена. Результаты моих изысканий были совершенной неожиданностью и для Давидова. При нем такие мошеннические операции, конечно, не могли иметь места. Все такие фиктивные купли и продажи я не признал, и когда я подвел счет по тем сделкам, которые я вынужден был признать правильными, то оказалось, что Великий князь явился должником только суммы 17 000 рублей. Я и предложил Давидову уплатить эту сумму в окончательный расчет. Давидов немедленно согласился, и я, таким образом, покончил и это дело. Когда я увидел Великого князя, я сказал ему, что я рад, что он поплатился хотя бы небольшой суммой, по крайней мере, он будет помнить, что нельзя так легко подписывать доверенности. Мы с ним условились, что впредь он будет подписывать деловые письма и акты только по просмотре их юрисконсультom. Великий князь был очень доволен тем, что дело кончилось без суда и так благополучно, и выразил желание сверх гонорара чем-нибудь меня вознаградить: чином или орденом. Я поблагодарил Великого князя и ему объяснил, что чин мне не нужен, так как я имею уже звание, которое считаю более почетным, чем чин, и что орден мне ни к чему, так как мне не на чем его носить — на фраке уместен лишь единственно знак присяжного поверенного. Но я был бы признателен, если бы он оказал содействие получению моим помощником М. А. Манасевичем свидетельства на ведение дел в окружном суде. Характерно, что Великий князь долго не понимал, в чем дело, настолько чужды ему были ограничения евреев по ведению дел в судебных установлениях. Когда я наконец растолковал ему, о чем идет речь, он охотно вызвался написать письмо министру юстиции, тем более что он знал Манасевича, заменявшего меня как-то в мое отсутствие. Я составил по просьбе Великого князя соответствующее письмо на имя Щегловитова, и Великий князь лично подписал это письмо. Недели через две адъютант Великого князя сообщил мне, что Щегловитов с сожалением и в очень вежливой форме отклонил просьбу Великого князя. На следующий день мне позвонил секретарь Щегловитова и от его имени объяснил мне, почему просьба Великого князя, в которой Щегловитов видел мою руку, не была уважена: «Министр юстиции не сомне-

вается, что ваш Манасевич, — говорил секретарь, — человек достойный, но если министр разрешит ему получение свидетельства, то через несколько дней все евреи-помощники всей России будут у министра в приемной и требовать то же для себя. Мог бы я им тогда отказать? Объясните Гершуну, что я, к сожалению, не могу делать исключения». Я ответил, что не понимаю, почему бы не предоставить всем евреям-помощникам право на ведение дел, но понимаю, что министр не желает делать единичные исключения. Я объяснил затем при случае Великому князю, что Щегловитов с своей точки зрения прав.

Дело с Частным коммерческим банком получило следующее завершение. Я вызвал Рубинштейна и другого бывшего члена Частного коммерческого банка и поздравил их с благополучным окончанием дела, так как иначе я бы их обвинял в обманных действиях в ущерб Великому князю (по распоряжению Рубинштейна, как я выяснил, Великому князю не посылались ни уведомления о совершенных операциях, ни периодические выписки счета) и взыскивал бы с них всю уплаченную банку сумму. Я потребовал с них, однако, возмещения тех 17 000 рублей, которые Великому князю пришлось уплатить. Рубинштейн и его достойный коллега с радостью подписали векселя на эту сумму, и, во избежание всяческих позднейших кривотолков, они по моему требованию подписали заявление, в котором признали все инкриминируемые им мною деяния.

Эпопея с Рубинштейном, таким образом, закончилась для Великого князя весьма благополучно. В конечном счете Великий князь из своих отношений к Рубинштейну извлек только пользу: благодаря Рубинштейну заем, который он не мог реализовать, был превращен в наличные деньги; деньги удалось получить обратно из Частного коммерческого банка; вернули Великому князю и деньги за негодные акции; от операций по онкольному счету убытка не было. Поэтому понятно, хотя с моей точки зрения и непростительно, что Великий князь продолжал принимать Рубинштейна, который являлся к нему со всякого рода проектами. Великий князь направлял его, к его величайшему неудовольствию, ко мне, и мне приходилось рассматривать и затем отвергать

предлагаемые дела. Я слышал, что Рубинштейн втерся в доверие к Кшесинской⁶⁵, у которой Великий князь бывал и на которой он впоследствии в эмиграции женился, и что Рубинштейн являлся к Великому князю от имени Кшесинской. Уже в эмиграции я слышал от лица, очень близко стоявшего к Великому князю и Кшесинской (Э[миля] Готша), что Кшесинская, недовольная тем, что я систематически проваливал все финансовые и промышленные аферы, в которые Рубинштейн пытался втянуть Великого князя, считала меня большим злодеем, имеющим большое влияние на Великого князя и мешающим ему входить в выгодные дела. Но Великий князь крепко за меня держался.

Я помню такой случай. Однажды в телефоне раздался так знакомый мне хриплый голос: «Здесь Рубинштейн: звоню Вам по приказу Великого князя Андрея Владимировича. Великий князь приказал Вам заехать ко мне, чтобы переговорить по одному делу». Я уже давно знал, что Рубинштейн, ободренный покровительством М. Ф. Кшесинской, очень обнаглел. Я ему спокойно ответил: «Могут Вас принять завтра в таком-то часу». Рубинштейн сразу понизил тон и обещал быть. Он привез мне целое dossier. Из этого dossier и из его доклада стало ясно, что ему и его компании нужен Великий князь, чтобы на его имя купить большое лесное имение и затем какими-то махинациями вытеснить лесопромышленников, купивших лес на сруб. Под флагом Великого князя предполагалась грязная комбинация, правда, обещавшая очень большие выгоды. Я отпустил Рубинштейна, сказав, что доложу Великому князю. Великий князь был возмущен тем, что Рубинштейн, ссылаясь на него, требовал моего приезда к нему, он, напротив того, сказал Рубинштейну, чтобы он попросил меня его принять. Я объяснил Великому князю, что его желают втянуть в грязное дело, которое, несомненно, кончится у прокурора, и Великий князь очень кратко резюмировал: «Дайте ему в шею». Около года после этого Великий

⁶⁵ Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971) — прима-балерина Мариинского театра. В 1890–1894 годах встречалась с цесаревичем Николаем Александровичем (будущим императором Николаем II), затем с великими князьями Сергеем Михайловичем и Андреем Владимировичем. С 1920 года в эмиграции; в 1921 году вышла замуж за вел. кн. Андрея Владимировича.

князь мне как-то сказал, очевидно, со слов Кшесинской или Рубинштейна: «Вот Вы не позволили мне сделать то дело Рубинштейна, а теперь, говорят, на нем нажиты громадные деньги, и меня упрекают, что я уклонился от крупного заработка». Я успокоил Великого князя. Мне было известно, что этим делом соблазнился крупный финансист П. и что дело, как я предсказывал, окончилось у прокурора, куда вызывали и П., еле отвертевшегося от неприятных последствий. Великий князь был очень удивлен, что его (и, несомненно, Кшесинскую) так неправильно информировали, и сказал мне, что он очень рад, что я его охраняю от ошибок. <...>

* * *

Д. Л. Рубинштейн был довольно яркой фигурой того времени. Я уже писал о нем там, где вспоминал о Великих князьях. Он был на редкость даровитый человек, но был лишен всяких принципов. Ложь, обман, вовлечение в невыгодные сделки, блёф были его обычными деловыми приемами. И тем более удивительно, что деловые люди, осведомленные об этих «качествах» Рубинштейна, вступали с ним в деловые отношения, совершали с ним сделки, в которых, впрочем, нередко потом раскаивались. Это объясняется, вероятно, тем, что ум у него был подвижный и быстрый, его комбинации были на редкость остроумны. Он находил выход там, где другие считали положение безнадежным. Он, несомненно, обладал известным шармом, объясняемым внешним добродушием, умом, остроумием и силой аргументации. Он засыпал собеседника словами, завораживал его каскадом доводов, остроумных сравнений. Я ему как-то сказал: «Вы так сами себя ослепляете блеском своих комбинаций, что не замечаете их аморальности и даже противозаконности». Впрочем, он с большим искусством лавировал между всеми опасностями, расставляемыми Уголовным уложением, и с осторожностью приближался к той границе, которая гражданское правонарушение отделяла от уголовного деяния. Его считали добрым человеком. Действительно, вследствие повышенной эмоциональности, некоторой слезливой чувствительности он был способен помочь ближнему, дать

пожертвование даже там, где оно не становилось предметом широкой гласности, но все это происходило больше от импульсивности натуры, чем от истинной доброты, неотделимой от известных моральных начал. Этого морального стержня, на котором держалось бы его существо, у Рубинштейна не было. Он был человек, не чувствовавший различия добра и зла, когда дело шло о наживе. Когда он мне однажды, стараясь себя оправдать в моих глазах, сказал: «Однако Вы не можете отрицать — я же добрый человек», — я ему ответил: «Вы из той категории добрых людей, которые, разорив кого-либо и доведя его до самоубийства, будете с его вдовой проливать слезы на его могиле».

Рубинштейн ко мне относился очень хорошо. Он был мне благодарен за то, что при ликвидации его отношений к Великому князю я был справедлив: заставив его покрыть все причиненные им убытки и не дав ему использовать вклад в банке, как бы он того желал, я, однако, перед Великим князем признал его заслугу по реализации персидского займа. Действительно, я всегда говорил Великому князю, что в окончательном счете Рубинштейн принес ему несомненную пользу и не успел причинить ему вред и что поэтому у нас нет интереса публично шельмовать Рубинштейна. Великий князь и не прервал своих отношений с Рубинштейном, принимал его (отчасти потому, что он был одним из частых посетителей салона Кшесинской), и Рубинштейн мог опровергать слухи о том, что он «удален» и «с позором», как говорили, от дел Великого князя, тем, что Великий князь не прервал с ним отношений. На часто обращаемые ко мне вопросы, что такое натворил Рубинштейн в делах Великого князя, я отвечал, что все расчеты между Великим князем и Рубинштейном покончены миролюбиво и мы к нему более претензий не имеем.

Несмотря на наши внешне хорошие отношения, Рубинштейн меня в делах опасался, зная, что я его вижу насквозь. Однажды один из моих московских клиентов мне телефоновал, что у него в номере «Европейской гостиницы»⁶⁶ большое собрание деловых

⁶⁶ Гостиница «Европейская» в Петербурге (1875–1991); в настоящее время — гранд-отель «Европа».

людей, обсуждающих одно очень интересное дело, и что, не имея возможности всем скопом приехать ко мне, они просят меня приехать в «Европейскую гостиницу». Я был случайно свободен и заехал к клиенту, в громадном номере которого я застал человек пятнадцать, в их числе Рубинштейна. Мне стали излагать суть дела, оформление которого требовалось. Дело было предложено Рубинштейном. Когда краткий доклад кончился и я обернулся к Рубинштейну, оказалось, что он еще до того потихоньку поднялся и ушел. В гостинице его не нашли, и собравшиеся, сконфуженные, разошлись. Мой клиент мне потом со смехом рассказывал, что Рубинштейн, не знавший, что меня вызвали, был этим смущен и затем объяснил, что раз «Гершун в деле, он не желает продолжать переговоры». А дело шло, очевидно, о каком-то очередном блёфе, на который клюнул мой москвич и его приятели, несмотря на то, что они знали, кто такой Рубинштейн.

Проклятием, тяготевшим над ним, было то, что к нему никто уважительно не относился и все его называли «Митькой». Жена мне рассказывала, что зимою на Иматре⁶⁷, когда она как-то спросила швейцара отеля, кто еще приехал из Петербурга, тот назвал несколько фамилий и кроме того «Митьку», и только на повторный вопрос, кто же это «Митька», ответил: «Как же Вы не знаете, банкир Рубинштейн».

Однажды у меня сидел мой клиент И. Ю. Файнберг, к тому времени совершенно разоренный, и очень горько жаловался на то, что «Митька» его по какому-то делу жестоко обсчитал. Имя «Митька» он повторял много раз. Я спросил его: «Ведь Рубинштейн имеет имя и отчество — Дмитрий Львович, а Вы все Митька да Митька». — «А-а почему говорят Стенька Разин?» — ответил мне, не задумываясь, Файнберг⁶⁸.

⁶⁷ Иматра — курорт в Финляндии, популярный в XIX — начале XX века среди состоятельных петербуржцев. У этого места была и дурная слава: в Иматру приезжали, чтобы покончить жизнь самоубийством, бросившись со скалы в реку (в России был даже издан указ, запрещающий продавать билеты в один конец на поезд в Иматру).

⁶⁸ Я об этом остроумном ответе рассказывал многим и нашел мой рассказ на днях в мемуарах И. В. Гессена «В двух веках» (примеч. Б. Л. Гершуна).

Во время войны Рубинштейн, как большинство спекулянтов, разбогател и привлек интерес Батюшинской комиссии. Следовательно этой комиссии, взяточнику и негодяю, о котором я уже писал, Рубинштейн показался подходящим предметом для очередного шантажа. Против Рубинштейна было выдвинуто обвинение в измене, и он был арестован. Рубинштейн знал, что его ждет арест. Как-то я шел по Бассейной, мимо меня пронесся на извозчике Рубинштейн, остановился и подошел ко мне: «Вы знаете, меня усиленно шантажируют. Я не поддаюсь. Боюсь, что меня в конце концов посадят». Он был бледен, расстроен: вид обреченного человека. У Рубинштейна нашлись покровители, и он был освобожден: обвинение оказалось вздорным.

Рубинштейн занимал роскошную квартиру на Марсовом поле, и на его приемах толпились приглашенные, среди них немало людей с большим положением. Я всегда удивлялся, как неразборчивы были люди того времени (только ли того времени?) в знакомствах и как не стеснялись видные деятели администрации, банковского, промышленного мира, литераторы и художники, политические и общественные деятели бывать у Рубинштейна, пользующегося такой плохой славой. Правда, многие одалживали у него деньги, и он щедро ссужал тех, кто мог быть ему полезен. Я помню, что Милюков (конечно, у него никогда денег не бравший) назначил одно собрание Партии народной свободы, с благотворительной целью, в квартире Рубинштейна. Я зашел к Милюкову и указал ему, что недопустимо, чтобы партийные собрания, хотя бы и благотворительного характера, происходили в квартире Рубинштейна, что многие не придут, и в их числе я. Милюков был к этим соображениям нечувствителен: очень удален он был от практической жизни. Я не мог его убедить, и собрание состоялось в квартире Рубинштейна.

Мне как-то рассказывали, что на одном из больших вечеров у Рубинштейна на столе в кабинете лежали и показывались гостям телеграммы многих высокопоставленных лиц и Великих князей, благодаривших за приглашение и выражавших сожаление, что по тем или другим причинам не могут быть на вечере. Между прочим, были телеграммы и от Столыпина, и от Великого князя

Андрея Владимировича. Я спросил Кубе (адвоката Великого князя), действительно ли были посланы такие телеграммы, не подложные ли они. Кубе мне, смеясь, подтвердил их подлинность. «Великие князья и, вероятно, и министры получают много таких приглашений, которыми они, конечно, не пользуются, — объяснил мне Кубе. — Такие приглашения я даже не всегда докладываю Великому князю, и на них даже у нас и у других лиц стереотипный ответ телеграммой (а не собственноручным письмом, как в тех случаях, когда приглашение исходит от лиц, у которых принято бывать), что благодарим и сожалеем, что не можем быть. Вот “Митька” этими телеграммами оперирует и хвастает перед лицами, которые не знают, что это лишь вежливый отказ».

Д. Л. Рубинштейн был человек живого воображения, увлекавшего его так далеко, что он был способен рассказывать всякого рода небылицы. В момент увлечения своими вымыслами он им сам верил. Он, конечно, нередко говорил сознательно неправду, если это «требовалось по делу». Если его изобличали, он не обижался и на следующий день продолжал в том же духе. Мой шурич мне рассказывал, что он как-то в Сестрорецке встретил Рубинштейна, гуляющего со своими детьми. Рубинштейн заговорил с ним и стал что-то оживленно рассказывать. Тогда сын Рубинштейна, мальчик лет восьми, обернулся к шуричу и сказал: «Не верьте ему, он все врет».

Под стать Рубинштейну была его жена. Из хорошей еврейской семьи из Одессы, она совершенно ассимилировалась своему мужу и носила все черты типичной *nouvelle-riche*⁶⁹. Я ее очень мало знал, но слышал, что она добрая и отзывчивая женщина. Уже в эмиграции, в Берлине, она меня как-то останавливала на улице и заговаривала со мной, между прочим, о предстоящем концерте Шаляпина⁷⁰. Эта грузная, отяжелевшая и некрасивая женщина стала меня ни с того ни с сего уверять, что Ф. И. Шаля-

⁶⁹ *Nouvelle-riche* (*фр.*) — нувориш(ка).

⁷⁰ Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) — знаменитый оперный и камерный певец (бас). В 1922 году уехал на гастроли в США, в Советскую Россию не вернулся.

пин за нею «безумно» ухаживал, но она его отвергла. «Вы желаете только мое тело, — будто бы ответила она Шаляпину, — и не интересуетесь моею душою». Какой интерес у нее был рассказывать этот вздор, явно ложный, мне, малознакомому человеку!

Рубинштейн за какие-то пожертвования получил, говорят, чин статского советника, что не мешало ему себя именовать действительным статским советником⁷¹. Великий князь Андрей Владимирович мне со смехом рассказывал (это было уже во время войны), что Рубинштейн ему рассказывал, что он был принят царем, усиленно навязывавшим ему чин действительного статского советника, но он, Рубинштейн, отказываясь, говорил: «Нет, Ваше Императорское Величество, потом на Вас будут за это нападки, не надо, я и так готов служить России». — «И это он рассказывает, — говорил Великий князь, — мне, который точно знает, что он не был принят Государем, хотя очень добивался этого. Но он так забавно сочинял, это был настоящий фонтан измышлений! Он меня очень позабавил».

Сам Рубинштейн, быть может, и не заслуживает, чтобы ему было посвящено столько места, но он является очень характерной фигурой, выросшей на почве нездорового расцвета русской промышленности во время войны. <...>

⁷¹ Статский советник — гражданский чин V класса Табели о рангах, входил в число высших чинов Российской империи, занимая место между чинами коллежского советника и действительного статского советника, и соответствовал должностям вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казенной палаты. Обращение к статскому советнику: «Ваше высокородие». Действительный статский советник — гражданский чин IV класса Табели о рангах, дававший право на потомственное дворянство. Лица, имевшие этот чин, занимали должности директоров департамента, губернаторов, градоначальников и титуловались «Ваше превосходительство».

А. М. Шойхет (Резник)

Автобиография

*Публикация и подготовка текста
Т. Фишеля и В. Дымшица.
Примечания и вступительная статья
В. Дымшица*

«Автобиография» Анны (Ханы) Моисеевны Шойхет (урожденной Резник, 27.06.1900–16.03.1995) — это мемуары так называемого «простого» человека. Такие мемуары встречаются реже, чем записки людей, чем-либо прославившихся, но часто гораздо точнее доносят ощущение эпохи. Из них можно не только понять, но и почувствовать, что сохраняли (семейственность, жизнестойкость и оптимизм) и с чем, не задумываясь, расставались (язык и религия) в процессе стремительной модернизации русские евреи; как происходило превращение обывателей из черты оседлости в советских евреев — жителей мегаполисов.

Мемуаристка подробно излагает основные события своей жизни, начиная с раннего детства и заканчивая возвращением в Киев после окончания Великой Отечественной войны, так что пересказывать ее биографию незачем. Разве что добавить несколько слов.

Хана Резник (будущая Анна Шойхет) родилась в местечке Дашев, а юность провела в Гайсине, соседнем уездном городе. Дашев относился к Киевской, а Гайсин к Подольской губернии, но эти города расположены недалеко друг от друга и входят в один исторический регион: Восточная Подолия или Брацлавщина. Эта благодатная земля, орошаемая восточными притоками Южного

Буга, богата и пашнями, и лесами. Здесь издавна была очень высока плотность еврейского населения, хотя ему всегда приходилось нелегко. Ни в одном другом регионе Украины еврейское население — от Хмельницкого и гайдамаков до Петлюры и его атаманов — не перенесло столько набегов и погромов. Анна Шойхет тоже потеряла множество родственников, включая родного брата, во время Гражданской войны и разгула бандитизма.

Она родилась в типичной мелкобуржуазной семье, как будто сошедшей со страниц прозы уроженца этих мест Давида Бергельсона. Ее отец торговал лесом и зерном, был достаточно традиционен, но не слишком религиозен. Его детей — их в семье было пятеро, Анна старшая — религиозная традиция интересовала мало, зато очень привлекало современное образование.

В 1923 году Анна Резник вышла замуж за Павла Наумовича (Пинхоса Нахмановича) Шойхета (1890–1969). Сначала молодая семья переехала из небольшого Гайсина в гораздо больший по размерам Бердичев, а вскоре — в столичный Киев. Анна Шойхет получила высшее экономическое образование и стала работать на швейной фабрике. После войны она продолжила свою профессиональную карьеру: до выхода на пенсию в 1962 году была экономистом на швейных предприятиях Киева.

Анна Шойхет начала писать свою «Автобиографию» в 1986 году по просьбе внука, Павла Фишеля, младшего сына ее единственной дочери Марины, и продолжала работать над ней до 1989 года. Ее старший внук, Тимур Фишель, подготовил рукопись «Автобиографии» к печати. В рукописи были исправлены пунктуация и частично орфография, были добавлены личные местоимения, которые мемуаристка систематически пропускала. Все эти исправления специально не отмечены. Более крупные вставки, сделанные по смыслу, обозначены угловыми скобками.

Киев. 21.05.1986
По просьбе Павлика¹.

Я родилась в 19:30, 27.06.1900 в местечке Дашев² Киевской губернии (ныне Винницкая область).

Родители: мама — Мария Абрамовна <Щерб>, 1881 года рождения; папа — Моисей Наумович <Резник>, 1878 года рождения. Мне был год и шесть месяцев, когда родился братик, которого назвали Срулей (Израиль). И мне начала уделять большое внимание тётя Рахиль — сестра мамы. Я её очень любила. Мне рассказывали сказку, что в 1894 году была коронация императора Николая II Александровича³. Тогда электричества не было, и местечко освещалось то ли лампадками, то ли свечами. Было очень красиво и торжественно.

Познакомились мои родители на свадьбе родственников, матери было 14 лет, а отцу — 17. Уже тогда родителям с обеих сторон они понравились, и была у них помолвка, как называли тогда знакомство.

Со свадьбы гости разъехались, а связь продолжалась. Молодые <люди> в течение четырех лет переписывались⁴. Мама была малограмотной и письма писала из письмоводителя⁵, жениха называла «кормильцем». Отец учился больше её у домашнего учителя по настоящей программе, знания соответствовали при-

¹ Здесь и далее курсивом выделены замечания автора, посвященные работе над рукописью. Павлик — внук мемуаристки Павел Фишель.

² Дашев — местечко Липовецкого уезда Киевской губ., в настоящее время поселок в Ильинецком районе Винницкой обл. Дашев исторически входил, так же как и Гайсин, в состав Брацлавщины, то есть Восточной Подолии. В конце XIX века в местечке проживало около 3 тыс. евреев, около половины его населения.

³ В 1894 году Николай II вступил на престол. Коронация состоялась в 1896 году. Очевидно, имеется в виду именно это событие.

⁴ От помолвки до свадьбы по обычаю мог пройти значительный срок. Все это время молодые люди считались женихом и невестой и общались посредством переписки. Как следует из дальнейшего, молодые люди, несмотря на посредственное знание русского языка, переписывались не на идише, а на русском.

⁵ Имеется в виду письмовник, сборник образцов переписки на все случаи жизни, в том числе переписки жениха и невесты. Такого рода издания были очень популярны в России, причем не только на русском, но и на идише. Мать мемуаристки пользовалась, очевидно, русским письмовником.

мерно двум классам нынешней школы. Писал не совсем правильно. Мне запомнилась фраза «буйте здоровы» (вместо «будьте»). По-древнееврейски и жаргону⁶ он больше мамы учился и много читал. Знал историю, Библию, вникал во всё, анализировал. Не был фанатиком, не во всё верил. Прислушивался к советам талмудистов, последние, по нашему понятию, были философами. Признавал гигиену: считалось законом мыть руки, посещать баню, после принятия ванны следовало окунуться в бассейне (миква)⁷, и <при этом> приговаривали «Кушер»⁸, что означало «чисто». Беременным женщинам необходимо ежемесячно в течение девяти месяцев соблюдать эту процедуру⁹. Мужчины парились на полках, веничками ударяли по телу.

Я от темы удалилась.

Помню себя с трех лет, когда заболела скарлатиной. Я лежала у окна в квартире одноэтажного домика, которую снимали у одного столяра, ко мне заглядывала черная собака Жучка.

Праздновали Пасху, и моя мама возле моей постели готовила налистники со сливами¹⁰. После выздоровления я одна гуляла по двору, и гусь погнался за мной¹¹. Хозяин квартиры дразнил меня: «Хонця, куда тебя гусь укусил?» Детских садов не было,

⁶ Вышедшее из употребления название идиша.

⁷ Миква — ритуальный бассейн с проточной водой. Соблюдающие еврейки погружаются туда ежемесячно после регул и перед вступлением в половые отношения с мужем. Частота посещения миквы мужчиной зависит от того, к какому направлению иудаизма он принадлежит.

⁸ Кушер (букв. дозволено, волынский диалект идиша) — признание продукта пригодным в пищу с религиозной точки зрения. Здесь в переносном смысле: это восклицание женщины, обслуживающей микву, которым она подтверждает, что погружающаяся в воду все сделала правильно.

⁹ Мемуаристка ошиблась. Как раз беременной необязательно (хотя и не запрещено) посещать микву, потому что ей не нужны ежемесячные очищения.

¹⁰ Мемуаристка ошиблась. На Пасху (Пейсах) запрещено есть и даже иметь дома любые мучные изделия, кроме мацы. Нalistники — это блинчики с начинкой, стало быть, их приготовление во время Пасхи исключено. Вероятно, дело происходило во время какого-то другого праздника.

¹¹ Мемуаристка, смущаясь, рассказывала внукам, что гусь ущипнул ее за зад.

и меня определили в хедер¹², где ребе учил <с детьми> еврейскую азбуку. Он курил, и от него на расстоянии чувствовался дым от табака, что мне было очень неприятно.

Когда два учителя, более просвещенные, чем ребе, организовали группу, меня направили к ним учиться¹³. Со мной учились двоюродные братья — Фройка и Шлойма, дети дяди Лейба (брата мамы). Я запомнила, что нас учили по-древнееврейски: «шилхон» — стол, «халойн» — окно¹⁴ и т. д.

В семь лет договорились с учителем, <занимавшимся> четырех- или шестигодичным образованием, который приходил к нам домой меня учить русскому языку, начиная с азбуки. Постепенно научилась читать, писать цифры и потом решать задачки. Очень долго писала диктант с ошибками, а задачи, если условия задачника Верещагина¹⁵, к примеру, где в бассейн вливалось из трубы больше, чем выливалось, то когда, через сколько часов наполнится бассейн? — мне уже лень было подумать, и я с учителем вместе

¹² Хедер — религиозная школа для мальчиков, куда их отдавали в возрасте трех-четырёх лет. В хедер для самых маленьких, в котором учат начаткам грамотности, часто отправляли и девочек, хотя это было необязательно. По существу, такой начальный хедер выполнял функцию детского сада.

¹³ Речь идет о так называемом «образцовом» или «реформированном» хедере. В начале XX века молодые просвещенные энтузиасты стали открывать светские еврейские школы. По российским законам в светской школе обучение могло быть только на русском языке. На еврейском языке могли работать только традиционные религиозные школы, хедеры, поэтому организаторы новых еврейских школ вынуждены были называть их хедерами, но, чтобы отличить от традиционных, добавляли эпитет «образцовый» или «реформированный». Часто такого рода новые школы организовывали приверженцы сионизма, поэтому в них преподавали иврит.

¹⁴ На иврите стол — «шулхан», окно — «халон». Преподаватели были не слишком сведущи в современном иврите и преподавали его в местном варианте ашкеназской фонетики.

¹⁵ *Верещагин И. П.* «Сборник арифметических задач». Сборник задач на простые, составные, дробные числа, отношения и пропорции, рекомендованный в качестве пособия в средних учебных заведениях. Многократно переиздавался с 1884 года.

разбирала. Такой метод учёбы назывался «экстерном»¹⁶. Мама постоянно угощала учителя чаем или печеньем собственного производства.

Из местечка начали ездить в Умань¹⁷ экзаменоваться в гимназии — кто за первый класс, кто за второй класс. Уже тогда старше меня тётки — Фаня и Белла (мамины сёстры) выдержали экзамен.

Дедушка Авраам был состоятельнее моего отца, видимо, <это> послужило причиной, что я училась экстерном.

У меня зародилась уже тогда мечта о гимназии. Не помню, в каком году, в 1909-м или 1910-м, открыли земское бесплатное двухклассное училище. Оно было рассчитано на пять лет обучения¹⁸. Тогда поступили мой брат Сруля в первый класс и двоюродные братья Фройка, Шлойма и Цюня. Я же тянулась в гимназию. Подруга моя Маруся Михайловская выдержала экзамен за первый класс. Она материально была благоустроеннее меня. Я училась внешкольным образом, но по программе гимназии до шестого класса. И лишь в 1917 году, после Февральской революции, когда мы переселились в город Гайсин¹⁹, Подольской губернии, <поступила в гимназию>. Я была очень хорошо подготов-

¹⁶ Еврейские мальчишки, не сумевшие поступить в гимназию из-за существовавшей в России «процентной нормы», стремились пройти гимназический курс самостоятельно или с учителями, с тем чтобы потом, сдав экстерном гимназические экзамены, получить аттестат зрелости и поступить в университет. Мемуаристка использовала часто звучавшее слово «экстерном» как обозначение всякого домашнего образования.

¹⁷ Умань — уездный город Киевской губ., в настоящее время город в Черкасской обл. Расположена приблизительно в 80 км пути от Дашева. В конце XIX века в Умани (городе с населением почти 20 тыс. чел.) были открыты две большие гимназии, мужская и женская.

¹⁸ Земское двухклассное училище — распространенный тип массовой народной школы в Российской империи. Обучение там продолжалось четыре или пять лет, то есть на курс каждого из двух классов отводилось два-три учебных года.

¹⁹ Гайсин — уездный город Подольской губ., в настоящее время город в Винницкой обл. В начале XX века в Гайсине проживало около 10 тыс. человек, из них евреи составляли 46 % населения. Расстояние от Дашева до Гайсина составляет около 25 км.

лена, получила по истории, географии и теории словесности (литературе) пятёрки и, к <своему> большому счастью, была зачислена гимназисткой шестого класса. Папа поспешил внести за первый квартал обучения 75 рублей. Гимназия Курчинской²⁰ была ещё в то время частная. Преподавали ещё Закон Божий, от которого еврейских девочек освобождали. Училась три года — шестой, седьмой и восьмой классы до 1920 года, когда гимназию Курчинской, бывшей <в ней> начальницей, переименовали в трудовую школу. Историю преподавал нам директор мужской казенной гимназии²¹ Пётр Трофимович. Когда отвечали, подходили к нему, к кафедре, и надо было делать реверанс. Девочки, которые учились с первого класса, уже правильно научились этому искусству, а у меня получился реверанс неудачно, и после урока начальница, присутствовавшая как ассистент, учила меня, как правильно надо ноги поставить и поклониться.

Квартиру <в Дашеве> мы почему-то часто меняли²². Вторую квартиру мы нанимали на окраине местечка против русского кладбища у хозяйки Капитолины и хозяина Антошки. Мама научилась у них петь украинские песни, которые я через много лет слышала в театре и по радио. Я до сих пор вспоминаю свою маму. Еще была третья квартира в Липках²³, когда увеличилась семья (родился Гриша в 1905 году): снимали у полячки Бредзевой, там она выделила <нам> часть фруктового сада и огорода. Перед окнами была клумба с цветами, которыми я увлекалась, ухаживала за ними. Отец мой Моисей Наумович вырос в лесу, привык к хорошему воздуху, чем объясняется его тяга к окраинам местечка. Дедушка Авраам и бабушка Рива жили в центре <Дашева> в собственном одноэтажном доме на высоком фундаменте, с балконом. Входили в дом по трем ступенькам. Окна и двери

²⁰ Частная женская гимназия была основана в Гайсине Е. Курчинской в 1912 году. Здание гимназии сохранилось.

²¹ Мужская гимназия существовала в Гайсине с 1909 года. Здание гимназии сохранилось.

²² С этого места и до упоминания переезда в Гайсин мемуаристка снова возвращается к описанию детства в своем родном местечке Дашев.

²³ Предместье Дашева.

были большие, не то что в селянских домиках, как у нас были. Недалеко от них был дворец князя Потоцкого²⁴. Дом был огражден высоким железным решетчатым забором, были для въезда большие железные ворота и дверь. На клумбах росли красивые цветы, привезенные из-за границы, и когда мы, дети, заглядывали через решётки в сад, огородник шлангом обливал нас. Дворец князя примыкал к мосту реки²⁵, разделявшей местечко на Новый и Старый Дашев. На Новом жили более культурные, интеллигентные люди. На Новом Дашеве был большой мануфактурный магазин Юровского, в нём были всевозможные ткани, можно было купить и в рассрочку. Юровского считали буржуем, для <его> сына Бенціна²⁶ держали немку²⁷. Жена <Юровского> Фрейдл шикарно одевалась, была у них служанка.

Дедушка сдавал внаём часть дома, жил там сосед Нюшка Полонский. У него был галантерейный магазин и обувной. Товар получал из Варшавы и обувь из Петербурга — фирмы «Скороход» и «Кипера»²⁸.

С окрестностей помещики на фаэтонах и каретах с кучерами и лакеями подъезжали к магазинам, очень красиво одетые <помещицы> с красивыми причёсками и в шляпах с вуалью, также и дети были завиты локонами. Для нас было интересное зрелище с балкона разглядывать дворян, отличавшихся своим богатством в то время. Во дворе у князя был костел, куда католики-поляки приезжали нарядные молиться. Часто верхом на красивых лошадях прогуливались девушки в специальных костюмах амазонки²⁹ и шапочках, всё это нам очень нравилось.

²⁴ С начала XIX века Дашев принадлежал польским магнатам графам Потоцким. В середине XIX века граф В. Потоцкий построил в местечке дворец в стиле позднего классицизма. Дворец сохранился.

²⁵ Река Соб, приток Южного Буга.

²⁶ Бенцион.

²⁷ Гувернантка.

²⁸ «Скороход» — крупнейшая обувная фирма, существовавшая в Петербурге. Название второй фирмы непонятно.

²⁹ Имеется в виду «амазонка» — дамский костюм для верховой езды.

Дедушка не хотел, чтоб его старшая дочь, моя мать, жила в лесу, а зять был служащим, как и его отец, Наум (Нухим), <который> был служащим у лесопромышленников. Специальность у них — бухгалтер-кассир. Запомнилось мне, что жили в маленьком домике, возле него были подъездные весы, на которые раньше подъезжали, чтобы взвесить пустую подводу, которая наполнялась подготовленными дровами, и, возвращаясь, опять взвешивали, чтобы узнать вес количества полн, и таким образом вели учет, получали деньги. Иногда богачи приезжали, чтоб получить заработки³⁰. Бабушка кормила их сметаной, сырниками, которые плавали в масле, и т. д. А дедушка сидел ночами над учётом, а питался простоквашей, не разрешая себе сметану. Они из сметаны сбивали масло, из простокваши — творог и эти молочные продукты возили в местечко, где их продавали и на вырученные деньги покупали мясо, бочку сельдей, разные крупы, сахар и т. д.

Летом мы к ним приезжали на поправку, иногда мама нас сопровождала, а когда старше стали мы со Срулей — сами ездили. Сразу, как только приехали, мне было не по себе, и мне хотелось уже ехать домой обратно с извозчиком, который нас привёз. Мне было стыдно, я терпела, но постепенно привыкла. В лесу росла земляника, мы собирали её, когда увидали поляну с яркими ягодами — бросались рвать её и бросать в коробочки. С нами ходили тётки Хонця и Шева, они старше нас, и брат младший Цюня (Бенцін). Ещё мальчики карабкались на деревья, на которых росли вишни и черешни.

Подчас, чтоб было быстрее, ломали ветки, бросали вниз, а мы, девочки, с веток срывали красные и чёрные вишни. С дедушкой ещё по этой специальности работал сосед-еврей с семьёй — Дудя Борисовский, у нас была дружба. К нашему приезду дедушка подготавливал качели.

Они подвешивались на двух палках с сиденьем высоко к толстым веткам дерева, дуба, и мы катались. Вспоминаю, какое это было развлечение для нас. У меня образовались мозоли на ла-

³⁰ Приезжали, чтобы получить доходы от эксплуатации лесных угодий.

донях рук. Ещё иногда дедушка катал нас на одноколке, ездил мимо поля, на котором росли рожь, пшеница и бобик³¹. От последнего чувствовался приятный запах. Рвать букет нельзя было, в курене³² сторож следил, чтоб не топтали растения и букетов не делали.

Дедушка, мамин отец, был человеком другого склада. Он был более просвещенный, общался с помещиками, ездил в Киев на контрактную ярмарку³³ раз в году. Туда съезжались, чтобы авансом покупать будущее с урожая: рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо. Заключали контракты. С другой стороны были покупатели из разных городов — Кенигсберга, Данцига, Калиша, Коло, Варшавы³⁴ и др., которым грузили <зерно> вагонами. Получали, называли «Барихте»³⁵, это были таблицы, в которых указывали цены хлебных продуктов. Были специальные весы, на которых взвешивали удельный вес, определяющий качество данного зерна. Весы представляли деревянную коробку, в ней помещался один металлический стакан с дном, а второй — куда высыпалось зерно; при нажиме на какую-то деталь открывалась дно, и <зерно> высыпалось в целый стакан.

³¹ Бобик — вика, кормовая бобовая культура.

³² Курень (укр.) — шалаш.

³³ Киевская контрактная ярмарка — торговая и контрактная ярмарка в Киеве на Подоле, действовавшая в 1797–1930 годах, на которой заключались торговые и кредитные соглашения. С ней была тесно связана торговля хлебом. Киевская ярмарка устанавливала цены на хлеб, которыми руководствовались и на других ярмарках.

³⁴ Кенигсберг — столица Восточной Пруссии (в настоящее время Калининград, Россия), Данциг — город и порт в Пруссии (в настоящее время Гданьск, Польша), Калиш — губернский город в Царстве Польском (в настоящее время Польша), Коло — город в Царстве Польском (в настоящее время Польша), Варшава — столица Царства Польского (в настоящее время столица Польши).

³⁵ Барихте — от *Berichte* (немецк.) — отчеты. Речь идет о каком-то немецком статистико-экономическом издании, посвященном зерновой торговле. Таких изданий было несколько. Так как Германия была одним из основных рынков сбыта для российского зерна, то имеется в виду именно немецкая экономическая периодика.

Гири были круглые, как монеты, вставлялись в дощечку, покрытую зелёным сукном, с соответствующими отделениями для гирек. Мы, дети, любили наблюдать эту процедуру, но руками <весы> нельзя было трогать. По весу определяли качество и цену зерна. Извозчиками ездили на железнодорожные станции Монастырище, Оратов, Фронтровка³⁶, откуда отгружали вагоны, соответственно договорам, комиссионеру.

Были и помощники уже низкого ранга, они осуществляли доставку зерна из амбаров на железнодорожные станции.

Отец мой сразу не примкнул к дедушке, его по привычке тянуло в лес. Он после женитьбы считался иждивенцем. В те времена называлось «аф кест»³⁷. Наконец ему это надоело, и он собрался с мамой и уже двумя детьми на работу в Вахновский лес³⁸. Мама очень переживала, ей страшно было одиночество в лесу и страшно было, когда отец с револьвером ночью выходил на разведку: не крадут ли дрова ближайшие селяне? Мама настояла, чтобы они вернулись в местечко Дашев. Тогда <отец> надолго примкнул к дедушке Аврааму и дяде Лейбу, <они> вместе, в компании осуществляли профессию. Как их назвать, мне до сих пор непонятно — не рабочие, не служащие, не купцы, не торговцы, а так себе — тяни-ремесленники.

Тянули лямку до наступления войны 1914 года. В местечке выделялись своей культурой, честностью, доверием, пользовались уважением. Жили очень скромно, но красиво. У дедушки,

³⁶ Монастырище, Оратов, Фронтровка — станции Одесской железной дороги. Монастырище — местечко Липовецкого уезда Киевской губ., в настоящее время город в Черкасской обл. По переписи 1897 года в нем проживало 2200 евреев (80 % населения). Расположено в 35 км от Дашева. Оратов и Фронтровка — села Липовецкого уезда Киевской губ., в настоящее время в Винницкой обл. Расстояние от Дашева до Оратова — 40 км, до Фронтровки — 20 км.

³⁷ «Аф кест» (*идиш*) — «на содержании». Распространенная форма приданого в традиционных еврейских общинах. После свадьбы отец невесты содержал молодую семью в течение заранее оговоренного срока, обычно несколько лет.

³⁸ Вахновский лес — лесной массив около местечка Вахновка, Бердичевского уезда Киевской губ., в настоящее время село в Винницкой обл. По переписи 1897 года в Вахновке проживало 2400 евреев (44 % населения). Расположено в 60 км от Дашева.

как я уже упомянула, в квартире была зала обставлена: с красной бархатной обивкой диван и два кресла, круглый стол, накрытый жирардовской скатертью³⁹, и на нём стояла лампа с абажуром. Сбоку стоял у стены карточный столик с разными безделушками, и над ним висело зеркало в позолоченной раме. Стоял ещё комод. На стенах висели две большие живописные картины. На окнах были гардины. Пол дубовый (дощатый), вроде паркета, составлен из больших квадратов, окаймленных черными дощечками. Стены и потолок были разрисованы. Одна дверь выходила в коридор, вторая — в столовую. Когда бабушка Рива (мать мамы) заболела астмой, ей поставили кровать в зале, самой большой комнате, чтобы легче было дышать.

В столовой стоял большой буфет. В центре были большой шкафчик и ящик, а по бокам и шкафчики, и ящики были уже. В самом большом ящике стоял сервиз столовый, белого цвета с голубыми краями, очень красивый, стеклянные бокалы и рюмки, хрусталя не было. В одном из ящичков бабушка Рива хранила в коробке пуговицы. Я очень любила перебирать их, когда она что-нибудь искала. Мне запомнилась одна яркая пуговица (штерншис)⁴⁰, ее носила на шее беременная женщина. Стоял еще длинный стол, за которым собирались родные в праздники, особенно в праздник «Пирим» и «Симхес Тойре», самые торжественные⁴¹. В будни вокруг стола сидели папа, дядя Лейб и разные помещики, <приехавшие> по делу. В углу стоял письменный стол, на нём находились весы, о которых я уже упомянула. Над этим

³⁹ Льняная скатерть, изготовленная на мануфактуре в польском городе Жирардов.

⁴⁰ Штерншис (азтит, орлиный камень) — минерал, использовался как амулет для беременных. Считалось, что он препятствует выкидышам и способствует легким родам.

⁴¹ Пирим (Пурим) — праздник, посвященный событиям, описанным в библейской Книге Есфирь. Симхас-Тойре (Симхат-Тора, букв. радость Торы, иврит) — последний из осенних праздников, посвящен окончанию годового цикла чтения Пятикнижия и одновременно началу нового цикла. Мемуаристка запомнила именно эти праздники, так как они оба отличаются весельем, пирушками и приемом гостей.

столом висели стенные часы, звон которых мне очень нравился. Впоследствии и у нас в доме были <стенные часы>.

Стоял ещё шкаф, в котором хранили белье, и возле него стояла «софка»⁴², вроде диванчика без спинки: мы на ней всегда засыпали, когда мама к нам приходила во «второй дом», как она называла <дом дедушки и бабушки>. Ей было скучно, а у бабушки и дедушки была как биржа⁴³, много людей, а папа вёл переписку со всеми <покупателями> из разных городов Пруссии и Польши. Он изучил немецкий язык по учебнику Глезера и Пецольда⁴⁴, чтобы не надо было прибегать к местечковому <присяжному> поверенному⁴⁵, чтобы написать адреса. Да, ещё возле «софки» стоял столик маленький с большим медным самоваром, из которого поили всех присутствовавших. (В будние дни печеньем не угощали, только сахар ставили на стол.) 5 мая 1911 года родился третий мальчик по имени Бенцін, но звали его Беньк, а когда повзрослел, начали называть его Борей. Он был красивым тучным мальчиком, мама до года кормила <его> грудью, не прикармливала.

Коротко о нём. Он окончил школу-десятилетку. Был пионером, потом членом ВЛКСМ и членом КПСС. Служил в армии в Москве на действительной службе. Его проводили торжественно, выступали с речью папа и мой муж Павлуша: <в армии> с 1932 года. Перед отъездом записался в ЗАГСе с девочкой Соней, но от нас утаили. Соня нас посещала, мы её принимали хорошо, знали, что Боря её любит, и она нам нравилась.

⁴² Софка (*от* софа) — тип мебели, характерный для еврейских домов. Невысокий, узкий деревянный диван без спинки, служивший одновременно сундуком.

⁴³ Биржей называлось любое публичное пространство, часто на улице, на площади, в парке, где мужчины собирались для того, чтобы провести время и обсудить дела.

⁴⁴ Глезер П., Пецольд Э. Учебник немецкого языка — широко распространенное пособие по немецкому языку для средних школ. Первое издание вышло в 1900 году. Учебник продолжал переиздаваться даже после революции.

⁴⁵ Присяжный поверенный — в Российской империи адвокат. Подразумевается, что местный адвокат, будучи выпускником гимназии и университета, знал немецкий язык.

*Я выпустила очень важные события,
о которых интересно написать.*

В 1914 году нагрянула война с Германией, и жизнь у нас, к сожалению, изменилась к худшему. Папа из-за отсутствия зубов был освобождён от участия в войне. Один дядя искусственно ослепил глаз — сделали ему бельмо, и получил «белый билет», то есть освободили его. Второй дядя Исаак долго голодал, чтобы похудеть, но это ему не помогло, и он был «зайцем», так называли тех, которые уваливали от военщины.

Во время Первой отечественной войны⁴⁶ отец и дедушка продолжали работать как раньше. Запомнилось только одно, что поехали во Львов и на площадке⁴⁷ перевозили груз в Перемышль, Дрогобыч⁴⁸ и другие города и обратно. Оттуда <отец> привез нам подарки: бархат мне и маме на блузочки и вышитую ткань белого цвета (шитьё) на платье, которое я очень долго носила до замужества.

Я продолжала учиться дома экстерном, пока представился случай переехать в город Гайсин с семьёй в 1916 году. В июне 1916 года родился четвертый мальчик — Миля. Ему было несколько месяцев, когда выехали <в Гайсин>. Организовалась артель из семи человек: наш отец, дядя Меер (брат дедушки Авраама), его зять — Кальницкий, Котляревский, два священника

⁴⁶ Первая отечественная война — Первая мировая война. У мемуаристки происходит контаминация двух названий — дореволюционного и советского. Во время Первой мировой войны русская пресса и пропаганда называли ее Отечественной по аналогии с Отечественной войной 1812 года. Так как мемуаристка пережила Отечественную войну 1941–1945 годов, то, помня дореволюционное название, она называет Первую мировую войну «Первой отечественной».

⁴⁷ Площадка — грузовая телега для перевозки зерна.

⁴⁸ Львов, Дрогобыч, Перемышль — города в австрийской провинции Галиция (в настоящее время первые два находятся в Украине, третий — в Польше). Русская армия заняла Галицию в августе-сентябре 1914 года, и потеряла ее в результате поражения летом 1915 года. Скорее всего, отец и дед мемуаристки ездили в Галицию в первой половине 1915 года, когда фронт уже стабилизировался.

и бухгалтер Бонгард. Работали на мельнице, на которой перерабатывали просо на пшено и горох — на крупу для армии, и пользовались отсрочкой от войны. Отец работал в качестве весовщика, иногда замещал и мельника, когда <тот> отсутствовал. Брат Сруля, как его называли, имел двухклассное образование, закончил земскую школу пятой группы и работал в конторе, в бухгалтерии, под руководством бухгалтера Журинского. Отмечали, что он отличался честностью: когда рассчитывались и оставляли сдачу, копейку, он догонял и отдавал.

Чтоб прокормить семью, мама готовила обед для дяди Меера, его зятя Кальницкого и Котляревского. <Они> приезжали из Киева, тоже участники артели. Приезжал государственный контролёр — проверял норму выпуска продукции, и для него мама тоже готовила обед, обливалась потом и за это получила 25 рублей. Ей было очень обидно, что не посчитали, как она потрудилась. Миля был маленьким, мы его очень любили, но няньки у него не было.

Мама его сажала на кухне возле себя у стола. Однажды он свалился со стула, упал на камень, лежавший в бочке с капустой, и покалечил себе лоб. Шрам остался на много лет. Иногда я его садила на печке возле себя, задерживала ногами, сама с книгой: занималась, готовилась к экзаменам.

В 1917 году была Февральская буржуазная революция. Было большое торжество, музыка играла, был парад военных — мы ходили смотреть. А в октябре месяце вспыхнула Октябрьская <революция>. Выступали на площади ораторы, все радовались.

Мне уже удалось выдержать экзамены, и я поступила в шестой класс женской, ещё частной, гимназии Курчинской Евгении Тимофеевны. Старший брат Сруля в 1918 году поступил в четвёртый класс мужской казённой гимназии. Но ему не посчастливилось, он учился всего два месяца. Был налет на нашу квартиру. Подослали соученика за задачником. Дверь, как всегда, была у нас заперта, ему⁴⁹ открыли, и несчастный Сруля пошел провожать парня, чтоб собака его не тронула. В это время подошли двое мужчин, остано-

⁴⁹ Соученику.

вили его и ворвались к нам в квартиру. Он <Сруля> крикнул: «Удирайте!» и начал их задерживать, а папа прикрыл двери. Видно, это были соседи, при них был револьвер, <они> выстрелили, и пуля попала Сруле в живот, на этом закончилась их затея. Злодеям не удалось из квартиры взять что-нибудь, а брат на третий день в больнице скончался⁵⁰. Такое горе нас постигло. Способный очень парень, мы были счастливы, что ему удалось поступить учиться⁵¹. Уплатили за право учения за квартал, но папа просил в его <Срули> память за эти деньги купить книги для библиотеки.

Начались тяжелые времена, начались гонения на евреев, банды. Поляки нас обстреливали⁵², и мы прятались в погребах. Однажды мама пекла хлеб в русской печке и во время бомбардировки выбегала во двор, в квартиру, чтобы вовремя вынуть хлеб, рискуя жизнью, но страшно было голодными остаться. Было нашествие банды Волынца и в один день было убито 700 человек евреев, как большевиков⁵³. Интеллигенция города Гайсина — врачи, городской голова, священники собрали деньги и дали контрибуцию, чтоб спасти людей. Папа наш по приказу Волынца явился: его и еще много мужчин закрыли в мясной лавке, они задохнулись от тесноты. Как потом узнали, должны были керосином облить деревянное помещение и сжечь их. Контрибуция их спасла. Однажды во время учебы в гимназии объявили еврейкам-девочкам уйти по домам в связи с тем, что в городе тревожно, разъезжают

⁵⁰ По устным воспоминаниям мемуаристки, Израиль, в отличие от братьев, был набожным, старался соблюдать заповеди. Вся семья подтрунивала над ним. Именно он закрыл своим телом отца от бандитской пули.

⁵¹ *Удалось поступить учиться* — прием евреев в казенные гимназии был ограничен процентной нормой. Для гимназий, расположенных в черте оседлости, этот процент не должен был превышать 10 %. Все дискриминационные законы были отменены сразу же после Февральской революции. Брат мемуаристки поступил в гимназию в 1918 году, но его семья по инерции восприняла это как большую удачу.

⁵² Красная армия вела бои с польской армией под Гайсином в июне 1920 года. Гайсин был центром польского укрепрайона.

⁵³ В мае 1919 года банда атамана А. Волынца захватила Гайсин. Было убито 1200 жителей города, преимущественно евреев.

казаки верхом на лошадях. Представьте наше настроение, мы встали с парт и ушли, а русские девочки сидели на своих местах и продолжали учиться. Однажды гимназисты устроили у себя бал и пригласили всех девочек. Мне так интересно было пойти и погулять с мальчиками, нарядилась, завила волосы, мама мне купила тонкие чулки, туфли у меня были. А папа не разрешил пойти на такое мероприятие, <потому> что может быть нападение на еврейских девочек.

Я плакала, мне казалось, что никогда не прощу папе этого. Вот такая жизнь была. В театр тоже боялись ходить, ночью бывали случаи убийств.

Чтоб заработать на жизнь, спекулировали: ездили в Киев, Одессу. Ездили на крышах вагонов поездов, мучились зимой от холода, замерзали. Так приходилось и нашей тете Фане после смерти дедушки Авраама. А дядя Исаак, младший брат мамы, недолго <побыв дома> после женитьбы, был в Киеве на заработках. Когда деникинцы наступали⁵⁴, он и еще тетя Поля, жена дяди Гершеля, брата мамы, и ещё двенадцать человек дашевцев подводами уехали, как говорится, «живот спасая». Но не тут-то было. Их в дороге под Белой Церковью, в селе Алайки⁵⁵, остановили, ограбили и расстреляли. Дядю Исаака бросили в колодезь убитого, а тетю Полю ранили в трёх местах в голову и саблей на правой руке отрубили мизинец до самой кисти. Впоследствии благородные селяне дали знать в местечко. Привезли раненую тетю Полю и близнецов, грудных <детей>, живыми к дедушке и бабушке, ходили узнавать трупы, среди которых по носку определили, что это Исаак.

Второе горе случилось, что бандиты убили всю семью любимого нами дедушки Наума (Нухима), бабушку Рейзел и прабабушку Фейгу, тетю Хонцю и дядю, молодого парня, звавшегося Цюней, <пришедшего> после армии. Так тяжело было пережить это папе и нам всем. Уцелела одна сестра папы, тётя Шева. Она

⁵⁴ Армия Деникина заняла Киев в конце августа 1919 года.

⁵⁵ Алайки (правильно Галайки) — село Киевской губ., в настоящее время Киевская обл., расположено в 50 км от г. Белая Церковь, важного ярмарочного центра.

гостила тогда у дяди Гершеля (отца Доры Резник). Можно себе представить её состояние: застать окровавленную постель, на которой были убитые. Оставшиеся чудом в живых люди рассказали, что мужчин они похоронили, а от женщин следа не осталось. Убитая горем, в печали, она добралась к нам.

10.07.1987

*Начала читать прошлые заметки.
Проводили доченьку Мариночку и внука Павлика
в Таллинн в гости к Тимуру, старшему внуку.*

13.08.1987

*Приходится нарушить обещание Павлуше
писать автобиографию.*

*Сегодня, 13 августа, включила в план
своей работы продолжать свои записки.*

В 1917 году я поступила в гимназию. Как уже известно, она была переименована в трудовую школу. И в 1921 году окончила восьмой класс почти на все пятёрки, медалей тогда не выдавали. У кого была материальная возможность, уехали в Одессу, поступили в институт. Я же поступила учиться в Электротехнический техникум. Была на практике, сама сделала в кузнице стамеску. Меня всё же не покидало стремление получить высшее образование.

В 1922 году мне сделал предложение будущий муж Павлуша: обещал, что он демобилизуется и у него будет возможность устроиться в любом городе (Киеве, Одессе). Судьба: его дивизию направили в город Гайсин. Будучи нашим родственником, он с нами познакомился, и я ему понравилась, и он, как водится, начал за мной ухаживать.

Я всегда высказывала своё мнение, «чтобы не быть рабом чувств»⁵⁶. У меня не было никакой специальности, и несмотря на

⁵⁶ «Чтобы не быть рабом чувств» — неточная цитата из романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890–1891): «Я не желаю быть рабом своих переживаний». Этот роман был очень популярен в России.

то, что мне было уже 22 года⁵⁷, я всё же не решилась дать согласие. Расстроенные, мы расстались, мне тоже было тяжело, стало скучно. Компания, как мы называли своих друзей, распалась. Подруга моя Хонця Урман <вышла> замуж за Муню Лехта, мы встречались много лет. Я настояла у своих родителей, чтоб меня отпустили в Одессу: продолжать учебу. До сих пор не могу забыть, какая у меня была тяжелая дорога.

Я была молода, энергична, ничего не страшило. Снарядили меня в поход, и я несколько дней ехала в Одессу с большим багажом, пока наконец добралась. У меня был адрес Муни Лехта, остановилась сразу на квартире его хозяев.

Переделалась, ибо была осыпана насекомыми. На второй день на Малой Арнаутской при помощи Муни устроилась на квартире у бездетных, они же обещали давать мне и обед.

Имея свидетельство за восьмой класс и один год обучения в техникуме, меня зачислили в мединститут, пришлось <сдать> только один экзамен по политической части.

Был сильный голод, студенты голодали. Один товарищ <нрзб.> лежал весь день в постели, чтоб не хотелось кушать. Я получала посылки из дома — коржи и другие продукты, посещала институт, слушала лекции по остеологии, посещала оперный театр: я музыку всегда любила, и мне опера очень нравилась. Не помню, какие оперы я слушала тогда. Но счастье моё долго не продолжалось. Начали студенты постепенно разъезжаться. Мне объяснили, что <если> я достану скелет, <то> сумею и в Гайсине некоторое время учиться. Уже с меньшими мучениями вернулась домой в Гайсин. Меня обыскивали, раскрывали чемоданы. Мы вдвоём вышли на перрон, чтобы купить себе что-нибудь, и поезд ушел, расписания не было. Опять мы переживали, пока дождались следующего поезда. Благо что вещи не пропали — за ними следили другие товарищи. Началась новая эпопея в жизни. Павлуша демобилизовался и поехал в Белую Церковь, где уже его родители жили. Устроился на работу в райкоме, началась у нас переписка.

⁵⁷ Еврейская девушка, не вышедшая замуж до 18 лет, считалась старой девой.

В течение 1922 года я его письма прятала и скрывала от родителей, а у меня любовь к нему разгоралась. В августе 1923 года он получил отпуск и решил поехать в город Гайсин — авось соглашусь выйти за него замуж, а то он решится жениться на другой, ему уже было 33 года, он <был> старше меня на 10 лет. Родителям он очень понравился, и <они> начали мне подсказывать, что они не возражают считать его зятем. Отношения с ним повернулись в лучшую сторону: я учла, что я очень скучала, никто из друзей меня не интересовал. Павлуша обещал златые горы, что он будет всячески содействовать, чтоб я продолжала учиться. И вот настал момент: 6 августа вечером, сидя на скамейке около дома, решили, что надо с родителями поговорить, чтоб они дали согласие на женитьбу. Ему хотелось, чтоб я с ними поговорила, а я отнекивалась. В общем, он меня оставил одну сидеть, а сам (это было вечером) зашёл в квартиру, побледнел, сказал, что просит дать согласие <на брак>, чтоб, мол, дочь вышла замуж, поскольку полюбили друг друга. Папа и мама ответили: если вы между собой решили серьезно, обдуманно вступить в брак, то они не возражают, и тут же позвали меня и начали поздравлять, удивились, что он, то есть будущий жених, муж, сам вел разговор.

— А где же Хонця? Какие мы дураки.

Сразу послали Гришу в магазин за вином и выпили по рюмке. Стало нам обоим легко на душе.

Маму я просила об этом событии никому не рассказывать.

А мама, конечно, утром, когда мимо нас проходила на кладбище тетя, миме⁵⁸ Зисл, она тут же с радостью известила, что помолвлена я с Пинхосом (так его звали).

1 сентября был день рождения Павлуши (так мы его звали, называли его также чужие «Пётр»).

Пригласили моих друзей-подруг: Хонцю Урман, Полю Коган и других.

Приехали родные из местечка Дашева (моей родины): тетя Фаня, тетя Белла, двоюродный брат Евсей. Очень весело провели вечер, пели, танцевали. Мама напекла и наварила, был очень

⁵⁸ Миме (волынский диалект *идиша*) — тетя.

вкусный ужин. Была одета в белое платье из ткани, которую папа привёз из Львова, когда он ездил на заработки в начале Первой отечественной войны.

Настроение было у нас отличное. Когда подруги возвращались от нас домой, они гадали: что за торжество было? Именины⁵⁹ или свадьба?

19.12.1988

*Был большой перерыв у меня, и не было вдохновения.
Мне очень хочется выполнить просьбу любимого
внука Павлуши, и постараюсь что-то вспомнить,
продолжать автобиографию.*

Отпуск Павлуша провел у нас, а потом договорились, что меня подготовят, чтоб поехать уже к нему. Павлуша надеялся, что его переведут из Белой Церкви в Киев, где я буду продолжать учёбу.

Но человек предполагает, а бог, как говорится, располагает. Его направили в г. Бердичев⁶⁰ в качестве председателя союза «Пищевкус»⁶¹. Он сильно переживал, думал, что я не соглашусь поехать в Бердичев.

Мне уже было 23 года, и менять слова о женитьбе было бы несерьёзно.

Сыграли свадьбу без балдахина⁶², но папа настоял, чтоб мы записались в ЗАГСе по закону в то время.

В 1923 году было сложно что-нибудь достать. Пошили мне зимнее суконное пальто, шерстяное платье, в котором я сфотографировалась в первый год <после свадьбы> 26 августа 1924 года. Бельё у меня было. Постель-подушки-одеяло тоже дали.

⁵⁹ Именины — здесь и далее мемуаристка называет этим словом день рождения.

⁶⁰ Бердичев — уездный город Киевской губ. В настоящее время в Житомирская обл. По переписи 1897 года в нем проживало 42 тыс. евреев (80 % населения). Крупнейший ярмарочный центр.

⁶¹ «Пищевкус» — профсоюз работников пищевой и вкусовой промышленности.

⁶² *Сыграли свадьбу без балдахина* — то есть без хупы, иначе говоря, без религиозного обряда, так как жених был на ответственной профсоюзной работе. Мемуаристка специально подчеркивает это обстоятельство, так как в то время такие свадьбы были еще редкостью.

Пригласили родственников, друзей, приготовили угощение, как водится, и собрались в дорогу. Не догадались пригласить <на свадьбу> родителей <жениха Павла Шойхета>, даже не известили. Допустили глупость, но тогда ещё всё было сложно, правда, киевляне <родители Павла Шойхета> обиделись.

Началась новая эпопея.

Приехали в Бердичев. На вокзале извозчики забастовали и не брали пассажиров. Пришлось обратиться к носильщику, у нас было три тяжёлых места. Народу на вокзале было много, и мы боялись потерять носильщика и наше имущество. Наконец добрались к дому по улице Большой Юридке. Павлуша подготовил комнату у порядочной семьи. Дочь была артисткой Еврейского театра, Мурованная Зинаида Григорьевна⁶³. В комнате стояли кровать, стол, два стула и посудный шкаф. (Забыла, был ещё одежный.) Из хозяйственных вещей был чайник эмалированный с медным дном (достала на толкучке), две чашки с блюдцами. Вот и всё. Мы распаковали вещи, я очень красиво убрала кровать, стол накрыли скатертью, и стало уютно. Перекусили, было ещё из дома, что дали с собой. Кулинарничать не пришлось. Обедали в партийной столовой, питание было очень вкусное и сытное. Завтрак сами готовили: яички, каша манная и какао. Не боялись растолстеть. Я была худенькая и в течение первого года совместной жизни стала неузнаваемой. Павлуша после армии у своей мамочки на пирожках и блинчиках тоже приобрел животик.

Вскоре поехали в Житомир⁶⁴ к дорогим нам тёте Ривке и дяде Гершелю. Они нас приняли на высшем уровне — была и рыба фаршированная, и пирожки, и разные яства. Преподнесли нам свадебный подарок. В коробочке были: серебряная ложечка, чтоб сахар набирать, ложечки для чая и вилочка для лимона. Кроме того, два льняных полотенца.

⁶³ З. Г. Мурованная — актриса Харьковского государственного еврейского театра (УкрГОСЕТ) с 1925 года.

⁶⁴ Житомир — губернский город Волынской губ. В настоящее время обл. центр, Украина. По переписи 1897 года в нем проживало 30 тыс. евреев (46 % населения).

Наконец, поехали к родным в Киев. Там устроили настоящую свадьбу. Я произвела хорошее впечатление. Была моложе <их> сына на десять лет. Восторгались моей прической, косами длинными.

Павлуша спросил у мамы, есть ли буряковый квас, так как я привыкла мыть голову по такому рецепту. Мы там, у родителей <мужа>, были несколько дней. Пригласили родственников, главными были сестра Эстер и шуриин Мотл с детьми от первой жены, покойной Цирил — Генрихом, Доней и Сонечкой, и Лилей, 1922 года рождения, уже общей, если можно так выразиться. Пели, танцевали, я знала арии из опер и другое. Все удивлялись, откуда мне знать такой репертуар, мол, выросла не в Киеве, а в провинции (Гайсин). Мне подарили золотую брошку и ещё подарки. Остались довольны, обида рассеялась, и отмечу, что с того времени очень дружно все жили. Были братья, Генрих, Йосиф и Митя. У тётки Эстер был ещё сын Бенчик от первого мужа, с которым она разошлась.

<Муж> начал сразу работать по национализации предприятий пищевой промышленности: мельниц, сахарного завода, бойни. Бойцы <скота> были жестоко настроены и угрожали, что его убьют. Я уже была в панике. Я же, не имея специальности и во время безработицы, учитывая, что материально мы были устроены, осталась без руля и ветрил.

Посещала рабочий клуб, читала, но мне было не по себе. Любили друг друга и довольствовались этим.

Вдруг случилась беда: Павлуша должен был поехать в район, местечко Ружин⁶⁵, национализировать мельницу. Остановился у владельца мельницы. Ночью, видимо, подглядели бандиты, которые ограбили жителей, затем коснулись и «гостя». Забрали у него партийный билет, кофух (он был в моде) и пиджак ещё армейской формы. Предварительно связали всем руки.

⁶⁵ Ружин — местечко Киевской губ. В настоящее время поселок в Житомирской обл. По переписи 1897 года в нем проживало 3 тыс. евреев (67 % населения).

Павлуша начал просить, умолять бандитов, они сжалились, отдали партбилет и козух, себе <взяли> только пиджак, видимо, их интересовали деньги.

Когда <бандиты> от дома далеко уехали, Павлуша развязал всем руки, и <все> были рады, что остались живы.

Я, чтобы не оставаться одной дома, уехала домой к родителям. Для меня это была большая радость, также и у родителей, и всей семьи. <Павлуша> расстроенный после пережитого решил съездить за мной в Гайсин. Со всеми поделился, кроме меня.

Будучи уже дома, спросил меня, нашла ли в шкафу потери. Я всё пересмотрела и ничего не заподозрила. Тогда он в шутку спросил: «А мой пиджак нашла?» Тогда уже рассказал о происшествии. Вот так, в нашей жизни всякое бывает...

На второй год <супружества> в сентябре 1924 года я забеременела и начала плакать: как быть со стремлением учиться, рухнут все мои планы.

Павлуша уступил мне (как всегда), и мы решили, чтобы <я> сделала аборт. Когда гинеколог раньше согласился на это мероприятие, то во время процесса поставил меня в известность, что рискую остаться бесплодной, поскольку еще не рожала. Я испугалась и вышла из кабинета. Павлуша ожидал меня на улице. Увидя меня, он намерен был взять извозчика: он сразу подумал, что я хочу его успокоить. Пришли домой, опять начала плакать, Павлуша уже возмутился, мол, поступила по своему желанию. Я успокоилась.

1.02.1989

У подружки родился мальчик Мися. И вот 18 мая 1925 года родилась у нас девочка, назвали её Розочка. Мама моя с младшим сынишкой Милей к нам приехали за три дня до родов. В то время еще было принято, чтобы для помощи договорились со старушкой-няней.

Я кормила девочку грудью, и росла настоящая Розочка, всем на радость, белокурая, пухленькая, к году начала ходить. Была красивой, забавной, все родные её очень любили.

Мы её одевали очень красиво. Павлуша получал партмаксимум⁶⁶, и нас <это> достаточно удовлетворяло. Мы с ней ездили в гости и в Киев, где я обновила свой наряд (пальто демисезонное, шляпку).

В мае 1927 года поехали на свадьбу к брату Грише. Он женился на тете Хане. Сохранилось фото: Розочка была одета в голубое шерстяное платье, которое ей прислали из Дашева бабушка Рива, тетя Фаня и Белла. Я ей пошила белое летнее пальтишко и белую шапочку. На всех мы произвели прекрасное впечатление. Нас сопровождала девушка, которая уже после старой няни смотрела за ребенком. Дети золовки Эстер, Сонечка и Лиля, дружили <с Розочкой>, есть даже фото трёх девочек.

Мы с ними ходили в Пролетарский сад, где бывали эстрады, детские утренники. Летом 1929 года Павлуша поехал в Кисловодск, а нам снял дачу в Будаевке, вблизи Боярки⁶⁷. Там подлечили <Розочку> от коклюша, она сильно кашляла.

Вспомнила про беду, которую пережили, живя ещё в Бердичеве. В 1926 году у Павлуши заболел толстый палец на левой ноге, и он достал себе путевку в Кисловодск, так как боль была связана с сердцем: плохо кровь циркулировала. Мы вдвоём с Розочкой поехали на дачу в Псыщи⁶⁸ возле Житомира. Вдруг получаем 18 мая в Псыщи поздравительную телеграмму с днём рождения Розочки, из Киева. Я перепугалась насмерть. Что могло случиться с Павлушей? Я решила тут же поехать в Киев. Нас проводил на вокзал Монця, сын дядя Гершеля. Это было недалеко от местожительства родных, с которыми я всё время общалась. Я даже не телеграфировала тете Эстер, чтобы она нас встретила. Была в ужасе.

⁶⁶ Партмаксимум — максимальный месячный оклад для членов ВКП(б) на руководящей работе. Он не должен был превышать 150 % от уровня средней зарплаты в подконтрольных учреждениях и предприятиях. Введен в 1921 году, отменен в 1929 году.

⁶⁷ Боярка — дачная местность в 10 км от Киева.

⁶⁸ Псыщи — село, современное название Заречаны. Дачный пригород Житомира в 3 км от города.

Добравшись до вокзала города Киева, условились с извозчиком доехать до улицы Гоголевской, квартира <в доме> 30. К моему счастью, встретила Павлушу, которого считала уже умершим. Он направился на лечение в четвертый санаторий. Оказалось, что у него образовалась гангрена, и в Кисловодск он не смог поехать и остался в Киеве полечиться. Мы с ним провели у тётки Эстер несколько дней, боли были у него невыносимые, и пришлось поступить в больницу. Благодаря хорошему хирургу его спасли от ампутирования ноги. Мы вдвоём с Розочкой вернулись на дачу. Путёвку в Кисловодск <муж> не использовал. Короче, лето прошло без удовольствия, но рады были, что вернулись домой, и Павлуша, подлечивший ногу, начал работать. В Бердичеве он уже, после председателя «Пищевкуса», работал замкомхозом⁶⁹. В его распоряжении был театр⁷⁰. Приезжал из Москвы на гастроли Еврейский художественный театр⁷¹. Его возглавлял артист Михоэлс⁷². Нам повезло, что все вещи — «Колдунью», «Двести тысяч», «Путешествие Вениамина III»⁷³ и т. д., мы всё посмотрели, у нас было два места во втором ряду. Какие только оперетты

⁶⁹ Работал замкомхозом — то есть заместителем председателя отдела городского хозяйства.

⁷⁰ Бердичевский городской театр был построен в 1911 году. В нем выступали различные гастрольные коллективы, в том числе Московский ГОСЕТ. Здание театра сохранилось.

⁷¹ Еврейский художественный театр — речь идет о Московском государственном еврейском театре (ГОСЕТ, 1918–1949), который неоднократно гастролитировал в Бердичеве. До конца 1928 года ГОСЕТ возглавлял режиссер А. Грановский.

⁷² *Его возглавлял артист Михоэлс* — Соломон Михайлович Михоэлс (настоящая фамилия Вовси, 1890–1948) — выдающийся актёр и режиссёр. Ведущий актер ГОСЕТа. Мемуаристка ошибается: Михоэлс возглавил ГОСЕТ только в 1929 году, когда она уже переехала из Бердичева в Киев.

⁷³ «Колдунья», «Двести тысяч», «Путешествие Вениамина III» — постановки ГОСЕТа по произведениям классиков еврейской литературы. «Колдунья» по пьесе А. Гольдфадена (1922); «Двести тысяч» по пьесе Шолом-Алейхема (1923); «Путешествие Вениамина Третьего» по одноименному роману Менделе Мойхер-Сфорима (1927). Во всех трех спектаклях Михоэлс играл главные роли.

были в то время, нам <все> удалось посмотреть, а также выступления лучших артистов.

В объеме деятельности председателя комхоза <муж> занялся строительством нового дома, впоследствии ревизия нашла, что допущен перерасход по смете, и его сняли с работы и предали суду. С одной стороны, мы были рады случаю и переехали из Бердичева в Киев, где жили родные и <где, как мы надеялись,> мне удастся поступить в высшее учебное заведение. <С другой стороны>, сразу трудно было устроиться на работу, и квартиры у нас не было. Вопрос квартиры не волновал нас, сестра Павлуши <Эстер> встретила, как говорится, с распростёртыми руками. Работу он скоро нашёл лучше ранних. Был суд, и <Павлушу> присудили к одному году условно. Когда закончилось строительство дома, был дан приказ: объявить благодарность Шойхету Пинхосу Нахмановичу.

Итак, стремление наше переехать в Киев была достигнуто в феврале 1928 года.

Эстер, внимательная к нам и вообще, как было свойственно ей, встретила нас, и сразу нам не повезло. Идти по Гоголевской было скользко, и Розочку тётя <Эстер> вела за ручку: они поскользнулась и вдвоём упали. У Розочки получился вывих в тазобедренном суставе. Всю ночь кричала, ей было очень больно, и приговаривала: «Зачем вы поехали сюда, дома у меня ничего не болело!» Сразу не обратили внимания, но она ходить не сумела, и после рентгена наложили гипс, и в конце концов все пришло в норму и начала ходить, как ни в чём не бывало. Все эти переживания были в начале переезда из Бердичева в Киев.

19.04.1989

Решила продолжать начатую автобиографию.

Павлуша начал работать в артели строителей. Получили в общей квартире одну комнату и застали одну соседку (Калашникову). У нее, кроме мужа, были два мальчика и одна девочка (младшая). У Эстер девочки, Сонечка и Лиля, подружались с Розочкой. Мы с Эстер ходили с ними на утренние спектакли

в Оперный театр и в Пролетарский парк⁷⁴ на эстраду. Один раз нас комары так покусали, что еле прибежали к нам домой, куда было близко, налили в корыто воду и наложили примочки.

Павлушу перевели в артель «Текстильщик», а я не работала, гуляла с Розочкой.

13 мая 1929 года исполнилось Розочке четыре года. В этой связи, что у Эстер и дяди Мотла была большая квартира, устроили там именины. Было много гостей, весело. Квартира была по улице Карла Маркса, <дом> номер 1, а со стороны Крещатика — <дом> номер 19.

Провели этот день <весело, Розочка> получила много подарков: коляску детскую с большой куклой и еще много игрушек. Нас проводили домой.

Вслед за этим поехали к моим родителям в Гайсин и повторили тоже день рождения. У меня не было лучшего курорта, чем у них. Очень любили друг друга. Мне было очень приятно с ними.

Мама была прекрасная хозяйка и готовила для нас самые лучшие блюда.

Мама получила домашнее образование, умела читать, писать. Пока поженились с папой, ей было 18 лет и папе 21 год. Они переписывались, но мама писала письма из писмоводителя⁷⁵. Зато папа получил образование такое, в то время, на высшем уровне. Знал Библию, Талмуд и ко всему относился <серьезно>, вникая во всё, анализируя каждую строчку.

По немецкому учебнику Глезера и Пецольда научился писать адреса в Пруссию и разные города Прибалтики.

В Дашеве гимназии не было, я и братья в детстве учились экстерном, нанимали знатных учителей нам за плату. <Папа> предлагал, чтобы раз в неделю читали литературу. По субботам проверял всё, что в течение <недели> изучали. Для меня это было больше наказания, боялась свихнуться. Мама моя меня не привлекала кулинарничать, дорожила моим временем.

⁷⁴ Пролетарский парк — исторический Мариинский парк в центре Киева.

⁷⁵ Письмовника.

До 1914 года, Первой отечественной войны, была у нас няня и девочки⁷⁶ (одна нас, между прочим, объедала). Когда жизнь стала тяжелой, мама всё сама тянула, особенно тяжело <было> воспитывать мальчиков, они были шалунами, рвали штанишки, ботинки. Жаловалась папе, когда он возвращался домой. Приговаривала: «Как живут матери, у которых много детей?»

Мама опрятно вела квартиру: у нас было чисто, уютно. Одевала меня особенно, но и мальчиков красиво. <Мама> была быстрая, и до трех-четырех часов переодевалась, обязательно надевала передник и после обеда уходили к дедушке Аврааму и бабушке Риве. Не было ни кино, ни радио, книг она тоже не читала, единственным развлечением был дом дедушки, там собирались люди, как на бирже. Папа к вечеру приезжал к ним после разных дел, и возвращались домой подчас поздно вечером.

24.08.1989

Наступило более свободное время, решила использовать на продолжение автобиографии. У меня была нарушена последовательность автобиографии.

Хочу описать пребывание наше в Киеве, и радости, и горести. 18 мая 1928 года в последний раз в жизни отметили день рождения Розочки. Ещё на именинах была тётя Хана. После чего мы её провожали в Астрахань, где работал дядя Гриша фотографом (после Гайсина). Лето провели с Розочкой на даче в Будаевке, а Павлуша — в Кисловодске. В декабре 1929 года, 3-го, внезапно заболела наша единственная, дорогая, любимая Розочка и 19 декабря скончалась. Диагноз предполагали — туберкулезный менингит. Врачи уверяли, что в нашей стране еще лечения не было в те годы. Можно себе представить наше горе. Папа (Павлуша) болел, лечил ногу и в 1930 году достал путевку в санаторий в Сочи. Я, будучи убита горем, сначала не согласилась поехать с ним. Однако он уговорил меня, и мы вдвоём поехали в Сочи,

⁷⁶ Девочки — имеется в виду прислуга.

на обратном пути заехали в колхоз к моим родителям, недалеко от Никополя, Чистополь⁷⁷.

Вкратце, пару слов. В Гайсине работы для папы не было. Было время коллективизации. В Москве для евреев было американское общество «ЕКО»⁷⁸, которое дало возможность устроиться на земле, если можно так выразиться, и папа с мамой решили оставить всё своё имущество и выехали из Гайсина.

(Признаться, я уже забыла это мероприятие, прошу прощения.)

Нас приняли очень хорошо. У них были две коровы, куры. Застала свежую булку, парное молоко, творог, сметану, масло, куриный суп. Павлуша отметил, что живут лучше, чем мы в Киеве.

Павлуша провел три дня и спешил на работу. Я осталась еще на некоторое время и начала готовиться для поступления в институт: учебники у меня были. Рядом с нашей семьей жили в колхозе тётя Рахиль, дядя Хаскл и дети: Фанечка, двоюродная сестра, и её муж Миша Молдавский. Мне часто приходилось прибегать к нему за помощью по математике: он закончил техникум и был очень способный. В колхозе его очень любили

⁷⁷ Чистополь — земледельческая колония в Екатеринославской губ., в настоящее время село Никопольского района Днепропетровской обл. Рядом находилась еврейская земледельческая колония Фрайдорф, которая сейчас вошла в состав села Чистополь. Колония Фрайдорф — одна из 16 еврейских земледельческих колоний в составе Сталиндорфского еврейского национального района. Сталиндорфский район, организованный там, где находились основанные еще в начале XIX века еврейские земледельческие колонии, был одним из основных регионов развития еврейской аграрной колонизации. Родители мемуаристки переехали в земледельческую колонию после того, как для ее отца была закрыта возможность частной торговли. Кроме того, переезд в колонию избавлял семью от статуса лишенцев.

⁷⁸ ЕКО — Еврейское колонизационное общество, основанное в Лондоне филантропом бароном де Гиршем для поддержки переселения евреев из Восточной Европы в сельскохозяйственные колонии в Аргентине, Канаде и Палестине. Было очень активно в России до революции. После революции, наряду с другими международными организациями, спонсировало еврейскую аграрную колонизацию в СССР. Мемуаристка, называя ЕКО «американским обществом», явно путает его с Агро-Джойнтом — американской благотворительной организацией, бывшей основным спонсором еврейских земледельческих колоний в Украине.

и обращались к нему по всем вопросам: кому надо было швейную машинку исправить и т. д. Видимо, Фанечка его ревновала и не ходила к нам, поворачивалась спиной ко мне. У мамы я здорово поправилась и начала собираться домой. Павлуша подал мои документы в Украинский текстильный институт⁷⁹. Меня освободили от экзаменов, поскольку у меня были:

- 1) Свидетельство за 8 классов бывшей гимназии, перешедшей в трудовую школу;
- 2) Справка за год обучения в электротехническом техникуме;
- 3) Отпускной билет из Мединститута одесского за полгода.

Постепенно я успокоилась, учеба в институте удовлетворила моё стремление достигнуть высшее образование. Учились со мной окончившие рабфак и такие, у которых было низшее образование. Политэкономия я знала очень хорошо, а диамат — трудно, и ещё электротехнику — получала тройки. Зато немецкий язык — выделялась своими знаниями, <знала его> благодаря папе ещё с детства и многим помогала, как говорится, взяла на буксир некоторых студентов. Один студент (Губский), секретарь <нрзб.> обкома, злился на «немку», грозил, что её убьёт. Учились мы в Киеве до тех пор, пока столица Украины из Харькова <не> была переведена в Киев⁸⁰, а наш институт — в Харьков. Я была на четвертом курсе и решила продолжить: окончить институт в Харькове. Вспоминаю, что Павлуша был расстроен, не хотел, чтоб я жила в общежитии, но мне удалось устроиться у студентов, Белостоцкой Поли и Шифрина, имевших комнату. Я училась на швейном факультете в связи с тем, что Павлуша работал директором на трикотажной фабрике имени Розы Люксембург⁸¹, и мне не хотелось сталкиваться с ним, избегая разговоров, что успехи мои — по его заслугам.

⁷⁹ Украинский текстильный институт (в настоящее время Киевский национальный университет технологии и дизайна) открылся как раз в 1930 году.

⁸⁰ 24 июня 1934 года столица УССР была перенесена из Харькова в Киев.

⁸¹ Трикотажная фабрика имени Розы Люксембург, которую возглавлял муж мемуаристки Павел Шойхет, и упомянутая ниже Швейная фабрика имени Горького были построены рядом в начале 1930-х годов.

Все командировки, то ли в Москву, <то ли> в другие города, у Павлуши протекали с заездом ко мне в Харьков, я во время каникул, праздников приезжала домой, в Киев.

Писала диплом по теме «Швейный цех с соответствующим разделом закройного цеха».

На защите получила «четвёрку» — очень волновалась. Разрешили мне писать <диплом> на русском языке, учли мою просьбу, что русский язык я знала лучше украинского.

31 марта 1936 года ночью я позвонила домой о моих успехах, а также родным Вали Лисовой, с которой дружила. Я ещё была несколько дней <в Харькове>, был выпускной вечер. Павлуша был приглашен, но у него не было возможности приехать, а был главный инженер Брискман. Он выступил с речью обо мне: надеется, что я буду работать, принесу пользу швейной промышленности. Хвалил меня, что я решила оставить мужа и родных, уезжая в Харьков.

Направили меня на работу на Швейную фабрику имени Горького.

27.07.1989

По окончании института мы с Павлушей поехали в Сочи отдыхать. На работу меня направили в плановый отдел Швейного главка Наркомата легкой промышленности — экономистом. Я была сразу очень нагружена: задерживалась до 10–12 часов ночи. Иногда Павлуша приходил и ждал меня, так как я уже боялась поздно одной возвращаться домой. Я работала на пятом этаже, куда ему трудно было подниматься, лифта не было. И он сидел внизу, на первом этаже.

Прошёл год, и на выборы месткома выдвинули мою кандидатуру. Поднял руку один из работников планового отдела и сказал, что сейчас Шойхет нельзя выбирать в местком, её мужа сегодня арестовали. Я начала возражать: «Это неправда, мы с ним вместе одновременно вышли из дома, он поехал машиной на фабрику, а я трамваем сюда!» Это уже был знаменитый 1937 год.

Я совсем растерялась и, не показывая вида, продолжала работать. Наконец, с большой тревогой возвращаясь домой, думала,

что если это правда, что Павлушу арестовали, а Розочки нет, то брошусь в Днепр — утоплюсь. Вхожу в ворота двора по Михайловской улице, а навстречу идёт Павлуша. «У тебя уже был хороший день сегодня? Это арестовали директора швейной фабрики. У нас на фабрику были непрерывные звонки телефонные. Интересовались». Можете себе представить мою радость. Всё равно покоя у нас уже не было. Ночью, когда Миля домой поздно приходил⁸², мы от стука в двери пугались, предполагали, что пришли арестовывать его⁸³.

В 1938 году, когда отдыхали в Сочи, проезжали машины, мы вздрагивали: «А может, его⁸⁴ арестуют?» Особенно тяжело стало, что арестовали главного инженера Клейнера и начальника трикотажного цеха. Их пытали, что будто на ткани были фашистские знаки⁸⁵, задавали разные вопросы, но они отвечали, что наш директор был настолько квалифицирован, что такого не мог допустить.

18 июля, чтобы рассеять эти переживания, решили поехать в Кичеево⁸⁶, где были детские учреждения, и это было хорошее место для отдыха. Неожиданно пришли Боря⁸⁷ с Соней, у которой начались родовые схватки.

У нас с 1931 года жили родители, которых мы вызвали к нам в связи с тем, что папа начал болеть.

Учитывая, что <Соню> без нас отвезут в роддом, <прежде чем> мы успеем вернуться, не могу передать моё состояние. Мы поехали, но я там, в Кичеево, не могла удержаться, и мы вернулись домой (ехали фабричной легковой машиной). Как только доехали до нашего дома, вышел навстречу нам Боря и сообщил, что Сонечка родила девочку. Мы тут же усадили Борю и помчались к роддому.

⁸² Младший брат мемуаристки, который в это время учился в институте и жил вместе с ней.

⁸³ Павла Шойхета, мужа мемуаристки.

⁸⁴ Павла Шойхета, мужа мемуаристки.

⁸⁵ Поиски вражеской символики и изображений на самых различных изделиях носили в СССР конца 1930-х годов характер массового психоза.

⁸⁶ Кичеево — дачный поселок в 40 км от Киева.

⁸⁷ Один из младших братьев мемуаристки.

Навстречу шла медсестра и сказала, развернув руками: «Вот такую девочку родила!»

Мама забрала свои манатки и начала ухаживать за Сонечкой и Марочкой, как ее называли по имени <моего> папы Моисея, умершего в 1938 году. Мы их навевывали на Рейтарской <улице>. После армии Боря переехал от нас с Михайловской улицы. Мы жили с ними очень дружно. Павлуша продолжал работать на фабрике имени Розы Люксембург, а я после сокращения, будучи материально более обеспечена, работала в управлении «Швейодяг».

В сентябре 1938 года я забеременела и 15 августа 1939 года родила долгожданную девочку Мариночку. Назвала её так же, как и Марочку, именем папы на первую букву «М» — Марина. Была большая радость для нас и всех родных. Я, конечно, не работала, кормила её грудью.

Марочка была старше на год Мариночки.

Наступил 1939 год. Шло восстановление Западной Украины⁸⁸, и Боря был направлен туда, Сонечку вызвал к себе в Хотин⁸⁹. Марочка осталась с нами, она привыкла с нами, <они> росли с Мариночкой как две сестрички. Миля по окончании Института легкой промышленности женился на Жене вскоре после смерти папы, в 1938 году. В 1939 году его призвали в армию и направили во Владимир-Волынский⁹⁰, и ещё с ним — три товарища танкиста, как поется песня: «Три танкиста, три веселых друга...»⁹¹

⁸⁸ Западная Украина была занята советскими войсками в сентябре 1939 года. Мемуаристка говорит о «восстановлении» Западной Украины, вероятно, путая слово «восстановление» с официальным термином «воссоединение», которым советская пресса называла это событие.

⁸⁹ Хотин — уездный город Бессарабской губ. В 1918 году вместе со всей Бессарабией был включен в состав Румынии. Во время советской аннексии Бессарабии в 1940 году был передан в состав Черновицкой обл. Украины. Брат мемуаристки поехал в Хотин не ранее лета 1940 года.

⁹⁰ Владимир-Волынский — город на западной Волыни, вошел в состав СССР в сентябре 1939 года.

⁹¹ «Три танкиста» — популярная советская песня (слова Б. Ласкина, музыка братьев Покрас, 1939). Впервые прозвучала в кинофильме «Трактористы».

Все бы хорошо, если бы не нагрязнула война в июне 1941 года. Можно себе представить, какая поднялась паника. Это было воскресенье, Павлуша пошёл в баню. Мама ушла на рынок (Сенной базар)⁹², а я и Мариночка остались дома. Наши соседи Голубовы направились в Васильков⁹³ к сестре Насти — Мине и вернулись с вокзала. Начали обстреливать город Киев. Я была в ужасе. Но тут прибежали Павлуша и мама. Боря получил повестку явиться в военкомат. Он прибежал к нам с Рейтарской попрощаться с нами и обратился ко мне с просьбой не оставить Соню и Марочку.

На третий день по радио Левитан передал, что наши войска оставили город Владимир-Волынский. Павлушу и многих других коммунистов вызвали в горком и дали задание направиться в Бровары⁹⁴, где уже рыли противотанковые рвы. Наркомат легкой промышленности готовил для семей эшелон для эвакуации. Можно представить его прощание с Мариночкой, которая ещё спала в кроватке. С нами договорился держать связь с ним через Москву, где жил тогда его младший брат Митя. В связи с тем, что болел, перестал курить, а после прощания с нами у первого киоска купил папиросы и закурил.

Я начала готовить вещи для эвакуации. Родные начали приходить к нам узнать: можно ли будет к нам присоединиться? Эстер привела Лилю, чтобы взять ее с собой. Тетя Шева приходила узнать: сможем ли мы их устроить вместе с нами? Пропускали при входе в поезд строго по списку. Только тетя Соня по паспорту была по фамилии Левакова, её не хотели пропустить. Однако мама силой прорвалась с криком: «Это моя невестка!», и мы сели в толкучке в поезд. Над нами уже летели самолеты. Настроение наше было ужасное. Поезд передвигался очень медленно. Из Харькова начала звонить нашим знакомым-трикотажникам. Не хотелось ехать в неведомые края, но нам объяснили, что с ними

⁹² Сенной базар — один из крупнейших рынков Киева. Находился на Сенной (в настоящее время Львовской) площади.

⁹³ Васильков — районный центр Киевской обл. Расположен в 40 км от Киева.

⁹⁴ Бровары — районный центр Киевской обл. Расположен в 10 км от Киева.

будет то же самое, что лучше держаться эшелона. Мы продолжили путь. Вскоре Марочка заболела. Мама и Соня обращались ко мне: что делать?

После долгих дум решили пробираться в Астрахань к нашим дяде Грише и тете Хане — подальше от фронта. В Саратове мы решили уйти из эшелона, пошли на риск.

Узнала, как пробираться в Астрахань: поездом или пароходом? Мы решили ехать поездом, поскольку <хотели> быстрее попасть <туда>. Марочку и Мариночку повели на ночь в комнату ребёнка, а мы, взрослые, дежурили на вокзале: <ждали> прихода поезда, расписания не было. Из Саратова успели дать телеграмму в Астрахань, и нас на вокзале, к большому счастью, встретили тётя Хана и дядя Гриша. После всех волнений, когда очутились в нормальной обстановке, <когда нас встретили> с распростёртыми руками, нашей радости не было предела.

Марочка и Мариночка увидели снимки родных, знакомых, воскликнули: «Мы приехали домой!» Мы умылись, нас покормили и уложили спать. Меня и Мариночку <хозяева> уложили в свою кровать, Соню с Марочкой — на диване, маму с Лилей — на стульях, на подушках. Ромочка устроился на выступе площадки, входящей в квартиру. Гриша и Хана устроились в коридоре на полу. В Астрахани <было> ещё спокойно, но было уже затемнение, и начали привозить раненых. Мы спрашивали: «Нет раненых <по фамилии Резник> в госпитале?»

Приходится прекратить писать, что-то, не знаю что, со мной делается. Голова заболела. То ли атмосферная буря?

Вечером и у мамы голова заболела, и у других бабушек-соседушек также.

11.11.1989

Успокоившись немного от всех переживаний — приятных радостей и горестей, решила взяться за продолжение автобиографии.

11.11.1989, 23 часа

Не помню, что помешало моей затее, но имею всё время желание продолжать писать автобиографию. Подремала на

новом диване в большой комнате в присутствии Мили, Марика и Лёни, набралась храбрости, когда Миля ушёл, взялась за перо.

В Астрахани мы оставались, пока Павлуша не приехал, когда начали эвакуироваться из Харькова. Он успел эвакуировать трикотажные фабрики Украины, и из Полтавы уехал уже последним поездом. Не успел приехать в Харьков, уже по радио передали, что наши войска оставили Полтаву. Оборудование трикотажных фабрик частично эвакуировали в Саратов, а трикотажной фабрики имени Розы Люксембург — в Алма-Ату. В Астрахань вместе с Павлушей приехала и Женя — бывшая жена Мили. Видя, что нас хорошо принимают Хана и Гриша, а поехать с нами в неведомый край страшно было, задумал <Павлуша> пока поехать один. Я же настояла, чтоб поехали вместе, что будет — то будет. Тогда он согласился, чтобы тетю Соню и Марочку временно оставить, пока устроимся. Это расставание меня очень расстроило, я подумала, что Павлуша, может, и прав, в Астрахани было ещё спокойно — далеко от фронта, и нам у наших было хорошо.

Дорога у нас была тяжёлая. Пока доехали до Алма-Аты, эшелон уже не остановили и завезли до Или⁹⁵, станции у китайской границы. С нами за компанию поехали и соседи-киевляне⁹⁶. Мужчины начали ходить искать, где бы переночевать. Нас приняли в хибарку женщины. Мы расположились спать на полу. Голодны мы не были. Неприятно было, что девочка хозяйки чесала голову и была вшивой. Утром Павлуша и Исаак Голубов решили поехать в Алма-Ату, куда уже прибыло трикотажное оборудование. Вместе праздновали годовщину Октября, поскольку далеко от фронта, а у нас на душе было очень тяжело.

Прошло несколько дней, и к нам приехал рабочий из эвакуированной фабрики имени Розы Люксембург. И так мы очутились в столице Казахстана.

⁹⁵ Или — станция Илийская, расположенная недалеко от Алма-Аты.

⁹⁶ Исаак и Настя Голубовы, соседи мемуаристки по киевской коммунальной квартире.

На вокзале встретили начальника снабжения с женой, Спекторов, которые другим путем эвакуировались, а единственный сын Пинюся был на фронте, а младший в 14 лет умер в Киеве. Несчастные очень обрадовались, что нас встретили.

Здесь нас приютил главный инженер трикотажной фабрики «Красное Знамя» (Ленинград)⁹⁷, который раньше прибыл и успел получить комнату.

С течением времени оборудование перевезли в город Чимкент⁹⁸, и мы уже были «на горе», как говорится. Пока мы жили в общежитии, а Голубовы нашли себе жильё. Мы получили хлебные карточки, постепенно разместили фабрику, открыли столовую.

Не успели оглянуться, как Мариночка заболела корью. Всё же повезло: болезнь прошла без осложнений.

Чулочная фабрика начала работать, план выполняла. Лётчики перевели свои семьи из домика, который находился на территории фабрики, и нам посчастливилось переехать из общежития в этот домик. До этого к нам приехал дядя Муня с детьми, Нюмочкой и Раечкой, вследствие случившегося горя — умерла тётя Шева, сестра покойного отца. Они эвакуировались из Киева в Сталинабад⁹⁹. Нам было их очень жалко, и Павлуша послал им туда вызов¹⁰⁰.

Нас было в одной комнате общежития восемь человек. Не помню, как долго жили в этой тесноте, но терпели до тех пор, когда переехали в двухкомнатную квартиру, и ещё с кухней. Крыша была глиняная, на которой росли тюльпаны.

Павлуше неудобно было поселить такую большую семью, и он предложил Муне нанять вблизи для себя с детьми комнату,

⁹⁷ «Красное Знамя» (бывшая Керстена) — трикотажная фабрика, существовавшая в Петербурге-Ленинграде.

⁹⁸ Чимкент (в наст время Шымкент) — центр Южно-Казахстанской обл.

⁹⁹ Сталинабад — название столицы Таджикистана Душанбе в 1929–1961 годах.

¹⁰⁰ *Послал вызов* — во время Великой Отечественной войны граждане не могли свободно перемещаться по стране. Для переезда они должны были получить вызов от администрации того предприятия, на которое направлялись работать.

обещал, что уход за детьми и пользование столовой останется по-прежнему.

Я вспомнила, что тогда приехала по вызову Павлуши тетя Соня с Марочкой. Я и мама очень переживали, что мы оказались врозь с ними. Марочка заболела воспалением лёгких или бронхитом, и им пришлось уступить место московской Миле и родителям Ирочки (семьи брата тети Ханы, Бориса). Тогда нам счастье улыбнулось. Сонечка устроилась на работу и получала аттестат¹⁰¹, Марочка и Мариночка жили вдвоём, как две сестрички. Я тоже работала в плановом отделе экономистом, и мы материально жили хорошо. Мама для детей покупала мясо, готовила для них обед. Сахара не было, вместо чая пили молоко (30 рублей за литр), ели редьку, она была сладкая и недорогая.

Я себя вела наравне со всеми рабочими фабрики, ходила рыть канал, помогала в цеху. К девяти бежала на работу с куском хлеба во рту. Когда фронт начал приближаться к Астрахани, дядя Гриша был мобилизован на фронт под Сталинградом, а тётя Ханна с Ромочкой приехали к нам. Тётя Ханна устроилась кассиром на фабрике, Ромочка — в мастерской слесарем.

Ещё приехала к нам сестра Сонечки Гита с девочкой Эллочкой, которую эвакуировали другими путями. Павлуша ее устроил на районной ткацкой фабрике близко от Чимкента.

Гита желала быть с Соней вместе, но это было неразумно. По воскресеньям она приезжала к нам, мама ей уже готовила тарелку супа, кусок хлеба.

Еще один эпизод: мы с Павлушей и девочками прогуливались по главной улице мимо киоска и остановились попить водички. И что оказалось: увидели Рахиль, дочь тёти Зисл (сестры дедушки Авраама), продающей газированную воду. Понятно, как обрадовались друг дружке. Она сразу закрыла киоск и повела домой к своим, в числе которых была тётя Зисл. Несмотря на военную обстановку, усадили нас, угостили. Мама уже начала беспокоиться, что мы задержались, и с того времени началась дружба между

¹⁰¹ Получала аттестат — получала денежное довольствие мужа, который находился в действующей армии.

нами. Свыклись с обстановкой, устраивали именины Марочке 18 июля и Мариночке — 15 августа. Подарки преподносились одинаковые, угощение было скромное. На фабрике план выполняли, питались плохо, но в столовой получали суп, затируху¹⁰²; утром, в связи с отсутствием сахара, чай не пили. Мясо на рынке было очень дорогое, но мама моя на рынке обменивала продукты из пайка на мясо и готовила для детей дома обед. Ходили иногда в театр, в кино, слушали передачи по радио. Очень плакали, когда узнали, что немцы заняли Киев, не верилось, что можно <будет> когда-нибудь вернуться на родину. С Москвой была, конечно, связь. Павлуша ездил <в Москву> и главный инженер, а также выдвинутых работниц <посылали>, из них запомнила Юдашкову. Несколько раз местные казахи, работающие на фабрике, принимали нас на обед. По традиции угощали нас, сидя на земле. Считалось за честь, когда глава семьи угощал начальника фабрики из ладони, а не из ложки. Поскольку этот прием был непривычным, старались увильнуть от него.

О климате не считаю лишним написать, так как Чимкент был городом Казахстана. Очень тяжело было Павлуше. Летом — жара невыносимая, к тому же еще москиты сильно, особенно ночью, надоедали. Мы устраивались спать на стульях во дворе. В 1944 году снизилась¹⁰³ температура, и началось таяние снега на вершинах гор, и началось наводнение. Поднялась паника. Поскольку мы жили в одноэтажном домике под глиняной крышей, пришлось переселиться на фабрику, построенную на высоком фундаменте, слышно было, как под полом журчит вода. Марочку и Мариночку уже перенесли на руках. Более ценные вещи — в чистых крепких мешках. Крыша кухни сразу развалилась. Всё это сказало-сь на здоровье Павлуши: его определили в больницу Свинцового завода¹⁰⁴. Пряжу из склада на подводах вывозили лошадьми, которые захлебывались водой. Жуткая картина наблюдалась:

¹⁰² Затируха — суп с лапшой.

¹⁰³ Описка мемуаристки. Очевидно, должно было быть «повысилась».

¹⁰⁴ Чимкентский свинцовый завод — крупнейшее в СССР предприятие по производству свинца.

видели, когда плавали в городе бочки с аптекарскими лекарствами и рядом <много> других полезных вещей. Проходили эшелоны с военным снаряжением, которое доставляли прямо на фронт. Распространялись слухи, что в исполкоме стоял вопрос: спасать ли город с населением? Тогда придётся затопить железную дорогу, то есть лишить возможности доставлять всё необходимое для фронта. Такие слухи дошли к Павлуше в больницу, в 12:00 ночи он звонил по телефону на фабрику, чтоб убедиться: правда ли это, действительно ли грозит такая опасность? Долго боролись с этой стихией, очень много пострадали жители от наводнения, город производил впечатление как после бомбежки.

Был уже 1944 год, начали уже думать о возвращении в Киев. Павлуша долго не мог прийти в себя. Гриша воевал под Сталинградом: там заболел сыпным тифом, 17 дней пролежал в голоде. Наконец и его отпустили к семье, тоже к нам в Чимкент. По дороге к нам поясok от брюк поменял на кусок хлеба; не описать его мучений, пока он добрался к нам.

В связи с заболеванием его перевели на трудовой фронт. От нас вместе с тётёй Ханой и Ромочкой, пятнадцатилетним, уехал по назначению в Макат¹⁰⁵ (Казахстан). К нам в Чимкент проездом побывал младший брат Миля. Ему было поручено отвезти одну семью офицера. Как известно, у нас жила его первая жена Женя. Я об этом уже писала, что она эвакуировалась вместе с Павлушей и тоже, как и мы, приехала в Астрахань, тоже к Хане и Грише. Женя раньше нас уехала в Киев на работу в горком. По дороге она с трудностями пробивалась в военчасть к Миле под Москвой. Была зима, поезда не отапливались, и если б ее военный не угостил морковкой, она не выдержала бы. Золовка Соня с Марочкой оставались у нас, Боря (брат средний) демобилизовался лишь в 1947 году. Павлуша получил вызов от наркома легкой промышленности УССР на должность директора киевской трикотажной фабрики имени Розы Люксембург.

Однако нарком легкой промышленности Казахстана сразу же не соглашался его отпустить.

¹⁰⁵ Макат — поселок на северо-западе Казахстана, в Атырауской обл.

Павлуша бравировал его словами: «Директора можно найти, но честного¹⁰⁶ — нельзя». Нам помогли материально выехать на наш край. Оставшиеся работники нас хорошо проводили, и мы пассажирским поездом поехали через Москву, где, как я уже упомянула, жил брат Павлуши Митя с семьей. Какое это было для нас счастье! Мы отдохнули с дороги и поехали домой в Киев. Когда приехали в Киев, квартира наша была еще занята. Нас приняла к себе жена Мили, Женя, в свою квартиру, где жили до войны. Дрова у них были, не надо было стоять в очереди за керосином. Мать ее предупредила <нас> чувствовать себя как дома, хозяйничать на кухне и везде как дома.

Ночью на 9 мая 1945 года Женя нас разбудила, поднялся шум на улице: «Победа!»

Утром мама пошла на рынок, купила свежую рыбу, курицу и приготовила вкусный обед, пригласила тётю Эстер и дядю Мотла и девочек — Доню, Сонечку и Лилю. За круглым столом, конечно, присутствовали Женя, ее мама и близкая Аня, с которой поменяли квартиру, они <вместе> работали на обувной фабрике, и она живёт у неё в качестве домашней работницы <нрзб.>.

В нашей квартире жил начальник милиции, и, к счастью, он каким-то чудом освободил квартиру. У нас были все права, поскольку Боря и Миля были прописаны как постоянные жильцы в этом домоуправлении (я уже упомянула, что они были на фронте).

Соня с Марочкой сразу же вернулись в свою квартиру на улице Рейтарской, и вскоре Боря вызвал их к себе в освобожденные от немцев Румынию и Австрию. Боря был ранен в руку, его направили на лечение в Ростов. Когда вылечили, он продолжал быть на фронте. С течением времени Соня с Марочкой приехали к нему в Румынию, где родилась вторая девочка, её назвали Светочка. Хорошо устроились, питались хорошо, и в 1949 году Борю демобилизовали. Они всей семьей вернулись в Киев и заехали к нам. За заслуги получил орден Красной Звезды и много медалей за освобождение городов от фашистских врагов.

¹⁰⁶ Подчеркнуто автором в рукописи.

В Киеве им долго у нас не пришлось жить, и переехали в свою квартиру. Устроился на работу директором продуктового магазина. Он был очень способный и честный, благодаря чему пользовался уважением и любовью у своего заведующего торговым отделом. В юбилей, шестьдесят лет, райком преподнес часы, отметили праздник на высшем уровне. Второй раз дома у него собрались все родственники, очень весело провели вечер. Тетя Фаня, сестра мамы, танцевала, она копировала одну соседку с кривыми ногами, ее называли, как тогда в местечке, Перл-Бранче¹⁰⁷. Но счастье его недолго длилось. Он начал болеть, у него была гангрена на толстом пальце правой ноги. Его определили в больницу, мы просили Митю и Бориса, чтоб посодействовали по устройству его в госпиталь.

К сожалению, не удалось. В феврале <1972 года> на 61-м году жизни, в день Советской Армии (23 февраля), в 10 часов вечера, после шумно проведенного приема гостей <в больнице>, он почувствовал себя плохо, была одна дежурная врач, и его не спасли. Это был инфаркт, и он умер. Я была у него накануне вечером, поняла, что на следующий день будет много гостей, а мне хотелось с ним посидеть, поговорить. Он сидел на постели, держал себя за ногу (она болела) и беспокоился за меня, что поздно: как я доберусь домой? И всё, больше его не видела уже.

Как я его любила!

Когда окончил школу, надо было иметь рабочий стаж¹⁰⁸, и он приехал к нам в Киев устраиваться. Родители тогда были в колхозе. Сначала устроился на строительстве. С транспортом было плохо, ходил пешком, и было очень тяжело. К несчастью, Розочка заболела, с ним легче переносили беду. Трудно вспомнить, сколько времени прошло, что его призвали в армию, уже встречался с девочкой, на которой впоследствии женился.

¹⁰⁷ Перл-Бранче — вероятно, так звали соседку, которую изображала тетя мемуаристки.

¹⁰⁸ *Надо было иметь рабочий стаж* — для того чтобы поступить в институт. Отец мемуаристки занимался торговлей, значит, семья в 1920-х годов имела статус лишенцев, что мешало поступлению детей в институт.

Интересно было, я уже училась в институте и, возвращаясь домой, застала за столом маму, Борю и Соню. На столе было очень скромное угощение (это был 1932 год): четвертушка водки, хлеб, холодное¹⁰⁹, купленные в магазине-гастрономе. Меня пригласили садиться с ними.

Я позвала маму, чтобы спросить: в чём дело? Оказалось, что ей ничего не сказали. Тогда я решила их не спрашивать. Итак, мы не знали, что они зарегистрировались, а они решили скрыть помолвку¹¹⁰. Он должен был отслужить в армии в Москве, пришлось расстаться. Раскрылась тайна через год, когда Хана из Астрахани проездом через Москву встретились с ним и он рассказал об этом.

Так или иначе, Соня посещала нас, мы её очень хорошо принимали, она нам нравилась.

Итак, прошло два года по возвращении домой, после армии, некоторое время жили у нас вдвоём в квартире по улице Михайловской, пока нашли себе квартиру на улице Рейтарской. Это была общая квартира¹¹¹ — одна комната с общей кухней. Соседи оказались хорошие, культурные. Боря поступил на работу в продуктовый магазин заместителем директора. Через год родился у них мальчик-красавчик. К несчастью, он заболел, не помню уже чем, но у Бори брали кровь, и ему, то есть ребёнку, переливали её; кроме того, врач советовал давать ему свежую смородину и т. д.

Вкратце, он долго не прожил — он умер. Одновременно <мой> папа болел, мы от него скрывали, а я там у них и ночевала, вместе переживали это горе. В июле 18-го, в 1938 году, родился второй ребёнок, назвали её Марочкой по имени отца нашего, умершего в том же году 12 мая.

¹⁰⁹ Студень.

¹¹⁰ Мемуаристка неверно использует слово «помолвка». Речь идет не о помолвке, а о свадьбе.

¹¹¹ Коммунальная квартира.

Е. и Г. Эстрайх

История эмиграции одной московской еврейской семьи

Геннадий Эстрайх

Выезд

В последние два десятилетия XIX века и в годы перед Первой мировой войной XX века из Российской империи выехали примерно два миллиона евреев. Интересно, что их эмиграцию не описывают как организованное *движение*, хотя в перемещении этих сотен тысяч людей были задействованы многие организации в России и за рубежом. И все же эмиграцию советских евреев упорно называют *движением*, хотя действительно организованным массовым движением стали многочисленные ассоциации и разного рода координационные центры, созданные не в стране, а за рубежом, прежде всего в США.

Те довольно малочисленные группы активистов, которые существовали в СССР, правильней с какой-то степенью точности — и ни в коей мере не умаляя их заслуг — считать скорее звеном зарубежного движения. Даже если у группы, сформировавшейся в Москве, Ленинграде, Риге или еще где-то, не было прямой связи с зарубежьем, она все-таки существовала, например, в виде каналов для получения литературы, не говоря уже о том, что зарубежное радио играло куда более заметную роль, чем, например, самиздат. Конечно, группы связывались друг с другом, но КГБ и вся структура советской жизни, мягко говоря, не создавали среды для полнокровного движения.

Что же касается основной массы евреев, полу- и четвертьевреев, а также нееврейских членов их семей (в предыдущей эми-

грации последние составляющие практически отсутствовали), то они покинули или попытались покинуть СССР не как участники движения, а как звенья того, что называют «цепной миграцией»: одни — самые отчаянные и предприимчивые — едут, заодно прощупывая и прокладывая путь для других, а потом посылают настойчивый сигнал: бросайте все и приезжайте, здесь хорошо. Тем более что зарубежное движение вкупе с правительственными структурами Израиля, США, Австрии, Италии и еще нескольких стран проложили пути и создали транзитные пункты еврейской эмиграции. Нельзя не упомянуть и отправной пункт эмиграции — советский ОВИР.

Мотивация, спутница любой эмиграции, тоже работала. Было, конечно, «пробуждение национальной идентичности», о чем написано много или даже слишком много, но было и, похоже, доминировало другое, а именно желание реализовать заветные профессиональные мечты и бизнес-планы, перестать думать и ощущать напоминания о «пятом пункте», посмотреть мир, лучше и интересней жить, в том числе и еврейской жизнью. В Нью-Йорке я снимал квартиру у бывшей киевлянки, которая увезла дочь от украинского жениха, выдала замуж за еврея и все время жаловалась мне на нелюбимого зятя. Слышал я и другое: «Мы уехали, чтобы перестать быть евреями». Короче, к отъезду толкали всякие причины или совокупности причин. Какие-то «совокупности» — более сорока лет спустя я даже не берусь их достоверно перечислить — толкали и нас.

* * *

Если на меня не обрушится Альцгеймер или что-то в таком роде, я не забуду эту дату — 30 октября 1979 года. В тот день Советский (в отличие, видимо, от менее советских) районный ОВИР Москвы принял наши документы, собранные для выезда из страны с целью *воссоединения с семьей* в Израиле. Это была фактически единственная причина, дававшая надежду на получение разрешения покинуть СССР. Мне кажется, я все еще помню лицо того приветливого офицера в штатском, который проверил

и принял целый ворох бумаг. Квитанцию об их получении не выдавали, что вызывало, конечно, тревогу. Все собранное с большим трудом и еще большей нервотрепкой уходило в какую-то черную дыру.

Во всем этом была какая-то игра, в которой участвовали две стороны — и те, кто подавал на выезд, и те привратники, от которых зависело решение: «выпустить» или «пусть остается здесь». Ведь прямые родственные связи с кем-то в Израиле были лишь у меньшинства подававших. Мы принадлежали к большинству. У меня ближайшим родственником был троюродный брат, выехавший из Ленинграда. Я его видел один раз в жизни. Запомнилось, что он хотел показать свою силу, поэтому начал бороться с моим старшим братом. Тот потом пару дней лежал, приходил в себя. Теоретически у жены тоже кто-то жил в Израиле, так как семья брата — или даже двух братьев — ее бабушки выехала туда, тогда еще в Палестину, в 1930-е годы. Дед их проводил до Одессы, где они загрузились на пароход. И на этом или вскоре после этого связь с ними оборвалась. Восстановить ее удалось только в 2022 году.

Без официально оформленного приглашения израильского родственника нечего было даже думать о подаче документов. Троюродный брат сразу отозвался на мою просьбу. Еще четыре приглашения пришли от людей, о которых я понятия не имел. Уже не помню, через кого и как я заказал их получение. Потом я читал, что в Израиле искали однофамильцев и просили их сыграть роль родственников. В моем случае все приглашавшие были с совершенно другими фамилиями. Эстрайхи там тогда или еще не водились, или их не нашли. Мое врожденное неприятие абсурда как-то сразу заблокировало идею подачи заявления о желании воссоединиться с троюродным братом, но при этом расстаться, возможно навсегда, со многими куда более близкими родственниками, включая родителей. Поэтому я решил огорошить «компетентные органы» душещипательной историей. Звучала она примерно так: у моего отца была подруга, они вместе учились в пединституте в Житомире, готовились стать учителями в еврейских школах, но потом расстались. По распределению в 1931 году

был «дан приказ ему на запад, ей в другую сторону». И тут вдруг, как снег на голову, совсем недавно выяснилось, что их дружба на самом деле получила продолжение в виде девочки, моей сестры, приславшей мне одно из приглашений. Радость-то какая! Надо было, конечно, с «сестрой» как можно скорей воссоединиться.

Отцу моему чувства юмора было не занимать, и эта легенда ему понравилась. Он добавил: «Был бы моложе, поехал бы с вами». Война 1967 года на Ближнем Востоке рассорила его со старшим братом, отставным командиром полка в легендарной Кантемировской танковой дивизии. Два года не общались. Потом они вроде помирились и больше о политике никогда не говорили, каждый остался при своем. Отец был несказанно рад победе Израиля, а брат, когда-то получивший партбилет вместе с наганом, никогда не отклонялся от установок, изложенных в свежем номере газеты «Правда». Бои местного значения шли у отца и со старшей сестрой матери, не читавшей «Правды», но всегда верившей в ее мудрость. Ходили слухи, что много лет спустя она не просто умерла, а приняла сверхдозу какого-то лекарства — лишь бы не поехать в ненавистный Израиль с семьями своих сыновей, вышедших из рядов КПСС.

Надо сказать, что родители проявили удивительное понимание нашего желания уехать. Каждому из них ведь надо было официально (в домоуправлении) заверить бумагу о том, что они не возражают против нашего отъезда, а самое главное, не имеют к нам никаких материальных претензий. Мой отец, член партии с 1940 года и офицер-политработник в годы — и какое-то время после — войны, подписал это без колебаний. Я не помню возражений и со стороны тестя, в прошлом парторга ЦК на одном из заводов Ижевска и выпускника Высшей партийной школы в Москве, а также со стороны тещи, парторга роддома.

Сложно придумать лучшую иллюстрацию настроений в еврейских кругах — или в какой-то части этих кругов — того времени. Не случайно в одном популярном тогда анекдоте еврей подходит к двум незнакомым евреям и говорит им: «Я не знаю, что вы тут обсуждаете, но согласен с вами — ехать надо». Правда, мой брат, который был старше меня на двадцать лет и уже

давно являлся членом партии, сказал, что ему сложно понять мое решение уехать из страны социализма. Он был главным невропатологом Кривого Рога, пользовался большой популярностью у нездоровых горожан и жил уже даже не в социализме, а почти в коммунизме, где «все было схвачено».

Мы — моя жена и я — еще были комсомольцами, а таковым (как и коммунистам) подавать заявления на выезд было никак нельзя. Меня исключали в три приема: в отделе, где я работал руководителем группы, в комитете комсомола проектного института и в райкоме. Все было довольно формально. Один раз меня сравнили с власовцами, но старший товарищ осадил этого человека. После исключения из рядов ВЛКСМ меня на месяц направили в сводный комсомольский отряд — помогать строителям крытого стадиона на проспекте Мира. Надо было спешить закончить его к началу олимпийских игр.

Предстоящий спортивный форум играл заметную роль в выездных настроениях. Считалось, что в его преддверии будут легче выпускать. Статистика отъезда в 1979 году действительно вселяла надежду на успех. Никто не заглядывал в закатившийся куда-то магический кристалл, а то бы узнали, что сами игры скукожатся после ввода советских войск в Афганистан и что получение разрешения на выезд станет в советской еврейской жизни чем-то из области экзотики.

Исключение из комсомола (а заодно — из народной дружины и, кажется, еще из чего-то) было важным шагом на пути к ОВИРУ, но не последним. Не должен был возражать и наш жилищный кооператив. Тут проблем не было — председатель сразу выдал нужную бумагу и никого из соседей не посвятил в наши планы. Но самая главная бумага требовалась от моего работодателя. Для руководства отдела и института это была неприятная весть. Они попытались, как это обычно делалось в то время, договориться со мной «баш на баш»: я им — заявление об уходе, а они мне — нужное письмо, тоже о том, что нет претензий. С грузом претензий идти в ОВИР было бессмысленно.

Изначально я и собирался мирно уйти, потому что тоже не заглядывал в магический кристалл и был уверен в возможности

прокормиться какое-то время переводами технической литературы и, главное, в быстром решении вопроса. У нас уже были заготовлены фибровые чемоданы, славившиеся своей легкостью, поролон для упаковки фарфора и хрусталя, а также всякая всячина из набора отъезжающего: изделия русских промыслов, пластинки с записями классических опер, фотоаппарат «Зенит» и т. п. Завскладом лесоматериалов, приятель тестя и тещи, подбивал нас купить румынский гарнитур «Шератон» и никак не мог принять моих доводов об отсутствии денег для такой покупки: «Послушай! Пять тысяч [то есть примерно две мои годовые зарплаты] стоит гарнитур, пять даешь на лапу и пять — на пересылку. Но ты уже спокоен — у тебя есть мебель». Действительно, я потом видел эту мебель, спокойно стоявшую в их американской квартире.

Так уж получилось, что еще до октября 1979 года уезжал наш приятель, умудрившийся перед отъездом заболеть ангиной или чем-то еще в таком роде. Поэтому он не мог сидеть всю предотъездную ночь в аэропорту. Почему-то (для удобства, наверное) такое сидение «на дорожку» было крайне необходимо. Я вызвался отсидеть вместо него с полуночи до утра, между делом познакомился с довольно молодым молдавским евреем. По его рассказам, он был уважаемым человеком в Рыбнице — главным инженером ЖЭКа. За несколько часов нашего знакомства он успел сделать две вещи: продать мне килограмм грецких орехов (оказавшихся несъедобными) и втолковать мне, что работу ни в коем случае не надо терять.

Совет этот так прочно «лег на мой ум» (калька с идиша), что я предложенный институтом вариант «баш на баш» не принял. Тут, конечно, самое место описать, как моя борьба увенчалась успехом, но я не уверен, что слово «борьба» уместно в этом случае. Действительно, я сопротивлялся и даже заслужил похвалу начальницы отдела кадров (она мне это сказала несколько лет спустя: «Молодец, хорошо держался»). Но куда большую роль сыграла порядочность руководства института, проявленная по отношению не только ко мне, но и к двум другим сотрудникам, подававшим аналогичные заявления в это же время. Я даже

остался руководителем группы. Рыбницкий мудрец оказался прав — благодаря этому я оказался «отказником» в облегченной форме, *refusenik light*. После нескольких лет перерыва, когда стало понятно, что из СССР мне выхода нет и пока (или никогда) не будет, меня даже стали повышать — главный специалист, главный инженер проектов. Мы купили машину. Но «отказничество» все-таки вносило какое-то дополнительное разнообразие в нашу жизнь.

Был небольшой испуг, когда пришла повестка из военкомата. Тогда ходили слухи, что евреев специально берут в армию, чтобы они получили допуск к секретности и тем самым основание для отказа в выезде из страны. Слух, конечно, довольно глупый, так как «компетентным органам» совсем не требовалось никакого основания. Нам дважды отказывали по причине «нецелесообразности» — вот и все объяснение. Но когда пришла повестка, все-таки дули на холодную воду — а вдруг загребут в армию? Оказалось, что меня вызвали, чтобы сообщить о присвоении очередного звания — старшего лейтенанта. Лейтенантом я стал еще в институте, где военная кафедра параллельно учила нас премудростям управления ракетной установкой, списанной с вооружения в год окончания нашей учебы.

Летом 1980-го мой родственник в четвертом или пятом колене испугал нашего соседа, «Иванова по матери» (с отцом по фамилии Голбштейн или что-то в этой парадигме). Дальний родственник был курсантом в училище, готовившем офицеров для охраны тюрем и зон заключения. Его всегда тянуло к чему-то «силовому». Замполит училища — где-то в приволжском городе, кажется, — обрадовался еврейскому курсанту: теперь никто не обвинит их в антисемитизме. К олимпийским играм училище привезли в Москву и на время игр переодели в обычную милицейскую форму. В этой форме он и предстал перед нами, а потом я пошел провожать его к метро. Иванов эту сцену увидел и запаниковал, что меня арестовали и куда-то ведут. Он входил в круг наших друзей и знал о том, что мы сидим на фибровых чемоданах. Ивановы в конце концов эмигрировали в Германию. В 1994-м я приехал из Англии и случайно (в Москве!) встретился с ними

в метро. Оказалось, что они тоже уже сидели на чемоданах, не исключено, тоже фибровых. Пригодилась голбштейновская половинка.

* * *

В итоге подача документов не ухудшила качество нашей жизни, а, скорее, улучшила. Она дала ощущение свободы. Слово «отказник» воспринималось мной не как клеймо, а как звание. У меня не было ощущения, что кто-то отшатнулся от меня, разве что в самом начале, когда меня исключали и т. п. Тогда я выходил в коридор курить один, почти никто ко мне не присоединялся. Но это продолжалось не очень долго. Месяц на стройке стадиона тоже помог — в институте пыль за это время осела.

Жизнь «в отказе» стала для меня более еврейской. Если раньше я носился с какими-то планами научной работы в области автоматике, то после 1979 года занимался этим уже спустя рукава. Меня куда больше интересовала еврейская история. Точнее — интересовала меня *еще больше*, чем раньше. Говорят, что читать по-русски я начал по отцовскому учебнику истории для какого-то класса.

Дом наш в Запорожье был по-настоящему еврейским. Говорили почти всегда на идише. Родители моей матери жили с нами, от них я русского слова никогда не слышал. Я даже не уверен, что бабушка могла говорить по-русски, хотя что-то понимала. Мама не работала, но меня перед школой отдали в детский сад, чтобы я лучше освоил русский язык. Отец овладел русским очень хорошо, хотя никогда его не учил. В еврейском отделении житомирского пединститута вторым языком после идиша был украинский. Мама, тоже никогда не учившая русский, к его грамматике и лексике подходила творчески. А у ее младшей сестры были проблемы на работе. В детском саду ей приходилось вести занятия по развитию речи, но инспекторы находили ее усилия малоубедительными. В 90-е она уехала с сыновьями в Израиль и писала оттуда письма, которые без смеха — смеха до слез! — читать было невозможно. А потом стало скучно, так как она начала писать на идише.

До войны вся семья жила в Новозлатопольском еврейском национальном районе, одном из пяти в европейской части СССР. Мой отец получил туда распределение, позже заведовал районным отделом образования. По воскресеньям у нас часто собирался какой-то народ — родня и друзья по довоенной жизни в еврейском районе. Я вырос на том, что сейчас называют «устной историей». К деду приходил его приятель, любивший рассказывать, как он взял пленного в Первую мировую войну. Иногда его пленник был немцем, а иногда австрияком. Чин его тоже менялся: то фельдфебель, то офицер. С тех пор я отношусь к «устной истории» с подозрением. Не исключено, что и в этом тексте я что-то немного напутал.

С 1961 года, когда в Москве стал выходить еврейский журнал «Советиш геймланд», родители были его подписчиками и научили меня читать на идише. А в 1981 году я присоединился к Еврейской историко-этнографической комиссии, оформившейся вначале при «Советиш геймланд», а потом существовавшей как независимый «домашний» семинар¹. Комиссия, а потом и журнал, где я с 1988 года работал ответственным секретарем (мое «отказничество» уже тогда этому не препятствовало), определили всю дальнейшую траекторию моей жизни.

Елена Эстрайх

Ехать надо...

Ни я, ни мой муж не помним, как и когда у нас возникло желание покинуть пределы СССР. Память как будто отрезала этот важный этап принятия решения. А может, просто в воздухе тогда это витало, как вирус, вот мы его и подхватили незнамо откуда. На дворе стоял 1979 год. Ехали если не все, то многие. Причины

¹ См.: *Крупник И.* Как мы занимались историей... и этнографией. К 35-летию Еврейской историко-этнографической комиссии, 1981–1990 гг. // Советская иудаика: история, проблематика, персоналии / ред. М. Куповецкий. М., 2017. С. 286–327.

были разные. В основном, конечно, бежали от антисемитизма и по религиозным соображениям. Финансовая составляющая тоже была не на последнем месте: желание красиво жить никто не отменял. Опять-таки пресловутое «если не мы, так хоть наши дети» было весомым стимулом к отъезду. Применительно к нам это было скорее первое: религией в нашей семье и не пахло, а материальное положение было по советским меркам очень даже неплохим. Как раз в 1979-м мы стали собственниками хорошей кооперативной двухкомнатной квартиры в одном из спальных районов Москвы. На нашей большой кухне можно было устраивать посиделки с внушительным количеством людей. Муж неплохо зарабатывал (опять-таки по советским меркам), я после окончания института была в декретном отпуске, затянувшимся аж на три года. Казалось бы, все очень даже ничего, да вот на тебе, напасть такая. Но раз уж решили, нужно было действовать по протоколу.

Сначала поставили в известность родителей. Насколько я помню, именно так: не попросили совета, а поставили в известность. При этом родители должны были официально разрешить нам уехать именно в Израиль, куда мы точно ехать не собирались. Но так были построены правила игры: едешь как бы в Израиль, а оказавшись в Вене, резко меняешь направление и перебираешься в Рим, где ждешь разрешения на въезд в одну из выбранных стран, чаще всего в Америку, куда мы и стремились попасть. Советская власть, никогда не отличавшаяся особой гуманностью по отношению к своим «провинившимся» гражданам, хотела, чтобы об отъезде таких отщепенцев, как мы, узнали как можно больше людей. Узнали и, как говорится, заклеямили, или, на худой конец, обходили стороной и шушукались.

С позиций сегодняшнего дня это все ерунда, а тогда почти гражданский подвиг. Представьте себе, к примеру, мою маму, которая работала заведующей женской консультацией в десяти минутах ходьбы от дома. Ее в лицо знали все женщины в радиусе пары километров и почтительно здоровались, встретив на улице — разве что автограф не просили. Да и для папы, выпускника Высшей партийной школы, профессионального партийно-

го работника, который до конца своих дней продолжал свято верить в идеалы социализма/коммунизма, это тоже было непросто. Но они все-таки пошли в ЖЭК подписывать документ об отсутствии материальных претензий к своим детям.

В отличие от моего папы, отец мужа, несмотря на то что он на фронте был политработником, к тому времени уже давно разуверился в социалистической идеологии и понимал наше стремление сбежать куда подальше. Более того, он как-то сказал, что если бы не возраст, то удрал бы, не раздумывая. Родители мужа тоже подписали аналогичную бумагу.

Тогда я это как-то не так высоко оценила, наверное, в силу своего юного возраста, но сейчас понимаю, чего им всем это стоило: ведь прощались тогда навсегда. Надежда увидеться была иллюзорной.

Следующим шагом должно было стать исключение из комсомола, что естественно, так как таким отщепенцам не место в рядах передовой советской молодежи. Пожалуй, в иерархии всех предвыездных «ритуалов» лично для меня этот был наиболее унижительным и тяжелым для исполнения. Заседание проходило в райкоме комсомола. Я была в настоящей агонии в преддверии «радостной» встречи с районной ячейкой ВЛКСМ. Муж меня успокаивал как мог и даже придумал «легенду» (так и хочется сказать — на случай провала). А легенда состояла в том, что я должна была давить на жалость и повторять, что сама уезжать на историческую родину не имею никакого желания, но муж настаивает, и не согласиться — значит стать матерью-одиночкой: мол, муж от этой идеи все равно не откажется и уедет без меня и дочки.

В назначенный день и час я явилась в нужный кабинет. Передо мной за столом сидело несколько райкомовцев: все парни молодые, бравые и удалые. Никто мне не предложил сесть. Я так и простояла напротив них «на ковре» и повторяла, как муж научил. Все было как в тумане — даже не помню, сколько длилась эта экзекуция. Результатом было постановление райкома об исключении меня из рядов ВЛКСМ. Еще одна нужная бумажка была добыта и пришита к делу.

Забегая вперед, скажу, что спустя три года, когда я устроилась на работу учителем в школу, наш комсорг начал меня «окучивать» на предмет вступления в комсомол: ведь работа-то на передовом посту воспитания будущего поколения! Замечу, что это происходило на территории того же райкома, где меня исключили. Я отбрыкивалась как могла, говорила, что, мол, раз не вступила в юности, то уж теперь как-то и не нужно. Еле отбрыкалась. Так я и осталась в истории школы как единственный преподаватель комсомольского возраста — не член ВЛКСМ.

Мужа на работе «пощадил». То есть из комсомола, конечно, исключили, и даже в трех инстанциях: сначала в отделе, потом в институтской ячейке, а уж затем в райкоме — как же без этого. Однако, вопреки общепринятому мнению, будто существовал некий приказ немедленно увольнять всех подавших на выезд, на самом деле такого приказа не было — все было отдано на откуп конкретному начальству конкретного учреждения и целиком и полностью зависело от его, начальства, отношения к евреям в целом и к данному сотруднику в частности.

В качестве лирического отступления: комсорг отдела произнесла пламенную речь, заклеив и осудив его по всем статьям. А спустя несколько лет, когда встал вопрос о расформировании отдела и мужу, ставшему к тому времени главным инженером проекта, нужно было решить, кого уволить, а кого, как говорится, пощадить, он решил эту даму оставить в отделе — даже не столько за ее неповторимые профессиональные качества, сколько из-за того, что у нее семья и дети. Она потом плакала и благодарилась за то, что он зла не помнил.

Может, по причине того, что у директора проектного института, где трудился на благо родины муж, была жена-еврейка, а может, просто человек порядочный попался — и такое бывало, — но «права» мужа были ущемлены только в одном: его исключили из народной дружины, так что больше не надо было патрулировать микрорайон в дождь и стужу после работы. Правда, исключив из дружины, послали на олимпийскую стройку (стадион «Олимпийский»). Это ли не самые гуманные наказания самого гуманного в мире государства?!

Впрочем, был и еще один курьез. Муж получил повестку из военкомата с просьбой явиться в определенный день и час. Это повергло нас в полный шок, так как в то время ходили слухи, что подобные уловки предпринимались для того, чтобы послать на военную переподготовку, а потом «пришить» ярлык невыездного. Муж шел в военкомат как на эшафот, а человек в кабинете просто пожал ему руку и поздравил с присвоением очередного воинского звания — старшего лейтенанта. Хорошо, что тогда компьютеров не было и одна рука не знала, что делала другая. По работе же как таковой ничего не изменилось. Со временем все как-то позабылось, и мужа даже стали продвигать по служебной лестнице, причем довольно быстро и часто.

Что делать?..

А потом начались трудовые будни каждого советского отъезжающего. Велосипед изобретать тут не требовалось: существовал определенный список того, что полагалось сделать, купить и т. д. Во-первых, конечно, фибровые чемоданы для вывоза всего нажитого непосильным трудом — ну, не всего, конечно, а только того, что разрешалось вывозить (рога маралов, например, которые являлись «неотъемлемым атрибутом жизни» любого советского человека, а также кораллы категорически запрещалось брать с собой). Тот, кто родился в послефибровочемоданную эпоху, может и не понять, что это за хрень такая, поэтому объясню: это такие чудища, сделанные то ли из картона, то ли из чего-то подобного, но крепче. Покупались они по причине своей вместительности, дешевизны, а главное, по принципу «не жалко выбросить». Не помню, сколько мы их надыбали, но высились они в углу нашей просторной кухни, накрытые старой скатертью, дожидаясь своего часа.

А еще нужны были большие куски поролона, чтобы паковать в него посуду. Да и то правда: как же там, на чужбине, без сервизов наших любимых и хрустальных вазочек? Паковка была отдельным делом. Появились специально обученные люди, которые

знали, какие дырки надо вырезать для чашек, а какие для тарелок и других предметов. Откуда взялась вдруг эта мудрость, понятия не имею, но найти умельцев было несложно. Они хорошо зарабатывали на этой операции, а в конце своего действия, поместив всю посуду в картонные коробки, демонстративно бросали их со всего размаху на пол, тем самым демонстрируя надежность перевозки в любых экстремальных условиях. У заказчиков, конечно, сердце обрывалось, но, следуя совету проверить, все ли цело, они убеждались, что уж что-что, а поесть и попить им точно будет из чего.

Памятуя о том, что в Италии придется довольно долго ждать разрешения на въезд в Америку и в другие страны, все покупали то, что пользовалось спросом у местного населения, чтобы, продав это за совсем небольшие деньги, можно было хоть немного посвободнее жить. И мы не были исключением. Нам достали по большому благу гжельские сувениры. Как сейчас помню, мини-самовар с позолотой стоил 25 рублей — деньги по тем временам немалые, но надо так надо. (Кстати, он и сейчас красуется у меня на кухне.) Купили еще и фотоаппарат «Зенит». До сих пор не пойму, зачем они были нужны иностранцам. Неужели качество местных уступало? Скорей, из-за дешевизны. Да и много еще чего купили — сейчас уж и не упомнишь.

А в основном жили обычной жизнью, только в почтовый ящик заглядывали чаще: а вдруг долгожданная повестка в ОВИР придет. Но проходили месяцы, а мы не получали никаких новостей. Месяцы переросли в полтора года — и вот наконец конверт получен. В нем дата и номер комнаты, куда нам надлежало явиться. Говорили, что по номеру комнаты определяли, какой будет ответ: можно или нельзя нам покинуть СССР. Признаюсь, сейчас уже не помню, поняли ли мы, как решат нашу судьбу власти — до встречи с овировцем или непосредственно на приеме. Да это и не столь важно. Главное в сути, а суть была такова, что нам отказали в выезде по причине нецелесообразности. Мы поняли, что сказался год работы мужа на режимном предприятии в городе Запорожье, хоть и прошло к тому времени уже года три, да и на предприятии этом муж только пользовался тем же входом, что

и «режимники», а сам работал в самом что ни на есть несекретном месте — в конструкторском бюро, где разрабатывали кассетные магнитофоны «Весна».

Впрочем, подробных объяснений нам никто не дал, и мы тут же подали на апелляцию. На сей раз долго ждать не пришлось: второй отказ пришел через полтора месяца. Конечно, можно было наполниться гордостью за себя любимых — еще бы, страна явно не может представить своего будущего без нас. Но это я так думаю по прошествии стольких лет, а тогда чувства были совсем другие. Один немаловажный нюанс: как ни пытались, мы не смогли вспомнить, куда подевалась та злополучная бумажка с отказом. А была та бумажка чрезвычайно важным документом, по которому несколько лет спустя Америка начала принимать эмигрантов напрямую из СССР, минуя приглашения в Израиль. На этом наши попытки уехать из страны закончились; вернее, закончился первый этап.

И все-таки мы уехали!

Прошло целых 10 лет. Наступил 1991 год. Страна уже была совсем другой. Я работала. Муж резко сменил род деятельности и из инженеров перешел работать в редакцию единственного в СССР еврейского журнала. Там-то его и встретил один господин из Великобритании, а встретив, пригласил приехать в Оксфорд писать диссертацию. И вот пришел муж с работы, а я в это время пол подметала. Он мне рассказал про эпохальную встречу. Надо заметить, что я даже подметать не перестала, так как всяких посулов уже наслушалась. А зря: этот оказался самым что ни на есть настоящим, и мы через год всей семьей переехали в Англию.

Это, конечно, нельзя назвать эмиграцией в полном смысле слова: с родными мы навек не прощались, мосты в виде квартир и утвари не сжигали и могли вернуться обратно в любое время. Но мы для себя с самого начала решили, что обратно не вернемся — разве что в гости. Мы не были уверены, что останемся именно в Англии, но в том, что останемся, не сомневались.

Первые несколько лет не были усыпаны розами, ведь Англия — это не страна эмиграции, и никаких пособий, подобных тем, что получали наши бывшие соотечественники, скажем, в Израиле или в Америке, нам не дали. У мужа было несколько аспирантских стипендий, которых хватало на пропитание и жилье на нашу семью из четырех человек. Вот только одна загвоздка: мы не привыкли так жить, чтоб только о хлебе насущном думать. Даже в Москве у нас был к тому времени другой уровень жизни. И очень уж хотелось мир повидать — ведь, в отличие от мужа, я лично кроме Болгарии нигде не была, а курица, как говорится, не птица...

Веду я к тому, что я сразу же стала искать работу. Вот тут-то и начались большие проблемы. Иностранцев из Восточной Европы в то время было на пальцах перечесть. На нас смотрели как на диковинку, эдакую экзотику, на которую можно даже гостей пригласить. Да, и такое было, но, к счастью, довольно быстро прошло. Но одно дело гости, а совсем другое — взять на работу. И это притом, что английский язык — моя специальность, так что никаких проблем я не ожидала, но не тут-то было. Дело в том, что английский в этой стране, как нетрудно догадаться, знают многие, и при этом англичане не любят акценты. Скажу не без гордости, что у меня прекрасное произношение, одно из лучших у нас на курсе, хорошо поставленное, с правильными интонациями, но все равно слышно, что не своя. Справедливости ради, замечу, что никто и никогда не узнал во мне носителя русского языка. Англичане всегда гадали, откуда я, и их догадки покрывали территорию от Австралии до Америки (кстати об Америке: там меня часто принимают за «коренную» англичанку). Именно такое хорошее знание английского и явилось камнем преткновения при поисках потенциального работодателя. Я окончила курсы «слепого» печатания и стала искать вакансии секретаря, референта и т. д. Меня приглашали на интервью, рассматривали с нескрываемым интересом, как через лупу, и в конце всегда отмечали, что у меня прекрасный английский язык.

Вскоре я уже поняла, что, когда так говорят, работу точно не предложат. На мне висел ярлык человека со слишком высокой

квалификацией для должностей, на которые я подавала (по-английски это выражается одним словом «overqualified»).

В конце концов я решила подвизаться на nive образования — не преподавателем, конечно (что мне преподавать-то?!), а простым помощником учителя в начальной школе. Ну, думаю, здесь уж мне должно повезти: как-никак, по специальности своей прямой пробивалась. Платили за эту работу так мало, что даже не о деньгах речь — просто нужно было хоть с чего-нибудь начать. Как ни странно, мне и здесь ничего не светило. Одна мама из родительского комитета, который принимал участие в найме на эту должность, пояснила, что мое педагогическое образование работало против меня. Я, мол, являюсь угрозой авторитету учителя в классе. И здесь облом.

Где я только ни работала первое время, пока была в поисках: и в доме престарелых еду старичкам готовила, и в университетском кафе тарелками звенела, и в булочной продавцом-кассиром. Булочная была самым хлебным местом в прямом смысле этого слова. Дело в том, что в конце рабочего дня можно было брать домой совершенно бесплатно все что угодно, а что не разбирали продавцы, выбрасывали на помойку, кроме французских батонов, которые забирал местный фермер на откорм свиней. Не хотели они показывать покупателям, что на следующее утро можно купить дешевле — пусть покупают по полной цене. Дети мои каждый день диктовали мне, что принести — у них появились свои пристрастия. Соседи наши тоже внакладе не оставались. Именно здесь я получила первую похвалу за свои умственные способности. Дело в том, что на кассе была уйма кнопочек, на каждой из которых было написано название булочки или сорта хлеба, и нажимать нужно было правильно. Я запомнила раскладку к концу первого рабочего дня. Менеджер сказала, что предыдущий продавец (кстати, англичанка) уволилась, так как ничего так и не смогла запомнить.

Булочную сменила группа продленного дня, а потом работа продавца в русском отделе книжного магазина, пока меня дорожка совершенно случайно не привела в университетскую библиотеку. Сначала это было временное пристанище. В течение трех

месяцев я перематывала бобины с микрофильмами парижской газеты «Русская мысль», а также складывала выпуски газет в хронологическом порядке. Попутно, конечно, читала. Очень любопытно было проследить, как с годами менялся русский язык: от объявления о том, что гражданку N. опрокинул троллейбус, до вполне современных фраз послеперестроечных номеров. Если бы мне кто-то в моей предыдущей жизни в Москве сказал, что я буду работать в библиотеке, я бы, наверное, повертела пальцем у виска, но эмиграция многое меняет. Именно здесь я сделала очень даже неплохую карьеру, особенно учитывая то, что у меня не было никакого библиотечного образования.

Но что это я все про себя да про себя? Детям тоже было непросто. Сын в Москве еще в школу не ходил и пошел в первый раз в первый класс в Англии, не зная ни единого английского слова. Сердце кровью обливалось, хоть он и не жаловался никогда. Один раз только сказал, что к нему подошел мальчик и что-то спросил, но, так как он ничего не понял, мальчик потерял к нему всякий интерес. Прямо так и сказал, а в 7 лет это звучит страшнее, чем в 18, особенно для мамы. Благо в школе появился еще один ученик из Венесуэлы, тоже без английского. Их вместе брал на индивидуальные занятия учитель английского языка как иностранного. Так они и сошлись, жестами, мимикой как-то общались. Это поддерживало их обоих. Месяцев через 8–9 сын заговорил. На этом проблемы закончились. Я имею в виду проблемы с английским, но начались проблемы с русским. Мы с мамой соседской девочки упорно учили их читать и писать по русским учебникам. Я не сомневаюсь, что сейчас они другие, но те, что нам прислали, были наполнены советской тематикой. Они постоянно спрашивали, кто такие октябрюта и что такое колхоз. Нашего терпения хватило не очень надолго, но если не писать, то хотя бы читать сын все-таки умеет.

Дочке было и легче и сложнее. Легче, потому что она к тому времени окончила семь классов английской школы, а труднее, так как приехала она как раз тогда, когда начиналась работа по сдаче экзаменов за то, что в России называлось восьмилеткой, то есть многие сочинения и проекты засчитывались как часть экза-

менов. И, конечно, одно дело, когда ты учишь язык как отдельный предмет, и совсем другое — когда все предметы ведутся на этом языке. Опять-таки, никаких охов и ахов я от своей дочери не слышала. Я помогла ей немного только с парой эссе по английской литературе: ведь надо было не написать о том, «как ты провел этим летом», а анализировать произведения. По другим предметам, особенно по математике и естественным наукам, она сразу стала впереди планеты всей. Отдельная история немецкий язык. Изучала она его в Москве только три недели факультативно и страшно комплексовала по этому поводу, ведь ее одноклассники корпели над ним уже несколько лет. Каково же было наше удивление, когда выяснилось, что она и здесь в передовых. С друзьями, правда, не сразу все сложилось, ведь влиться в коллектив даже своему не так просто, а уж девочке-иностранке сложно необычайно, но дочка как-то спокойно это восприняла и ждала своего часа.

Так прошло целых семь лет, и наконец в 1999 году мы получили постоянный вид на жительство. Все сразу как-то успокоились, и мы стали просто жить, учиться и работать. Но это уже предмет другого рассказа. Я не раз задумывалась о том, как бы сложилась наша жизнь, если бы нам тогда, в начале восьмидесятых, не отказали в выезде. Но, как это ни банально звучит, история не знает сослагательного наклонения.

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Владимирски, М. В. Кротова

Альфред Гинцбург и российская золотопромышленность

Сложившийся исторический стереотип тесно увязывает 1912 год в России с печально известным Ленским расстрелом, вызвавшим бурю негодования как во всех слоях общества, так и в печати. В вышедших сразу по горячим следам в апреле 1912 года газетных статьях, вне всякой зависимости от их политической и социальной ориентации, начинает формироваться основной канон описаний ленских событий, складывается устойчивый миф о беспорядках, вызванных беспощадной эксплуатацией рабочих, доведенных до отчаяния бездушной администрацией, о капиталистах-«кровопийцах», наживающихся на рабском труде, и прочее. Часть обвинений в расстреле приисковых рабочих 4 апреля 1912 года пали и на правление акционерного общества «Ленское золотопромышленное товарищество» (АО ЛЗТ, или «Лензото»), директором-распорядителем которого был Альфред Горациевич Гинцбург. Правые газеты, известные своими антисемитскими высказываниями, прямо обвиняли евреев в лице Гинцбургов в добыче золота за счет русской крови¹. Газета «Русское слово» упрекала барона Альфреда Гинцбурга в дилетантизме:

¹ В газете «Русское знамя» от 7 апреля 1912 года говорилось: «Жидаы, заправи-лы Ленского товарищества, жадные до русского золота, не особенно ценят русскую кровь» (Фаланга. Жидаы и русская кровь // Русское знамя. 1912. 7 апреля). В этой же газете от 10 апреля 1912 года можно встретить следующий пассаж: «В глухой тайге Сибири в жертву жидовскому тельцу принесено 191 убитых русских рабочих и 210 раненых. <...> Виновно во всем правление

В деловых кругах, где весьма уважали баронов Г. Е. и Д. Г. Гинцбургов, к теперешнему главе дела относятся несерьезно. Его считают недостаточно солидным и деловым человеком, недостаточно опытным и уравновешенным. Он часто берется за дела, которых не знает. В частности, о золотом деле он понятия не имеет, и как обстоит дело на Ленских приисках, он не имеет точного представления, хотя и является директором-распорядителем товарищества. Занятый светской рассеянной жизнью, он тратит оставшееся время на устройство биржевых и банковских дел. Но вникать в сущность дела ему не удастся².

Упреки эти были совершенно незаслуженными, так как Альфред Гинцбург не только прекрасно знал обстановку на приисках, но был единственным из членов правления «Лензото», кто постоянно бывал там в течение 20 лет.

Критика в печати, высказывания членов специально назначенной государственной комиссии по расследованию этого трагического происшествия (комиссия сенатора С. С. Манухина), работа нескольких независимых комиссий и публикация результатов расследования способствовали отставке в полном составе правления АО ЛЗТ в сентябре 1912 года без разъяснения причин. Можно с определенной долей вероятности предположить, что разъяснения со стороны полностью дискредитировавшего себя в уже сложившемся общественном мнении правления просто затерялись бы на фоне всеобщего общественного осуждения.

Все представления о ленских событиях, сформированные еще до революции³, дополненные работами 1920–1930-х годов⁴, по-

Ленских золотопромышленных приисков, состоящее из жидов во главе с архи-жидом бароном Гинцбургом — он же и раввин петербургской синагоги» (Русское знамя. 1912. 10 апреля). Газета «Земщина» писала о «Лензото» как о «царстве еврейского золота», «жидо-английской шайке эксплуататоров» (Земщина. 1912. 11 апреля, 2 мая).

² Участники событий // Русское слово. 1912. 8 апреля. № 82.

³ *Невский А.* Ленские события и их причины. СПб., 1912; Правда о Ленских событиях, 1913.

⁴ *Волин Н.* Ленский расстрел. Кровавые события на Ленских золотых приисках. 17 апреля 1912 г. Вятка: издание т-ва Труженик, 1924; *Григорьев Ф. С., Шапирштейн-Лерс Я. С.* К истории рабочего и революционного движения в Бодай-

вторяются в послевоенных⁵ и отчасти в современных исследованиях⁶. Практически во всех работах акценты сделаны на «чудовищных» условиях труда рабочих на приисках, недоброкачественной провизии, неудовлетворительной медицинской помощи и т. п., а в качестве одного из достоверных доказательств приводятся ссылки на отчет члена Государственного совета, сенатора С. С. Манухина, побывавшего на приисках с инспекцией в июне 1912 года⁷. Используя в качестве источника упоминаемый отчет, никто из описывавших события на Ленских приисках не придавал значения тому факту, что во время ревизии Манухина на приисках находился директор-распорядитель «Ленского золотопромышленного товарищества» Альфред Гинцбург, выехавший на Лену 20 мая 1912 года, который более чем кто-либо был знаком с ситуацией на приисках, условиями работы, бытом рабочих и выдвигаемыми ими требованиями. По окончании работы комиссии Манухина Альфредом Гинцбургом правлению АО ЛЗТ был представлен развернутый доклад, опубликованный также в 1912 году⁸ и оставшийся незамеченным. Между тем в этом

бинском золотопромышленном районе. Ленское «9 января» — 4 апреля 1912 года. Бодайбо, 1924; *Гудошников М.* Ленский расстрел. М. — Иркутск: ОГИЗ, 1932; Ленский расстрел. Тула, 1925; *Плясунов Ф.* Ленский расстрел. М., 1924; *Никитин А. М.* Правда о Ленских событиях. М.: Пролетарий, 1924.

⁵ *Вендрих Г. А.* Ленские события. 1912 г. Иркутск, 1956; *Лебедев М. И.* Воспоминания о Ленских событиях 1912 г. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962; *Шарапов И. П.* Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949; *Шарапов И. П.* Очерки истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949; *Шацилло К. Ф.* Ленский расстрел и царское правительство (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // *Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема (1910–1914 гг.)*. М.: Наука, 1965.

⁶ *Минченков А.* Золотые промыслы Сибири // *Сибирские огни*. 2015. № 10; *Мунгалов Н. Н.* Ленские золотые прииски: исторический очерк. Иркутск; Бодайбо: Репроцентр А1, 2008.

⁷ Всеподданнейший отчет члена Государственного совета, сенатора, тайного советника Манухина по исполнению высочайше возложенного на него 27 апреля 1912 года расследования о забастовке на Ленских приисках. СПб., 1912.

⁸ Доклад Директора-Распорядителя барона А. Г. Гинцбурга и кандидата в члены Правления И. М. Саладиллова о командировании их на прииски // Доклады Правления Ленского Золотопромышленного Товарищества о забастовке. СПб.: типография В. Ф. Киршбаума, 1912. Ч. I.

докладе были сделаны важные выводы о сути событий, произошедших на приисках «Лензото», опровергнуты как бездоказательные и голословные все обвинения как со стороны рабочих, так и со стороны комиссии сенатора С. С. Манухина. Обстоятельный анализ причин трагических событий с опорой на факты и цифры привел Альфреда Гинцбурга к выводу о том, что агенты российского правительства не были знакомы ни с географической спецификой Олекминско-Витимской тайги, ни со спецификой организации золотопромышленного дела в условиях вечной мерзлоты. Кроме того, комиссией не были проанализированы изменения в составе рабочих, занятых на приисках АО ЛЗТ, где работа была организована с использованием техники и требовала от рабочего определенной квалификации и специализации. Здесь же были сделаны предложения по дальнейшей реорганизации и эксплуатации Ленских приисков. Часть начинаний, предпринятых Гинцбургом, продолжалась после отставки правления в 1912 году вплоть до революции 1917 года и уже в советский период.

О роли Альфреда Гинцбурга в организации и реорганизации золотопромышленности в Олекминско-Витимской тайге практически ничего не написано, а упоминаемые в исследованиях малочисленные сведения требуют дополнительной верификации. Так, например, в статье, посвященной Ленскому расстрелу, немецкий профессор М. Хаген в качестве руководителя АО ЛЗТ называет барона Горация Евзелевича Гинцбурга, который 5 апреля 1912 года «предал известие гласности, проинформировав в своей интерпретации», в то время как барон Гораций Гинцбург скончался в 1909 году, задолго до описываемых событий⁹. Следует заметить, что авторов многочисленных статей в прессе того времени и многих исследовательских работ о Ленском расстреле не интересовала реальная фигура директора-распорядителя —

⁹ Хаген М. Ленский расстрел 1912 г. и российская общественность // Отечественная история. 2002. № 2. С. 60–61. В этой статье М. Хаген пишет о том, что Альфред Гинцбург был назначен директором-распорядителем АО ЛЗТ в 1909 году, что также не соответствует действительности.

всех устраивал обобщенный, нередко карикатурный образ барона-капиталиста, «приказчика англичан», хозяина «золотой тайги», «золотого паука», захватившего «в свои цепкие лапы все золотое дело Олекминско-Витимского округа»¹⁰. Идеологические клише, вроде «в темном царстве Лены воцарилась династия кровожадных Гинцбургов»¹¹, заменили собой реальный образ предпринимателя. Даже в тех немногих работах, где упоминается имя Альфреда Гинцбурга¹², есть неточности в биографических сведениях¹³, требующие дополнительной работы как с российскими, так и с зарубежными источниками.

Альфред Горациевич Гинцбург, чье имя было тесно связано с историей «Ленского золотопромышленного товарищества», одного из самых крупных акционерных обществ дореволюционной России и первого подобного рода общества в золотопромышленности, был неординарной личностью как в истории российского еврейства, так и в истории благотворительной деятельности Консистерии евреев Парижа. Он был сыном известного деятеля Горация Евзелевича Гинцбурга, но находился в тени своего знаменитого отца и брата Давида. В большой семье Горация Гинцбурга, насчитывавшей одиннадцать детей (8 сыновей, один из которых, Марк, умер в восемнадцатилетнем возрасте, и три дочери), Альфред был пятым из сыновей. Он родился 3 марта

¹⁰ Волин Н. Указ. соч. С. 1–2.

¹¹ Шаранов И. П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск: Иркутское областное гос. изд-во, 1949. С. 52.

¹² Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006; Лизунов П. В. Банкирский дом «И. Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб., 2017; Слиозберг Г. Б. Барон Г. О. Гинцбург, его жизнь и деятельность: к столетию со дня его рождения. Париж, 1933.

¹³ Так, П. В. Лизунов в своем обстоятельном исследовании пишет о том, что «непосредственное управление Ленскими рудниками осуществлялось сыном Г. Е. Гинцбурга Александром» (Лизунов П. В. Указ. соч. С. 118), но в документах комиссии Манухина во время опроса члена правления Александра Гинцбурга 16 мая 1912 года тот признался, что ни разу не был на приисках, а всю информацию получал из бесед с Альфредом (ГАРФ. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 45. Л. 96).

1865 года во Франции, в курортном городке Ментоне (Департамент Приморских Альп), где семья часто проводила летние месяцы. В акте о рождении Авраама Альфреда Гинцбурга, выданном в ментонской конторе мэра Ницкого (так!) округа, указано, что он «сын Горация Иосифова Гинцбурга, банкира, 32 лет, жительствовавшего в Санкт-Петербурге, и г. Анны, урожденной Розенберг, родом из Гесселя, 26 лет, жительствовавшей в Санкт-Петербурге». Свидетелями были Маврикий Гастальди, 79 лет, секретарь конторы мэра, проживающий в Ментоне, и Иосиф Донато, 37 лет, судебный пристав, жительствовавший в Ментоне¹⁴.

До 15 лет Альфред жил во Франции, где получил как домашнее, так и светское классическое образование. В Париже семья Гинцбургов поселяется в 1857 году, по окончании Крымской войны. Если поначалу парижское общество считало их *русскими* выскочками и нуворишами, склотившими состояние за счет удачных подрядов во время войны, то в 1870-х годах все считали за честь побывать у них на балу или на званом обеде. В парижском доме Гинцбургов недалеко от Триумфальной арки царила интеллектуальная атмосфера, там часто бывали представители литературных и художественных кругов как из Франции, так и из России¹⁵. Евзель Гинцбург, а впоследствии и его сын Гораций помогали художникам и скульпторам из России материально, в их доме была оборудована специальная студия с набором всех материалов, необходимых для творчества и для устройства выставок многообещающих дарований, таких как Марк Антокольский.

Помимо каждодневных домашних занятий мальчики семьи Гинцбургов некоторое время посещали лицей Кондорсе, известный также как лицей Бонапарта¹⁶. Занятия у детей были распи-

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23094. Л. 6–7.

¹⁵ Лизунов П. В. Указ. соч. С. 74–77; Слиозберг Г. Указ. соч. С. 40–41; *Larroine de Meaux. Une Grande Famille Russe: les Gunzburg. Paris/Saint Petersburg XIX–XX siècle.* Paris: Perrin, 2017. P. 53.

¹⁶ Лицей Бонапарта, основанный в 1803 году, был одним из самых престижных учебных заведений Парижа, в нем учились многие политические деятели, а также деятели науки, культуры и финансовых кругов, поэтому здесь завелись полезные знакомства.

саны по всем дням недели, кроме субботы: Жюль Лабе, выпускник Эколь Нормаль, учил их французскому, Роберт Рохман, инженер, уроженец Одессы, учил почти всем предметам, давал уроки русского и настаивал на посещении французских предприятий с целью ознакомления с современной техникой и технологией промышленного производства. Девочки тоже получали домашнее образование — молодой поэт Николай Минский (Виленкин) преподавал им русский язык, мадам Делапорт из французского театра давала уроки декламации; русский художник Иван Похитонов — уроки русского, рисования и, как ни странно, математики. Все дети с юных лет посещали оперу, театр, выставки и публичные мероприятия, а глава семьи удостоился приглашения к обеду у Наполеона III¹⁷.

Гораций Гинцбург продолжал вести коммерческие дела в России, деля жизнь между Петербургом и Парижем, где жила семья. После смерти жены в 1876 году барон Гораций Евзелевич Гинцбург принимает решение переехать с семьей в Санкт-Петербург, где поселился на Конногвардейском бульваре, в доме № 17 — в доме Утина, где находилась контора банкирского дома «И. Е. Гинцбург»¹⁸. Определением Правительствующего Сената 26 октября 1881 года Аврааму-Альфреду Горациевичу Гинцбургу было дозволено пользоваться баронским титулом, пожалованным отцу его, Горацию Гинцбургу, его королевским высочеством великим герцогом Гессенским¹⁹. Для получения высшего образования был необходим аттестат зрелости, с этой целью Альфред был в мае 1883 года подвергнут испытаниям во Второй Санкт-Петербургской гимназии, где он выдержал экзамены экстерном и показал «нижеследующие познания: в Законе Божиим — 5, русском

¹⁷ *Larroine de Meaux. Une Grande Famille Russe.* P. 66.

¹⁸ По сведениям П. В. Лизунова, семья Г. Е. Гинцбурга занимала квартиру из 21 комнаты с передней, 3 прихожими, 2 буфетными кухнями и 2 кухнями с несколькими помещениями в подвальном этаже. Контора банкирского и торгового дома «И. Е. Гинцбург» занимала 12 комнат (*Лизунов П. В. Указ. соч.* С. 130).

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23094. Л. 5.

языке и словесности — 3, логике — 3, языках: латинском — 3, греческом — 3, математике — 4, физике и математической географии — 4, истории — 3, географии — 3, языках: немецком — (прочерк), французском — 5»²⁰.

В августе 1883 года Альфред Гинцбург был зачислен в число студентов математического отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Надо заметить, что физико-математический факультет университета в конце XIX века был местом формирования научных школ в разных отраслях знания: не только математики и физики, но и химии, биологии, геологии, минералогии, географии, астрономии, механики. До середины 1880-х годов это был самый популярный факультет в университете, а по социальному составу студентов он был наиболее привилегированным²¹. В ноябре 1883 года Альфред Гинцбург просил ректора университета разрешить ему отпуск на один месяц для выезда в Париж по «семейным делам, не терпящим отлагательства»²². В мае 1884 года он подал прошение об отпуске за границу с 26 мая до 1 сентября 1884 года на морские купания²³. На втором курсе он также выезжал в ноябре 1884 года в Гамбург, «согласно желанию отца моего, <...> для устройства дел семейных»²⁴. Судя по оплаченным квитанциям за слушание лекций в 1884–1885 годах, он должен был окончить второй курс, но 21 января 1885 года подал прошение на имя ректора университета об увольнении его из числа студентов, добавив: «Документы за меня получить доверяю Лазарю Леонтьевичу Мееру»²⁵.

Уволившись из университета, Альфред выдержал офицерский экзамен по первому разряду при Главном управлении военно-

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23094. Л. 2.

²¹ *Баринов Д. А.* Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ // Клио. 2013. № 10. С. 47.

²² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23094. Л. 11.

²³ Там же. Л. 16.

²⁴ Там же. Л. 23.

²⁵ Там же. Л. 28.

учебных заведений и 25 июня 1885 года вступил рядовым на правах вольноопределяющегося II разряда в 17-й Драгунский Волынский полк. Человек со средним образованием мог поступить на службу по второму разряду (деление вольноопределяющихся на два разряда было отменено в 1912 году). В унтер-офицеры «вольноперов» производили через несколько месяцев службы²⁶. Й. Петровский-Штерн в своем исследовании пояснял:

Сразу после принятия Устава 1874 г. специальным распоряжением Военного министерства число евреев, претендующих на перевод из вольноопределяющихся в офицеры, было ограничено тремя процентами, а еще через год прием евреев в военные и юнкерские училища был полностью запрещен. В результате с 1874 по 1917 г. правом на получение офицерского чина в России воспользовалось всего девять евреев, восемь из которых были детьми крупнейших еврейских банкиров и были зачислены в офицерский корпус «из соображений сословного престижа и в знак готовности еврейской аристократии служить царю и отечеству», причем вопрос о производстве их в офицеры рассматривался на уровне военного министра и императора «как нечто исключительное и не претендующее на создание прецедента»²⁷.

Таким образом, Альфред Гинцбург был одним из последних евреев, удостоенных звания корнета. О. Будницкий в своей книге упоминал о том, что барон А. Гинцбург часто участвовал в скаковых состязаниях и брал призы²⁸.

Поступление Альфреда, а до этого его брата Александра в гвардию вряд ли было случайно. Лейб-гвардии Конный полк считался одним из самых престижных во всей гвардии, был основан еще в 1730 году, имел прозвище «Старуха» — так полк называл

²⁶ Авторы благодарят к. и. н. С. В. Андрияйнена за помощь и комментарии к послужному списку А. Г. Гинцбурга.

²⁷ *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003. С. 181.

²⁸ *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 174.

еще великий князь Константин Павлович, шеф полка. Он славился в гвардии знаменитыми «четверговыми» обедами. Полк квартировал в городе Ломжа в Польше и входил в состав 6-й кавалерийской дивизии Варшавского военного округа. В полку традиционно было много офицеров из прибалтийских немцев. Как и в случае с кавалергардами, служба в конной гвардии требовала больших средств, но зато давала возможность получить хорошие связи, в отличие от обычного армейского полка. Возможно, выбор Г. Е. Гинцбургом службы для сыновей был связан с тем, что В. И. Асташев, компаньон Гинцбурга, тоже начинал военную службу в 1855 году в звании корнета лейб-гвардии Конного полка. К тому же благодаря офицерскому чину можно было получить личное дворянство, чем и воспользовался старший брат Альфреда Александр в 1884 году²⁹.

Согласно формулярному списку барона А. Г. Гинцбурга, Альфред прибыл и был зачислен в списки полка 28 июня 1885 года, произведен в унтер-офицеры 8 ноября 1885 года. Он был прикомандирован к лейб-гвардии Конному полку для держания офицерского экзамена при Главном управлении военно-учебных заведений 9 марта 1886 года и выдержал экзамен по I разряду 16 июня 1886 года. 1 июля 1886 года Альфред Гинцбург прибыл в полк и 7 июля был произведен в эстандарт-юнкера. Высочайшим приказом по военному ведомству 5 января 1887 года А. Г. Гинцбург был произведен в корнеты со старшинством с 7 августа 1885 года³⁰, но уже 28 сентября 1888 года был зачислен в запас армейской кавалерии³¹. Надо заметить, что перед произведением Альфреда Гинцбурга в корнеты последовала высочайшая резолюция 23 декабря 1886 года с разъяснениями Военного министерства о том, что офицеры запаса иудейского вероисповедания

²⁹ Лизунов П. В. Указ. соч. С. 141.

³⁰ Для производства в поручики в мирное время нужно было прослужить корнетом четыре года, но при успешной сдаче экзамена срок сокращался до двух с половиной лет.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2437. Л. 3–5. В формулярном списке А. Гинцбурга указаны отпуска: в 1887 году с 5 января по 3 февраля, с 30 марта по 14 апреля, с 10 августа по 1 апреля 1888 года.

не должны были призываться в войска «вследствие племенных особенностей — крайне неудобно подчинять офицеру-еврею нижних чинов христианской религии»³².

Судя по всему, Альфред с самого начала не рассчитывал служить в гвардии и еще в 1885 году хотел поступать в Горный институт. В письме С. Вайсендорфа Альфреду Гинцбургу 28 октября 1885 года из Санкт-Петербурга в Замброво (Ломжу), где квартировал полк, он спрашивал Альфреда:

Как-то Вы поживаете в своем кавалерийском далеке? Как Вы чувствуете себя? Интересно бы Вас увидеть в кавалерийском мундире. Как время проводите? <...> Намерены ли Вы скоро приехать к нам? Вероятно, не раньше Нового года, тогда же, кажется, и Вашей службе конец. Сейчас принимаетесь за осуществление мысли о поступлении в Горный институт?³³

Надо заметить, что, будучи на службе, Альфред Гинцбург состоял вольнослушателем Санкт-Петербургского университета. В 1886/1887 академическом году и в осеннем семестре 1887 года он прослушал лекции за 5-й, 6-й и 7-й семестры физико-математического факультета, в частности, курсы А. Н. Коркина (интегрированные дифференциальные уравнения), А. А. Маркова (теория вероятности), Н. П. Долгорукова (теоретическая астрономия), Н. А. Меншуткина (органическая химия), О. Д. Хвольсона (решение задач по физике), С. П. Глазенапа (астрономия), А. М. Жданова (высшая геодезия), А. И. Воейкова (физическая география), И. И. Боргмана (электричество), Д. К. Бобылева и других³⁴. По данным российского исследователя П. В. Лизунова, Альфред Гинцбург, выйдя в отставку, обучался в Высшей горной школе в Париже и в Америке, где получил диплом горного инженера³⁵, однако в документах он никогда не подписывался

³² ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 194. Л. 25 об.

³³ ОР РНБ. Ф. 183. Д. 1918. Л. 1.

³⁴ ЦГИА. СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 26. Л. 1–6.

³⁵ Лизунов П. В. Указ. соч. С. 190.

«горный инженер». После Парижа он совершает ознакомительную поездку в Соединенные Штаты Америки, где в Калифорнии изучает подробности гидравлической промывки золотоносных песков — новую технологию, которую впоследствии решает опробовать на приисках Ленского золотопромышленного товарищества («Лензото»)³⁶.

Интерес Альфреда к золотопромышленности был неслучаен. Помимо разнообразных коммерческих проектов, банкирский дом «И. Е. Гинцбург» с конца 1860-х годов стал проявлять интерес к золотопромышленности Сибири и финансировать золотодобывающие предприятия³⁷. Дополнения 1870 года к Горному уставу относительно золотого промысла на казенных землях расширили группу лиц, которым разрешалось занятие золотым промыслом в Восточной Сибири, и в число допускаемых к промыслу категорий вошли также евреи. В 1872 году Гинцбурги получили официальное свидетельство о праве ведения золотопромышленной деятельности в Восточной Сибири, и в том же году возникло «Товарищество Иннокентьевского дела Гинцбурга», которое стало скупать пай Ленского золотопромышленного товарищества³⁸. К 1882 году дело полностью перешло к барону Г. Е. Гинцбургу и его компаньонам. Так было положено начало самой крупной и успешной золотопромышленной компании в российской истории. «Лензото» было одним из многочисленных предприятий Горация Гинцбурга, которое он удерживал «на всякий случай, в расчете на скрытые богатства и возможные драгоценные сюрпризы»³⁹. В качестве компаньона он владел долями Березовского золотопромышленного товарищества, Южно-Алтайского золотопромышленного товарищества, Алданского золотопромышленного товарищества, Забайкальского золото-

³⁶ К вопросу о состоянии и нуждах золотопромышленности в Олекминском крае. СПб., 1898. С. 10.

³⁷ *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С. 67–75.

³⁸ «Ленское золотопромышленное товарищество» («Лензото») было учреждено в 1855 году иркутскими купцами купцами П. Басниным и П. Катышевцевым после открытия золота в бассейне реки Лены.

³⁹ *Мунгалов Н. Н.* Указ. соч. С. 30.

промышленного товарищества, Амгунского дела, Миасского золотого дела, Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Барон Горацій Гинцбург играл ведущую роль в создании в 1895 году акционерного предприятия «Российское золотопромышленное общество», приложив немало усилий к процветанию дела за счет правильной постановки работы, а не только его финансирования. Доверенным лицом Г. О. Гинцбурга во многих компаниях и предприятиях был И. Д. Красносельский⁴⁰.

Занятие золотопромышленностью было довольно рискованным делом, места золотодобычи находились в удаленных и труднодоступных точках, затраты на поиски и разведку золота обходились дорого и часто оказывались не оправданы. Так, бароном Г. О. Гинцбургом было учреждено в 1879 году для организации поисковой партии по разведке золота в бассейне рек Алдана и Май Алданское золотопромышленное товарищество во главе с инженером П. Д. Баллодом. Среди пайщиков были братья Гинцбурги — Горацій, Соломон и Гурий, банкирский дом «Э. М. Мейер и Ко», генерал-лейтенант А. А. Галл и одесский купец И. Д. Красносельский. Партия приступила к розыскам золота 1 мая 1879 года, поиски продолжались пять лет, но закончились ничем, и в 1886 году на общем собрании акционеров было решено прекратить поисковые операции вследствие их безрезультатности. 16 октября 1886 года Баллод распустил поисковую партию.

В 1889 году на ключе Сухой Лог, который принадлежал «Лензото», организованная Гинцбургами поисковая партия обнаружила богатую золотую россыпь, и в течение пяти лет (с 1890 по 1895 год) месторождение дало 503 пуда золота и свыше

⁴⁰ Исаак Давидович Красносельский (1830–1906 (?)) — одесский купец, получивший образование в знаменитом Ришельевском лицее. С 1872 года проживал в Санкт-Петербурге, став в 1882 году Санкт-петербургским купцом 1-й гильдии. Его сыновья Альфред (Авраам) Исаакович (1858–1915) и Иосиф Исаакович (1868–1908) были горными инженерами, работали в «Лензото». Последнее упоминание об И. Д. Красносельском встречается в «Справочной книге жителей Санкт-Петербурга» за 1906 год (Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 ноября 1905 г. по 1 января 1906 г. СПб., 1906. С. 281).

5 млн руб. чистой прибыли⁴¹. Это открытие в Сухом Логе заставило Г. Е. Гинцбурга обратить внимание на Ленские прииски и дало толчок техническим и организационным изменениям в золотопромышленном деле. В 1890 году был приглашен новый главноуправляющий приисками, талантливый горный инженер Л. Ф. Грауман, который провел ряд нововведений, требовавших вложения капиталов.

Прииски в свое время были детально описаны В. А. Обручевым в ходе посещения им Олекминско-Витимских месторождений. В одном из писем 1890 года он отметил:

До сих пор управляющими всех рудников, за единственным исключением прииска барона Гинцбурга, являются доморощенные техники, ведущие дело в духе своих отцов и по перенятому у них шаблону и не желающие ничего слышать ни о каких новшествах, если их к этому не принуждают. При этом они со спокойной совестью безрассудно тратят крупные суммы и совершают вопиющие преступления в техническом отношении. Если же инспектирующий рудник горный инженер вежливо указывает им на совершаемые ошибки, его замечания принимаются как тяжелое оскорбление⁴².

В письме от 20 августа 1891 года Обручев пишет о прииске «Гинцбурга и Ко» как об одном из «наилучших», где работы ведутся «не по старой хищнической системе, но недра земли разрабатываются по правилам новейшей техники рука об руку с геологическими изысканиями»⁴³.

⁴¹ Мунгалов Н. Н. Указ. соч. С. 30. Н. Шарапов в своей книге указывает, что за 1892–1896 годы Сухой Лог дал «Лензото» более 6 млн золотых рублей чистой прибыли. На эту прибыль товарищество купило или арендовало много богатых приисков, в том числе прииски В. И. Базилевского: Верный, Варваринский, Дружный и другие, расположенные по реке Ныгри и по впадающему в нее ключу Верному. Таким образом, вся система реки Ныгри и многие другие прииски оказались в руках «Лензото» (Шарапов Н. Указ. соч. С. 56).

⁴² Обручев В. А. В Старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем. 1888–1955. Иркутск, 1958. С. 137.

⁴³ Там же. С. 244.

В начале 1890-х годов банкирский дом «И. Е. Гинцбург» переживал кризисный период. В 1892 году Гораций Гинцбург обратился за помощью к правительству, однако министр финансов И. А. Вышнеградский отказал в ссуде 1,5 млн рублей. Была образована администрация по делам банкирского дома, так что пришлось даже продать часть имущества⁴⁴. Тогда же Г. О. Гинцбургом было принято решение о вовлечении Альфреда в управление золотодобывающими приисками и посылке его в район приисков «Лензото» в Олекминско-Витимской тайге, с тем чтобы он прошел все ступени приисковой службы. Альфред Гинцбург впервые отправился на Ленские прииски летом 1892 года, однако «дозволительное свидетельство на производство золотого промысла в Восточной Сибири» было получено им еще 4 февраля 1889 года (№ 582)⁴⁵, и это говорит о том, что мысль о приобщении Альфреда к золотодобыче возникла у Г. Е. Гинцбурга гораздо раньше.

Сохранилось письмо Альфреда к брату Давиду с приисков (Сухой Лог) от 21 ноября 1892 года на французском языке:

Дорогой мой Давид, я, конечно, порядочная свинья, что не удосужился написать тебе с момента своего отъезда. <...> Большое спасибо тебе за *Revue des Deux Mondes*, которые в любом другом месте я бы получал регулярно, но работу здешней почты можно описать как что-то невообразимое. Большой радостью является получение почтовых извещений в течение октября и ноября, а потом практически ничего до самого мая. Могу только сказать, что я нахожусь в 400 километрах от ближайшего почтового отделения и в 900 километрах от телеграфа. В радиусе 250 километров отсюда нет ни одного поселка. <...> Чтение журналов представляет совершенно изумительное занятие. Саша меня подписал на *La Vie Parisienne*, с 1 июля по 17 сентября получил всего лишь пять номеров [речь идет о еженедельнике, издававшемся в Париже с 1863 по 1970 год. — И. В., М. К.]. Как ты видишь, почтовая служба весьма регулярна. Осо-

⁴⁴ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 58–39.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 424. Л. 176.

бенно неприятен тот факт, что, чтобы доставить письмо за 140 километров в Бодайбо по Витиму и лодками по Лене, уходит не менее 4–5 дней. И это не так уж плохо! Чтобы преодолеть 10 километров, отделяющих нас от Главного Стана, уходит не менее трех дней. К счастью, в жизни бывают гораздо большие неприятности — а посему учишься довольствоваться малым. Не думай, что мои глубокие философские размышления написаны с тем, чтобы вызвать жалость или сожаление к моей судьбе — я нахожу удовольствие в том, что рабочие и подчиненные относятся ко мне вполне благожелательно. Может быть, слишком рано делать какие-либо выводы, но я не думаю, что в дальнейшем они окажутся ошибочными. В настоящий момент моя ежедневная работа тут — в лесах Сухого Лога. В моем подчинении находится около тридцати человек, которые выполняют мои указания и на которых я могу рассчитывать. Рабочий день продолжается 13 часов, с 5 часов утра до 6 часов вечера с часовым перерывом на обед. В конце концов, это моя работа и я беру за нее полную ответственность. Она даже вызывает во мне неподдельный интерес. Как видишь, времени для безделья у меня нет, не говоря уже о нормальном сне... Мими [семейное прозвище Альфреда. — И. В., М. К.]⁴⁶.

До 1895 года Альфред практически безвылазно проводил время в Олекминской тайге. Во время пребывания на приисках он изучал потенциал уже разрабатывавшихся участков, проводил разведку новых приисков, оценивая возможное количество добываемого золота. В начале 1893 года Альфред Гинцбург, будучи старшим смотрителем работ на Предтеченском прииске (Сухой Лог), спускался в шахты, брал пробы в забоях, приобретая бесценный опыт⁴⁷. Его пребывание на приисках в 1894 и 1895 годах можно проследить по письмам отцу и Исааку Давидовичу Красносельскому, а также телеграммам в правление, которые являются важным источником по изучению организации золотого дела,

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 183. Д. 388. Л. 10–11.

⁴⁷ Гинцбург А. Отчет поездки на прииски Ленского золотопромышленного товарищества. СПб., 1899. С. 17–18.

так как они детально отражают все происходящее на приисках, включая даже самые незначительные происшествия. В них Альфред описывал и обосновывал принятые им решения, спрашивал совета по спорным административным и техническим вопросам, давал сведения о произведенных разведках и затратах на них.

Для самого Альфреда пребывание на приисках было хорошей практической школой, которую невозможно было пройти ни в одном из специализированных учебных заведений. Так, в письме И. Д. Красносельскому от 16 декабря 1894 года он пишет: «Будьте уверены, что это мое пребывание на приисках и предоставленные мне полномочия и свобода важны, всячески буду стараться оправдать Ваши относительно меня ожидания»⁴⁸. Время, проводимое на приисках, Альфред старался использовать с целью изменения сложившихся в сибирской тайге привычек организации работ и иерархических взаимоотношений между различными категориями приисковых рабочих. Он сам принимает рабочих, проводит расследования нарушения дисциплины и считает своим долгом докопаться до сути. Им не принимается точка зрения, что «во всех столкновениях между рабочими и служащими рабочий виноват, а служащий прав, и показание рабочего на служащего всегда и во всех случаях принимались за ничто»⁴⁹. В результате проведенного им расследования и отказа служащих изменить сложившиеся порядки было уволено шесть служащих, связанных круговой порукой и насаждавших дедовщину при составлении расписания работы в шахтах⁵⁰. Впоследствии он еще не раз приезжал на Ленские прииски для ознакомления с положением дела непосредственно на месте. Сам он в отчете правлению о своей поездке на прииски в 1898 году упомянул о том, что с 1895 года никто из лиц, причастных к петербургскому правлению, на приисках не бывал⁵¹.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 349. Л. 189.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 349. Л. 230 об.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 349. Л. 253.

⁵¹ *Гинцбург А.* Отчет поездки на прииски Ленского золотопромышленного товарищества. СПб., 1899. С. 1.

В этот период на Ленских приисках вводятся технические усовершенствования — телефонная связь между приисками, водоструйные насосы, водобойные колеса американской системы Пельтона, локомобили для перевозки песков на дальнее расстояние. С 1894 года Ленское товарищество ввело электрическое освещение для ночных работ, а в 1895 году приступило к установлению первой в Восточной Сибири электрической станции, использующей гидравлическую силу, которая стала давать энергию для орудий и горнопромышленных приспособлений на расстоянии до 12 верст⁵². Успех, достигнутый этим первым опытом, побудил товарищество построить и вторую станцию на Бодайбинских приисках. На установку этой второй станции было ассигновано 160 тыс. рублей. Она оказалась выгоднее первой благодаря поддержке Министерства финансов, разрешившего Ленскому товариществу беспошлинно перевезти транзитом все предназначенные для нее машины. Ленское товарищество первым стало применять перевозку песков на дальние расстояния на золотопромывальные машины с помощью паровых и электрических локомотивов в течение всего года. Кроме электрической силы, развиваемой с помощью водяных двигателей, Ленское товарищество применяло в работе на своих приисках для водоотлива и разных механических сооружений 42 паровых котла, могущих развить мощность свыше 500 лошадиных сил⁵³. Техническое оснащение и организация производства приисков были предметом гордости и результатом тяжелой работы. Администрацией приисков по согласованию с главной конторой в Санкт-Петербурге было решено представить прииски на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде (выставка проходила с 28 мая (9 июня) по 1 (13) октября 1896 года)⁵⁴. В письме Л. Ф. Граумана И. Д. Красносельскому

⁵² Вестник золотопромышленности. 1895. № 10. С. 210.

⁵³ К вопросу о состоянии и нуждах золотопромышленности в Олекминском крае. СПб., 1898. С. 11–12.

⁵⁴ Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел VII. Горное дело и металлургия. М., 1896. С. 2–8.

16 апреля 1896 года он сообщал, что послал посылку на 100 рублей с приисковыми видами для выставки в Нижнем, добавив, что «текст, по всей вероятности, напишет барон Альфред Гинцбург»⁵⁵.

В 1896 году было создано акционерное общество «Лензото» (устав общества был утвержден 29 марта 1896 года). Обращение Г. Е. Гинцбурга к акционерной форме предпринимательства было, по мнению Б. Ананьича, способом «выбраться из критического состояния». Ленское золотопромышленное товарищество, существовавшее по договору от 10 декабря 1882 года, согласилось продать АО «Лензото» золотые прииски в Ленском горном округе Якутской области вместе с землями, лесами, жилыми и нежилыми помещениями, машинами, складами, прочим имуществом и золотом текущего года (1895–1896). Учредителями общества были барон Г. Е. Гинцбург и торговый дом «Э. М. Мейер и Ко». На первом общем собрании акционеров АО «Ленское золотопромышленное товарищество» 27 мая 1896 года были выбраны пять директоров правления: барон Г. Е. Гинцбург, К. Ф. Винберг, С. Е. Палашковский, барон Альфред Г. Гинцбург, И. Д. Красносельский и три кандидата к ним: барон Александр Г. Гинцбург, М. Э. Мейер, Я. В. Ратьков-Рожнов. Председателем правления АО «Лензото» был Г. Е. Гинцбург.

7 июня 1896 года барон Г. Е. Гинцбург выдал Альфреду доверенность, которой уполномочил его управлять, заведовать и распоряжаться имуществом и капиталами, принадлежащими ТД «И. Е. Гинцбург»; также Альфред получил разрешение на поиск и разработку «золотосодержащих россыпей и коренных месторождений рудного золота» в Якутской области, Иркутской губернии и Приамурском генерал-губернаторстве⁵⁶. Преобразование «Лензото» в акционерное общество, помимо решения проблемы финансирования долгосрочных проектов, должно было способствовать повышению доходности приисков. В этот период территории, занимаемые под прииски, расширились за счет аренды в 1896 году приисков В. И. Базилевского по реке

⁵⁵ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 350. Л. 120.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 344. Л. 4–7.

Бодайбо, новых отводов по рекам Бодайбо, Угахану, Энгажимо, Бильбухте, Хомолхо, Синингре, так что все прииски пришлось разделить на три дистанции с отдельными управлениями. Новые условия работы потребовали новых подходов к организации дела. Для решения текущих вопросов барон Г. Е. Гинцбург как председатель правления АО «Лензото» решил отправить на Ленские прииски Альфреда.

Из Петербурга до приисков А. Г. Гинцбург добирался почти месяц, выехав 10 июля и прибыв на место 7 августа 1898 года. Он остановился на Надеждинском прииске, где находился главноуправляющий Л. Ф. Грауман. Гинцбург сопровождал Граумана в осмотре работ, чтобы «вместе с управляющим шаг за шагом вникнуть в самый строй дела», объехав практически все 15 приисков. Во время пребывания на приисках с 7 августа до 12 сентября Гинцбург, сопровождая Граумана в его разъездах, проехал 860 верст одними только дальними поездками, не считая мелких ежедневных междуприисковых разъездов в пределах одной и той же дистанции. Кроме хода работ и технических усовершенствований (вроде электрической станции и других) его интересовало все: состояние мастерских, амбаров, магазинов, больниц, конных дворов, документация и прочее. Естественно, больше всего времени он посвятил знакомству с новыми приисками и разведками площадей. Судя по подробному отчету, Альфред Гинцбург хорошо знал все особенности местной почвы, технологии пробивания шурфов в вечной мерзлоте, историю и ценность существующих приисков, трезво оценивал новые приобретения, делал предположения относительно перспектив разработки приисков, особенно долины реки Ныгри, сопровождая данные рисунками и чертежами⁵⁷. Надо сказать, что Гинцбург высоко ценил главноуправляющего приисками с 1890 по 1901 год Л. Ф. Граумана, поддерживая его программу развития золотого дела, которая, однако, требовала крупных финансовых вложений. Так, например, организация разведки и дальнейших работ в среднем течении

⁵⁷ Гинцбург А. Отчет поездки на прииски Ленского золотопромышленного товарищества. СПб., 1899.

Ныгри обошлась Ленскому товариществу примерно в 3 млн рублей⁵⁸. Во время пребывания на приисках в 1898 году Альфред Гинцбург вместе с Л. Ф. Грауманом обсуждали возможность создания «Общества торговли и пароходства по Лене и ее притокам», даже подготовили устав общества, состоящий из 82 статей. Министерство финансов приняло положительное решение и вышло с соответствующим представлением в Кабинет министров, однако проект осуществить не удалось⁵⁹. Только через 12 лет, 14 августа 1910 года, «Лензото» купило «Ленско-Витимское пароходство Ко Сибирякова и Базанова», а 1 октября 1910 года стало его собственником⁶⁰.

На общем собрании акционеров Ленского золотопромышленного товарищества 10 ноября 1898 года Альфред Гинцбург отчитался о своей поездке на промыслы в конце лета 1898 года, за что собрание выразило барону свою благодарность. Отчет Гинцбурга перед собранием акционеров отличался не только своей точностью и глубоким знанием ведения дел на приисках, но и перечислением трудностей как объективного (климатические, географические, геологические), так и субъективного (состав рабочих, сложившиеся в золотопромышленной отрасли привычки работы, распоряжения зарплатой и проведения досуга) характера, а также усилий правления по их преодолению или минимизации⁶¹.

На этом собрании был поднят вопрос о снижении доходности Ленского золотопромышленного товарищества. Некоторые акционеры посчитали предположительную прибыль за 1898–1899 годы к размеру добычи крайне незначительной. Правление объяснило, что на операции последних двух лет «нельзя смотреть как на нормальные вследствие обширных подготовительных работ на приисках», имея в виду, что расходы на разведки и под-

⁵⁸ Золото и платина. 1911. № 9. С. 221.

⁵⁹ Гузенков С. В. Судоходство Лено-Витимского бассейна (60-е годы XIX в. — 1917 г.). Иркутск, 2012. С. 109–110.

⁶⁰ Там же. С. 270.

⁶¹ Отчет Ленского золотопромышленного товарищества за 1898–1899 гг. СПб., 1899 г.

готовительные работы для будущих лет требуют денег (сверхсметные расходы достигли почти 800 тыс. рублей), и обещая, что в недалеком будущем оно постарается «достичь удешевления стоимости добычи золота на промыслах Лензото»⁶². Собрание постановило (в числе прочего) уполномочить правление кредитоваться в Государственном банке под золото будущих операций.

С 1899 года Альфред Горациевич становится директором-распорядителем, ведущим лицом в управлении «Лензото». В его руках было сосредоточено все дело (остальные сыновья Г. Е. Гинцбурга — например, Давид, Александр — владели отдельными приисками, которые они передали в арендное владение АО «Лензото», с тем чтобы получать так называемые «попудные» — по 50 рублей с каждого пуда золота⁶³). Это была огромная ответственность, так как дело росло, требовало средств на разведочные работы и организацию производства. 1900 и 1901 годы были крайне неблагоприятными: к концу 1900 года долг Государственному банку составлял около 750 тыс. рублей, так что Г. Е. Гинцбург вынужден был просить у С. Ю. Витте в письме от 9 июня 1901 года добавочной суды размером до 400 тыс. рублей, иначе

товарищество будет поставлено в необходимость немедленно приступить к ликвидации своих дел, несмотря на то, что в техническом отношении и в смысле обеспечения запасами золота, оно представляет собою предприятие безусловно блестящее, с годичным оборотом с лишком в 10 млн руб. и доставляющее ежегодно в монетный двор на 5 или 6 млн руб. золота⁶⁴.

В 1901 году Государственный банк командировал на Ленские прииски инспектора Н. И. Бояновского, который воспользовался этой поездкой для ознакомления с приисками «Лензото». Тогда же Бояновский познакомился и с Иннокентием Николаевичем Белозеровым, который произвел на него впечатление человека

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 22. Д. 478. Л. 6.

⁶³ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1180. Л. 9–33.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 353. Л. 34.

«делового, очень сведущего в золотопромышленности и прекрасно знакомого с экономическими условиями края», причем особенно ему импонировало, что Белозеров был «энергичный, счастливый», которому «фартило»⁶⁵. Это и определило выбор главноуправляющего. После возвращения Н. И. Бояновского Государственный банк разрешил «Лензото» пользоваться кредитом при условии назначения главноуправляющего Бодайбинской компанией И. Н. Белозерова главноуправляющим приисками «Лензото». Государственный банк, открывший «Лензото» кредит в размере 11,2 млн рублей, потребовал контроля за ведением дел. В правление был введен представитель банка Н. И. Бояновский, незнакомый с особенностями золотопромышленности (сам он в 1912 году сообщал, что впервые познакомился с золотопромышленностью в конце 1900 — начале 1901 года, когда в качестве инспектора был командирован в Иркутск и Бодайбо). При заключении контракта Белозеров вытребовал себе такие полномочия, при которых мог самовольно распоряжаться текущими делами; ему даже разрешалось отступать от утвержденной правлением сметы, чем он активно пользовался. В своей переписке с правлением Альфред Гинцбург всецело поддерживал все начинания Белозерова, но уже таких личных контактов и взаимопонимания, как с Л. Ф. Грауманом — человеком, близким ему по духу, — не было.

Судя по всему, после назначения главноуправляющим приисками И. Н. Белозерова Гинцбург предпочитал не вмешиваться в дела Управления, всецело полагаясь на Белозерова, которого поддерживал Государственный банк. Внешне все выглядело пристойно, однако отношения с банком не были простыми, так как вся прибыль шла на погашение долга. Правление тяготилось опекой Госбанка и, чтобы обезопасить себя от зависимости, искало другие способы кредитования «Лензото», в том числе и за границей. Гинцбург вступил в переговоры с «Русским горнопромышленным товариществом» (The Russian Mining Corporation, Limited), созданным в 1906 году по инициативе

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 45. Л. 11.

брокерской фирмы «Л. Гирш и Ко» для того, чтобы привлечь английские капиталы в русские горнопромышленные предприятия⁶⁶. Сохранились телеграммы Альфреда Горациевича из Лондона о ходе переговоров о предстоящей поездке на прииски известного горного инженера Ролькера (Charles M. Rolker) для знакомства как с технической, так и хозяйственной и финансовой сторонами дела⁶⁷. Ролькер в июле 1907 года представил в Лондоне отчет о поездке, в котором показал огромный потенциал приисков и представил план их усовершенствований и системного изучения⁶⁸.

Русское горнопромышленное товарищество после переговоров согласилось учредить английское общество специально для финансирования «Лензото», взяв на себя долг Ленского золотопромышленного товарищества Государственному банку. 11 июня 1908 года Русское горнопромышленное товарищество подписало соглашение с членами правления акционерного общества «Ленское золотопромышленное товарищество» о покупке 70 % всех его акций, с тем чтобы основать в Лондоне общество «Lena Goldfields Co., Ltd» с основным капиталом в 1405 тыс. фунтов стерлингов. «Лензото» выставило условие: «обмен акций только в том случае, если The Lena Goldfields Limited предоставит в распоряжение Ленского золотопромышленного товарищества на оборотные средства от 150 до 180 тыс. фунтов стерлингов; никаких изменений ни в персонале, ни в способе управления не будет»⁶⁹. Общество «Lena Goldfields» приобрело $\frac{3}{4}$ всех ленских акций и выпустило в Англии мелкие фунтовые «шеры»⁷⁰. Половина членов правления «Lena Goldfields» были русскими. Пред-

⁶⁶ Председателем правления «The Russian Mining Corporation» был В. И. Тимирязев — бывший министр торговли, а в правлении 5 мест из 10 занимали российские подданные.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 345. Л. 103а–103б.

⁶⁸ Дополнительный отчет горного инженера Ч. М. Ролькера о приисках второй дистанции Ленского золотопромышленного товарищества. СПб., 1910.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 206. Л. 2 об.

⁷⁰ См. об этом: *Ананьич Б.* Указ. соч. С. 80–83; *Лизунов П.* Указ. соч. С. 117–118.

седателем правления «Lena Goldfields Co., Ltd» был избран бывший министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев. Вице-председателем стал лорд Гаррис (Harris), являвшийся одновременно председателем правления компании «Объединенные золотые прииски Южной Африки». На общем собрании всех членов компании в Лондоне в Солсбери-хаус 4 ноября 1908 года Тимирязев, давая слово Альфреду Гинцбургу (Baron Alfred de Gunzburg, managing director of the Lenskoie Company), представил его как своего друга. Тот описал условия добычи золота в Ленской тайге и сообщил о результатах работы «Лензото» в 1907/1908 годах: «520 пудов золота стоимостью 1 040 000 фунтов стерлингов — крупнейший объем добычи среди золотопромышленных компаний Российской империи за все время ее истории», а также рассказал о возможных перспективах деятельности «Лензото» и новых разведках площадей в районе побережья Тихого океана⁷¹. С помощью «Lena Goldfields» «Лензото» в 1909 году окончательно выплатило свой долг Государственному банку. Именно Альфред Гинцбург был посредником в отношениях между представителями «Lena Goldfields» и правлением, являясь ответственным агентом Русского горнопромышленного товарищества. Все вопросы в правлении «Лензото» обычно решались без участия представителя английского правления «Lena Goldfields», но Альфред Гинцбург обычно держал его «в курсе всех дел» и отправлял в Лондон «копии протоколов заседания правления Товарищества»⁷². Так, Гинцбург, будучи в Лондоне 10 ноября (28 октября) 1911 года, присутствовал на общем собрании «Lena Goldfields», представив подробные сведения о Ленских приисках⁷³.

Благодаря новым разведкам и техническим усовершенствованиям «Лензото» удалось понизить стоимость работ по добыче золота. Альфред Гинцбург относил эти успехи всецело к заслугам

⁷¹ Lena Goldfields, Limited. Particulars of the property controlled by the company // The Financial Times. 1908. November 5.

⁷² *Ананьич Б.* Указ. соч. С. 82.

⁷³ Золото и платина. 1911. № 20. С. 501–502.

отца, которого бесконечно уважал⁷⁴. В письме баргузинскому купцу и золотопромышленнику Я. Д. Фризеру от 3 июня 1910 года, уже после смерти Г. О. Гинцбурга, Альфред писал о его дальновидности:

Вникая во все подробности управления приисками, ему удалось поставить Ленское товарищество в техническом отношении во главу всех отечественных золотопромышленных предприятий. По его почину в 1889 г. было поручено М. А. Шостаку произвести опыты (впервые на частном промысле) гидравлической промывки песков, впрочем, не увенчавшиеся успехом вследствие топографических условий залегания россыпей. В 1897 г. по его же инициативе сооружена на приисках товарищества первая электрическая станция. Сооружение этой станции — первой вообще в Сибири — должно быть подчеркнуто как важное событие в истории отечественной золотопромышленности, первая попытка применения электрической энергии к приисковому делу. Впоследствии выстроены на приисках Лензото еще 4 новых станции. Электричество теперь там применяется для водоотлива, освещения, объема и откатки песков. Пример Лензото не остался без последователей.

Из новшеств, применяемых на приисках «Лензото», Альфред Горациевич указал также на паровую откатку песков, телеграфную связь, а также применение в приисковом деле инженерного труда⁷⁵. Необходимо заметить, что большинство нововведений на Ленских приисках можно отнести и на счет А. Г. Гинцбурга как директора-распорядителя «Лензото».

⁷⁴ Г. Б. Слиозберг в своей книге отмечал «безграничный пиетет», который испытывали все дети Г. О. Гинцбурга по отношению к нему: «Человек, наблюдавший отношение его сыновей к нему, получал уверенность, что если бы “папаше” угодно было приказать сыну отрубить себе палец, то тот немедленно исполнил бы это приказание. Было нечто библейское, патриархальное в этом отношении к нему детей, различных по положению, по возрасту и по характеру, но всех одинаково преисполненных беззаветной любовью и преданностью к своему отцу» (Слиозберг Г. Б. Указ. соч. С. 56).

⁷⁵ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 100. Л. 5–6.

После смерти отца в 1909 году Альфред Гинцбург, оказавшись без его поддержки, почувствовал напряжение между акционерами. Чтобы развеять все сомнения, он написал 10 мая 1909 года доверенному лицу Г. О. Гинцбурга присяжному поверенному М. И. Шефтелю письмо:

Многоуважаемый Михаил Исаакович! Подумав на досуге о некоторых разговорах, имевших место за последние дни и касающихся лично меня, я выношу впечатление, что не пользуюсь со стороны наследников папаши, составляющих пока крупнейшую группу акционеров, доверием, при котором я мог бы продолжать руководствовать делом. Эти сомнения, хотя и не основанные на каком-либо положительном факте, все же во мне настолько сильны, что побудили меня Вас просить выяснить по этому поводу точку зрения наследственной массы. При этом обращаю Ваше внимание на то обстоятельство, что вопрос этот несколько не может затронуть моего самолюбия, но Вы сами поймете, какое создавалось бы ненормальное положение, если бы я дальше вел дело, опираясь на доверие Э. М. Мейера и англичан, но не встречая поддержки со стороны правопреемников того лица, кем я был на это место поставлен. Я бы поэтому был Вам весьма признателен, если бы Вы взяли на себя до известной степени щекотливый труд передать моим сонаследникам содержание сего письма и спросить их, желают ли они, чтобы я оставался директором-распорядителем, так как в противном случае мне придется заявить в Лондон, что не пользуюсь доверием группой Гинцбургов и просить Правление предложить на обсуждение ближайшего общего собрания вопрос о замещении меня другим лицом. Для меня крайне важно получить Ваш ответ не позже 20 мая, дабы из-за этого вопроса не задержать публикацию о созыве общего собрания⁷⁶.

Видимо, сомнения его были рассеяны, так как 25 июля 1909 года Альфреду Гинцбургу была выдана доверенность от директоров правления АО «Лензото» Э. М. Мейера и Н. И. Бояновского:

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 167. Л. 25–28.

Избирая Вас директором-распорядителем Ленского золотопромышленного товарищества, товарищество уполномочивает Вас определять и увольнять необходимых для службы лиц, открывать и закрывать в Госбанке и других кредитных учреждениях текущие счета и т. д.⁷⁷

Подобная доверенность, заверенная у лондонского нотариуса 24 марта 1910 года, была получена Альфредом Гинцбургом от директоров правления «The Lena Goldfields Limited» лорда Гарриса (Lord Harris) и Генри Бойла (Henry P. Boyle)⁷⁸. На посту директора-распорядителя АО «Лензото» Альфред Гинцбург оставался вплоть до сентября 1912 года.

Дело разрасталось: с покупкой «Компании промышленности» в 1910 году (переговоры о покупке также вел Альфред Гинцбург) почти вся золотопромышленность края сосредоточилась в руках «Лензото», которое стало самым крупным золотопромышленным предприятием Российской империи. В 1910–1911 годах обществом было добыто 854 пуда золота (общая сумма добытого золота в Олекминском и Витимском округах составляла 1107 пудов)⁷⁹. К 1912 году Ленское золотопромышленное товарищество представляло собой огромное хозяйство: почти 500 приисков (отводов) в Олекминском, Витимском, Забайкальском округах площадью около 40 тыс. десятин, разбросанных более чем на 300 верст по рекам Бодайбо, Ныгри и др. Помимо разработки приисков и добычи золота «Лензото» ведало пароходным и железнодорожным движением, вело обширные операции по торговле, снабжению приисков припасами, заготовке лесных материалов. Правлению приходилось решать много вопросов — кадровых, хозяйственных, финансовых, правовых, политических. И хотя государство нуждалось в золоте, по сути оно не оказывало никакой поддержки золотопромышленности, полагая, что все

⁷⁷ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 955. Л. 12–14.

⁷⁸ Там же. Л. 18–19.

⁷⁹ Богдановский А. Е. Золотопромышленность и железная дорога в Приленском крае // Очерки и исследования. Пг., 1915. С. 20.

расходы по устройству (дороги, почта, телеграф, тюрьмы, школы, больницы и прочее), а также расходы по содержанию чиновников — горных исправников, окружных инженеров, урядников, мировых судей, — должны нести сами золотопромышленники. Немалым тормозом для золотого промысла являлась необходимость занимать множество площадей, на которых золото не добывалось.

Как человек, близко знакомый с практической стороной дела, Альфред Гинцбург хорошо понимал все проблемы золотопромышленности. Надо сказать, что, судя по работам Гинцбурга, он прекрасно разбирался в геологии, математике, физике, статистике, следил за всеми открытиями в золотом деле, интересовался иностранным опытом. Так, он принимал участие в Первом всероссийском съезде деятелей по практической геологии и разведочному делу, который состоялся в начале 1903 года в Санкт-Петербурге, выступив 12 февраля 1903 года на объединенном заседании технической и юридической секций с докладом «О нормировке разведочных и статистических данных в золотопромышленном деле». В этом докладе он поднял вопрос об унификации определения среднего содержания золота в песках на примере Нижнего прииска «Лензото»⁸⁰. А. Г. Гинцбург был участником Первого съезда золото- и платинопромышленников, состоявшегося в Санкт-Петербурге в 1907 году, на котором он выступил с докладом «О мерах против излишнего захвата приисков», сравнивая российский и американский опыт⁸¹.

Со времени основания Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников (ПСКЗПП) в Санкт-Петербурге в 1902 году А. Г. Гинцбург был избран членом конторы от Витимского и Олекминского съезда золотопромышленников и участвовал в обсуждении всех ключевых проблем золотопромышленности, пытаясь донести до правительства, Государственной думы и Государственного Совета идеи об улучшении условий

⁸⁰ Гинцбург А. Г. О нормировке разведочных и статистических данных в золотопромышленном деле. СПб., 1903.

⁸¹ РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 24. Л. 151–171.

добычи золота, развитию путей сообщения в Сибири, необходимости геологического исследования площадей, упорядочения налогообложения. Так, в 1908 году при конторе была образована специальная комиссия под его председательством для обсуждения нового законопроекта о прогрессивном налогообложении приисков. А. Г. Гинцбург и Л. Ф. Грауман предложили этот проект в особую комиссию при Горном департаменте под председательством директора Горного департамента Н. Н. Курмакова для выработки законопроекта взамен постановлений статей 103–105 закона от 8 июня 1903 года. В комиссии принимали участие представители Горного департамента, Государственного контроля, Министерства финансов, Кабинета Его Величества, Особенной канцелярии по кредитной части, Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников и Исполнительного совета I Всероссийского съезда золото- и платинопромышленников⁸². А. Г. Гинцбург был избран в сентябре 1909 года одним из членов депутации для представления министру финансов И. П. Шипову докладной записки по вопросу об уменьшении вычетов с золота, делаемых золотосплавочными лабораториями, и по вопросу о беспошлинном ввозе машин и орудий для нужд золотопромышленности (приборов для бурения, насосов, электродвигателей, паровых турбин, локомотивов, драг, экскаваторов и прочего)⁸³. Одним из важных вопросов, в обсуждении которых он принял непосредственное участие, был вопрос о железной дороге для соединения Сибирской магистрали и Приленского края. А. Г. Гинцбург отстаивал свой проект Ленской железной дороги, отправив в Постоянную контору 6 марта 1912 года две подробные записки⁸⁴.

Надо сказать, что в российской прессе, особенно после ленских событий, встречались обвинения, касавшиеся состава Постоянной совещательной конторы. Так, газета «Земщина» в статье с характерным названием «В еврейской кабале» замечала:

⁸² РГИА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 26. Л. 146–149.

⁸³ Там же. Л. 177.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 1916. Л. 161.

Весь состав Совещательной конторы <...> состоит из евреев — Грауман, Литтауэр (так!), Захер, Осеновский (так!) и т. д. Неудивительно, что деятельность этого учреждения вполне бесполезна для русских золотопромышленников. Недурен этот образчик еврейского «угнетения»⁸⁵.

Надо заметить, что из упомянутых в статье только М. В. Захер был евреем; горные инженеры Л. Ф. Грауман и С. И. Литтауэр были немцами, А. М. Оссендовский был поляком. Хотя действительно в числе членов Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников, которые, однако, менялись раз в три года, было много евреев — кроме Альфреда Горадиевича Гинцбурга это были баргузинский купец Яков Давидович Фризер, горные инженеры Абрам Давидович Шварц, Исай Ильич Роговин, Авраам Исаакович Красносельский и другие.

Стоит заметить, что имя Альфреда Гинцбурга часто встречается в 1906–1912 годах на страницах журнала «Золото и платина», выходившего в Санкт-Петербурге два раза в месяц и посвященного проблемам золотопромышленности. А. Г. Гинцбург представлял информацию о работе «Лензото», выступал с разнообразными записками, в которых, опираясь на собственный опыт, призывал золотопромышленников к усовершенствованию способов разведки и золотодобычи, финансовой осмотрительности и осторожности. В этот период им было подготовлено несколько работ, посвященных особенностям горных законодательств разных стран — Великобритании, США, Франции, Германии, Нидерландов, Италии, Португалии, Канады, изданных Постоянной совещательной конторой золото- и платинопромышленников⁸⁶. Особенно Гинцбурга интересовали правовые нормы при-

⁸⁵ В еврейской кабале // Земщина. 1912. 9 апреля.

⁸⁶ Гинцбург А. Г. К вопросу о золотопромышленных захватах: Порядок приобретения горной собственности для целей золотого промысла и право владения ею в законодательстве иностранных государств. Вып. 1: Английские коронные колонии. СПб., 1908; Гинцбург А. Г. К вопросу о золотопромышленных захватах: Порядок приобретения горной собственности для целей золотого промысла и право владения ею в законодательстве иностранных

обретения и владения горной собственностью, обложение налогами горного промысла, законодательные меры против захватов площадей золотопромышленниками и прочее. Кроме того, он не пропускал ни одной технической новинки. В 1908 году членам Совецательной конторы, находившимся в Санкт-Петербурге, была продемонстрирована работа бура Кийстона на Путиловском заводе, на международной художественной строительной выставке и на Обуховском заводе. После этого Гинцбург озаботился приобретением буровых машин Кийстона для новых разведок. К 1911 году на Ленских приисках работала 21 буровая машина, причем Альфред Горадиевич предложил усилить разведочный инвентарь еще пятью бурами Кийстона⁸⁷. Будучи на приисках в мае 1911 года, Гинцбург отправил в правление обширное письмо, в котором описал состояние приисков, определил перспективы разведок, предложив изучить Хомолхинскую и Жуинскую россыпи в дальней тайге⁸⁸. Тогда же в письме правлению «Лензото» от 8 мая 1911 года из Бодайбо он поднял важный вопрос о договорных отношениях рабочих с администрацией приисков, правовых аспектах этих отношений. По его мнению, исправники и мировые судьи поддерживали скупщиков и хищников золота и не защищали прав собственников: например, мировой судья оспаривал право золотопромышленников выдворять из казарм рассчитавшихся рабочих⁸⁹.

Не ограничиваясь разведочными работами в Олекминско-Витимском районе, правление «Лензото» предполагало распространить деятельность товарищества и на другие районы Сибири и Дальнего Востока, включая Приморскую и Камчатскую

государств. Вып. 2: Английские самоуправляющиеся колонии Африки. СПб., 1908; Гинцбург А. Г. К вопросу о золотопромышленных захватах: Порядок приобретения горной собственности для целей золотого промысла и право владения ею в законодательстве иностранных государств. Вып. 3: Канада. СПб., 1909.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 346. Л. 1.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 346. Л. 2–6.

⁸⁹ Там же. Л. 8.

области. Товарищество собиралось строить железную дорогу от станции Тулун Сибирской железной дороги до пристани Усть-Кут на Лене; на имя барона Альфреда Гинцбурга были выданы свидетельства на право разведки каменного угля на берегу Лены близ Якутска, но все планы были разрушены ленскими событиями. Несомненно, что с расширением дела многое упускалось из виду, к тому же непосредственный контакт со служащими и рабочими был утерян⁹⁰ — все это повлияло на ход дальнейших событий. Последний раз Альфред Гинцбург был на приисках после ленских событий, с мая по август 1912 года, «для принятия неотлагательных мер в целях ликвидации забастовки; для необходимой реорганизации и приведения в порядок дела, нормальный ход которого был нарушен продолжительным перерывом работ», к тому же ему хотелось изучить «возможно подробно быт рабочих и убедиться в правдивости возводимых обвинений»⁹¹. Он не собирался ставить точку: определял новые места разведок, предполагал дальнейшее изучение и развитие приисков. Небольшой характерный эпизод: в фонде «Лензото» сохранилось удостоверение, выданное 31 августа 1912 года крестьянину Симбирской губернии Евдокиму Матвеевичу Ванюхину в том, что он

...состоял в разряде рабочих-мастеровых на приисках АО Лензото с июня 1909 г. по 1 сентября 1912 г. В первый год работал по специальности слесаря, а затем 3 года и. о. шофера. Ныне по собственному желанию рассчитался с целью, по личному совету распорядителя дел Лензото барона Альфреда Горадиевича Гинцбурга, отправиться в Санкт-Петербург для специальной научной подготовки и получения диплома на звание шофера (выданы прогонные до Санкт-Петербурга и обратно и уплачено за курсы)⁹².

⁹⁰ А. Д. Шварц, долгое время близко работавший на приисках с А. Г. Гинцбургом, вспоминал, что в 1890-е годы руководители «чуть не каждый день проезжали по приискам и виделись с рабочими» (РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 210а. Л. 29).

⁹¹ Доклад Директора-распорядителя барона А. Г. Гинцбурга и кандидата в члены Правления П. М. Саладиллова о командировании их на прииски. СПб., 1912. С. 1.

⁹² РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 831. Л. 62.

Здесь же приложена справка от автомобильной школы шоферов при Первых Санкт-Петербургских политехнических курсах (Первый техникум) о том, что слесарь Ванюхин зачислен в группу. Так уже перед своей отставкой Альфред Гинцбург определил судьбу рабочего приисков. А сколько еще было таких случаев?

Несомненно, Альфред Горациевич тяжело переживал ленскую трагедию, пытался анализировать причины забастовки, обращая внимание на самобытную психологию приисковых рабочих, на договорные отношения и права собственников, но предубежденное отношение к «ленцам» со стороны общества и многочисленные обвинения заставили его выйти из состава правления и отойти от дел, сняв с себя все административные должности по управлению семейным бизнесом в России. После поездки в Лондон осенью 1912 года Альфред Гинцбург осел в Париже. В декабре 1912 — январе 1913 года он признавался в письмах присяжному поверенному М. И. Шефтелю: «В Париже живетя очень недурно, и должен сознаться, что вовсе не тянет домой»; «Пребывание в Париже меня все больше и больше прельщает, и уже не скрою от Вас, что я начинаю тут пускать корни и [решил] окончательно здесь устроить свое постоянное жительство. Вас, может быть, даже мало удивит, если я Вам скажу, что мне не стоило больших усилий принять это решение»⁹³.

В годы Первой мировой войны в соответствии с законом о всеобщем призыве Альфред Гинцбург до 1916 года находился на службе в качестве офицера русской армии в должности капитана эскадрона, что казалось уникальным примером карьеры, которую мог сделать русский еврей в царской армии⁹⁴. О. В. Будницкий в своей книге упоминает, что Гинцбург, узнав о начале войны в Париже, вернулся в Россию с последним пароходом, пропущенным через Босфорский пролив. Он записался добровольцем в ополчение, служил в отдельной этапной роте и находился в действующей армии, принимал участие в осаде Пере-

⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1616. Л. 32, 33.

⁹⁴ L'Univers Israelite. Journal des Principes Conservateurs du Juidaisme. 1930. 31 janvier. P. 556.

мышля, был произведен в поручики⁹⁵. Во время Гражданской войны в 1919 году в Одессе 54-летний Альфред Гинцбург вступил добровольцем в Петроградский уланский эскадрон⁹⁶.

После окончания Гражданской войны Гинцбург эмигрировал в Париж и активно включился в общественную жизнь российской эмиграции. В феврале 1921 года в Париже было организовано Общество просвещения беженцев из России, и он был избран в правление общества⁹⁷. Немало было сделано бароном Альфредом Гинцбургом для сбора средств в помощь голодающим в России, без учета религиозных различий. В совместном заявлении от имени еврейской консистории и христианской общины Парижа, с участием Международного Красного Креста, был объявлен сбор средств для покупки продовольствия и медикаментов в пользу голодающих в России. В начале октября 1922 года в Париже был образован Французский еврейский комитет в пользу голодающих России под совместным председательством главного раввина Франции Израиля Леви и барона Альфреда Гинцбурга. За первую неделю с момента образования комитетом было получено от евреев Франции

⁹⁵ Будницкий О. В. Российские евреи между белыми и красными. М., 2005. С. 173–174.

⁹⁶ Лизунов П. В. Указ. соч. С. 191. Полковник И. И. Рубцов, на воспоминания которого ссылается П. Лизунов, описывал, как в августе 1919 года Сводно-драгунский эскадрон освобождал от «красных» Одессу: «Здесь же Петроградский уланский дивизион закончил свое формирование, в который каждый день прибывали офицеры, добровольцы, лошади, седла, оружие. <...> Явился добровольцем пожилой человек в очках — еврей барон Гинцбург (так!). Командир 1-го эскадрона хотел назначить его эскадронным писарем. “Нет, — сказал Гинцбург, — я хочу с оружием в руках бороться с красными”. Его желание было исполнено, и он стал в ряды строевых улан. За три-четыре недели пребывания в Одессе дивизион петроградских улан был окончательно сформирован и имел блестящий вид» (Рубцов И. И. Петроградские уланы в гражданской войне на Юге России. 1918–1920 годы // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М., 2002. С. 172–173).

⁹⁷ В правление были избраны: М. А. Маклакова (председатель), Е. П. Ковалевский, В. П. Недачин, Л. Л. Катуар, В. В. Дюфур, А. М. Берлин, П. Буайе, П. П. Гронский, Б. А. Дуров, Ж. Патуйе, С. Г. Попович, прот. Н. Н. Сахаров, К. Д. Старынкевич (Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / под общей ред. Л. А. Мнухина. М., 1995–1997. Т. 1. С. 25).

свыше 100 тыс. франков пожертвований⁹⁸. При посредничестве французского Красного Креста было достигнуто соглашение с Всеобщим еврейским конгрессом о посылке продуктов питания и медикаментов евреям — жертвам Гражданской войны и погромов на Украине. Помощь была доставлена из Дюнкерка в Одессу и начала распределяться волонтерами Красного Креста как среди евреев, так и среди неевреев — жертв голода и войны⁹⁹.

В Париже Альфред Гинцбург возглавлял многие благотворительные и культурные организации: был членом центрального комитета Общества спасения евреев царской России, Общества помощи евреям-интеллектуалам из России, осевшим в Париже, Совета федерации еврейских общин Парижа, Общества по защите евреев Центральной и Восточной Европы, организовал кассу помощи еврейским беженцам¹⁰⁰. Кроме членства в многочисленных общественных и благотворительных организациях Гинцбург находил время и для научной работы. Им было организовано несколько собраний, где он выступил с докладами по истории евреев России — предмет, в котором он проявил немалое знание и эрудицию¹⁰¹.

С 1930 года Альфред Гинцбург состоял членом еврейской консистории Парижа (*Consistoire Israelite de Paris*)¹⁰². Ею было решено делегировать в Административный совет консистории пять новых членов в дополнение к 20 действующим. Основанием для решения о делегировании новых членов было, с одной стороны, увеличение почти вдвое еврейской общины Парижа с момента последних выборов в 1905 году, с другой стороны — новые члены общины были эмигрантами из Польши, России и Турции

⁹⁸ L'Univers Israelite. Journal des Principes Conservateurs du Judaïsme. 1922. 20 octobre. P. 108–109.

⁹⁹ L'Univers Israelite. Journal des Principes Conservateurs du Judaïsme. 1922. 8 decembre. P. 276.

¹⁰⁰ L'Univers Israelite. Journal des Principes Conservateurs du Judaïsme. 1936. 10 avril. P. 450.

¹⁰¹ L'Univers Israelite. Journal des Principes Conservateurs du Judaïsme. 1930. 7 fevrier. P. 598–599; 1930. 2 mai. P. 101–104; 1930. 30 mai. P. 233–235; 1930. 6 juin. P. 267–268.

¹⁰² *Henri Sliosberg*. Baron Horace O. de Gunzbourg. Sa vie et son oeuvre. Publié a l'occasion du centenaire de sa naissance. Paris, 1933. P. 126.

в результате войн, революции, голода и погромов. Барон Альфред Гинцбург был избран как представитель еврейства Восточной Европы. При представлении правлению консистории новых членов ему была дана блистательная характеристика как выходцу из «одной из лучших семей современного еврейства»: «Семья Гинцбургов с давних пор избрала своей второй родиной Францию. Господин Альфред де Гинцбург был офицером русской армии, а также видной личностью Парижского общества, сделавшей немало для спасения своих единоверцев в России и помощи им»¹⁰³. А. Гинцбург не пропускал ни одного события в Париже, связанного с евреями — выходцами из России. Он выступал на собрании памяти известного еврейского филантропа барона М. де Гирша в 100-летнюю годовщину его рождения¹⁰⁴; на юбилейном вечере в честь 70-летия М. А. Кроля¹⁰⁵; председательствовал на банкете по случаю 70-летия Генриха Борисовича Слиозберга¹⁰⁶. Его имя не сходило со страниц российских эмигрантских газет в Париже, и этот период его жизни нуждается в дальнейшем изучении.

Альфред Гинцбург скончался 4 апреля 1936 года от рака легких (его не видели без сигареты) и был похоронен в семейном склепе семьи Гинцбургов на кладбище Монпарнас¹⁰⁷. На службе его памяти, проведенной по еврейской традиции через месяц после кончины, присутствовал весь цвет французского еврейства: главный раввин Франции Израиль Леви, главный раввин Парижа Жюльен Вайль, члены семьи во главе с бароном Петром Гинцбургом (дочь Альфреда Гинцбурга была замужем за племянником главного раввина Парижа), представители культурной ассоциации «Огель Яков», представители Комитета по спасению русских евреев, представители ОРТа (Общества по организации

¹⁰³ *Ben Ammi. L'élargissement du Consistoire de Paris // L'Univers Israelite. Journal des Principes Conservateurs du Judaïsme. 1930. 28 mars. P. 809–810.*

¹⁰⁴ Последние новости. 1931. 23 декабря.

¹⁰⁵ Последние новости. 1932. 5 мая.

¹⁰⁶ Последние новости. 1933. 2 февраля.

¹⁰⁷ *L'Univers Israelite. Journal des Principes Conservateurs du Judaïsme. 1936. 10 avril. P. 450.*

сельскохозяйственного и ремесленного труда), представители ОЗЕ (Общества по распространению земледелия среди евреев), представители Комитета спасения нуждающихся евреев России, представители Федерации еврейских обществ, представители Комитета защиты преследуемых евреев и многие другие¹⁰⁸.

Золотое дело на Лене продолжалось, но о Гинцбургах в советской России предпочитали не вспоминать. Лишь ходил по Лене двухколесный пароход, бывший «Барон Альфред Гинцбург», который был заказан «Лензото» в 1912 году в Сормово, но его в 1920 году переименовали, и «Альфред» стал «Революционным»¹⁰⁹. В 1920 году все прииски были национализированы, добыча золота упала в 15 раз. В 1925 году был заключен концессионный договор правительства СССР с английским обществом «Лена Гольдфильс лимитед», по которому оно получило в аренду сроком на 30 лет все прииски бывшего Ленского товарищества¹¹⁰, однако концессия была досрочно ликвидирована в 1930 году. В 1932 году был организован Государственный всесоюзный золотопромышленный трест «Лензолото», который стал крупнейшим золотодобывающим предприятием в стране. Инженер В. Г. Лешков, работавший на Ленских приисках в 1950–1960-х годах, в своих воспоминаниях оценил старания дореволюционного правления АО «Лензото»:

¹⁰⁸ L'Univers Israelite. Journal des Principes Consevateurs du Juidaisme. 1936. 8 mai. P. 522.

¹⁰⁹ Г. Г. Пуляевский, работавший на «Революционном» в 1929–1930 годах, так описывал его: «Это было комфортабельное судно с прекрасным салоном. При входе в него, по обеим сторонам коридора, было по каюте-люкс. Вход в первый класс шел по красивой лестнице из салона, в стенах были вделаны большие зеркала, стояли красивые столики, вдоль торцевой стенки шел диван с мягкой обивкой и стол, за которым обедал комсостав, иногда пассажиры. На потолке бросались в глаза плафоны в виде тюльпана, а сам потолок был выкрашен с постройки какой-то особо прочной, приятной на цвет эмалью и его никогда не перекрашивали, а только слегка мыли. Все стены были отделаны линкрустом с красивым рисунком... Имелся багажный трюм для перевозки клади и почты и, наконец, экипаж очень гордился мелодичным, приятным на звук гудком» (Павлов А. С. Ленские пароходы. Якутск, 1994. С. 42). Пароход затонул во время колымской экспедиции 20 августа 1933 года в бухте Тикси в Восточно-Сибирском море.

¹¹⁰ Концессионный договор правительства СССР с английским обществом Лена Гольдфильс лимитед. М., 1928.

Российские золотопромышленники сумели в крайне сложных природных условиях, в большой удаленности от центральных баз снабжения построить в относительно короткий срок надежную транспортную систему, ставшую основой промышленного развития золотых промыслов в богатейшем золотоносном районе Бодайбинки¹¹¹.

Сухой Лог в Бодайбинском районе Иркутской области разрабатывается и сегодня и считается крупнейшим неразработанным месторождением золота в мире: его запасы составили 40 млн унций (1244 тонны) со средним содержанием золота 2,3 грамма на тонну¹¹². Ожидается, что до 2039 года разработка Сухого Лога принесет в российский бюджет более 470 млрд рублей¹¹³. Однако и в постсоветской России имя Альфреда Горациевича Гинцбурга как одного из руководителей золотопромышленного дела в Ленской тайге забыто.

Дж. Клиер в своей статье об изучении дореволюционной истории российского еврейства указал на важность тщательного исследования социальных и экономических аспектов деятельности российских евреев. «Где исследование о Гинцбургах — банкирах, штадланах, филантропах, которое продолжило бы первопроходческий труд Б. Ананьича?» — вопрошал он¹¹⁴. Можно считать настоящую статью откликом на этот призыв, хотя, конечно, это только эскиз, первое приближение к теме. Требуется дальнейшая тщательная работа по созданию полной биографии представителя одной из выдающихся еврейских семей России — барона Альфреда Гинцбурга.

¹¹¹ Лешков В. Г. На золотой Лене. Воспоминания. М., 1996. С. 20.

¹¹² Коммерсант. 2020. 17 ноября.

¹¹³ Вестник золотопромышленника. 2021. 19 марта. URL: https://gold.1prime.ru/news/20210319/403090.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1616267334000 (дата обращения: 28.08.2022).

¹¹⁴ Клиер Дж. «Откуда и куда идем»: изучение дореволюционной истории российского еврейства в Соединенных штатах в XX веке // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: Новые источники, новые подходы. М., 2004. С. 57.

М. А. Барабанова

Народоволец Савелий Златопольский

В Исполнительном комитете (в дальнейшем ИК) «Народной воли» было два революционера еврейского происхождения; об Аароне Зунделевиче недавно появилась подробная работа¹, Савелию Златопольскому же не посвящено ни одного специального исследования² и ни одной мемуарной статьи. Только народоволка Анна Корба, в силу того что они вместе были хозяевами конспиративной квартиры в Петербурге, уделила ему несколько абзацев. Даже народоволец Михаил Фроленко, которого, наряду с Николаем Колодкевичем, Златопольский называл своим ближайшим другом, оставил о нем всего несколько строк. И это несмотря на то, что Златопольский был оригинально мыслящим, ярким, действительно активным революционером. Народоволец погиб в Шлиссельбурге, поэтому от него не осталось практически никаких документов, кроме его показаний, найденных следствием конспиративных записок и коротеньких писем. Эти материалы, впервые собранные вместе во всей их полноте, и предлагаются вниманию читателя.

¹ Кан Г. С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М.; Бостон; СПб., 2020. С. 128–229.

² К такому можно отнести краткую вступительную статью С. Н. Валка, частично опубликовавшего показания Златопольского (*Валк С. Н. Из народовольческих автобиографических документов // Красный архив. 1927. Т. 1. С. 227–231*).

Савелий Соломонович (Шлемович) Златопольский происходил из еврейской мещанской семьи и родился в Елизаветграде в августе 1856 или 1857 года³. Информация о ранних годах его жизни практически отсутствует. Семья Златопольских была большой: у Савелия было три брата — Яков, Лев, Гирш (Александр) — и сестра Сарра (Софья). О родителях Златопольского почти ничего не известно: отец умер не ранее 1872 года, мать на момент ареста сына весной 1882 года проживала в Черкассах у родных. Что касается отношений в семье, то, видимо, они были теплыми. Об этом свидетельствуют публикуемые ниже письма Златопольского к родным, полные нежных слов. Трогательным представляется и такой эпизод: отец, зная страсть Савелия к охоте, подарил ему охотничий нож, который народоволец хранил до самого своего ареста⁴.

Важно сказать о том, что старшие братья Александр и Лев, а также сестра Софья принимали деятельное участие в народническом движении, Лев даже был членом «Народной воли» до своего ареста в январе 1881 года (судился по процессу 20-ти, 9–15 февраля 1882 года). И если Лев по отбытии Карийской каторги умер в 1907 году в Чите⁵, то Александр прожил гораздо дольше — он умер в 1932 году в Париже⁶. Вера Фигнер в 1907 году обращалась к нему с просьбой прислать какие-либо материалы о брате для сборника «Галерея шлиссельбургских узников»; просьбу свою она повторяла и в другом письме, но, видимо, материалов так и не получила⁷.

³ Известный биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России» (Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. М., 1934. Стб. 1540) сообщает о 1855-м как о годе рождения Златопольского, однако это ошибка: в своих показаниях от 2 мая 1882 года Златопольский писал, что ему 25 лет; ненадежность датировки связана с тем, что народовольцу могло быть неполных 25 лет.

⁴ См. показания от 4 мая 1882 года.

⁵ Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. Стб. 1539.

⁶ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 2. М., 1999. С. 628.

⁷ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1932. С. 40, 42.

Анна Корба передавала:

От самого Златопольского я слышала, что он родился в очень бедной еврейской семье в одной из южных губерний России в деревне. С малых лет у него появилось большое стремление к учению, и однажды, видя, что в родительском доме никто не собирается его учить, ни помочь ему поступить в школу, он ушел из дому, пробрался на большую дорогу и, спрашивая у встречных, как добраться до соседнего города, прошел большое расстояние и в конце концов пешком же добрался до Киева, где Златопольскому удалось получить первоначальное образование⁸.

Сюда следует добавить, что, по всей видимости, будущий революционер поступил по примеру двух старших братьев: и Александр, и Лев учились в гимназии в Николаеве. Ее Савелий окончил в 1873 году с золотой медалью⁹. Его товарищ по гимназии Николай Кузьмин сообщал, что во время учебы в гимназии Златопольский не примыкал к социалистам¹⁰.

Разумеется, кроме примера старших братьев важно учитывать и ту атмосферу, в которой формировался будущий революционер. Народники вспоминали, что в юные годы на складывание их как личностей решающее влияние оказало чтение — произведения Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, В. В. Берви-Флеровского. Уже опубликованы «Исторические письма» П. Л. Лаврова, призывающие критически мыслящую молодежь отдать долг трудовому народу, уже появились «Государственность и анархия» М. А. Бакунина с известным «Прибавлением А», где доказывалось, как емко формулировал автор в другой своей работе, что «народ социалист по инстинкту и революционер по природе»¹¹. У многих

⁸ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2.

⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 426 об.

¹⁰ Там же. Л. 425.

¹¹ Бакунин М. А. Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1868 г. // Он же. Избранные сочинения в 5 т. Т. 3. М.; СПб., 1920. С. 112.

будущих народников тогда случился и религиозный кризис, приведший к атеизму. Похожие процессы должны были происходить в юности и у братьев Златопольских.

Сочувствие крестьянскому и рабочему населению, острое чувство несправедливости его положения, осознание неоплатного долга перед ним — вот основы этики многих молодых людей той эпохи. Неудивительно, что и высшее образование братья выбирают сугубо прикладное — они поступают в Технологический институт, Савелий присоединяется к ним в 1873 году. Дальнейшая судьба братьев вновь складывается синхронно: в 1875 году все трое оставляют институт. По официальным сведениям, будущий революционер бросает учебу «по слабому здоровью». Однако, скорее всего, братьев захватило общее желание пойти «в народ». В это же время Савелий познакомится в Петербурге с будущим народовольцем Григорием Гольденбергом, показания которого сыграют важную роль в его судьбе.

И Лев, и Александр вместе с сестрой Софьей отправились пропагандировать в деревню. Однако Савелий с ними не идет. Судя по его показаниям, ему очень импонировал призыв интеллигенции идти на помощь народу, но в то же время он чувствовал необходимость саморазвития и знакомства с реальной жизнью, прежде чем приступить к пропаганде. Златопольский возвращается в Николаев, где, по его словам, «занимается уроками и отчасти литературным трудом», сотрудничает с журналом «Николаевский вестник». В это время здесь складывается несколько народнических кружков; Златопольский находится в близком окружении Соломона Виттенберга, казненного 11 августа 1879 года в Одессе за подготовку покушения на императора¹², народниц сестер Феликсы и Валерии Левандовских; здесь с ним встречается будущая народоволка Фанни и ее брат, известный народник Михаил Морейнис. Фанни вспоминала, что именно Златопольский познакомил ее с основами народнической теории и этики,

¹² См.: Морейнис М. А. Соломон Яковлевич Виттенберг и процесс 28-ми // Каторга и ссылка. 1929. № 6. С. 47–67; Семенов А. Соломон Виттенберг // Былое. 1925. № 6. С. 59–74.

а затем даже направил в Одессу на квартиру Ивана Ковальского (позднее казненного 2 августа 1878 года в Одессе за вооруженное сопротивление при аресте), когда она решила уйти из дома и зарабатывать своим трудом. Бывший товарищ по николаевской гимназии Кузьмин показывал, что в 1877 или 1878 году Златопольский был в кружке Виттенберга и Александра Акимова, бывал на конспиративной квартире в доме Сидоренко и распространял запрещенную литературу¹³.

Лев Дейч приводит в воспоминаниях такой образ Златопольского середины 1870-х:

Он до смешного любил корчить из себя большого конспиратора, вечно занятого будто бы таинственными заседаниями. Но каково же было наше изумление и вместе его конфуз, когда, однажды, вслед за его заявлением, что он торопится на какое-то спешное свидание, кто-то <...> столкнулся с ним всего лишь в бане! Легко представить себе, сколько остроумных шуток и смеху вызвал этот случай, и как был пристыжен этот юный «конспиратор»¹⁴.

Здесь возникает портрет не только увлеченного, но и увлекающегося Златопольского.

Михаил Фроленко вспоминал, что тогда, в 1875 году, оказавшись в Николаеве, он нашел «небольшую компанию радикалов, во главе которой стоял Ковальский»¹⁵. Последний был одним из первых народников, серьезно интересовавшихся штундистами. Вместе с Фроленко Златопольский и его товарищи вели среди них пропаганду, заводили связи с молоканами и штундистами, пытаясь обратить их внимание на политическую сторону жизни, отвлечь от сугубо религиозных вопросов. Их считали «носителями неиспорченного идеала народной жизни», как писал народник, а затем социал-демократ Георгий Плеханов¹⁶. Народникам

¹³ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 425 об.

¹⁴ Дейч Л. За полвека. Т. 2. Берлин, 1923. С. 73.

¹⁵ Фроленко М. Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 54.

¹⁶ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове // Он же. Полн. собр. соч. М., Б. г. Т. 1. С. 158.

представлялось, что гонимые правительством раскольники, штундисты, молокане своим положением предрасположены к недовольству существующим строем, а значит, их можно привлечь на свою сторону, внести в их религиозность политические элементы. Однако, по словам того же Фроленко, к концу лета 1875 года результаты пропаганды оказались неутешительными¹⁷.

По всей видимости, Златопольскому этот опыт не показался бесполезным, так как в 1877 году он вновь уезжает, на этот раз в Одессу, а затем в Калужскую губернию для изучения другой секты — «воздвиганцев». При аресте 19 апреля 1882 года у него будут найдены рукописи и заметки, посвященные раскольникам и штундистам. Они были написаны для газеты «Русский курьер», с которой Златопольский сотрудничал под именем Константина Боголепова. Очевидно, интерес к данному направлению пропаганды у него никогда не пропадал. В этом смысле удивительно, что мемуаристы не называют Златопольского среди членов учрежденного в ноябре 1881 года «Христианского братства», которое и должно было вести пропаганду в среде раскольников и сектантов. Возможно, причина в том, что революционер тогда находился в Петербурге, или он просто был слишком занят другими партийными делами.

Вторая половина 1870-х годов — период, когда среди активной молодежи боролись «лавристы» и «бакунисты», сторонники постепенной социалистической пропаганды в народной среде и те, кто был убежден в готовности народа начать восстание уже сейчас. Коснулись ли эти искания Златопольского? Из имеющихся материалов можно заключить, что «лавризму» революционер сочувствовал лишь в смысле его этического наполнения — ему была близка идея помощи интеллигенции народу. Саму же теоретическую концепцию П. Л. Лаврова Златопольский упрекал в «шаткой постановке вследствие кабинетности ее, разобщения с русской народной жизнью»; к тому же Лаврова интересовали вопросы уж слишком отдаленного будущего, полагал он¹⁸. Од-

¹⁷ Фроленко М. Ф. Указ. соч. С. 96–97.

¹⁸ См. показание от 23 сентября 1882 года.

новременно само «хождение в народ» Златопольский воспринимал как «депутацию от интеллигенции к народу, представлявшим своего рода “terra incognita”», то есть чисто бакунистская убежденность в понимании, каков народ на самом деле, также была ему чужда. Таким образом, Златопольский — редкий пример молодого человека с предельно критической позицией по обоим теоретическим течениям того времени. Он отмечал в показаниях, что процесс 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года) интересовал его в том числе и как своеобразный итог «хождения в народ», он ждал, что активная молодежь откажется от наивного «лавризма».

Когда появляется программа «Земли и воли», она, по словам Златопольского, в большей степени соответствует его взглядам, но все же не вполне им удовлетворяет. В программе возникает указание на скорейший «насильственный переворот», хотя и говорится об анархии и коллективизме как о конечном политическом и экономическом идеале¹⁹. Златопольского же не устраивала оторванность программы от «вопросов чисто политического характера» и «преобладание в ней элементов чисто социалистических». Так, в программе говорилось, что политическим идеалом признается полное общинное самоуправление²⁰. Таким образом, Златопольский довольно рано приходит к мысли о необходимости постановки перед революционной партией чисто политических задач.

Это приводит к тому, что, проживая в Одессе, одном из революционных центров, Златопольский находится в некоей изоляции. Свой взгляд на то, какие задачи должны стоять перед революционерами, он формулировал так:

Разногласие коренилось, главным образом, в оценке той роли, которую играет государство в сознании и жизни народа, и тех общих задач, которые партия ставит на очередь. Руководящим взглядом моим было признание за социализ-

¹⁹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2 / под ред. С. С. Волка. М.; Л., 1965. С. 30, 31.

²⁰ Там же. С. 31.

мом значения вероисповедания партии и отвести ему соответственное место; ближайшая задача — существующий строй политической жизни видоизменить настолько, чтобы народ получил возможность участвовать в решении вопросов общерусской жизни, т. е. формулировал я: революционная партия не упраздняет ни государства, ни религии, ни собственности, ни семьи, а, исходя из существующего политического и общественного строя, должна все силы направить к введению в России представительных народных учреждений²¹.

Отсюда становится очевидным, что Златопольский — настоящий политический радикал, представляющий «безгосударственность» как нечто невозможное и отводящий социализму лишь роль вероисповедания партии. Значит, построение социалистического общества ему вовсе не видится обязательным. Из сказанного ясно, почему знакомства в 1878 году с будущими народо-вольцами Михаилом Грачевским, Андреем Желябовым и споры с ними не привели к его включению в какую бы то ни было организацию.

Оставаясь в Одессе, революционер ведет пропаганду своей сугубо политической точки зрения на задачи борьбы, не встречая, правда, сторонников.

Другой вопрос, волновавший в то время молодежь, касался терроризма как революционного метода. Прямых указаний на то, как развивались взгляды Савелия Златопольского по этому предмету, не имеется. Однако исходя из того, как близок он был сначала к Соломону Виттенбергу, готовившему покушение на императора, а затем и к Ивану Ковальскому, отстаивавшему вооруженное сопротивление как метод «пропаганды действием», можно сделать вывод, что, скорее всего, революционер не был против терроризма. Известный революционер, будущий социал-демократ Павел Аксельрод прямо называет Златопольского в 1878 году террористом²². Стоит сказать, что Савелий вполне

²¹ См. показание от 23 сентября 1882 года.

²² *Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 315.

легально ездил в Одессу во время суда над Ковальским в июле 1878 года (возможно, даже участвовал в спровоцированной известием о смертном приговоре Ковальскому демонстрации на Гулевой улице, вылившейся в стычку с полицией). Ответом на казнь Ковальского стало убийство в Петербурге Сергеем Кравчинским 4 августа 1878 года шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Вряд ли Златопольский не поддержал это действие, вряд ли сам он не испытывал желаний отомстить за казнь дорогого товарища.

Важной вехой в жизни революционера стало знакомство в июле 1879 года с единомышленником — будущим народовольцем Николаем Колодкевичем. Он рассказал новому знакомому о возникшем течении, которое оформилось в созданную в конце лета того же года «Народную волю». После выхода осенью 1879 года № 1 газеты «Народная воля» Златопольский, видимо, присоединяется к народовольцам. Важно добавить, что первый номер все еще не удовлетворял революционера полностью: его смущало «отсутствие прямого заявления о политическом перевороте как о задаче, не сопряженной непосредственно с насильственным осуществлением социалистических идеалов»²³.

Златопольский действует в Одессе как народоволец и, видимо, довольно быстро выдвигается на первые роли. Так, народоволец Василий Сухомлин вспоминал, что именно Златопольский тогда «поручал ему вести пропаганду среди рабочих Одессы»²⁴. А Аксельрод писал, что в 1879 году Златопольский и другие народовольцы просили его отвезти в Харьков револьверы и патроны для Андрея Желябова²⁵. Тогда они готовили покушение на императора Александра II под Москвой; в Одессу приехал Григорий Гольденберг, они встретились на квартире Колодкевича с Златопольским. Гольденберг рассказал о планирующемся теракте, Савелий Златопольский дал ему на это дело 300 рублей²⁶. Но Гольденберга арестуют 14 ноября 1879 года на станции Елизаветград с полным

²³ См. показание от 23 сентября 1882 года.

²⁴ Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 229.

²⁵ Аксельрод П. Б. Указ. соч. С. 334.

²⁶ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4322. Л. 39.

чемоданом динамита, а через несколько месяцев, вследствие своей доверчивости, он открывает жандармам все, что ему было известно о подполье. Именно Гольденберг расскажет жандармам о том, что Савелий Златопольский в Одессе является центром народовольчества²⁷ (неудивительно, что народоволка Вера Фигнер будет знать его как одессита²⁸), что он не только знал о готовящемся покушении народовольцев на императора под Одессой, но и дал на его осуществление деньги. В марте-апреле 1880 года, когда Колодкевич сообщил другу об оговоре Гольденберга, Златопольский перешел на нелегальное положение и бежал в Петербург²⁹.

К этому периоду относится его прием в члены ИК «Народной воли» вместе с Колодкевичем (они должны были пополнить ряды комитета вместо уже схваченных полицией Александра Квятковского, Николая Буха и Софии Ивановой)³⁰. Любопытную характеристику Златопольскому дает Фигнер: «Мягкий и добрый, он не был импонирующим и влиятельным человеком»³¹. Как будто вторит ей другой народоволец Лев Тихомиров: «Весьма неглупый, с недурными организаторскими способностями, очень хороший человек, но все-таки величины средней»³². Вероятно, Златопольский был человеком, не умеющим мгновенно расположить к себе, не слишком харизматичным и ярким.

В то же время есть сведения, что оратором он был очень неплохим: близкий к народовольцам Леонтий Урсынович видел его в числе ораторов на одной из сходов с чернопередельцами; по словам мемуариста, свою эффектную речь он закончил словами: «Принцип революции — дерзайте!»³³ Анна Корба в письме к на-

²⁷ Там же.

²⁸ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964. С. 303.

²⁹ См. показание от 1 мая 1882 года.

³⁰ Прибылева-Корба А. П. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 51.

³¹ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 303.

³² Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 176.

³³ Урсынович Л. В. Ключки воспоминаний // Красная новь. Альманах. 1925. № 2. С. 352.

родовольцу Леониду Залкинду сообщала, что Савелий был «прирожденным пропагандистом», всегда окруженным учениками³⁴.

Другая интересная сторона революционной работы Златопольского — он некоторое время в 1880 году курировал связь народовольцев с Николаем Клеточниковым, агентом ИК в III Отделении и потом в Департаменте полиции. Арестованный 28 января 1881 года, тот дал откровенные показания на следствии, но установить личность одного из его «связных» жандармы так и не смогли. Клеточников давал такой портрет этого молодого человека, назвавшегося Алексеем Алексеевичем Петровым:

Молодой человек среднего роста, смуглый брюнет с курчавыми волосами, толстыми губами, грубыми чертами лица, почти негритянского типа, но, как по некоторым типическим особенностям, так и по некоторым намекам, я думаю, что он еврей. В июне или начале июля я начал посещать его квартиру на улице Казанской и Гороховой, в том подъезде, где помещается библиотека Иванова³⁵.

Других подробностей об этой связи Златопольского не имеется, но, учитывая хорошие организаторские способности, он как никто годился для подобной роли, когда Александру Михайлову не хватало сил на единоличное общение с агентом.

В ноябре 1880 года Златопольский отправился в Киев по поручению ИК. Еще в 1879 году, когда в Киеве распространялось народовольческое движение, здесь работал не только сам Злато-

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

³⁵ Неопубликованные архивные материалы / Пелевин Ю. А. А. Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 267. Любопытно, что исследователь в другой своей работе полагает, будто за этим портретом скрывался Мартын Ланганс, член ИК. Представляется, что описанные черты совсем не совпадают с портретом этого народовольца. Данную версию можно объяснить тем, что, в отличие от Златопольского, Ланганс действительно скрывался за псевдонимом Петров (Пелевин Ю. А. Николай Васильевич Клеточников // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 68).

польский, но и Колодкевич, Михаил Попов, Игнатий Иванов, приезжал сюда и Александр Михайлов с целью привести местные кружки к единому руководству в лице агентов ИК. По словам народовольца Александра Бычкова, здешняя «кружковщина, не желавшая знать ни центра, ни дисциплины», долго отстаивала «свое право на полную автономию»³⁶. Особо выделялся кружок Исаака Левинского и братьев Владимира и Александра Бычковых. Указанные революционеры стремились к полной независимости, считая себя при этом народовольцами. Это позволяло им прибегать к известной широте в методах революционного действия. Они вынашивали планы самых разных экспроприаций, например, собирались ограбить студенческую кассу университета, самостоятельно принимали решения о террористических актах³⁷, так что скоро даже в Петербурге они стали известны как «журнический кружок»³⁸. Когда до ИК дошли слухи об их планах, было принято решение навести в Киеве порядок. Для этого сюда и послали Златопольского.

Сюжет, касающийся пребывания революционера в Киеве, стал известен жандармам благодаря целому ряду показаний предателей. В них возникает такой портрет Златопольского: на вид лет тридцати, брюнет с лохматой головой, кучерявый, с пробором по середине головы, небольшой черной бородой, с большими выразительными глазами и оттопыренными губами. По виду он принадлежал к интеллигенции, очень хорошо говорил, был одет как барин, по лицу и выговору напоминал еврея³⁹. Видимо, Златопольский произвел самое сильное впечатление на Левинского, так как тот «относился к нему с уважением»⁴⁰. Рабочему Якову Петлицкому «Владимир Львович», как Златопольский представился, рекомендовал продолжать пропаганду среди рабочих.

³⁶ Бычков А. И. Дело о революционных кружках в Киеве в 1879, 1880 и 1881 гг. // *Летопись революции*. 1924. № 2. С. 54–55.

³⁷ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 640.

³⁸ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 5601. Л. 63 об.

³⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 640.

⁴⁰ Там же. Л. 640.

Узнав о слежке за губернатором Н. П. Гессе и жандармским капитаном Г. П. Судейкиным с целью организовать на них покушение, он настаивал на приостановке всех террористических приготовлений, объясняя это тем, что они могут помешать большому предприятию в Петербурге⁴¹. Сам Златопольский в своих показаниях последнее уточнение опровергал, делая упор в первую очередь на том, что партийная дисциплина запрещает совершать теракты по своему усмотрению⁴².

Другой киевлянин — Иван Саранчов, бывший сыном интенданта Киевского военного округа, сообщал следствию, что Владимира Львовича ему представили как агента ИК, который должен реорганизовать местную революционную группу. Он же знакомил Саранчова с задачами партии:

Начав общеизвестными местами политической экономии, перешел затем к положению рабочего класса в России и, находя его неудовлетворительным, говорил, что целесообразное улучшение его может последовать только «сверху», но т[ак] к[ак] нынешнее правительство неспособно или не желает приступить к этому улучшению, то надо другое правительство, которое обладало бы более широкими взглядами на экономическое положение народа, проникнуто было бы сознанием необходимости коренной перестройки экономического быта русского народа; но такое правительство возможно только после свержения нынешнего путем насильственного переворота, главным образом произведенного в столицах и главных административных центрах. Переворот должен быть произведен распропагандированными рабочими, но не одними, а при помощи войск, для чего необходимо все усилия направить к тому, чтобы приобрести сторонников между офицерами. Затем после переворота и учреждения Временного правительства последнее должно было бы путем декретов преобразовать экономический строй народа⁴³.

⁴¹ Там же. Л. 640–640 об.

⁴² См. показание от 23 сентября 1882 года.

⁴³ Там же. Л. 641.

Выше уже было сказано о политических взглядах Златопольского, поэтому очевидно, что Саранчов вольно или невольно перевирает свой с ним разговор, представляя взгляды представителя ИК как чуть ли не якобинские. Опроверг это и сам Златопольский, когда ему были предъявлены показания Саранчова:

...Я высказал ему принципы программы «Народной воли», <...> но никоим образом не в том виде, как излагает ее Саранчов, не вводя идеи народного представительства в лице Земского собора как наиболее желательной формы осуществления ближайшей задачи партии «Народной воли»⁴⁴.

Интересно, что Саранчов, видимо, запуганный⁴⁵ военным прокурором В. С. Стрельниковым во время следствия, старался выставить себя жертвой интриг и вымогательств со стороны революционеров и, в частности, самого Златопольского. Саранчов показывал, что его подозревали в выдаче полиции информации о некоторых товарищах, а в качестве доказательства невиновности требовали добыть тысячу рублей⁴⁶. Впрочем, Саранчов, видимо, окончательно запутавшись, в своих поздних показаниях все эти сведения сам же и опроверг⁴⁷.

К последнему агента ИК привел политический радикал, пытавшийся завязать связи с народовольцами, Константин Маслов. Ему «Владимир Львович» якобы показался «человеком малообразованным»; он же показывал, что представитель ИК занимался изготовлением паспортов и даже достал один по его просьбе⁴⁸. О малообразованности Златопольского судить сложно: с одной стороны, он имел только полное среднее образование, с другой —

⁴⁴ См. показания от 10 июля 1882 года.

⁴⁵ Стрельников, по свидетельствам современников, вообще любил пугать всех подследственных, угрожая смертной казнью. См. напр.: *Спандони А.* Страница из воспоминаний // *Былое*. 1906. № 5. С. 26; *Дебогорий-Мокриевич В.* Воспоминания. СПб., 1906. С. 406.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 641–641 об.

⁴⁷ Там же. Л. 794 об.

⁴⁸ Там же. Л. 797 об.

его индивидуальные политические взгляды, записки из тюрьмы, поведение, сами показания, свидетельства народовольцев не выдают в нем необразованного человека.

Так Златопольский приводил киевскую народовольческую группу к известному централизму, требуя подчинения директивам ИК. Видимо, чувствуя себя стесненным, Левинский на некоторое время отошел от революции: в январе 1881 года он был принят в 126-й пехотный Рыльский полк рядовым⁴⁹. Итог деятельности Златопольского приходится признать удачным. Впрочем, результат этот, по всей видимости, достаточно быстро сошел на нет, поскольку в марте 1881 года были арестованы братья Бычковы, самые активные члены группы⁵⁰.

Кроме организационной деятельности Златопольский занимался паспортами и достиг немалых успехов в этом ремесле, так что оно так и закрепилось за ним. Корба писала Залкинду:

Самые ответственные паспорта, как паспорта большой типографии на Подольской улице, Кобозевской лавки, динамитных мастерских, получались из рук Златопольского. И ни разу в течение этого периода его работы, который продолжался более двух лет, ни один паспорт не потерпел крушения и не был причиной провалов, ни даже малейшей запинки⁵¹.

Народоволец сделал паспорт для товарища по партии Николая Желвакова, будущего убийцы генерала В. С. Стрельникова, пока, в 1881 году, отправлявшегося в Ростов-на-Дону для пропаганды⁵². Дававший на следствии откровенные показания народоволец Антон Борейша сообщал о некоем Аполлоне («среднего роста, плотный, брюнет, носил тогда усы и баки черные»⁵³), который

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 224.

⁵⁰ Кстати, интересно, что Владимир Бычков 19 декабря 1882 года бежал из тюрьмы и затем работал в Харькове под руководством Веры Фигнер, не проявляя прежней склонности к всевозможным мошенническим проектам.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

⁵² Прибылева-Корба А. П. Указ. соч. С. 86.

⁵³ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 673.

имел при себе целый портфель с принадлежностями для выделки паспортов, печатями и штемпелями и который сделал фальшивую визировку на его подложном паспорте⁵⁴.

Борейша тогда временно жил на квартире на углу Подольской улицы и Малого Царскосельского проспекта, где располагалась народовольческая типография супругов Пришибиных (народовольцы Михаил Грачевский, Прасковья Ивановская и Людмила Терентьева в качестве кухарки). Здесь были напечатаны номера 4 и 5 партийной газеты «Народная воля» и письмо ИК императору Александру III⁵⁵. В апреле 1881 года туда приходил Златопольский и вел с хозяевами разговор о необходимости очистить квартиру, которая перестала быть безопасной с арестом 1 апреля Григория Исаева (он носил сюда литературные материалы)⁵⁶. По всей видимости, Златопольский заменил арестованных членов ИК «Народной воли» Александра Баранникова и Исаева как связист типографии с центром. Кстати, заменяя Исаева, Златопольский вместе с товарищем по партии Петром Теллаловым поддерживал связи и со студенческими кружками, о чем писал народоволец-первомартовец Евгений Сидоренко, который пропагандировал в студенческой среде⁵⁷.

Бывал Златопольский и в другой типографии — в Троицком переулке у народоволки Геси Гельфман, где печаталась «Рабочая газета». Там его встречал известный впоследствии предатель — Василий Меркулов⁵⁸.

В феврале 1881 года Златопольский возвращается в Петербург из киевской командировки. Здесь они с Анной Корбой становятся хозяевами конспиративной квартиры у Вознесенского моста, где народвольты собираются вечером 1 марта. На этой квартире обсуждается, в какой именно форме партия должна отреаги-

⁵⁴ Там же. Л. 673–673 об.

⁵⁵ Ивановская П. С. Первые типографии «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 49, 51, 53.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 673.

⁵⁷ Деятели СССР и революционного движения России. С. 224.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 736.

ровать на случившееся цареубийство. Тогда же было решено оставить эту квартиру в целях безопасности. Златопольский с Корбой под видом книгопродавца из Киева и его супруги переселяются на Загородный проспект, в удобный двухэтажный дом с отдельным ходом из квартиры на улицу, напротив Технологического института. На этой квартире был окончательно утвержден текст письма ИК императору Александру III⁵⁹. Здесь также составлялась прокламация ИК к крестьянам, на заседании присутствовали еще не арестованные члены ИК «Народной воли» Николай Суханов, Софья Перовская, Михаил Фроленко, Лев Тихомиров. По словам Корбы, этой квартире суждено было видеть агонию народовольческой организации⁶⁰.

Массовые аресты зимы 1880 — весны 1881 года буквально вытеснили ИК из Петербурга в Москву, пришлось ликвидировать и конспиративную квартиру. Видимо, Корба покинула город в мае 1881 года, Златопольский остался здесь единственным представителем ИК. Только 3 января 1882 года Корба вернулась в Петербург. В этот период, по словам Константина Маслова, Златопольский сделался «одним из самых влиятельных членов организации»⁶¹.

В это время он поддерживает связи с военными. Возникшая на рубеже 1880/1881 годов Военная организация «Народной воли» была создана при участии Желябова и Колодкевича, ее задачей было образовать в войсках такую силу, которая могла бы противодействовать правительству в момент восстания. После ареста Желябова и Колодкевича новыми представителями партии в организации стали Златопольский, Корба и Фигнер⁶². Штабс-капитан Николай Похитонов, давший полуоткровенные показания, сообщал, что Златопольский читал ему составленное им воззвание «Исполнительный комитет офицерам русской армии»⁶³.

⁵⁹ Прибылева-Корба А. П. Указ. соч. С. 57–59.

⁶⁰ Деятели СССР и революционного движения России. С. 207.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. 7 ДП. 1886. Оп. 183. Д. 79. Л. 70 об.

⁶² К истории народовольческого движения среди военных в начале 80-х годов // Былое. 1906. № 8. С. 161.

⁶³ Литература социально-революционной партии «Народной воли». Б. м., 1905. С. 908–912.

Он и лейтенант флота Федор Завалишин дважды встречались с народовольцем, который читал проект этого документа, правда, раскритикованный военными. Он же и принес целую пачку отпечатанных прокламаций для распространения⁶⁴. Другой военный — поручик Николай Рогачев — сообщал следствию, что знал Златопольского под именем Филиппа Даниловича, ему тот также часто приносил подпольные издания, в разговорах объясняя необходимость насильственных действий со стороны организации⁶⁵.

Еще одним важным сюжетом, с которым был связан Златопольский, были издание прокламации «Исполнительный комитет украинскому народу»⁶⁶ ярко антиеврейской направленности и пояснения к ней, размещенные в № 6 «Народной воли»⁶⁷. Автором этих документов был Герасим Романенко, введенный в партию Златопольским еще в Одессе в 1879 году⁶⁸. Тогда он довольно быстро скрылся в Швейцарию, спасаясь от арестов, вернулся в Россию только летом 1881 года и был принят в ИК. Прокатившуюся по югу России волну погромов Романенко оценивал как народное революционное движение, тем самым обосновывая его поддержку со стороны партии⁶⁹. Прежде народовольцы не высказывали подобной антиеврейской позиции, потому ясно, какое возмущение подняла эта прокламация. Фигнер, находившаяся на юге, уничтожила полученные экземпляры⁷⁰. Тихомиров, по словам Корбы, писал ей, оправдываясь:

⁶⁴ Кантор Р. М. К истории военной организации «Народной воли» (Показания Ф. И. Завалишина) // Каторга и ссылка. 1925. № 5. С. 225.

⁶⁵ К истории народовольческого движения среди военных в начале 80-х годов. С. 169.

⁶⁶ Опубл. С. Н. Валком (Валк С. Н. Г. Г. Романенко // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С. 50–52).

⁶⁷ Там же. С. 49.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1369. Л. 637; Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 311.

⁶⁹ Литература социально-революционной партии «Народной воли». С. 430–437.

⁷⁰ Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х — 80-х гг. XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы, гибель. М., 1912. С. 223.

Вы уже знаете, что мы приняли в комитет Романенко, и он уже успел сделать много вредного и нежелательного. Он настоял, чтоб комитет выпустил прокламацию по поводу еврейских беспорядков, и выманил наше согласие. Если вы хотите знать мое личное мнение о прокламации, я скажу вам, что я очень против нее, но дело уже сделано⁷¹.

В. Я. Богучарский, исследователь народничества и народо-вольчества, писал, что текст прокламации был одобрен членом ИК еврейского происхождения, явно имея в виду тогда единственного еврея в ИК Златопольского⁷². Корба же защищала товарища: она

...часто бывала свидетельницей того, как он снова и снова возвращался к теме прокламации. Он не мог говорить о ней спокойно и всякий раз переживал сильное и тяжелое волнение. Он говорил, что это — несмываемое пятно на репутации ИК, что он не в состоянии простить комитету такое деяние. Когда прокламацию издали в Москве, Златопольский был в Петербурге, поглощенный текущими делами. Однако узнав о появлении ее, он все бросил, поехал в Москву, и там тотчас состоялось решение об ее уничтожении⁷³.

Можно увидеть, насколько принципиальным в этой истории предстает Савелий Златопольский, вероятно, горько переживавший свою ответственность за привлечение Романенко в партию. При этом неясно, о каком уничтожении прокламации говорит Корба, ведь никаких опровергающих сообщений так и не было опубликовано.

Любопытный материал о Златопольском в то время дает в своем «Дневнике карийца» чернопеределец, позднее народоволец Яков Стефанович. Между ним и Тихомировым тогда возникла конфликтная ситуация: последнему казалось, что Стефанович претендует на ведущую роль в партии. В связи с этим Тихомиров

⁷¹ Прибылева-Корба А. П. Указ. соч. С. 197.

⁷² Богучарский В. Я. Указ. соч. С. 221.

⁷³ Прибылева-Корба А. П. Указ. соч. С. 196.

в письме к Златопольскому «развивал <...> необходимость» против Стефановича «сплоченной коалиции»⁷⁴, письмо это ему стало известно случайно. Одновременно он пишет, что Тихомиров Златопольскому не доверял, считая его способным «разыграть роль второго Гольденберга, и вскоре после рассказанного инцидента возбудил даже вопрос о высылке товарища за границу под предлогом какого-нибудь фиктивного поручения»⁷⁵. Очевидная несообразность этих двух свидетельств ясна самому Стефановичу, но, судя по тексту «Дневника», она его не смущает. Принимая во внимание приведенный выше исключительно положительный отзыв Тихомирова о Златопольском, трудно поверить этим свидетельствам. Да и вообще товарищи характеризовали его как искренне преданного человека: его качества, по словам Корбы,

...состоят в безусловной и полной отдаче себя революционным делам. В пору своей работы в качестве народовольца он не знал ничего более важного, более необходимого, даже более священного, чем революционная работа. При этом не было такой работы, если она была необходима для партии, которую он считал бы мелкой или неприятной для себя⁷⁶.

В своих конспиративных письмах к Дейчу от января 1883 года Стефанович писал:

Вездесущий, всеведущий Златопольский, — но не на далеком пространстве. Его голова вмещала в себе массу имен, множество шифров и все улицы города Петербурга. Это был прекрасный адресный стол и справочное бюро, — качества, далеко не лишние в механизме организации. К сожалению, он имел слабость выходить из своих естественных границ и присваивать себе роль истолкователя направления и даже грозного обличителя самих творцов его в отступничестве от первоначальных принципов и освященной временем

⁷⁴ Стефанович Я. Дневник карийца. СПб., 1906. С. 61.

⁷⁵ Там же. С. 62.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

политики. Это делало его смешным, а его красноречивые письма, испещренные восклицат[ельными] и вопросит[ельными] знаками...⁷⁷

Конспиративные и организаторские способности Златопольского здесь отражены довольно выпукло. Что же касается слов Стефановича относительно стремления обличать, то, видимо, речь идет о вышеупомянутой истории с антиеврейской прокламацией. Трудно упрекнуть Златопольского за несогласие с ней.

В конце зимы 1882 года ИК планировал покушение на генерала Э. И. Тотлебена, бывшего одесского генерал-губернатора, известного жесткой политикой по борьбе с крамолой на юге. Следить за генералом должен был народоволец Михаил Овчинников. Он вспоминал, как по приезде в Москву Грачевский направил его на свидание со Златопольским, описав его так: «Невысокого роста, бритый подбородок, черные “котлеты” (бакенбарды. — М. Б.), густые волосы»⁷⁸. Савелий дал Овчинникову конкретные рекомендации о слежке за генералом и о той информации, которая необходима для подготовки к покушению. «Исполнительному комитету был крайне необходим успех в Тотлебеневском деле; этим именно предполагалось доказать правительству, что партия “Народной воли” жива и деятельна»⁷⁹. Член Военной организации «Народной воли» лейтенант Федор Завалишин в откровенных показаниях сообщал, что Златопольский тогда просил его и флотского офицера Эспера Серебрякова достать ему оружие, видимо, в связи с этим покушением. Серебряков добыл три револьвера и что-то из холодного оружия, а Завалишин дал от себя два револьвера⁸⁰. Однако покушение так и не состоялось.

Тот же Завалишин сообщал, что Златопольский обращался к нему, надеясь найти человека, который согласился бы съездить в Москву с поручением. Задание взялся выполнить лейтенант

⁷⁷ АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 474. АД. 4. 263. 3. Л. 19 об.

⁷⁸ Овчинников М. П. Из моих народовольческих воспоминаний // Сибирская летопись. 1916. № 9–10. С. 453.

⁷⁹ Там же. С. 457.

⁸⁰ Кантор Р. М. Указ. соч. С. 226.

Леонид Добротворский: он привез из Москвы свежееотпечатанный номер 8–9 «Народной воли»⁸¹.

Самое прямое отношение имел Златопольский к попыткам «Народной воли» устроить покушение на жандармского майора Г. П. Судейкина, переведенного в Петербург с юга. Он был талантливым сыщиком и своей деятельностью опустошал ряды народовольцев; начинал свою карьеру он в Киеве; как было сказано, уже киевляне подумывали о покушении на жандарма.

Во время массовых арестов весны 1881 года с прокламациями схватили Владимира Дегаева; его старший брат Сергей был членом Военной организации, сам же Владимир не вникал серьезно в дела партии. Допрашивал его Судейкин. Движимый желанием поставить под контроль и постепенно обезоружить революционное подполье, сыщик искал себе агента из народовольческой среды. Такую роль он и предложил юному Владимиру Дегаеву. Выставляя себя либералом, выступающим исключительно против террора, Судейкин просил Владимира лишь ставить его в известность о готовящихся терактах и о настроениях среди революционеров, обещая не арестовывать никого. Владимир обещал подумать и был освобожден. Рассказав обо всем старшему брату Сергею, он надеялся обернуть сложившуюся ситуацию на пользу партии: добившись доверия Судейкина, подобраться к нему и устроить покушение. Дегаев-старший нашел Златопольского. Последний одобрил эту идею, по свидетельству Корбы, предварительно разъяснив «юноше всю трудность пути, на который зовет его Судейкин, указывая на возможность того, что его самоотречение останется без всяких результатов для партии и пройдет бессмысленно»⁸².

Однако Володя был готов. Он начал встречаться с жандармом, но серьезной информации сообщить не мог. Да и трудно поверить, что опытный сыщик не раскусил своего юного агента. Скорее

⁸¹ Там же. С. 225. Об этом писал и Эспер Серебряков, полагая, однако, что литература была отправлена в Москву. Но типография тогда находилась именно в Москве (*Серебряков Е. А. Революционеры во флоте. С. 47*).

⁸² *Прибылева-Корба А. П. Указ. соч. С. 165.*

всего, он просто приставил к нему шпионов и выяснял обо всех знакомствах Володи в революционном подполье. Результатов для партии это контршпионство Дегаева-младшего не принесло, зато оно поставило местных народовольцев под угрозу. Узнав о сложившейся ситуации, члены ИК в Москве требовали у Златопольского прекратить всякую связь с Судейкиным. Он соглашался, но просил отсрочки, надеясь извлечь хоть какую-то пользу для партии. Корба писала, что он «был поглощен идеей залечить рану, нанесенную партии арестом Клеточникова. <...> ...он упускал из виду, что искусственно и скороспело не создаются Клеточниковы, и в особенности не создаются из детей!»⁸³ Поразительно и то, как Златопольский принял подобное серьезное решение в одиночку — ведь принято было советоваться с товарищами. Нелепое контршпионство Дегаева-младшего закончилось весной 1882 года тем, что незадачливый агент, не приносивший Судейкину пользы, был отправлен служить в Саратов⁸⁴.

Имя Златопольского связано с еще одной попыткой партии подобраться к Судейкину. На этот раз идея стать контршпионкой принадлежала юной Пелагее Осмоловской. Ее арестовали в феврале 1882 года в Москве. Судейкин повел с ней беседу в своем обычном направлении, предлагая сотрудничество. Осмоловская же решила найти способ устроить покушение на сыщика⁸⁵. В Москве она нашла Златопольского, который пришел в восторг от этой идеи, хотя и усомнился, решится ли барышня собственноручно убить жандарма. Впрочем, на следующем свидании он пообещал ей динамитный снаряд⁸⁶. Дальнейшее участие в этом деле Златопольского было прервано его арестом. Сотрудничество Судейкина с Осмоловской для партии кончилось плачевно: изготовленный в народовольческой динамитной мастерской

⁸³ Там же. С. 165, 167.

⁸⁴ Там же. С. 167.

⁸⁵ О-я П. [Осмоловская П. Я.]. Нераскрытое дело (из воспоминаний о Судейкине) // Наша страна. 1907. № 1. С. 302.

⁸⁶ Там же. С. 314.

Александра и Раисы Прибылевых снаряд Осмоловской передан не был, а в ночь с 4 на 5 июня 1882 года не только мастерская и все ее посещавшие были арестованы, но и еще много петербургских народовольцев. Во время следствия и суда Корба полагала, что Осмоловская и ее муж Алексей Фомин были предателями, однако следственные материалы это не подтверждают⁸⁷.

В обоих сюжетах Златопольский предстает как человек, не слишком хорошо разбирающийся в людях: ведь свои услуги партии предлагают абсолютные юнцы, хотя и близкие к «Народной воле». Вероятно, народоволец действительно мечтал о новом ангеле-хранителе партии в Департаменте полиции. Увлекающийся человек, он будто не отдавал себе отчета в том, какую опасность представляли организации подобные связи. Здесь приходится согласиться со словами Стефановича в его образной характеристике Златопольского: «Вездесущий, всеведущий — но не на далеком пространстве»⁸⁸.

Двухлетняя жизнь Златопольского на нелегальном положении не могла не давать о себе знать. Несмотря на то что Тихомиров называет его «человеком действительно ловким»⁸⁹, эта ловкость и неуловимость таяла тем быстрее, чем скорее арестовывались товарищи по ИК. Поддерживающая связи с ним буквально накануне ареста Осмоловская писала, что он пренебрегал всякими мерами предосторожности при встрече с ней, тогда как она предупредила: за ней наверняка следят шпионы Судейкина. «Она побывала в руках у Судейкина и уже воображает себя целым Исполнительным комитетом! <...> Забыла, что я же разъяснял ей, что такое нигилист, социалист и так далее. Эх вы, дитю!..» — говорил он ей. Осмоловская также отмечала, что во время тех двух встреч Златопольский казался ей странным: усталым и нездоровым⁹⁰. Было очевидно, что народоволец не только легкомысленно себя ведет, но и, по всей видимости, утомлен долгой жизнью

⁸⁷ См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 542.

⁸⁸ АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1 Д. 474. АД. 4. 263. 3. Л. 19 об.

⁸⁹ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 138.

⁹⁰ О-я П. [Осмоловская П. Я.]. Указ. соч. С. 313.

на нелегальном положении, постоянными разъездами по партийным делам. Приходится признать долю справедливости в такой характеристике Дейча: «Хотя с течением времени Златопольский стал вполне серьезным, дельным и даже крупным революционером, все же он, кажется, от некоторой рисовки и напускной важности <...> окончательно не отделался»⁹¹.

Описанная легкомысленность по отношению к конспирации привела к тому, что 19 апреля 1882 года Златопольского арестовали в Москве на Малой Лубянке. Смотритель Пречистенского полицейского участка сообщал, что арестованный назвался Култашевым, а затем при записи в арестную книгу — симферопольским мещанином Яковом Мартыновичем, тогда как 21 апреля — обер-офицерским сыном, бывшим канцелярским служителем Константином Николаевичем Боголеповым⁹². Проживал он в меблированных комнатах Трузе, квартире 33, по Армянскому переулку, в доме Грачева. По словам коридорного, каждый день арестованный выпивал стакан кофе и часов в 11–12 уходил, возвращался в полночь или в час ночи, ночевал всегда дома. Никто из посторонних у него не появлялся, ключ от комнаты он всегда оставлял в швейцарской. Из вещей у него был только небольшой черный шагреневый чемодан и сумка через плечо. Ему регулярно приносили газету «Русский курьер». 23 апреля 1882 года арестованный уже был доставлен в Департамент полиции⁹³.

1 мая Боголепов сознался, что он — Савелий Златопольский, живущий на нелегальном положении с весны 1880 года, после того как был оговорен Гольденбергом. Он признал свою принадлежность к «Народной воле»⁹⁴. Брат Яков и сестра Сарра признали в арестованном своего брата⁹⁵, причем Яков сообщил, что несколько лет назад он слышал от брата Александра: «...упаси бог того признать в какой бы то ни было карточке Савелия, потому

⁹¹ Дейч Л. Указ. соч. С. 73.

⁹² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 2. Д. 176. Л. 1, 9.

⁹³ Там же. Л. 1, 13; ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 560, 568 об.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 255–255 об.

⁹⁵ Там же. Л. 424–424 об.

что тому грозит смерть»⁹⁶. Сам же Александр брата по фотографии не признал⁹⁷.

На следствии Златопольский вел себя достойно, о себе рассказывая только то, что известно следствию, а о товарищах вовсе отказываясь давать показания. Себя, как и полагалось, он членом ИК не признал, всячески отрицая свое значение для партии. Только по мере предъявления ему показаний других народовольцев он начинает подтверждать или опровергать ту или иную информацию. Так, он до последнего отвергает правдивость показаний Гольденберга о его, Златопольского, осведомленности о готовящемся покушении на императора, что неудивительно: ведь одно это грозило ему смертной казнью. Большой интерес представляет пространное показание от 4 мая 1882 года, где народоволец раскрывает свои политические взгляды и задачи партии, как они ему видятся.

1 мая 1882 года Златопольского перевели в Трубецкой бастион Петропавловской крепости⁹⁸. Ко времени его заключения здесь относится установление сношений заключенных с волей через тюремного «голубя» — жандармского унтер-офицера Ефима Провоторова. Эти связи были раскрыты 2 мая 1883 года, по всей видимости, благодаря провокаторской роли Сергея Дегаева⁹⁹. Когда 2 мая в камере арестованного народовольца Льва Златопольского произвели обыск, то обнаружили записки и чистые листы папиросной бумаги. Провоторов явился с повинной, предъявив сохраненные им записки. Он показывал, что никакого вознаграждения за это ему не обещалось. Естественно, он старался объяснить свои мотивы не простой корыстью, а желанием войти в доверие к революционерам и выявить их сообщников, а затем донести начальству¹⁰⁰.

⁹⁶ Там же. Л. 424.

⁹⁷ Там же. Л. 424 об.

⁹⁸ Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. М., 1934. Стб. 1542.

⁹⁹ Венедиктов Д. [Безюк Д. Г.] Петропавловская крепость и Сергей Дегаев (к вопросу о сношениях арестованных Трубецкого бастиона с волей) // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 179–218.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. 7 ДП. 1884. Оп. 181. Д. 641. Л. 7 об., 23 об.

Все началось весной 1881 года. Народоходец Сергей Мартыновский уговорил Провоторова, дежурившего в его камере, отнести записку в Технологический институт и передать одному студенту. Однако Мартыновского скоро перевели из бастиона. Провоторов передавал записки другим заключенным, но не получал ответа, пока его не направили дежурить в камере Льва Златопольского. В октябре 1882 года тот предложил Провоторову передать записку своему брату Савелию, что и было сделано. Сначала записки передавались только внутри тюрьмы, их содержание частично было зашифровано, сам унтер в записках назывался «ангелом». Савелий расспрашивал Провоторова о происходящем в крепости; по словам последнего, он и сам много знал: кого привезли, кто еще из государственных преступников здесь содержится, расспрашивал о Романенко и Борейше, называя их предателями. В ноябре Савелий Златопольский предложил жандарму отправиться в Архиерейский переулок и пройти по его правой стороне, обвязав пальцы левой руки белым платком. Так завязались сношения заключенных бастиона с волей, продолжавшиеся около полугода. Провоторов за это время заработал более 200 рублей¹⁰¹.

Следствие располагало тремя записками, которые Златопольский посылал на волю. Кому именно они адресованы, установить не представляется возможным, но первая точно адресована мужчине, а остальные — женщине. Третья (и, возможно, вторая) записка, судя по всему, была адресована жене Златопольского. Вообще личная жизнь революционера не вполне ясна. Он показывал, что не женат, но в то же время имеются сведения о том, что сестра народоходки Фанни Морейнис Мария имела фамилию Златопольская¹⁰². Это заставляет думать, что именно она была супругой Савелия Златопольского. Одновременно следствию удалось установить, что все записки проходили через некую Ольгу Васильевну Урсу. Согласно показаниям свидетелей, Урсу сильно волновалась при получении записок, краснела, а один раз даже упала в обморок, что заставляло получавших для нее запис-

¹⁰¹ Там же. Л. 16 об.–17 об., 18 об.–20.

¹⁰² Деятели революционного движения в России. Стб. 1537.

ки думать, что арестант, находящийся в крепости, — близкий ей человек¹⁰³. Урсу более известна под своей девичьей фамилией — Дылева. Именно при ее посредстве поддерживались связи Златопольского с волей¹⁰⁴.

Третья записка написана в период с апреля по май 1883 года, пока приговор не был утвержден. Из второй записки следует, что Златопольский поддерживал связи еще с кем-то из унтер-офицеров Трубецкого бастиона, но тот, видимо, был гораздо более осторожен, так как связь с ним не была раскрыта. Конечно, эта история характеризует Златопольского как превосходного организатора. По запискам видно, как он дает распоряжения конспиративного характера, договаривается относительно шифров, сообщает новости.

Златопольский был предан суду Особого присутствия Правительствующего Сената, 23 марта его перевели в Дом предварительного заключения, а с 28 марта по 5 апреля 1883 года его судили по процессу 17-ти вместе с народовольцами Михаилом Грачевским, Юрием Богдановичем, Петром Теллаловым, Александром Буцевичем, Яковом Стефановичем, Анной Корбой, Прасковьей Ивановской и другими товарищами. Обвинения против Златопольского состояли в принадлежности к «Народной воле», в обширных знакомствах с уже осужденными революционерами, в проживании под вымышленными именами, в содействии к готовящимся покушениям на императора в ноябре 1879 года и в марте 1881 года. Все это стало известно следствию исключительно вследствие показаний предателей Гольденберга, Меркулова, Борейши, Маслова, Саранчова и Петлицкого¹⁰⁵. Александр Прибылев, его сопроцессник, вспоминал:

Златопольский, прежде всегда живой, здоровый и сильный, поражал необычной для него полнотой, одутловатостью и бледностью лица, что заставляло предполагать начало

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 102. 7 ДП. 1884. Оп. 181. Д. 641. Л. 94 об., 131.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1380. Л. 29.

¹⁰⁵ Процесс 17-ти народовольцев в 1883 году // Былое. 1906. № 10. С. 229–230, 248–249.

ненормальности работы сердца; его голос сделался необыкновенно тихим, едва слышным и в то же время хриплым, резким¹⁰⁶.

Златопольский произнес на суде речь. В ней он признал свою принадлежность к «Народной воле», выступил против обозначения организации как стремящейся к разрушению существующего общественного строя. Объясняя задачи партии, народоволец скорее отразил общепартийную позицию, чем свою собственную. Договорить подсудимому не дали, потому речь обрывается на полуслове. Она расходится в некоторых местах с показаниями: Златопольский писал в одном из них, что должен быть созван «Земский собор с задачами высшей решающей инстанции, без всяких косвенных посредников между ним и особой монарха»¹⁰⁷. В своей речи же революционер заявлял, что партия желает не сугубо парламентаризма, а любого учреждения, которое выражало бы волю народа, при этом предоставляя возможности для легальной политической борьбы¹⁰⁸. Видимо, Златопольскому было важно показать себя в первую очередь народовольцем.

По приговору суда он был лишен всех прав состояния и должен был быть казнен. Прибылев писал: «2 месяца, в течение которых все приговоренные к смертной казни ожидали ее со дня на день — вероятно, высшая форма пытки, на которую только могут быть способны месть и произвол»¹⁰⁹. К этому времени относятся публикуемые письма. Первое письмо адресовано родным, второе и, вероятно, третье — брату Александру.

По конфирмации приговора Златопольский был помилован, смертная казнь была заменена вечной каторгой.

15 апреля 1883 года народовольца заключили в Трубецкой бастион как ссыльнокаторжного, а 29 апреля 1884 года его перевели в Алексеевский рavelин — «мертвецкую», по словам Фиг-

¹⁰⁶ *Прибылев А. В.* Записки народовольца. М., 1930. С. 70.

¹⁰⁷ См. показание от 4 мая 1882 года.

¹⁰⁸ *Троцкий Н. А.* Нелегальный отчет о процессе «17-ти» // Исторический архив. 1999. № 2. С. 176–177.

¹⁰⁹ *Прибылев А. В.* Указ. соч. С. 90.

нер¹¹⁰. Петр Поливанов, народоволец-равелинец, вспоминал, что ему пришла идея переписки с товарищами через выскабливание букв в книгах из библиотеки. По его словам, Златопольский получил его «письмо» и ответил списком фамилий своих соседей: Николая Щедрина, Григория Исаева, Михаила Тригони, Николая Морозова, Михаила Фроленко и Михаила Попова¹¹¹. Тригони вспоминал, что перевод в равелин Златопольского был своеобразной струей свежего воздуха: живой, общительный, «ежедневно стучал он мне по два часа». Он рассказал о последних арестах, о процессе и о том, что в Шлиссельбурге строится тюрьма, куда всех их должны перевести¹¹².

Так и случилось. 2 августа 1884 года Златопольский переведен в Шлиссельбург в числе первой партии политзаключенных. В феврале 1885 года заключенным была дана льгота за хорошее поведение: позволялось гулять попарно, а не в одиночку¹¹³. Фигнер вспоминала, что, хотя Златопольский не был конфликтным заключенным, не имел столкновений с тюремным начальством, соседям стучал не очень много, однако он обращался к смотрителю на «ты» в ответ на его такое же к нему обращение (ко всем заключенным так обращались, поскольку они были лишены всех прав состояния приговором). За это Златопольскому так и не позволили гулять вдвоем¹¹⁴.

Уже в сентябре 1885 года Златопольский, по официальным сведениям, считался «трудно больным», в конце августа он болел воспалением легких, состояние его не улучшалось¹¹⁵. По всей видимости, у революционера развивался туберкулез: «У него открылось сильное кровотечение горлом. <...> Силы его падали

¹¹⁰ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 2. С. 52.

¹¹¹ Поливанов П. С. Алексеевский равелин. М., 2020. С. 151.

¹¹² Тригони М. Н. Из воспоминаний об Алексеевском равелине // Минувшие годы. 1908. № 4. С. 68.

¹¹³ Кантор Р. М. Комментарии / Панкратов В. С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Пг., 1922. С. 108.

¹¹⁴ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 2. С. 34.

¹¹⁵ Кантор Р. М. Комментарии. С. 102.

день ото дня, но зритель с холодной жестокостью оставлял его в одиночестве», — писала Фигнер¹¹⁶.

Заключенные Шлиссельбурга находились в здании так называемой Новой тюрьмы, тогда как Старая тюрьма использовалась как карцер; сюда же уносили умирать. Народоволка Людмила Волкенштейн писала, что «в старой тюрьме было очень сыро и холодно, да и к тому же эти бедняги, очнувшись, могли догадываться, для чего их уносили, а, умирая, они не могли даже постучать товарищам. Некоторые прощались стуком со своими соседями за несколько часов до смерти». Шлиссельбуржцы стали требовать, чтобы умирающих товарищей не уносили, благодаря этому Златопольский умер в здании Новой тюрьмы. По свидетельству Волкенштейн, он страшно стонал¹¹⁷. Принимая все это во внимание, невозможно не обратить внимание на последнюю конспиративную записку, посланную Златопольским жене: он чувствует в себе много сил, хочет бороться: «...стоя у преддверия вечного заключения по закону, я его не считаю вечным»¹¹⁸. В отличие от многих товарищей по ИК, до ареста он не знал одиночного заключения. Этим можно объяснить его оптимистичный настрой, отраженный в записке.

Савелий Златопольский умер 29 декабря 1885 года, так и не увидав, по словам Фигнер, «дружеского лица»¹¹⁹.

Да, Савелий Златопольский не был деятелем первой величины, но в то же время он был прекрасным агитатором и организатором, преданным, искренним и оригинально мыслящим революционером.

¹¹⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 2. С. 34.

¹¹⁷ Волкенштейн Л. А. Из тюремных воспоминаний. Л., 1924. С. 52.

¹¹⁸ См. записку 3.

¹¹⁹ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 2. С. 33.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. Златопольский

Показания. Записки. Письма

Публикуемые ниже документы хранятся в московских архивах. Показания и конспиративные записки — в ГАРФ среди материалов следственного дела Златопольского. Показания от 4 мая и от 23 сентября 1882 года были частично опубликованы¹. Письма к родным хранятся в РГАЛИ. Из трех писем два последних сам автор называет «прощальными», они относятся к периоду между приговором (5 апреля) и его конфирмацией, то есть утверждением (28 мая). Публикацию этих писем готовил в конце 1920-х годов Леонид Залкинд, но по неизвестной причине опубликованы они не были. Залкинд написал и краткую биографию Савелия Златопольского, используя, впрочем, довольно ограниченный круг источников (среди них стоит выделить письма Анны Прибылевой-Корбы о Златопольском, написанные специально по запросу Залкинда и цитировавшиеся в вышеприведенной статье). Все материалы приводятся в хронологическом порядке и снабжены комментариями. Очевидные описки исправлены, в квадратных скобках даны уточнения для удобства чтения. Даты даются по старому стилю.

¹ Валк С. Н. Из народовольческих автобиографических документов // Красный архив. 1927. Т. 1. С. 205–231.

* * *

Показания Савелия Златопольского

Протокол № 60

1882 года мая «1» дня я, Отдельного Корпуса Жандармов штабс-капитан Яковлев, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора С[анкт]-П[етербургского] Окр[ужного] Суда Н. М. Богдановича² расспрашивал нижепоименованного, который показал

Зовут меня Савелий Соломонович Златопольский.

От роду имею 25 [лет], вероисповедания еврейского.

Происхождение и народность (мещанин) русский.

Звание мещанин г. Елизаветграда.

Место рождения и место постоянного жительства: г. Елизаветград, постоянного местожительства в последнее время не имел.

Занятие Революционер.

Средства к жизни Литературный труд.

Семейное положение Холост. Имею трех братьев и одну сестру. Из братьев Лев осужден по последнему процессу³; другие два, Яков и Александр, и сестра Софья живут в городе Николаеве, никаких сношений с ними с 1879 года не имею.

Экономическое положение родителей Мать живет в г. Черкассах К[иевской] губ[ернии], а отец умер, мать своих средств не имеет, живет при родных.

² Богданович Николай Модестович (1856–1903) — генерал-лейтенант, с 1879 по 1887 год товарищ прокурора Петербургского окружного суда. Был уфимским губернатором с 1896 по 1903 год. Убит эсером Егором Дулебовым за расстрел мирной демонстрации рабочих в Златоусте в марте 1903 года.

³ Имеется в виду процесс 20-ти, проходивший 9–15 февраля 1882 года.

Место воспитания и на чей счет воспитывался Окончил курс в 1873 курс в Николаевской Гимназии, затем поступил в С[анкт]-П[етербургский] технологический институт, где пробыл два года, вышел в 1875 году со второго курса.

Причина неокончания курса в случае выхода из заведения, с указанием самого заведения Курса не окончил по причине слабого здоровья.

Был ли за границей, где и когда именно Не был.

Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены Не привлекался.

На предложенные мне вопросы отвечаю

Признаю себя принадлежащим к партии «Народной воли». В положение нелегального перешел в 1879 году, узнав, что меня в числе других оговорил Гольденберг⁴, затем проживая некоторое время в Одессе, лето [18]80 г. и с мая месяца [18]81 по март 1882 года проживал в Петербурге под именем Боголепова и под тем же именем проживал в Москве, где и был задержан 19 апреля на улице, на Малой Лубянке.

⁴ Гольденберг Григорий Давыдович (1855–1880) — член киевских революционных кружков с 1873–1874 годов, работал в слесарной мастерской для подготовки к хождению «в народ», в 1876 году выслан в Киев по этапу как не имеющий занятий. Здесь вел пропаганду среди крестьян, рабочих и студентов. Арестован по подозрению в причастности к покушению 23 февраля 1878 года на товарища прокурора Киевского окружного суда М. М. Котляревского, выслан в Холмогоры, откуда бежал. Вместе с Людвигом Кобылянским подготовил, а затем осуществил покушение на харьковского генерал-губернатора князя Д. Н. Кропоткина 9 февраля 1879 года, предлагал себя в качестве исполнителя покушения на императора Александра II в апреле 1879 года. Член террористической группы «Свобода или смерть», участник Липецкого и Воронежского съездов, член «Народной воли». В октябре 1879 года принимал участие в подготовке покушения на императора под Москвой, арестован 14 ноября 1879 года на станции Елизаветград с полным чемоданом динамита. В феврале-мае 1880 года, обманутый товарищем прокурора Одесского окружного суда А. Ф. Добржинским, дал откровенные показания, выдал все, что знал о подполье. После того как он понял свою ошибку, написал исповедь, а затем повесился 15 июля 1880 года в Петропавловской крепости.

Об отношениях и знакомствах я показаний давать не желаю.
Савелий Златопольский

Штабс-капитан Яковлев
Товарищ Прокурора Богданович

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 255–255 об.

Протокол № 62

1882 года мая «4» дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора С[анкт]-П[етербургской] Суд[ебной] Пал[аты] А. Ф. Добржинского⁵, расспрашивал нижепоименованного, который, в дополнение своих объяснений от 1-го сего мая, показал:

Зовут меня Савелий Соломонович Златопольский.

Признав свою принадлежность к партии «Народной воли», я, в дополнение к предыдущему показанию своему, излагаю в нижеследующих строках задачи партии, как они представляются мне.

Партия «Народной воли» по существу своему не есть фракция русской социально-революционной партии, как это принято было понимать до последнего времени; она сама по себе включает строго определенные задачи, обнимающие собой интересы народа и его благо. Будучи по основным своим воззрениям социалистической, в научном смысле этого слова, партия «Народной воли» признает основным своим догматом необходимость ввести народное представительство в русскую государственную

⁵ Добржинский Антон Францевич (1844–1897) — товарищ прокурора Одесского окружного суда, с 1880 года — товарищ прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. Допрашивал Григория Гольденберга, Николая Рысакова, Веру Фигнер и других революционеров. Директор Департамента полиции с 1896 по 1897 год.

жизнь и сделать народную волю ее верховным принципом. Поскольку современное государство враждебно этому принципу — постольку партия «Народной воли» революционна. В общей терминологии принято задачи партии «Народной воли» определять «политическим переворотом»; этот термин указывает лишь на господствующее убеждение в рядах социалистов, что правительство отрицает необходимость такого status quo, которую признает партия. Таким образом, вопрос о совместимости народоправления с монархией с принципиальной его стороны решается в положительном смысле, подтверждением чему служит письмо императору от 10 марта. Конкретно — ближайшие задачи партии будут осуществлены, когда созван будет Земский собор с задачами высшей решающей инстанции, без всяких косвенных посредников между ним и особой монарха. Что же касается средств, которыми располагает партия, то они, с точки зрения закона, все «преступны»: 1) критика существующего порядка, вернее — политического строя, 2) пропаганда идеи политического переворота в том его смысле, в каком я выше пояснил, и 3) организация сознательных сторонников партии в такую силу, которая в глазах правительства приобрела бы значение и вес. Террора же как средства борьбы партийного, признаваемого всеми членами партии «Народной воли», — нет. Не все народовольцы — террористы и, в свою очередь, не все террористы — народовольцы. Иначе говоря, террор не есть система, которую практиковала до сих пор партия, а в каждом отдельном случае проявление террора обуславливается сочетанием человека и политики правительства. Ясно, что и цареубийства, как системы, в партии также нет, как нет вообще и каких бы то ни было предрешенных политических убийств, демонстраций и пр. Никогда партия в ее целом не решает вопросов, каждый замысел, каждое революционное предприятие возникает по инициативе ограниченной группы людей и остается тайной для партии до проявления того [или иного] замысла или предприятия. Партия включает в себя понятие об единстве мирозерцания по общим вопросам, и в этом смысле каждый, признавший 1, 2 и 3 пункты программы действия, является фактическим членом партии;

организация же «Народной воли» есть часть партии, и в ней нужно подразумевать и подмечать единство действий; по условиям своей деятельности, деятельности пропагандиста, я стоял слишком далеко от организации «Народной воли» и о ней никаких новых сведений дать не могу, кроме того, что случаи, подобные Меркулову⁶, возбудили в партии оживленные стремления и энергичные усилия отрешиться от тех организационных ошибок, которые ведут за собой несвоевременную гибель десятков деятелей.

По поводу предъявленного мне показания Гольденберга и той именно части его, которая касается меня, я заявляю следующее: к готовившемуся в Одессе в 1879 году покушению на жизнь императора я никакого касательства не имею, ни о каких подготовительных мерах не ведал; с Гольденбергом не имел беседы о московском покушении ни наедине, ни в присутствии Романенки⁷. Вообще в [18]79 году я ни о каких царевубийственных замыслах не слышал.

⁶ Меркулов Василий Аполлонович (1860–1910) — рабочий-столяр, член кружка Евгения Заславского, затем «Южно-русского рабочего союза». В 1878 году познакомился с Андреем Желябовым, а в 1879 году примкнул к «Народной воле». Участник покушений на императора под Одессой, в Петербурге при закладке динамита на Каменном мосту и при подкопе на Малой Садовой ул. Арестован 27 февраля 1881 года, сотрудничал со следствием, дал откровенные показания, оговорив многих народовольцев. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к бессрочной каторге, затем помилован и сослан на Кавказ, в 1895 году получил полное помилование.

⁷ Романенко Герасим Григорьевич (1855–1928) — в середине 1870-х годов связан с кружком Ивана Ковальского, участник студенческих кружков, распространял среди студентов нелегальную литературу, в 1879 году был близок к народовольцам Вере Фигнер и Николаю Колодкевичу, с которыми познакомился через Савелия Златопольского. Знал о готовящемся покушении на императора под Москвой. После ареста Гольденберга бежал в Швейцарию. Летом 1881 года вернулся в Россию нелегально, принят в члены ИК «Народной воли». Автор антиеврейской прокламации «Исполнительный комитет украинскому народу» и передовицы № 6 «Народной воли». Арестован 8 ноября 1881 года, пытался вести переговоры между партией и правительством об установлении «перемирия» до коронации. Выслан в Туркестан под гласный надзор полиции, позднее стал монархистом, близким к черносотенцам.

Оговор Гольденберга приписываю личному его нерасположению и неприязни ко мне, которые он скрывает под видом полного неведения обо мне. Во всех частях его оговор безусловно лжив: денег ему в количестве 300 рублей не вручал, а дал их в его присутствии Колодкевичу⁸, который на другое утро по приезде Гольденберга пришел ко мне за ними, ибо 300 р. были даны задолго до того Колодкевичем через меня на сохранение как человеку местному и более или менее гарантированному от ареста. Вручая деньги Колодкевичу, я не имел представления об их назначении. Членом Исп[олнительного] Ком[итета] не состоял при жизни Гольденберга и в настоящее время не состою, равно как и не был Одесским центром.

По поводу найденных у меня в Московской квартире моей бумаг и разных предметов поясняю:

1) Аттестат от 6-го февраля 1875 года за № 153, выданный Председ[ателем] Съезда Мир[овых] Суд[ей] Белостоко-Сокольского Округа на имя не имеющего чина из обер-офицерских детей Константина Николаевича Боголепова, есть, насколько мне известно, настоящий, а не подложный. Когда, где и от кого, а также при каких обстоятельствах аттестат этот мной получен — сказать не желаю, равно как и дать показания о личности Боголепова. По виду Боголепова я проживал в Петербурге с 23 мая по 21 декабря 18[81] года, в Москве с 22 декабря 1881 года по 5-е января 1882 года, опять в Петербурге с 5-го января по 11 марта 1882 года в С[анкт]-П[етербурге] и, наконец, снова в Москве с 11 марта по 19 апреля [18]82 года, т. е. до дня своего задержания.

2) Свидетельство Управления Одесского Полицейского от 26 октября 1881 г. за № 3570 на имя дочери канцелярского слу-

⁸ Колодкевич Николай Николаевич (1849–1884) — исключен из Киевского университета за революционную деятельность, участник Липецкого и Воронежского съездов, член ИК, участник покушения на императора под Одессой и в Петербурге. Вел пропаганду среди военных, один из создателей Военной организации «Народной воли». Арестован 26 января 1881 года, судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной на бессрочную каторгу, которую отбывал в Алексеевском равелине, где и умер.

жителя Григория Иванова Квятковского, Анны Квятковской — тоже подлинное, а не фальшивое. Когда, где и от кого, а также при каких обстоятельствах свидетельство это мной получено — сказать не желаю, равно как и дать показания о личности Квятковской⁹.

3) 7 гостиничных счетов подлинны и принадлежат мне.

4) Два ломбардных билета подлинны и вещи заложены мной.

5) Листок для сбора пожертвований Общества Красного Креста «Нар[одной] воли» за № 64 принадлежит мне, где, когда и от кого получил листок, сказать не желаю.

6) Карточка магазина Аронтрихера принадлежит мне.

7) Карточка Тычинина¹⁰ принадлежит не мне, где, когда и от кого получил, объяснить не желаю. Лично Тычинина не знал совсем.

8) Клочок бумаги с записью «Получил 5 рублей, искренне благодарю» мне не принадлежит, как попал в число моих бумаг, решительно не знаю и никаких объяснений дать не могу.

9) Копия инструкции жандармскому полковнику Бибикову от генер[ал]-адъютанта Бенкендорфа приобретена мной от букиниста у Сухаревой Башни за 25 рублей для передачи в редакцию какого-либо исторического журнала.

10) По поводу писем и статей, указывающих на сотрудничество мое в «Русском курьере», объясняю, что личного знакомства с составом редакции не имел; в начале 1882 года я послал в ре-

⁹ Квятковская Анна Григорьевна — студентка Высших женских Бестужевских курсов, по всей видимости, была близка к народолюбцам. Каким образом ее паспорт оказался у Златопольского, выяснить не удалось. Следствием ее личность не была установлена.

¹⁰ Тычинин Петр Васильевич (1855–1882) — член наблюдательного отряда народолюбцев, следившего за выездами Александра II при подготовке покушения 1 марта 1881 года. На его квартире происходили собрания отряда. Был выдан Николаем Рысаковым. Арестован 3 апреля 1881 года в Петербурге, признал принадлежность к «Народной воле» и свое участие в подготовке теракта. В ходе следствия по готовящемуся процессу 20-ти (9–15 февраля 1882 года) стал проявлять признаки душевного заболевания. 19 мая 1882 года покончил с собой, бросившись в пролет лестницы в Доме предварительного заключения.

дакцию статью о Лесном хозяйстве, напечатанную в № 19 «Русск[ого] курьера», в ответ на которую и получил отобранное от меня письмо редакции за № 48 от 20-го января, после этого я поместил в газете еще несколько статей, главным образом, по расколу. Помета «На просмотр Ал. Ос. Лютецкому» принадлежит не мне, а редакции.

11) По поводу отобранных у меня рукописей и заметок объясняю:

Все рукописи, касающиеся вопроса о расколе и секте штундистов, принадлежат моему перу и предназначались для помещения в легальных периодических изданиях.

«Заметки Кружечника» даны были мне для просмотра лицом, назвать которого я не желаю, предназначались также для помещения в легальных периодических изданиях.

Заметка о санитарном состоянии фабрик и заводов за Невской Заставой извлечены из официальных земских отчетов, как попали ко мне — не помню.

12) Из перстней костяной принадлежит мне, кем и когда мне дан, а также что означает имеющаяся на нем надпись «от племяшки», объяснить не желаю; золотой куплен мной случайно в ломбарде. И. И. Сказин — личность мне неизвестная.

13) Отметки, сделанные красным карандашом на Евангелии, относятся к статье моей «Малорусская Штунда».

14) Коленкор вощенный употребляется для покрытия крахмаленных рубах.

15, 16 и 17) принадлежности штампа куплены были мной для приготовления визитных карточек. Никакого нелегального употребления из штампа не делал.

18) Из числа отобранных у меня трех пузырьков с жидкостями в одной заключается раствор сока ландыша в спирту (средство против сердцебиения), в другом — полуторахлористое железо, в третьем — чернила для метки белья. 18 порошков хины.

19) В коробке какао, в оловянной бумаге — желтая соль.

20) Охотничий нож в деревянной оправе у меня находится уже около 10 лет и подарен покойным отцом моим, знавшим страсть мою к охоте.

К изложенному выше добавить ничего не имею.
Елизаветградский мещанин
Савелий Златопольский.

Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин
Товарищ Прокурора Добржинский

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 285–287.

Протокол № 139

1882 года июля «10» дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора Н. М. Богдановича, расспрашивал нижепоименованного, который, в дополнение своих объяснений прежних, показал:

Зовут меня Савелий Златопольский.

Изображенная на предъявленной мне фотографической карточке личность, которую вы называете Антоном Борейшей¹¹, мне совершенно неизвестна, нигде ее не встречал. По поводу предъявленных мне показаний того же Борейши от 4-го июня, заявляю, что

¹¹ Борейша Антон Степанович (1858–1924) — исключен из Технологического института в 1877 году за участие в студенческих беспорядках, в 1879 году жил в «интеллигентной общине» проф. А. Н. Энгельгардта, с 1880 года член рабочей группы «Народной воли» в Петербурге, работал в летучей типографии «Рабочей газеты» в Троицком переулке, затем в типографии на Подольской улице, член московской рабочей группы, затем вел пропаганду среди петербургского студенчества. Арестован 18 декабря 1881 года, дал подробные показания. Судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к каторжным работам на 15 лет, но после поданного прошения приговор заменен на ссылку в менее отдаленные места Сибири с лишением всех прав состояния.

1) При совещаниях (которые им не выяснены и сущность которых не видна) с хозяевами типографии «Нар[одной] в[оли]» я не был, и местонахождение типографии не знал.

2) «Аполлоном» звали меня действительно в тесном кругу знакомых, но Борейша таковым не звал меня.

3) С Теллаловым¹² был знаком. Виделся с ним часто в портерных, при одном из таких свиданий Борейша мог меня видеть. Ни я у Теллалова, ни он у меня на квартире не был, я знал, где жил Теллалов (в октябре [18]81 года), где-то около Вознесенского проспекта, № д[ома] не помню.

4) Филиппом Даниловичем не именовался.

5) В ноябре [18]81 г. Борейша мог меня встретить в одной из портерных.

6) Прописки на паспорте мещанина города Казани Александра Ив[ановича] Горбунова я не делал, так как не знаю Борейши.

По поводу предъявленных мне показаний Константина Андреева Маслова¹³ от 13 марта, казака Черниговской губ[ернии]

¹² Теллалов Петр Абрамович (1853–1883) — за участие в студенческих беспорядках в 1874 году исключен из Горного института, выслан в Костромскую, затем Таврическую губернии. В 1878 году присоединяется к харьковскому революционному кружку, в 1879 году присоединяется к «Народной воле», участник покушения на императора под Одессой. После показаний Гольденберга переходит на нелегальное положение. В Москве в качестве агента ИК «Народной воли» ведет пропаганду среди студентов и рабочих. С 1880 года член ИК, участвует в издании «Рабочей газеты», ведет пропаганду. Арестован 16 декабря 1881 года, судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Умер в Петропавловской крепости.

¹³ Маслов Константин Андреевич (1857 — после 1892 года) — участник студенческих волнений в 1878 году в Киевском университете, откуда уволен. Уехал в Женеву, где сблизился с М. П. Драгомановым, вернулся в Россию в марте 1881 года, стоял независимо от местной народофильской группы. Пытался организовать издание газеты «Политическая свобода» конституционного направления. Вел переговоры с Фигнер о передаче ему типографского шрифта народофильцев. Арестован 15 февраля 1882 года. Выступал свидетелем на процессе по делу Левинского и других, резко критикуя народофильство. Выслан на три года в Восточную Сибирь, где бывшие товарищи его избегали как сотрудничавшего со следствием. Вследствие этого написал обширные откровенные показания о народофильцах и народофильском движении. После этого освобожден из-под стражи с правом жить в Киеве.

Якова Петлицкого¹⁴ от 16 дек[абря] [18]81 года и Ивана Михайлова Саранчова¹⁵ от 6-го и 10-го марта с[его] г[ода], поясняю

1) Будучи знаком с Левинским¹⁶, я в бытность свою в Киеве, в феврале [18]81 года виделся с ним на квартирах у разных лиц; при одном из нескольких таких свиданий меня мог видеть Маслов, никаких деловых отношений я с ним не имел. Я лично Владимиром Львовичем не именовался, так могли меня ему назвать. Я никаких заявлений о мотивах моего приезда в Киев не излагал ему, хозяев квартиры, у которых назначались свидания, по фамилиям я не знал, равно как и посетителей, которых я там же встречал. Гориновича¹⁷ лично не знаю.

¹⁴ Петлицкий Яков Иванович (1862 — после 1903 года) — рабочий, член «Южно-русского рабочего союза», за распространение нелегальной литературы судился 15 декабря 1881 года, тогда же приговорен к ссылке в Восточную Сибирь. Привлечен к следствию по делу киевской организации «Народной воли», суд по которому шел 25 июля 1883 года, дал на следствии подробные показания, дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁵ Саранчов Иван Михайлович (1856 — после 1890 года) — с 1879 года член киевской организации «Народной воли» Петра Гортинского, выступал хранителем партийной литературы, типографии, оружия, устраивал сходки на своей квартире, после ареста дал откровенные показания на следствии. Судился 25 июля 1883 года по делу о киевском народовольческом кружке, приговорен к 15-летней каторге, подал прошение о помиловании, после чего каторга была заменена ссылкой. В 1888 году получил полное помилование.

¹⁶ Левинский Исаак Яковлевич (1859–1884) — близок к киевским народникам с 1878 года. В конце 1879 года образовал революционный кружок, члены которого дважды покушались на шпиона Леонтия Забрамского. В начале 1880 года примкнул к «Народной воле», вместе с товарищами развивал проекты экспроприаций и покушений. После приезда Златопольского в Киев отошел от участия в киевских революционных кружках (январь 1881 года). Был принят рядовым в 126-й пехотный Рыльский полк, 26 апреля 1881 года бежал из полка, поселился в Одессе, осенью 1881 года вернулся в Киев. В конце 1881 — начале 1882 года возглавлял одну из двух киевских народовольческих групп, планировал устройство тайной типографии. Арестован 6 апреля 1882 года, пытался оказать вооруженное сопротивление. Судился 25 июля 1883 года, тогда же приговорен к смертной казни, замененной 15-летней каторгой. Во время следствия заболел психически. Умер в тюремной больнице в Москве.

¹⁷ Горинович Василий Елисеевич (1858–1913) — работал на железной дороге в Кременчуге, где организовал расклейку прокламаций, в августе 1880 года примкнул к «Южно-русскому рабочему союзу», а затем к «Народной воле». Брат Николая Гориновича, давшего откровенные показания на следствии

2) В бытность свою в Киеве я виделся с каким-то рабочим (очевидно, это Петлицкий), расспрашивал его о занятиях, отнесся в высшей степени неодобрительно к выраженному им желанию добывать для партии средства путем похищения денег частных лиц и учреждений, а также к террористическим его замыслам и подготовительным к оным действиям. Причем свое неодобрение к террористическим фактам не связывал с неимением средств. За давностью времени я не помню имени хозяина той квартиры, куда должен был прийти Петлицкий. Вторичного свидания с рабочим я не имел, но совет возвратиться к обычному роду занятий я в первые же свидания высказал ему, так же как и общую мысль, что «террористических фактов непростительно совершать революционеру по своему личному почину и желанию». Эту мысль я развил очень подробно, причем не связывал с какими-то приготовлениями в П[етер]бурге. Петлицкий, будучи без работы, нуждался в деньгах, попросил у меня несколько рублей, которые и были через Левинского переданы. Никого в Киеве я деньгами не снабжал, рабочему же дал свои собственные средства.

3) У Саранчова я действительно был, как меня отрекомендовал ему Маслов, который обо мне никаких сведений не имел, по собственному его показанию, кроме личных своих представлений — я не знаю. Имел с Саранчовым теоретическую беседу, причем я высказал ему принципы программы «Народной воли» в том ее виде, как я изложил в своем собственном показании от 1-го и 4-го мая сего года, но никоим образом не в том виде, как излагает ее Саранчов, не вводя идеи народного представительства

в 1874 году. Подозревая последнего в провокаторстве, Лев Дейч и Виктор Малинка в 1876 году пытались его убить (ударили кистенем и, думая, что он мертв, облили лицо серной кислотой, дабы скрыть следы преступления, но он выжил). В начале 1881 года планировал покушение на жандармского капитана Г. П. Судейкина вместе с Яковом Петлицком, вел паспортное бюро, планировал заняться изготовлением динамита. В ноябре 1881 года заведовал паспортным столом «Народной воли», изготовлял подложные паспорта. Арестован 9 апреля 1882 года. Привлечен к дознанию в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года) и к делу о киевских рабочих кружках (25 июля 1883 года), по которому и осужден 25 июля 1883 года на восьмилетнюю каторгу и поселение в Сибири, каторгу отбывал на Каре.

в лице Земского собора как наиболее желательной формы осуществления ближайшей задачи партии «Народной воли». По поводу Киева я мог наводить у него справки, о каких именно вещах, я не помню (вероятно, литературный материал по киевским процессам). Мое предположение верно, потому что он называет их вещами партии. История о моих на него подозрениях в «измене» и основанное на этом предположение дать взаймы 1000 рублей, последовавший за тем отказ с его стороны и, наконец, выдача мне 20 или 30 р[ублей] денег — все это вымысел, явствующий из последних частей показаний Саранчова.

Из всех предъявленных мне фотографических карточек признаю:

1) Грачевского¹⁸ — познакомился в 1878 году в г. Одессе, виделся с ним в С[анкт]-П[етер]бурге в последний раз в мае 1881 года, где именно с ним виделся — не помню. Из круга его знакомых некоторые были известны мне, но я их назвать не желаю. О деятельности Грачевского я сведения имел, подробности же я узнавал из процессов.

¹⁸ Грачевский Михаил Федорович (1849–1887) — работал в железнодорожных мастерских, когда в 1873 году был арестован по подозрению в связях с долгушинцами, освобожден. Близок в петербургскому кружку «чайковцев», вел пропаганду среди рабочих Москвы и Петербурга, за что арестован 18 января 1875 года. Судился в рамках процесса 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года). Приговорен 23 января 1878 года к тюремному заключению на три месяца, засчитано предварительное заключение. Освобожден, выслан из Петербурга. Служил на железных дорогах, после процесса над Ковальским в Одессе в 1878 году выслан в Холмогоры Архангельской губернии, а затем в Пинегу, откуда бежал. Примкнул к «Народной воле», избран членом ИК. Участвовал в убийстве предателя Александра Жаркова, в подготовке взрыва Каменного моста в Петербурге, работал в мастерской для производства динамита вместе с Николаем Кибальчицем и Григорием Исаевым. Был хозяином нескольких подпольных типографий. Вел связи с местными кружками. В 1882 году организовал динамитную мастерскую, где готовили снаряд для убийства майора Г. П. Судейкина. Арестован в ночь с 4 на 5 июня 1882 года. Судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал сначала в Алексеевском равелине, затем в Шлиссельбурге, где 26 октября 1886 года покончил с собой.

2) Гринберг Христина¹⁹ известна мне еще с давних пор как землячка (города Николаева), о деятельности ее мне было известно, но со своей стороны никаких объяснений по поводу ее дать не желаю.

3) Быховского²⁰ встречал во время большого процесса у брата своего Лео; с тех пор никаких встреч с ним и сведений о нем не имел.

4) Личность, называемая вами «Мороз», мне не знакома, но, кажется, ее где-то видел.

5) То же самое могу сказать о личности, именуемой вами г[оспо]жей Горинович²¹.

6) Фамилию Прибылев²² не слышал, но лицо мне знакомо, где встречал, не помню.

¹⁹ Гринберг Христина Григорьевна (1857–1942) — с 1876 года вместе с двоюродной сестрой Фанни Морейнис училась сапожному делу, участница народнической группы в городе Николаеве. Уехала в Одессу, где, по указанию Савелия Златопольского, была близка к группе Ковальского, вела пропаганду среди рабочих, участвовала в демонстрации на Гулевой улице в Одессе после суда над Ковальским. С 1880 года член «Народной воли», участвовала в совещаниях по приготовлению взрыва Каменного моста в Петербурге для покушения на императора. Сотрудница динамитной мастерской в Петербурге, организованной Грачевским. Арестована в ночь с 4 на 5 июня 1882 года. Судилась в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорена 5 апреля 1883 года к 15-летней каторге. После ходатайства суда о замене каторги ссылкой в Сибирь сослана в Иркутскую губернию.

²⁰ Быховский Соломон Владимирович (1851–?) — с 1874 года близок к черниговской группе Аксельрода, Левенталя и других. Вел пропаганду среди рабочих, арестован в 1879 году по подозрению в причастности к покушению 13 марта 1879 года на шефа жандармов А. Р. Дрентельна, но освобожден, затем вновь задержан на станции Тосно при проезде императорского поезда, освобожден с подчинением негласному надзору. Арестован в Петербурге 5 июня 1882 года как знакомый народовольца Ивана Мороза, освобожден под надзор полиции.

²¹ Горинович Надежда Николаевна (1861–1887) — во время учебы на Высших женских курсах в Петербурге принадлежала к кружку Грачевского. Была арестована 5 июня 1882 года, выслана в Западную Сибирь, но пожелала последовать за мужем Василием Гориновичем на Карийскую каторгу, где и умерла от туберкулеза.

²² Прибылев Александр Васильевич (1857–1836) — с 1875 года член гимназического социалистического кружка, затем входит в кружок студентов Петровской академии, осваивает сапожное мастерство. Участник студенческих кружков, распространял запрещенные издания, под влиянием покушений

7) Калюжного²³, Смирницкую²⁴ и Юрия Богдановича²⁵ (Кобозев) не знаю и не встречал.

на императора примыкает к «Народной воле». Укрывал нелегалов на своей квартире, распространял партийную литературу. В 1882 году вместе с Розалией Гроссман стал хозяином динамитной мастерской народовольцев, организованной Грачевским. Арестован 5 июня 1882 года, судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к 15-летней каторге, которую отбывал на Каре.

²³ Калюжный Иван Васильевич (1858–1889) — в 1877 году после участия в студенческих беспорядках в Харькове арестован, выслан в Сольвычегодск, откуда бежал 20 марта 1880 года. Примкнул к «Народной воле», работал вместе с Юрием Богдановичем при создании «Красного креста “Народной воли”», налаживая безопасный путь для побегов политических заключенных из Сибири. В 1881–1882 годах вместе с женой Надеждой Смирницкой был хозяином паспортного бюро народовольцев. Арестован 23 марта 1882 года, судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к 15 годам каторги, которую отбывал на Каре. Участник Карийской трагедии 1889 года, погиб, приняв яд в знак протеста.

²⁴ Смирницкая Надежда Симоновна (1852–1889) — участница киевских народных кружков, была близка в группе Валериана Осинского. Арестована в мае 1879 года и сослана в Сольвычегодск, откуда бежала 20 марта 1880 года. Содержала паспортное бюро народовольцев вместе с Калюжным. Арестована 23 марта 1882 года, судилась в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорена 5 апреля 1883 года к 15-летней каторге, которую отбывала на Каре. Участница Карийской трагедии 1889 года, погибла, приняв яд в знак протеста.

²⁵ Богданович Юрий Николаевич (1849–1888) — служил землемером, когда в 1871 году начал посещать кружок, где читались запрещенные книги, за что подвергнут обыску. Ушел в отставку, сошелся с чайковцами, в 1873 году арестован в связи с делом долгушинцев, освобожден. Обошел пешком ряд уездов Самарской губернии, затем поселился там же в имении брата, работая в кузнице. Вследствие массовых арестов по готовящемуся делу 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года) перешел на нелегальное положение. Летом 1876 года принимал участие в организации побега Петра Кропоткина. Участник казанской демонстрации 6 декабря 1876 года в Петербурге, после которой арестован, но отпущен. Входил в группу «сепаратистов», близкую к «Земле и воле». Вел пропаганду среди крестьян Самарской губернии. Летом 1879 года поехал на Урал для подготовки побега Софьи Бардиной, но безуспешно. Осенью 1880 года вошел в состав ИК «Народной воли». Вместе с Якимовой хозяин лавки сыров на Малой Садовой улице под фамилией Кобозев, откуда велся подкоп под мостовую для покушения на императора. Создатель «Красного креста “Народной воли”». Хозяин конспиративной

Зачеркнутое и сверху приписанное в настоящем протоколе сделано мной.

С. Златопольский.

Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин
Товарищ Прокурора Н. Богданович

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 671–672 об.

Протокол № 154

1882 года августа «11» дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора С[анкт]-П[етербургской] Суд[ебной] Пал[аты] А. Ф. Добржинского расспрашивал нижепоименованного, который, в дополнение своих объяснений прежних, показал:

Зовут меня Савелий Златопольский.

В предъявленных мне фотографических карточках (*предъявлены были препровожденные при отношениях Начальника Киевского Губернского Жандармского Управления от 25 июля и 5 августа сего года за № 1705 и 1758 фотографические карточки обвиняемых: Якова Петлицкого, Константина Маслова и Ивана Саранчова*) в одной я признаю (в той, которую Вы называете принадлежащей Константину Маслову) того господина, с которым я приходил к Саранчову. В другой, которую вы называете Иваном Саранчовым, признаю Ивана Саранчова.

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 716–716 об.

квартиры в Москве вместе с Марией Ошаниной. Арестован 13 марта 1882 года. Судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Наказание отбывал в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, затем в Шлиссельбурге, где и умер от туберкулеза.

Протокол № 161

1882 года сентября «21» дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора С[анкт]-П[етербургской] Суд[ебной] Пал[аты] Г[енерала] Добржинского расспрашивал нижепоименованного, который, в дополнение своих объяснений прежних, показал:

Зовут меня Савелий Златопольский.

По поводу предъявленного мне показания Василия Меркулова от 11 апреля 1881 года — заявляю, что Василия Меркулова знаю, встречал в Одессе с Колодкевичем, никаких с Меркуловым дел не имел, знал лишь в лицо его; отношений его к Колодкевичу мне не было известно, зимой 1881 года я, не помню когда (но в начале его), я его встретил раз или два на квартире Гессы Гельфман²⁶, по Троицкому переулку д. № 27/1, куда я приходил несколько раз для свиданий с Грачевским, причем указание квартиры

²⁶ Гельфман Геся Мееровна (Мироновна) (1852–1882) — в середине 1870-х годов познакомилась с киевскими революционерами, вела пропаганду среди рабочих. Ее квартира в Киеве служила местом для переписки и встреч пропагандистов, по доносу в квартиру пришли с обыском. Арестована 9 сентября 1875 года, привлечена к процессу 50-ти (21 февраля — 14 марта 1877 года), приговорена 14 марта 1877 года к заключению в рабочем доме на два года. Срок отбывала в Литовском замке, затем выслана в город Старая Русса под гласный надзор полиции, откуда бежала. Примкнула к «Народной воле». Вела пропаганду среди молодежи и рабочих, была хозяйкой ряда конспиративных квартир, среди них — квартира в Троицком переулке, содержавшаяся ею вместе с Макаром Тетеркой, где размещалась типография «Рабочей газеты», затем квартира на Тележной улице, где накануне 1 марта 1881 года встречались метальщики. В ночь на 3 марта 1881 года арестована, хозяин квартиры Николай Саблин при аресте квартиры застрелился. Судилась по делу 1 марта 1881 года (26–29 марта 1881 года), приговорена к смертной казни 29 марта 1881 года. Подала прошение о помиловании 3 марта 1881 года вследствие беременности. Смертная казнь ей сначала была отложена, затем заменена бессрочной каторгой. 12 октября 1881 году родила дочь, 1 февраля 1882 года умерла от воспаления брюшины.

получил от него же; никакого отношения к типографской работе там не имел и, поскольку мне теперь известно, в то время (в начале зимы 1880 г.) типография там не помещалась. Меркулов, очень вероятно, знал мое настоящее имя, в моем присутствии ни Савелием, ни Савкой не называл; насколько я помню, при мне Грачевский никаких жестяных банок не приносил, равным образом в мои приходы на квартиру Гесси Гельфман я ни принадлежностей, ни следов слесарной работы не видел. Что касается указаний Меркулова относительно отъезда моего в Киев, то об этом обстоятельстве я дал Вам показание прежде и ныне добавить ничего не имею, в марте месяце 1881 г. я приехал в Петербург, где оставался весьма непродолжительное время, всего несколько дней, после чего приехал в Петербург лишь в июне месяце, о чем я говорил уже в моем показаний от 4-го мая сего года.

Савелий Златопольский.

Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин
Товарищ Прокурора Генерал А. Добржинский

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 737–737 об.

Протокол № 169

1882 года сентября «23» дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора С[анкт]-П[етербургской] Суд[ебной] Пал[аты] Г[енерала] Добржинского расспрашивал нижепоименованного, который, в дополнение своих объяснений прежних, показал:

Зовут меня Савелий Златопольский.

Со времени выхода моего из Технологического института в 1875 году — я проживал в г. Николаеве, занимаясь уроками и отчасти литературным трудом. Сочувствуя революционному

движению, выразителем которого был журнал «Вперед!», сочувствуя ему по общей его тенденции — призыв интеллигенции на помощь народу, — я в то же время находил, что теоретическая сторона учения страдает уклонением в чересчур отдаленное будущее, вопросы которого, главным образом, разрабатывал журнал. Это обстоятельство, в связи с сознанием необходимости личного серьезного развития и знакомства с современной русской жизнью во всех ее проявлениях, побудило меня в бытность мою в Николаеве замкнуться и жить отшельником. Совершенно случайно, по литературным отношениям своим к «Николаевскому Вестнику», я столкнулся в 1876 году с корректором его Иваном Ковальским²⁷ (казненным в Одессе в 1878 году). Это было первое мое основательное знакомство с практическим деятелем. Ковальский также оказался человеком, не разделявшим тенденций лавризма и упрекавшим его теорию в шаткой постановке вследствие кабинетности ее, разобщения с русской народной жизнью. В этом смысле Ковальский нашел во мне единомышленника, так как на «хождение в народ» я смотрел, с одной стороны, как на очистительную жертву за грехи отцов, а с другой — как на депутацию от интеллигенции к народу, представлявшим своего рода «terra incognita». Практическая деятельность Ковальского выражалась исключительно в изучении штундизма как самостоятельного духовно-нравственного движения в малороссийском народе, в отыскании причин возникновения и быстрого распространения этого учения. К этой деятельности примкнул и я после некоторой подготовки в этом направлении. В конце 1876 года Ковальский уехал в Одессу, избегая, как он выразился, «ежемесячных позорных осмотров догола в полиции», а в начале 1877 года я уехал на

²⁷ Ковальский Иван Мартынович (1850–1878) — вел революционную пропаганду среди сектантов, привлечен к дознанию, отдан под гласный надзор полиции. В конце 1876 года переехал в Одессу, организовал революционный кружок, отпечатал воззвание «Голос честных людей». Арестован 30 января 1878 года, при аресте оказал вместе с товарищами вооруженное сопротивление. Дело слушалось 20–24 июля 1878 года в Одесском военно-окружном суде, приговорен 24 июля 1878 года к смертной казни, расстрелян 2 августа 1878 года.

некоторое время в Одессу, а затем в Калужскую губернию для изучения однородного штундизму учения т[ак] н[азываемых] «воздвиганцев» в среде великорусского населения. В конце этого же года приехал в Петербург для свидания со своим братом и столкнулся у него с Софьей Перовской²⁸, а потом независимо уже и с некоторыми другими подсудимыми процесса 193-х. Процесс тем более имел глубокий интерес для меня, что большинство подсудимых было арестовано как в бытность свою в народе, так и при деятельности сообразно программе журнала «Вперед!»²⁹. Определенного вывода о переломе во взглядах трудно было сделать, но ясно было, что все слабые стороны лавризма оценены по достоинству и что в нарождавшемся направлении исходной точкой программы будет русская жизнь во всем ее отличии от жизни западноевропейской. Первую половину 1878 года я провел в занятиях в Публичной библиотеке и уехал в Одессу ко времени суда над Ковальским, где и проживал легально, не скрываясь, до повальных административных ссылок, введенных ген[ерал-гу-

²⁸ Перовская Софья Львовна (1853–1881) — дочь действительного статского советника Л. Н. Перовского, бывшего губернатора Петербурга, слушательница Аларчинских женских курсов, где вокруг нее сложился кружок самообразования, один из основателей общества «чайковцев». Весной 1872 года работает учительницей в школе для девочек города Ставрополя, затем занимается оспопрививанием в селах Ставропольского уезда, работает учительницей в Тверской губернии, в 1873 году ведет пропаганду среди рабочих Петербурга. 5 января 1874 года арестована, привлечена к процессу 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года), но оправдана. Перешла на нелегальное положение, не желая быть высланной. Принимала участие в попытке освобождения Порфирия Войноральского 1 июля 1878 года. Арестована и сослана в Олонецкую губернию, по дороге бежала. Примкнула к «Земле и воле». Участница Воронежского съезда, не примкнула после раскола ни к «Народной воле», ни к «Черному переделу». Участница подготовки покушения на императора под Москвой, с декабря 1879 года член ИК «Народной воли». После ареста Желябова пыталась освободить его. Участница подготовки и проведения покушений на императора 1 марта 1881 года. Арестована 10 марта 1881 года в Петербурге. Судилась по делу 1 марта 1881 года (26–29 марта 1881 года), приговорена к смертной казни 29 марта 1881 года, повешена 3 апреля 1881 года.

²⁹ «Вперед!» — журнал, издававшийся с 1873 по 1877 год (с 1873 по 1876 год его редактором был П. Л. Лавров).

бернатором] Тотлебеном³⁰. Возникшая в этот период газета «Земля и воля», хотя и больше, чем «Вперед!», соответствовала моим взглядам, но по своей отчужденности от вопросов чисто политического характера и по преобладанию в ней элементов чисто социалистических не привела к сближению с существовавшими в то время в Одессе кружками «землевольтцев». Разногласие коренилось, главным образом, в оценке той роли, которую играет государство в сознании и жизни народа, и тех общих задач, которые партия ставит на очередь. Руководящим взглядом моим было признание за социализмом значения вероисповедания партии и отвести ему соответственное место; ближайшая задача — существующий строй политической жизни видоизменить настолько, чтобы народ получил возможность участвовать в решении вопросов общерусской жизни, т. е. формулировал я: революционная партия не упраздняет ни государства, ни религии, ни собственности, ни семьи, а, исходя из существующего политического и общественного строя, должна все силы направить к введению в России представительных народных учреждений.

Мои воззрения вышеизложенные ставили меня в положение, изолированное от всей «землевольтческой» одесской публики, и отсюда же проистекает целый ряд знакомств, имевших задачей выяснить и отстаять эту точку зрения. Так, в конце 1878 года я познакомился с Михаилом Грачевским, а потом и с Андреем Желябовым³¹; были беседы, не приведшие, впрочем, к соглашению

³⁰ Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) — с 1879 по 1880 год одесский генерал-губернатор, известный своей жесткой борьбой с революционным подпольем Одессы.

³¹ Желябов Андрей Иванович (1851–1881) — за участие в студенческих волнениях исключен из Новороссийского университета в 1871 году, выслан в Керчь, затем жил в Одессе, где увлекся культурно-просветительской работой. С 1873 года участник общества «чайковцев». 11 ноября 1874 года арестован, но освобожден под залог. В 1876 году, изучая крестьянскую жизнь, работал на хуторе Миюк, где вновь арестован 3 июля 1877 года. Привлечен к процессу 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года), по которому оправдан. Вернулся на юг, отказавшись вступить в «Землю и волю». Участник Липецкого и Воронежского съездов (на последнем примкнул к «Земле и воле»), член ИК «Народной воли», участник большинства покушений

по основным вопросам программы; знакомство это было непродолжительно, так как Грачевский был сослан, а Желябов скрылся. Деятельность моя в Одессе за все время пребывания посвящена была пропаганде идеи политического переворота в том его смысле, как я выше упомянул, вплоть до июля 1879 года я не приобрел никаких новых знакомств с лицами уже осужденными, — и, кажется в июле, я познакомился с Николаем Колодкевичем, и через него я впервые имел возможность ознакомиться с характером тех взглядов, которые были преобладающими в С[анкт]-Петербурге; он же сообщил мне, что новое направление имеет выразиться в органе «Народная воля», программу которого он изложил на словах и в общих чертах. Частые разъезды его мешали близкому знакомству с программой. С получением лишь 1-го № «Народной воли» и с поселением Колодкевича на жительство в Одессе знакомство с ним и его взглядами приняло было деятельный характер. Солидарность во взглядах лично с Колодкевичем оказалась полная, хотя полученная впоследствии программа Исп[олнительного] ком[итета] несколько нарушила эту солидарность ввиду отсутствия прямого заявления о политическом перевороте как о задаче, не сопряженной непосредственно с насильственным осуществлением социалистических идеалов; посещая квартиру Колодкевича, я встречал разных лиц, одновременно, причем ни фамилии их, ни деятельность их мне не известны. К этому же периоду относится знакомство с Колодкевичем Герасима Романенко чрез мое посредство; знакомство это состоялось ввиду заявленного со стороны Романенко желания поговорить с «иноземцем», разделяющим необходимость представительных учреждений в России. В августе месяце 1879 года приехал в Одессу Гольденберг, с которым я был знаком еще в Петербурге в 1874 г.; на бульваре меня свел с ним Колодкевич, и встреча эта ограничи-

народовольцев на императора. Вел пропаганду среди рабочих, один из создателей Военной организации «Народной воли». Арестован 27 февраля 1881 года. Узнав об удавшемся покушении на императора 1 марта 1881 года, потребовал приобщить себя к делу первоапрельцев. Судился по делу 1 марта 1881 года (26–29 марта 1881 года), приговорен к смертной казни 29 марта 1881 года, повешен 3 апреля 1881 года.

лась самым обыкновенным разговором. По каким делам приехал Гольденберг, я не знаю, и больше я его не видел за этот приезд. В начале ноября он опять приехал в Одессу — прямо на квартиру Колодкевича, о чем я узнал на другое утро при свидании с Колодкевичем, заявившим мне, чтобы я принес данные им чрез меня на хранение 500 рублей; явившись на квартиру, я не застал Колодкевича, а одного только Гольденберга, а затем пришел Романенко, в присутствии которого завязался разговор обыкновенного революционного содержания, причем продолжался до прихода Колодкевича, которому я и вручил деньги. (Романенко был с Колодкевичем познакомлен мной незадолго до приезда Гольденберга.) Больше я не виделся с Гольденбергом в присутствии Романенко, а в отсутствие последнего я видел его в ресторане «Славянской гостиницы» вместе с Колодкевичем, куда последний приходил обыкновенно ужинать. Таким образом, встреча с Гольденбергом в ноябре месяце ничем по характеру своему не отличалась от встречи в августе месяце, и показание Гольденберга относительно бывшего у него со мной и Романенко разговора о приготовлениях к покушению в Москве является с его стороны ложным оговором, вызванным, вероятно, неприязненным его ко мне отношением. Что же касается Романенко, который Гольденбергом оговорен так же ложно, как и я, то указываю на то обстоятельство, что Романенко приехал в Одессу и познакомился с Колодкевичем уже после поселения последнего на квартире в доме Волконского и, следовательно, незадолго до приезда Гольденберга. Деятельность Колодкевича в Одессе была мне известна лишь со стороны близости его к организации «Нар[одной] воли», так [как] от него первого исходили получаемые издания и всякого рода сведения. Относительно участия его в приготовлениях к одесскому покушению, равно как и о факте самого замысла, мне ничего не было известно. Лишь в конце марта я получил от него из Петербурга письмо, в котором он извещал меня о Гольденберге и о его оговоре; вскоре по получении письма я уехал из Одессы (кажется, в апреле [18]80). Период времени от апреля [18]80 года до начала августа я выяснить не желаю, а в августе [18]80 г. я приехал в Петербург, где и жил до начала ноября. За этот период времени

я виделся сначала с Грачевским, а потом с Колодкевичем на квартире в Троицком переулке, которая в мою бытность там служила, очевидно, для свиданий, ввиду того что я встречал там много разных лиц, мне незнакомых, а также и Меркулова, которого я неоднократно видел еще в Одессе, имеющим какие-то деловые отношения с Колодкевичем. Лично я с Меркуловым, как в Одессе, так и в Петербурге, никаких деловых отношений не имел; в квартире Троицкого переулка я не видел никаких принадлежностей типографии и ни в каких типографских работах не участвовал; если же, вопреки моему соображению, что в квартире Гельфман не помещалась, таковая тем не менее находилась там, то предъявленное мне показание Борейши и справедливо, так как я на квартире Гельфман бывал, а следовательно, он мог меня видеть, как выражается сам, в типографии «Народ[ной] воли». В ноябре я уехал в Киев ввиду необходимости, характера которой я выяснить не желаю. Во всю мою бытность там до марта месяца я виделся очень часто с Левинским, через которого я добывал разного рода нужные мне справки и сведения; свидания эти происходили на разных квартирах, указания коих я получал от него же; ни хозяев, ни попадавшихся в квартире посетителей я фамилий не знаю, да и не интересовался знать; помню лишь одного Маслова, который, вероятно по просьбе Левинского, свел меня к Саранчову — так как я с Масловым никаких личных столкновений не имел и не обращался к нему ни за какими услугами, какие соображения руководили Масловым, когда он заочно рекомендовал меня Саранчову, я не знаю; не знаю также и того, откуда почерпнул обо мне Маслов сведения, когда я не имел с ним даже разговора; о себе я ни с кем в Киеве не говорил, так как на эту тему разговоры, по-моему, более чем неуместны. С Саранчовым я желал познакомиться по интересу чисто техническому — получить от него сведения о киевских процессах, материалы которых проходили через его руки. Как всегда бывает при встрече с новоприезжим из Петербурга (я Саранчову этого не объявлял вовсе) — Саранчов обратился ко мне с вопросом относительно взглядов, господствующих в Петербурге. Я очень охотно изложил их ему, но далеко не в том виде, как он представляет, он упустил

самое существенное, именно — преобладание в партии «Народной воли» стремления исходить из поступательного развития существующего политического строя к идеальному, и в этом смысле ближайшая задача партии заключается в осуществлении Земского собора как представительного учреждения страны, с правами высшей решающей инстанции, без косвенных посредников между ним и особой монарха. Такая постановка вопроса составляет необходимейшее условие правильного понимания принципов партии «Нар[одной] воли» и ее практических задач. Что же касается остальной части показания Саранчова, то она настолько противоречива в сопоставлениях, что я не нахожу возможности иначе объяснить ее, как продиктованной побуждениями чисто личного свойства, а потому и безусловно ложной. Никаких опасений относительно совершенного Саранчовым предательства у меня не было и никаких угроз я не делал ему; о денежном состоянии революционного фонда я ему ничего не говорил и никаких денег от него не получал ни лично, ни через посредство кого бы то ни было.

Во время одного из свиданий с Левинским я встретился на квартире с каким-то рабочим, как оказывается, с Яковом Петлицким; я расспрашивал его о занятиях, знакомствах, удовлетворив меня по вопросам, ему предложенным, он заявил мне, что намерен добывать средства для партии путем конфискации частного имущества. Я всей силой своего негодования разъяснил ему преступность подобных намерений, после чего он как будто бы в свою защиту объяснил, что равным образом намерен совершить террористические факты, что уже следил за Гессе³² и Судейкиным³³, надеясь под видом извозчика совершить факты

³² Гессе Николай Павлович (1829–1893) — с 1871 по 1881 год киевский губернатор, на этом посту был известен жесткой политикой по отношению к крестьянству.

³³ Судейкин Георгий Порфирьевич (1850–1883) — с 1874 года принят в Отдельный корпус жандармов, с 1877 года помощник начальника Киевского губернского жандармского управления, на этой должности раскрыл народнические организации южных бунтарей, так называемого южного Исполнительного комитета, и кружок Михаила Попова — Дмитрия Буцинского. С августа

удачно. Я счел своей обязанностью выяснить ему всю непозволительность такого образа действий, при котором всякий по своему единоличному усмотрению и желанию будет совершать террористические факты — невозможно уловить нигде единоличного почина. В конце концов я ему посоветовал вернуться к своим обычным занятиям, оставив в стороне всякого рода слежения и планы, никоим образом не мотивируя своего совета отсутствием денежных средств у Петлицкого для совершения указанных фактов. Виделся я с Петлицким один раз, а не два, как указывает он в показании. Вообще в беседе с Петлицким я не приводил никаких посторонних доводов к тому, чтобы он отказался от своих террористических замыслов, и не упомянул, что эти замыслы могут помешать «чему-то в Петербурге». Это обстоятельство, вероятно, его личное предположение, не более.

В марте месяце 1881 года я приехал в Петербург на короткое время — всего на несколько дней; а в период до конца июня месяца, когда я вновь приехал в Петербург — я разъяснить не желаю. С июня 1881 года до начала марта 1882 года я находился безвыездно здесь, в Петербурге, занимаясь пропагандой принципов партии «Народной воли». В начале марта я выехал в Москву по обстоятельствам личного характера, где и был арестован 19 апреля 1882 года.

Относительно всех предъявленных мне фотографических карточек привлеченных лиц я к сказанному уже мной прежде ничего добавить не имею, равно как и по отношению к тем обстоятельствам, относительно которых был допрашиваю.

В настоящем протоколе приписанные сверху строк слова, а также зачеркнутые принадлежат собственноручно мне.

Савелий Златопольский

1881 года — глава агентурного отдела Петербургского губернского жандармского управления, с декабря 1882 года — инспектор секретной полиции, подполковник с июня 1882 года. Внедрял новые методы борьбы с подпольщиками, приносившие плоды. Завербовал провокатора Сергея Дегаева в декабре 1882 года. Убит народовольцами Василием Конашевичем и Николаем Стародворским 16 декабря 1883 года.

Отдельного Корпуса Жандармов Майор Шеманин
Товарищ Прокурора Генерал Суд[ебной] Палаты Добржинский

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 526. Л. 774–778 об.

Протокол №

1883 года мая «28» дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Майор Ножин, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора С[анкт]-П[етербургского] Окружного Суда М. Р. Романова, расспрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Савелий Златопольский.

В стенах Петропавловской Крепости я вел сношения с следующими лицами: 1. братом своим Львом Златопольским³⁴, 2. с Кобылянским³⁵ и 3. Юрием Богдановичем. Сношения возникли

³⁴ Златопольский Лев Соломонович (1847–1907) — брат Савелия Златопольского. В 1875 году ушел «в народ» для пропаганды, жил в селе Щипцове Ярославской губернии, занимаясь устройством изобретенного ткацкого станка. В декабре 1876 года переселился в село Мартьяновку, а затем в село Троицкое Вологодской губернии, вел пропаганду среди крестьян. Участник приготовлений к покушению на императора в Одессе, участвовал в планах ограбления Кишиневского казначейства в конце 1880 года. Арестован в Петербурге 29 января 1881 года, судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к 20-летней каторге, которую отбывал в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. В его камере были обнаружены записки, вскрывшие сношения заключенных друг с другом и с волей через жандармского унтер-офицера Ефима Провоторова. Отправлен на Карийскую каторгу, умер в Чите.

³⁵ Кобылянский Людвиг Александрович (1857–1886) — вел пропаганду среди рабочих Варшавы, принимал участие в организации покушения на харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина в 1879 году, предлагал себя на роль исполнителя покушения на императора весной 1879 года, член Киевского революционного кружка. Арестован 21 августа 1879 года, судился в рамках процесса 16-ти (25–30 октября 1880 года), приговорен 30 октября 1880 года

в октябре 1882 года по инициативе служителя Жандарма, фамилии которого я не знаю, но приметы его таковы: среднего роста, брюнет, лет 30–35; первоначальные сношения возникли в октябре, и началом их послужило то, что жандарм передал мне во время возвращения из бани записку, в которой просил меня написать письма к Льву Златопольскому, Мартыновскому³⁶, Дубровину³⁷ и Кобылянскому с тем, чтобы успокоить всех поименованных лиц в надежности жандарма как посредника в сношениях. Я написал такие четыре записи, и так возникли сношения внутри Крепости. Я помню, что жандарм убедительно просил осведомиться у брата, для чего именно приходил полковник жандармский (фамилии он не сообщил мне), а также узнать, почему арестован жандарм (из числа служащих). До нового года я, несмотря на ранее изъявленное жандармом согласие вести сношения с волей, не доверял ему еще, и лишь с начала [18]83 года установились сношения с волей следующим образом: я послал упомянутого жандарма в табачную лавку (на Забалканском проспекте рядом с Строительным училищем) к Ольге Михайлов-

к каторге на 20 лет. Переведен на Кару, откуда пытался бежать в мае 1882 года с несколькими товарищами. Переведен в Петропавловскую крепость, затем в Шлиссельбург, где и умер.

³⁶ Мартыновский Сергей Иванович (1859–1926) — с 1875 года вел пропаганду среди шахтеров, член «Земли и воли», после Липецкого съезда примкнул к «Народной воле». Вел пропаганду среди рабочих, держал паспортное бюро народовольцев. Арестован 4 декабря 1879 года, судился в рамках процесса 16-ти (25–30 октября 1880 года), приговорен 30 октября 1880 года к 15-летней каторге, которую отбывал на Каре, по пути на каторгу пытался бежать (за что к сроку добавлено еще 6 лет).

³⁷ Дубровин Евгений Александрович (1857–1921) — член гимназического революционного кружка в Саратове, член «Черного передела». С 1880 года организовывал кружки рабочих и вел среди них пропаганду, арестован по показанию первомартовца, предателя Николая Рысакова, 25 марта 1881 года. Подчинен гласному надзору полиции. Снова арестован 2 февраля 1882 года. Судился 1–3 декабря 1882 года ввиду причастности к установлению сношений с заключенным Алексеевского равелина Сергеем Нечаевым через солдат. Приговорен 3 декабря 1882 года к каторжным работам на 4 года, которые отбывал на Каре.

не Артемьевой³⁸, моей личной знакомой еще с 1874 года, когда я был в Технологическом институте, в посланном тогда письме я просил Ольгу Михайловну назначить свидание с жандармом в Архиерейском переулке на Петербургской стороне, поближе к крепости для удобства жандарма. Насколько мне помнится, он ходил в лавку только однажды, а не два раза, как заявляет он в своем показании. Ответ на посланную записку получен был им тоже в лавке, причем нужно заметить, роль жандарма была безопасная, т. е. никаких разговоров он не имел в лавке. С конца января свидания с жандармом велись уже на улице в условленном месте; всего записок мной было послано в разное время от 5–7; а получено в ответ меньше, точно сколько, не помню, но не больше пяти.

Что касается лиц, которые были посредниками между Ольгой Михайловной и жандармом, то роль их была чисто механическая ввиду неудобства барышни видеться с жандармом на улице. Я этих посредников не знаю совсем, я разумею то лицо или те лица (число их мне неизвестно), которые имели свидания с жандармом в Архиерейском переулке или в других условных местах. Лица эти, получая и вручая записки жандарму, с внутренним содержанием их не были знакомы, так как они писались или Ольгой Михайловной Артемьевой для меня, или мной для Артемьевой. Все записки, мной полученные, были писаны одним почерком, хорошо мне известным, и писаны были Артемьевой. От нее же через этого жандарма получено было от Артемьевой вечное перо; и упоминаемый в связи с вечным пером в письме к брату псевдоним «Марья Павловна Елагина»³⁹ был употреблен

³⁸ Артемьева Ольга Михайловна (1857–?) — дочь владелицы табачной лавки в Петербурге Е. М. Артемьевой. Была привлечена к следствию по делу о сношениях жандарма Провоторова с революционерами, подчинена гласному надзору в Петербурге. По всей видимости, к «Народной воле» отношения не имела.

³⁹ Елагина Мария Павловна — установить, кто скрывается за этим псевдонимом, не удалось. Но объяснение Златопольского, видимо, ложное: в одной из записок он сам предупреждает, что под женскими псевдонимами скрываются мужчины и наоборот (см. записку 1).

мной для того, чтобы брат знал, что я веду сношения с женщиной, а не с мужчиной, причем псевдоним этот Артемьевой, для брата совершенно неизвестной. Содержание записок, полученных мной от Артемьевой, в общем обнимали сообщения о всякого рода событиях в русской жизни, как то: газетные сведения о перемещениях и новых назначениях в администрации, о процессах, как бывших, так и стоявших на очереди; о внутренней и внешней политике и пр. и пр. Что же касается внутренней жизни организации и партии «Народной воли», то Артемьева, как человек не принадлежащий к партии, никаких сведений мне сообщить не могла. Я личного знакомства с матерью и другими родственниками Ольги Артемьевой не имел; посылая жандарма в табачную лавку, я его предуведомлял, чтобы он ни в коем случае не передавал записки матери, а спросил Ольгу Михайловну, если записка попала в ее руки, то это произошло вопреки моему ожиданию и роль матери в этом случае была чисто механическая. Через мое посредство никто другой отношений с волей не имел; по словам жандарма, он получал записки только для меня во время свиданий в Архиерейском [переулке] и других условных местах. Первая записка, имевшая реальное значение, была та, которая послана была в табачную лавку и последующие места, все же предыдущие записки, а также места для свиданий, студент Технологического Института Кротик — все это было лишь средство испытать жандарма. Все записки относятся ко времени, предшествующему суду; после же суда я получил одну записку и одну отправил в конце апреля; кому назначалась последняя записка, мной посланная, не помню. Я помню, что сношения с волей, начавшиеся в январе, были временно прерваны в начале марта впредь до возвращения в Крепость, и я, в свою очередь, через жандарма на волю перестал посылать записки, ограничиваясь маленькими записками к заключенным в Крепости. В записках, мной полученных, без сомнения, употреблялись слова «Крепость», «1 марта», но никакого отношения к каким бы то ни было покушениям в будущем не имели; по словам жандарма, в записках, полученных мной с воли, употреблялся шифр, следовательно, если бы речь шла в них о каких-либо приготовлениях, то все было бы защи-

фровано. Что касается существования двух жандармов из дивизиона или других служащих в пределах Крепости, бывших будто бы тоже передатчиками записок из тюрьмы на волю, то в действительности я этого не знал, но упомянул об этом в записке к ангелу ввиду той же системы испытания, если же и были сведения о равелине, о котором я расспрашивал ангела, то они относятся к числу тех, которые были очень популярны и были известны мне до заключения. Когда установились сношения, то ангел неоднократно просил денег, причем определял размер денег 500 р[ублями], а также и 2 тысячами; сам я никаких денежных поддержек оказать ему не мог, но, насколько мне известно, он получал на воле, а сколько именно — не знаю; деньги, вероятно, шли от Ольги Артемьевой, при посредстве тех же лиц, которые имели свидания с ангелом, так как другого денежного источника при ведении переписки со мной не могло быть.

Подлинно подписали: Савелий Златопольский, Майор Ножин и Товарищ Прокурора Романов.

С подлинным верно:
Отдельного Корпуса
Жандармов Майор Ножин

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 181. 7 ДП. 1884. Д. 641. Л. 40–42 об.

Копия записок Савелия Златопольского

I.

(Начало зашифровано)

Независимо от того, прошу тебя обозначать всегда шифром, которого числа пишешь письмо.

Я забыл тебе сказать, что священник (не тот, с которым ты поссорился, а другой, который тебе понравился) выразил готовность давать деньги; от него при надлежащем воздействии можно получать рублей тысячу в год минимум. Ты произвел на него прекрасное впечатление.

Кроме того, он имеет очень ценные связи, которыми он предлагал воспользоваться (между прочим, его родной тесть). Советую тебе, радость моя, сойтись с ним поближе; он от тебя в восторге, да я еще отрекомендовал тебе вовремя его. Мною он, вероятно, несколько недоволен, потому что я в последнее время обидел его. Когда я сидел в Предварительном, то в читанных книгах ничего не писал.

Обвинительный акт мой украден в Предварительном, а печатный приговор я отдал своему защитнику Грацианскому⁴⁰. Если сестра придет за ним, то он его отдаст наверно. Я бы желал, чтобы приговор этот попал в твои руки как память о суде. Запомни раз навсегда, что клички я даю мужчинам — женские, а женщинам — мужские с начальными буквами фамилий, так что: Грачевский — Глаша, Богданович — Базя, Теллалов — Таня, Буцевич⁴¹ — Булка, Стефанович⁴² — Соня и пр., и т. д.

⁴⁰ Грацианский Николай Иванович (1851–1902) — присяжный поверенный, юрист, защитник Златопольского на процессе 17-ти (1883 год).

⁴¹ Буцевич Александр Викентьевич (1849–1885) — лейтенант флота, при посредстве Николая Суханова вошел в Военную организацию «Народной воли», был членом ее центральной организации, вел пропаганду среди военных Петербурга, Николаева и Одессы, с 1881 года член ИК «Народной воли», был близок к динамитной мастерской, организованной Грачевским. Арестован в ночь с 4 на 5 июня 1882 года. По всей видимости, выдан провокатором Дегаевым. Судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к смертной казни, замененной на бессрочную каторгу, которую отбывал в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбурге, где умер от туберкулеза.

⁴² Стефанович Яков Васильевич (1854–1915) — участвовал в хождении «в народ», один из кружка киевских «Южных бунтарей», участник «Чигиринского заговора» (1877 год). Арестован в сентябре 1877 года, в мае 1878 года бежал из Киевского тюремного замка вместе с Львом Дейчем и Иваном Бохановским, эмигрировал, а летом 1879 года вернулся в Петербург. Член «Земли и воли», участник Липецкого и Воронежского съездов. Присоединился к «Черному переделу», в конце 1879 года эмигрировал в Женеву. В сентябре 1881 года вернулся в Россию и вошел в ИК «Народной воли», вел пропаганду среди рабочих и среди сектантов. 5 февраля 1882 года арестован. На следствии вел себя откровенно, впрочем, сообщая мало конкретной информации о народовольцах. Ему позволялась переписка с Дейчем. На этой почве подозревался в предательстве. Судился в рамках процесса 17-ти (28 марта — 5 апреля 1883 года). Приговорен 5 апреля 1883 года к 8-летней каторге, которую отбывал на Каре.

Кобылянский — Катя. Вера Филиппова ведет себя как ребенок. Объявила в Департаменте еще, что она удавится; поэтому при ее каземате день и ночь стоят жандармы и заглядывают в дверную щель⁴³. Здесь находится в нижнем этаже какая-то женщина с ребенком, не знаю, новая это или старая (прежде здесь был ребенок у Якимовой (Кобозевой). Если это Якимова с ребенком, то я немало удивлен, что у нее не отняли ребенка⁴⁴. С Алексеевским равелином никаких сношений нет; мне известно лишь, что там сидели: 1) Нечаев⁴⁵

⁴³ Фигнер (Филиппова по мужу) Вера Николаевна (1852–1842) — участница народнических кружков второй половины 1870-х годов. Присутствовала на Воронежском съезде, член ИК, принимала участие в организации покушений на императора, вела пропаганду среди военных, из которых в конце 1880 года сложилась Военная организация «Народной воли». Хозяйка конспиративной квартиры, одна из организаторов покушения на генерал-майора В. С. Стрельникова. После массовых арестов 1881–1882 года фактически возглавляет организацию до своего ареста 10 февраля 1883 года в Харькове, выдана провокатором Дегаевым. Судилась в рамках процесса 14-ти (24–28 сентября 1884 года), приговорена 28 сентября 1884 года к смертной казни, замененной вечной каторгой, которую отбывала в Шлиссельбурге. Освобождена в 1904 году. Эмоциональная по натуре, Фигнер действительно могла повести себя таким образом, как описал Златопольский.

⁴⁴ Якимова Анна Васильевна (1856–1942) — участница хождения «в народ», судилась в рамках процесса 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года), оправдана. Член ИК «Народной воли», участница покушений на Александра II, Кобозева — хозяйка лавки сыров на Малой Садовой улице. 21 апреля 1881 года арестована, судилась в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорена 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывала на Каре и в Акатуе. У Якимовой, когда она находилась в Доме предварительного заключения после конфирмации приговора, родился сын Мартын (1882–1943). Вместе с ребенком ее перевели в Екатерининскую куртину, только по дороге на Карийскую каторгу ребенка удалось передать в семью ссыльного Сергея Мартынова.

⁴⁵ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882) — участник студенческого движения 1868–1869 годов, создатель общества «Народная Расправа», организатор и участник убийства студента Иванова 21 ноября 1869 года. Бежал за границу, в 1872 году выдан России как уголовный преступник, 8 января 1873 года приговорен к каторжным работам на 20 лет и поселению в Сибирь. Срок отбывал в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где и умер.

2) Мирский⁴⁶, Фроленко⁴⁷, Исаев⁴⁸, Колодкевич, Баранников⁴⁹,

⁴⁶ Мирский Леон Филиппович (1859–1920) — народник, вел пропаганду в Киеве, 13 марта 1879 года покушался по поручению «Земли и воли» на шефа жандармов А. Р. Дрентельна, успел скрыться. Вел пропаганду среди военных, арестован 6 июля 1879 года, оказал вооруженное сопротивление. Приговорен 17 ноября 1879 года к смертной казни, которая после поданного прошения о помиловании заменена бессрочной каторгой, отбывал ее в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Здесь выдал связи Нечаева среди охранников, за что приговор ему был смягчен, он был отправлен на каторгу в Сибирь.

⁴⁷ Фроленко Михаил Федорович (1848–1938) — участник кружка самообразования в Петровской академии, с 1872 года близок к «чайковцам», распространяет нелегальную литературу. В конце 1873 года обучал столярному мастерству товарищей, чтобы отправиться «в народ». В 1874 году отправился на Урал для пропаганды, по возвращении в Москву перешел на нелегальное положение. В 1875 году уехал в Николаев, где примкнул к группе Ковальского, вел пропаганду среди сектантов. В 1876 году примкнул к группе «киевских бунтарей», 25 марта 1877 года помог бежать товарищу Виктору Костюрину. Планировал вместе с Григорием Попко покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. 1 июля 1878 года принял участие в вооруженной попытке освободить Войноральского. Один из организаторов ограбления Херсонского казначейства в 1879 году. Участник Липецкого и Воронежского съездов, примкнул к «Народной воле», член ИК. Организатор неудачного ограбления Кишиневского казначейства в 1880 году. Участник покушений на императора под Одессой и на Малой Садовой улице в Петербурге. 17 марта 1881 года арестован, судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую сначала отбывал в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, затем в Шлиссельбурге, откуда освобожден в 1905 году.

⁴⁸ Исаев Григорий Прокофьевич (1857–1886) — член кружка самообразования, затем участник студенческого движения в Петербурге. В 1879 году входил в террористическую группу «Свобода или смерть», с 1879 года член ИК «Народной воли». Был техником партии вместе с Николаем Кибальчицем и Михаилом Грачевским, разрабатывал разрывные снаряды. Участник всех покушений народовольцев на императора. Арестован в апреле 1881 года, судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал в Алексеевском равелине, а затем в Шлиссельбурге, где умер от туберкулеза.

⁴⁹ Баранников Александр Иванович (1858–1883) — участник социалистических кружков с середины 1870-х годов. В 1876 году перешел на нелегальное положение и пошел «в народ», работал грузчиком, рыбаком, молотобойцем.

Тригони⁵⁰, Арончик⁵¹, Морозов⁵²

В 1877 году один из членов-учредителей «Земли и воли», участник землевольческого поселения в селе Мостовке Нижегородской губернии, работал в кузнице. Из-за полицейской слежки скрылся в Петербург, член «дезорганизаторской группы» «Земли и воли». 1 июля 1878 года принял участие в вооруженной попытке освободить Войноральского. Один из организаторов и участников покушения на шефа жандармов Н. В. Мезенцова 4 августа 1878 года. С 1879 года член группы «Свобода или смерть», участник Липецкого и Воронежского съездов, затем член ИК «Народной воли». Участник покушений на императора под Москвой, затем в Петербурге готовил взрыв Каменного моста, а позже участвовал в подготовке покушения на Малой Садовой улице. Вел пропаганду среди военных. Поддерживал связи с Николаем Клеточниковым. Арестован 25 января 1881 года в Петербурге, выдан предателем Иваном Окладским. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к бессрочной каторге, которую отбывал в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, где и умер от чахотки.

⁵⁰ Тригони Михаил Николаевич (1850–1917) — в начале 1870-х познакомился с Желябовым в Керчи, под его влиянием стал народником, пропагандировал в Одессе, в 1879 году примкнул к «Народной воле» и позже стал членом ИК. Вел пропаганду среди народовольческих кружков в Одессе, вел связи и с военными кружками. Участник подготовки покушения на императора на Малой Садовой улице в Петербурге. Арестован 27 февраля 1881 года, выданный предателем Окладским. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к 20-летней каторге, которую отбывал в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбурге.

⁵¹ Арончик Айзик Борисович (1859–1888) — член революционного кружка в городе Кременчуге, член террористической группы «Свобода или смерть», участник Липецкого съезда, хозяин конспиративной квартиры народовольцев вместе с Галиной Чернявской, участник подготовки покушения на императора под Москвой. Уезжал в Швейцарию в 1880 году. В августе 1880 года вернулся в Россию, арестован 18 марта 1881 года. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к бессрочной каторге. Подал прошение о помиловании. Содержался в Алексеевском рavelине, где заболел психически и где у него начался паралич ног. Переведен в Шлиссельбург, где окончательно сошел с ума и умер.

⁵² Морозов Николай Александрович (1854–1946) — близок к «чайковцам», некоторое время учился кузнечному делу в Ярославской губернии, ходил «в народ», распространяя заграничные революционные издания в Курской, Воронежской и Костромской губерниях. Участвовал в попытке освобождения Феликса Волховского 21 ноября 1874 года. Эмигрировал для работы в издании

и Клеточников⁵³.

(Ширяев Степан умер в рavelине 16-го сентября 1881 г.⁵⁴)

журнала «Работник», затем сотрудничал с «Вперед!» П. Л. Лаврова. В январе 1875 года вернулся в Россию, был арестован при переходе границы. Судился в рамках процесса 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года). Приговорен 23 января 1878 года к 15 месяцам тюрьмы, ему было вменено предварительное заключение. Отправился пропагандировать среди крестьян Саратовской губернии, участник попытки освобождения Войноральского 1 июля 1878 года, затем в попытке освобождения Екатерины Брешко-Брешковской в Нижнем Новгороде. Один из основателей «Земли и воли» и ее органа — одноименной газеты. Участник Воронежского и Липецкого съездов. Член ИК «Народной воли» и редактор ее литературного органа. В феврале 1880 года эмигрировал. Арестован по возвращении в Россию на прусской границе 28 января 1881 года. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к вечной каторге, которую отбывал сначала в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, затем в Шлисельбурге, откуда освобожден в 1905 году.

⁵³ Клеточников Николай Васильевич (1846–1883) — был вынужден оставить учебу в Московском и Петербургском университетах из-за чахотки, уехал в Крым на лечение, здесь служил секретарем ялтинского предводителя дворянства, а затем секретарем мирового судьи. В 1875 году ездил в путешествие по Европе. Вновь пытался получить высшее образование, теперь в Медико-Хирургической академии. Здесь он в октябре 1878 года случайно познакомился с землевольцем Александром Михайловым (которого знал под псевдонимом Петр Иванович). По предложению последнего поступил в III Отделение, затем Департамент полиции, где занялся письменной работой, получая сведения о шпионах, работающих в подполье, о предстоящих обысках и арестах и таким образом спасая от гибели многих землевольцев, а затем и народовольцев. Арестован 28 января 1881 года. Дал откровенные показания, ставшие единственным основанием для его обвинения. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной вечной каторгой, которую отбывал в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, где и умер.

⁵⁴ Ширяев Степан Григорьевич (1857–1881) — член кружка самообразования в Саратове и в Харькове, в октябре 1876 года уехал за границу, в мастерской П. Н. Яблочкова в Париже изучал электротехнику, затем работал в Лондоне. Вернулся в Россию в ноябре 1878 года, примкнул к «Земле и воле», участник убийства предателя Николая Рейнштейна. Участник террористической группы «Свобода или смерть», участник Липецкого и Воронежского съездов, затем член ИК «Народной воли». Основатель динамитных мастерских народовольцев. Участник покушения на императора под Москвой. Арестован 3 декабря 1879 года, на основании показаний Гольденберга судился в рамках

Терентьева⁵⁵ умерла здесь (в Трубцеком) в октябре 1882 г.
Лебедева⁵⁶, Якимова, Фриденсон⁵⁷, Емельянов⁵⁸,

процесса 16-ти (25–30 октября 1880 года), приговорен 30 октября 1880 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, где и умер.

- ⁵⁵ Терентьева Людмила Дементьевна (1862–1883) — агент ИК «Народной воли», в 1879 году принимала участие в подкопе под Херсонское казначейство с целью экспроприации. Работала в типографиях народовольцев в Петербурге на Подольской улице. Арестована 2 мая 1881 года, судилась в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорена 15 февраля 1882 года к каторжным работам на 20 лет. Умерла в Петропавловской крепости.
- ⁵⁶ Лебедева Татьяна Ивановна (1850–1887) — член группы «чайковцев», вела пропаганду среди рабочих, за что арестована в июне 1874 года. Судилась в рамках процесса 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года). Приговором 23 января 1878 года в качестве наказания ей было вменено предварительное заключение. Вступила в «Землю и волю» и продолжила пропаганду среди рабочих. В 1879 году стала членом ИК «Народной воли», участвовала в попытке экспроприации средств Кишиневского казначейства, одна из организаторов покушений на императора под Одессой и на Малой Садовой улице в Петербурге. Работала над производством разрывных снарядов. Арестована 3 сентября 1881 года, судилась в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорена 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывала на Каре, где и умерла от туберкулеза.
- ⁵⁷ Фриденсон Григорий Михайлович (1854–1913) — привлечен к дознанию 5 марта 1879 года в связи с убийством предателя Николая Рейнштейна, вина не доказана. Член московской народовольческой организации, вел пропаганду среди молодежи, в 1880 году участвовал в попытке ограбления Кишиневского казначейства. В 1881 году направлен в Петербург, проживал по паспорту на имя Агаческулова, который ранее принадлежал первомагтовцу Николаю Кибальчичу. Арестован 25 января 1881 года вследствие показания предателя Ивана Окладского. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к 10 годам каторги, которую отбывал на Каре.
- ⁵⁸ Емельянов Иван Пантелеймонович (1860–1916) — участник кружков самообразования, был близок к землевольцам. В 1879 году отправился учиться за границу, вернулся в ноябре 1880 года, вскоре вступил в «Народную волю». Пожелал участвовать в цареубийстве. Ездил с Желябовым в Парголово в феврале 1881 года испытывать разрывные снаряды. 1 марта 1881 года должен был стать третьим, кто бросил бы бомбу, если бы снаряд Игнатия Гриневицкого не достиг цели. Вследствие оговора предателей Николая Рысакова и Василия Меркулова арестован 14 апреля 1881 года. Судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал на Каре.

Люстиг⁵⁹, Тетерка⁶⁰ и Златопольский Лев — находятся здесь. Александр Михайлов⁶¹ умер в Алексеевском рavelине 6 или 8 декабря 1882 года; есть много оснований думать, что он умер неестественной смертью (после посещения рavelина Министром Толстым).

Как ты мог подумать, что имеются сношения с рavelином? Неужели бы я не завел сношений прежде всего с Колодкевичем и Фроленко, моими самыми дорогими друзьями?! Само собой

⁵⁹ Люстиг Фердинанд Осипович (1854–1923) — прапорщик Кронштадтской крепостной артиллерии, в отставке с 1880 года. Не принадлежа к «Народной воле», оказывал революционерам содействие: его квартира была местом сходок, на его имя приходили денежные переводы для народовольцев, хранил типографский шрифт. Арестован 5 апреля 1881 года, судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), подал прошение о смягчении наказания, приговорен 15 февраля 1882 года к 4 годам каторги, которую отбывал на Каре.

⁶⁰ Тетерка Макар Васильевич (1853–1883) — член «Южно-русского рабочего союза», участвовал в сходках рабочих, после знакомства с Желябовым вступил в «Народную волю», привлекался к подготовке покушения на императора под Одессой, а затем — в Петербурге к подготовке взрыва Каменного моста. Был хозяином типографии «Рабочей газеты» вместе с Гельфман в Троицком переулке. Арестован 28 января 1881 года, судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, где и умер от плеврита.

⁶¹ Михайлов Александр Дмитриевич (1855–1884) — в 1875 году исключен из Технологического института за участие в студенческом движении, член-учредитель «Земли и воли», весной 1877 года ушел «в народ», пропагандировал среди старообрядцев Саратовской губернии. Участник попытки освобождения Войноральского 1 июля 1878 года, один из организаторов покушения на шефа жандармов Н. В. Мезенцова 4 августа 1878 года и покушения Александра Соловьева на императора 2 апреля 1879 года. Привлек Николая Клеточникова как агента подпольщиков в III Отделении, затем Департаменте полиции. Участвовал в Липецком и Воронежском съездах, вошел в ИК «Народной воли», фактический руководитель. Участник покушений на императора. Организатор подпольных типографий, заведовал финансами партии. Арестован 28 ноября 1880 года, судился в рамках процесса 20-ти (9–15 февраля 1882 года), приговорен 15 февраля 1882 года к смертной казни, замененной вечной каторгой, которую отбывал в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, где умер 18 марта 1884 года от отека легких.

разумеется, что все сообщаемые сведения составляют строжайшую тайну, кроме Инда и Жоржа⁶². Я забыл тебе сказать, что из Сибири с каторги в прошлом году (в сентябре)⁶³ были привезены сюда Кобылянский, Попов⁶⁴, Иванов⁶⁵, Буцинский⁶⁶,

⁶² Кто именно скрывается за этими псевдонимами, установить не удалось.

⁶³ Переведены в Петербург за попытку побега с Карийской каторги в мае 1882 года, либо как участники или организаторы, либо как оказывающие «дурное влияние» на остальных политических каторжан.

⁶⁴ Попов Михаил Родионович (1851–1909) — с 1875 года пропагандировал среди рабочих на заводах в Колпино, участник хождения «в народ» в 1876 году, член-учредитель «Земли и воли». В 1878 году организовал стачку на фабрике Торнтон в Петербурге. В 1879 году участвовал в убийстве шпиона Николая Рейнштейна. Один из организаторов Воронежского съезда 1879 года, после раскола «Земли и воли» примыкает к «Черному переделу». Один из организаторов «Южно-русского рабочего союза». Один из участников подготовки покушений на генерал-губернаторов М. И. Черткова и Э. И. Тотлебена. Создатель вместе с Дмитрием Буцинским объединенного чернопредельческого и народовольческого кружка в Киеве. Арестован 22 февраля 1880 года, судился 14–26 июля 1880 года в Киеве, приговорен 26 июля 1880 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Отбывал ее на Каре, за участие в организации побега весной 1882 года переведен в Петербург, где содержался в Трубецком бастионе, затем в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, а с 1884 года — в Шлиссельбурге, освобожден в 1905 году.

⁶⁵ Иванов Игнатий Кириллович (1858–1886) — член Киевского объединенного кружка Попова — Буцинского, вел пропаганду среди рабочих и студентов, участвовал в разработке плана покушения на киевского генерал-губернатора М. И. Черткова, работал в тайной типографии, хранил динамит. Выдан провокатором Леонтием Забрамским, арестован с динамитом на улице 25 января 1879 года, судился 14–26 июля 1880 года в Киеве, приговорен 26 июля 1880 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал на Каре. Один из участников и организаторов побега Ипполита Мышкина, Николая Хрущова и других в мае 1882 года. Как зачинщик «беспорядков» переведен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Проявлял признаки душевной болезни, в 1882 году переведен в Казанскую больницу для душевнобольных. После выздоровления отправлен в Шлиссельбург в 1884 году, где умер от чахотки.

⁶⁶ Буцинский Дмитрий Тимофеевич (1855–1891) — за участие в студенческих беспорядках исключен из Харьковского университета в 1878 году, участвовал в попытке освобождения из тюрьмы Алексея Медведева-Фомина, входил в студенческий кружок, близкий в «Земле и воле», перешел на нелегальное

Щедрин⁶⁷, Волошенко⁶⁸, Геллис⁶⁹,

положение в 1879 году и уехал в Киев, где стал агентом ИК «Народной воли». Один из создателей объединенного кружка народовольцев и чернопередельцев, заведовал адресным столом и паспортным бюро, знал о готовившихся покушениях на князя Д. Н. Кропоткина и императора. Арестован 11 января 1880 года, судился 14–26 июля 1880 года в Киеве, приговорен 26 июля 1880 года к 20-летней каторге, затем привлечен к следствию по второму делу Александра Сыцяно и других (22 сентября — 2 октября 1880 года). Отправлен на Кару. 15 июля 1882 года, после отказа встать во время поверки, признан оказывающим вредное влияние, отправлен в Петербург и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Уже тогда стал проявлять признаки умопомешательства. В 1884 году переведен в Шлиссельбург, где и умер.

⁶⁷ Щедрин Николай Павлович (1854/1857–1919) — землеvoleц, вел пропаганду среди крестьян Саратовской губернии, затем чернопеределец, участник подпольной типографии, один из организаторов убийства предателя Жаркова. Вышел из «Черного передела», вел пропаганду среди рабочих, один из основателей «Южно-русского рабочего союза». Арестован 22 октября 1880 года, судился по делу «Южно-русского рабочего союза» (26–29 мая 1880 года), приговорен 29 мая 1880 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, отправлен на Кару. Отказался принести присягу императору Александру III. В Иркутской пересыльной тюрьме ударил тюремного инспектора за то, что он позволил себе грубое обращение с Елизаветой Ковальской и Софьей Богомолец. Наказан прикованием к тачке на год. После побега с Кары весной 1882 года Мышкина, Хрущова и других отправлен в Петербурге как оказывавший вредное влияние. В августе 1884 года переведен в Шлиссельбург, видимо, уже с сильным нервным расстройством, которое со временем усугубилось. В 1896 году переведен в больницу для умалишенных, где и умер.

⁶⁸ Волошенко Иннокентий Федорович (1848–1908) — привлекался в 1876 году к дознанию по обвинению в распространении запрещенных книг, оставшемуся для него без последствий. Участник землевольческих кружков, близок к кружку Валериана Осинского, участвовал в январе 1878 года в демонстрации в Петербурге на похоронах рабочих, убитых на Патронном заводе. Арестован 24 января 1879 года в Киеве, судился в рамках процесса Осинского 7–13 мая 1879 года, приговорен 13 мая 1879 года к каторжным работам на 10 лет. По пути на Кару бежал, но снова арестован (за побег ему прибавлено 11 лет). Летом 1882 года увезен с Кары в Петербург, содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Возвращен на Кару в 1884 году. Участник Карийской трагедии 1889 года.

⁶⁹ Геллис Меер Янкелевич (Яковлевич) (1857–1886) — уклоняясь от воинской повинности, скрылся в Швейцарию, где работал наборщиком в типографии журнала «Община». С мая 1878 года жил в Одессе, работал наборщиком,

Орлов Павел⁷⁰. Для чего их привезли, они сами не знают, а люди они все очень достойные!! Вне всяких подозрений!

Из сидящих здесь офицеров я знаю следующие фамилии: Цицианов⁷¹, Якимов⁷²,

организовал революционный кружок, вел пропаганду среди рабочих. Участник убийства шпиона Николая Гоштофта. Арестован за распространение прокламаций в Кишиневе 1 мая 1879 года. Судился 26–30 марта 1880 года, приговорен 30 марта 1880 года к смертной казни, замененной вечной каторгой, которую отбывал на Каре. Перевезен оттуда в Петербург, 18 сентября 1882 года заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, оттуда переведен в Шлиссельбург, где и умер.

⁷⁰ Орлов Павел Александрович (1856–1890) — член оренбургского революционного кружка. Работал в столярной мастерской, готовясь к пропаганде среди народа, ходил «в народ», пропагандировал среди крестьян Оренбургской губернии, за что арестован в декабре 1874 года и привлечен к процессу 193-х (18 октября 1877 — 23 января 1878 года). 23 января 1878 года признан невиновным. Вел пропаганду среди рабочих, арестован в конце марта 1878 года и выслан в Холмогоры Архангельской губернии, откуда бежал. Член южного Исполнительного комитета Осинского. Арестован в Киеве 11 февраля 1879 года, оказал вооруженное сопротивление. Судился в Киеве 30 апреля — 4 мая 1879 года, приговорен 4 мая 1879 года к каторге на 14 лет и 10 месяцев, замененных на 8 лет каторжных работ в крепостях. По дороге на Кару попытался скрыться, обменявшись именами с уголовным, но арестован (за попытку побега добавлено 5 лет). За попытку побега в мае 1882 года переведен в Петербург, где содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, весной 1883 года возвращен на Кару. Убит якутами с целью ограбления.

⁷¹ Цицианов Арчил Иванович (1853 — после 1905 года) — участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, затем поручик 16-го гренадерского Мигрельского полка. С 1881 года член народовольческого кружка военных в Тифлисе. Выдан членом кружка офицером Федором Анисимовым, арестован 5 декабря 1882 года, не признал себя виновным и был освобожден. Вновь арестован 11 января 1883 года в связи с предательскими показаниями Сергея Дегаева. Дал откровенные показания, 7 марта 1884 года в качестве наказания ему вменено предварительное заключение.

⁷² Якимов Павел Михайлович (1860 — после 1886 года) — запасной унтер-офицер из вольноопределяющихся, в 1882 году служил кассиром на Баку-Тифлисской железной дороге, поддерживал связь с народовольцами Сергеем Дегаевым и Галиной Чернявской, знал о готовящемся покушении на ограбление казначейства в Гори, хранил ящик со шрифтом. Устроил на службу на железную дорогу офицера Федора Анисимова, который после ареста его и выдал. Арестован 8 января 1883 года, дал чистосердечные по-

Мелетюк⁷³. За последнее время навезли много новых офицеров; из Тифлиса сюда привезли 9 человек еще в конце января. Есть основание думать, что офицер Шепелев⁷⁴ выдает товарищей. Пусть Жорж примет это к сведению.

II.

Корба с большой уверенностью говорит, что Фомин (муж Осмоловской) стал изменником⁷⁵. За что купил — за то и продаю!!
Что ж, ты узнала фамилию сумасшедшего моряка, который мо-

казания. По всей видимости, фигурировал в предательских показаниях Сергея Дегаева. 7 марта 1884 года в качестве наказания ему вменено предварительное заключение.

⁷³ Мелетюк — правильно Меленчук Виктор Сильвестрович (1852–1912) — в 1870-х годах слушал лекции в политехнических школах Цюриха и Мюнхена, был близок с русскими эмигрантами. В 1876 году безуспешно разыскивался по делу о пропаганде в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Вернулся в Россию в 1876 году, служил учителем. Вел пропаганду среди учащейся молодежи и духоборов. В 1880-х годах служил лесничим в деревне Ача-Су Тифлисской губернии, тогда же примкнул в народовольческому кружку офицеров Мингрельского полка, организованному Анной Корбой, Сергеем Дегаевым и Галиной Чернявской. Должен был стать хозяином подпольной типографии. Допрошен вследствие откровенных показаний члена кружка офицера Федора Анисимова 7 декабря 1882 года. Выдан провокатором Дегаевым, арестован 11 января 1883 года. 7 марта 1884 года выслан в Западную Сибирь на три года.

⁷⁴ Шепелев Сергей Никитич (1857–?) — поручик Карсо-Александропольской крепостной артиллерии. Вместе с Николаем Рогачевым руководил народовольческим кружком военных в Гельсингфорсе, направлен в Тифлис как агент Центральной военной группы осенью 1881 года. Арестован 26 апреля 1883 года вследствие предательства Дегаева. Выслан на жительство в Западную Сибирь с подчинением полиции на три года. Златопольский заблуждался относительно его предательства.

⁷⁵ Фомин Алексей Александрович (1858–1933) — с 1875 года создал кружок самообразования среди солдат Дерптского полка 25-й пехотной дивизии, вел среди них пропаганду, за что арестован в 1880 году, бежал из заключения и при помощи контрабандистов эмигрировал в Женеву. Там работал наборщиком в типографии «Общего дела». В декабре 1880 года вернулся в Россию для работы в нелегальной типографии «Народной воли» в Одессе, где работы так и не нашлось. Затем работал в московской типографии народовольцев до ее ликвидации в апреле-мае 1882 года. Уехал в Петербург, арестован в ночь на 5 июня 1882 года. Судился 14 августа 1883 года, тогда же приговорен к 20-летним каторжным работам, отбывал наказание на Каре.

лится Богу по целым ночам?⁷⁶ Он наверно предатель! Напоминаю тебе, сердце мое, что если Петр Васильевич Гортынский⁷⁷ не судится или не сослан, то он наверно изменник! Был ли уже процесс в Киеве? Кто подсудимые? Отчего ты, мой милый, не сообщил вкратце содержание прокламации к согражданам?

В крепости сидит хозяин последней типографии «Народной воли» — Суровцев⁷⁸. Несчастный человек он! Имей в виду, что к следующему процессу было бы недурно предупредить Спасовича⁷⁹, чтобы он защищал Суровцева. Мне сообщил Мономах⁸⁰:

⁷⁶ Ювачев Иван Павлович (1860–1940) — военный моряк, с весны 1882 года под влиянием народовольца Михаила Ашенбреннера вступил в Военную организацию «Народной воли», возглавив один из кружков. Планировал покушение на императора Александра III. Выдан провокатором Дегаевым, арестован 2 марта 1883 года. Судился в рамках процесса 14-ти (24–28 сентября 1884 года), приговорен 28 сентября 1884 года к смертной казни, замененной 15-летней каторгой, которую отбывал в Петропавловской крепости. В тюрьме стал верующим. Переведен в Шлиссельбург, затем на Сахалин. После освобождения под псевдонимом Миролюбов писал тексты религиозного содержания. Давал полутокровенные показания. Отец Даниила Хармса.

⁷⁷ Гортынский Петр Васильевич (1857–1898) — участник демонстрации в Москве 3 апреля 1878 года при провозе через город высылаемых киевских студентов, за что приговорен к четырехдневному аресту. С ноября 1879 года член московской народовольческой группы. В августе 1881 года отправлен в Киев как агент ИК «Народной воли», создал здесь народовольческую группу, после того как местная группа Исаака Левинского и братьев Владимира и Александра Бычковых не признала его полномочий. Арестован 2 января 1882 года в Киеве по делу о рабочих революционных кружках, выслан в Восточную Сибирь на пять лет.

⁷⁸ Суровцев Дмитрий Яковлевич (1852–1925) — с 1876 года пропагандировал среди крестьян Пермской губернии, после ареста выслан в Холмогоры Архангельской губернии, откуда бежал. Несмотря на отрицание терроризма как революционного метода, был хозяином типографии «Народной воли» в Москве (1881–1882), работал в одесской типографии супругов Дегаевых, где и был арестован 18 декабря 1882 года. Судился в рамках процесса 14-ти (24–28 сентября 1884 года), приговорен 28 сентября 1884 года к 15-летней каторге, которую отбывал в Шлиссельбурге. По окончании срока сослан в Средне-Колымск Якутской губернии.

⁷⁹ Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — известнейший юрист и адвокат, на процессе 14-ти (24–28 сентября 1884 года) защищал не Суровцева, а Ларису Чемоданову.

⁸⁰ Мономах — установить, кто скрывается под этим псевдонимом, не удалось.

1) что наследница⁸¹ собиралась уехать куда-то далеко и выйти замуж и во-2) что Георгиевская⁸² арестована. Верно ли это? — Елагина мне сообщила, что здесь в крепости двух повесили (!!?) Откуда такой слух? Теперь, дорогой, незабвенный мой, пару слов о Надежде⁸³: боюсь я, боюсь, чтобы ее не проследили шпионы; приняты ли всевозможные меры предосторожности? Ведь стоит Надежде раз дать промах, и тогда Анна⁸⁴ не жилица на этом свете!! Милый мой, дорогой, руководи Надей как можно внимательнее!

На всякий случай предлагаю для Анны несколько кличек: черт, сатана, дьявол, русалка, домовой, леший, нечистая сила. Теперь говорю о солдатах: в каждом коридоре стоит солдат часовой, между ними попадаются в таковой степени любознательные, что забывают страх (военного суда) и вступают в разговоры со мной. Часовые бывают известных гвардейских полков; каждый день меняются новые. Например, если сегодня была рота семеновцев, то она вторично будет лишь недели через три, причем тот солдат, который был в моем коридоре, уже будет стоять в другом коридоре, — так что вновь свидеться с знакомым солдатом можно раз в 4 месяца, и то если продолжаешь сидеть в той же камере (а это редко случается, потому что нас переводят очень часто из одной камеры в другую).

Мне судьба благоприятствовала: я 8-мь месяцев сидел в одном каземате. Теперь тебе, мой дорогой, нежно любимый друг, ясно, почему я не мог прислать солдат в назначенные тобой дни. Между всеми солдатами, с которыми я беседовал, наиболее выдающийся тебе известен (я сообщал его фамилию), с ним и пароль заключен (такой же, как с Анной). Я настолько уверен в этом

⁸¹ Установить, кто скрывается за этим псевдонимом, не удалось.

⁸² Георгиевская (Свитыч) Элеонора Станиславовна (?) — была хозяйкой народвоольческой типографии в Одессе, в которой арестована 14 февраля 1882 года.

⁸³ Установить, кто скрывается за этим псевдонимом, не удалось.

⁸⁴ Анна — Ангел — унтер-офицер Провоторов Ефим Петрович (1849–?), через которого арестанты поддерживали связь с волей.

солдате, что если бы даже ты, мой милый, познакомился с ним, я нисколько не смутился бы и не опасался бы. Заметь себе только, что пароль был заключен с этим солдатом в расчете, что он будет на кладбище встречен Елагиным⁸⁵ (я ожидал приезда Елагина). Установить сношения можно таким образом: путь придет в казармы какая-нибудь старуха или некрасивая женщина и вызовет его, скажет ему, приходи туда-то (и скажет куда), назначит время.

III.

[Шифр]

Я еще забыл сообщить тебе следующее известие, переданное мне Корба: «Австрийский консул сообщает, что Нечаева отвезли якобы в Шлиссельбург и по дороге умышленно застрелили»⁸⁶. Было бы недурно условиться à L'église cathédrale [*фр.* — в соборе] (на случай провала «diable» [*фр.* — дьявол]), что барышня, проживающая за границей, была невестой Александра Павловича и что она уехала за границу в надежде встретиться с ним, но судьба распорядилась по-своему⁸⁷. Они знакомы еще с 1873 г[ода], когда А[лександр] П[авлович] был в Институте. Пусть Жорж имеет сношения с тем, у которого книга с конспирациями. Я потому это говорю, что с этим господином (его кличка на воле была «Август»⁸⁸, Жорж его знает) имела сношения та дама, у которой ты находила красивыми глаза⁸⁹ и которая прощалась со мной у тебя на квартире, в день моего отъезда (незабвенный день!). Как ведет себя diable? Не забывай, что эта особа очень любит argent [*фр.* — деньги], поэтому не особенно доверяй тем проектам diable'я, для которых требуется много billets de banque

⁸⁵ Установить, кто скрывается за этим псевдонимом, не удалось.

⁸⁶ Нечаев в действительности умер 21 ноября 1882 года в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

⁸⁷ О ком идет речь, установить не удалось.

⁸⁸ Установить, кто скрывается за псевдонимом, не удалось.

⁸⁹ О ком идет речь, установить не удалось.

[*фр.* — букв. банковских билетов, то есть денег]. *Diable* почему-то воображает, что *Comité exécutif* [*фр.* — Исполнительный комитет] располагает несметными *richesses* [*фр.* — богатствами] — словом, Калифорния! Исходя из такого взгляда, *diable* считает, что недостаточно (по заслугам) ценят его *travail* [*фр.* — работу]. Это письмо вышло вполне деловым от начала до конца. Еще много, много нужно сообщить тебе, да нет времени — нужно кончать. В заключение уделю место лично себе, а следовательно, и моей жене, моей незабвенной, обожаемой жене, моему идолу, моей дорогой и милой голубке, моей гордости! Слушай же, моя милая, моя ненаглядная: я еще продолжаю висеть между жизнью и смертью; до сих пор нам не объявили, подписан ли приговор или нет. Нужно думать, что помилуют, иначе зачем же медлить и затягивать ко дню Коронации? Я по-прежнему спокоен, весел, бодр и не чувствую себя приговоренным, хоть убей меня. Жена моя, голубка моя! Я чувствую в себе такой запас сил, как в лучшие дни моей жизни — я смотрю на будущее с самыми отрадными надеждами, потому что «будущее» — это ты!! Моих сил достанет на долгие годы, не только месяцы. Может случиться, что это письмо последнее! Сердце мое, жизнь моя, пока я тебя не потеряю, пока ты жива, пока ты для меня существуешь — я живу! Как бы велики ни были страдания, как бы ужасны ни были испытания — они мне пойдут не во вред, а на пользу; ничто не в состоянии сломить моей твердой уверенности в тебе, в своих силах, в нашем будущем. Солнышко мое, упоение мое, знай и верь, что, стоя у преддверия вечного заключения по закону, я его не считаю вечным. Поборемся! Я и гранитные стены! На моей стороне все: вера, вера в тебя, в себя, в дело, надежда — надежда на тебя, себя, и любовь, страстная, жгучая, опьяняющая, но все исцеляющая.

Твой до гроба муж
Привет Инду, Жоржу

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 181. 7 ДП. 1884. Д. 641. Л. 25–30 об.

Письма Савелия Златопольского к родным

1.

19 октября 1882 года

Мои милые и дорогие!

Очень благодарен за Ваше письмо, которое я с неописанным удовольствием читал и перечитывал. Сегодня, 19 октября, я очень краток; прошу не прогневаться — потому что сильно нездоровится, и я не могу собраться с мыслями, бегающими в голове словно зайцы. Если станет мне легче на этой неделе, то напишу Вам ответ так сказать не в зачет. Затем обнимаю Вас всех со всем пылом своего любящего сердца.

Ваш С. Златопольский.

Петропавловская крепость.

P. S. Сонино письмо живо напомнило мне нашего брата, незабвенного Льва. Где-то он, где-то он?

Кандальный звон, кандальный звон,

Как много дум наводит он!..

Однако я ставлю точку и прекращаю до следующего приятного раза. Голова трещит страшно!

Le même [фр. — Он же].

Сегодня ровно полгода со дня ареста моего.

2.

6 апреля 1883 года

Мой милый Саша, дорогой брат мой!

Несколько дней оставалось нам для переписки, несколько дней лишь!.. Грустно, грустно; чувство любви, которое согревало меня в одиночном заключении, чувство кровных связей с тобою и Соней, что так пленительно действовало на меня в ваших письмах, наконец сознание близости развязки — все это теперь смешалось, и я берусь за перо с таким сложным чувством, что, право, даже не могу много писать... Да и о чем писать?.. Завещание разве? Но я уже распорядился на этот счет (мне разрешили пе-

редать весь мой багаж Соне, так же, как и деньги из редакции «Русского Курьера») ... Значит, у меня, как ты изволишь видеть, материалу не имеется... Я мог бы, правда, обстоятельно писать о суде... но это ты узнаешь из газет, так же как и приговор; я и о нем не пишу, в полной уверенности, что ты будешь изумлен... С сердечным трепетом обнимаю тебя, мой милый, незабвенный.

С. Златопольский.

6 апреля 1883 г.

3.

15 апреля 1883 года

Опять и опять прощальное письмо! Под общим именем прощальных писем я шлю тебе, мой милый брат, уже третье письмо; это обуславливается неопределенностью моего положения; со дня объявления приговора в окончательной форме (т. е. с 1-го апреля) я со дня на день ожидаю перевода в иное местожительство; наконец, со вчерашнего числа, т. е. с 13 апреля (приговор вступил в законную силу), я уже окончательно приготовился к переселению, но, как видишь, милый мой, я продолжаю пребывать все в том же Д[оме] пр[едварительного] З[аключения] и о времени перемены местожительства никакого представления не имею. Вчера я имел последнее свидание с Соней; была надежда увидеть ее и сегодня (14 апр[еля]), но надежда оказалась обманчивой; несмотря на то, что я нахожусь еще здесь — я сегодня с ней не видался; ясно, что и впредь свидания не будет; также ясно, что и письмо это действительно прощальное, за которым уже не последует дальнейших писем... Спешу! Последнее прости! Твой навеки

С. Златопольский

15 апреля

РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–18.

ДОКУМЕНТЫ

Е. Хаздан

Лагерные письма Моисея Береговского

Моисей (Арон-Мойше) Яковлевич Береговский (1892–1961) — фольклорист, посвятивший свою жизнь исследованию музыкальной культуры восточноевропейских евреев. Значительная часть его работ долгое время оставалась в архивах. Четыре из пяти томов главного труда его жизни, собрания «Еврейский музыкальный фольклор», были опубликованы лишь после смерти ученого¹. Но и сегодня, несмотря на то что вклад Береговского в со-

¹ Первый том был издан одновременно в двух версиях, на идише и русском языке: *Beregovski M. Jidišer muzik-folklor / Unter der algemejner redakcie fun M. Viner. Bd. 1. Moskve: Meluxišer muzik-farlag, 1934; Береговский М. Я. Еврейский музыкальный фольклор / Под общей ред. М. Винера. Т. 1. М.: Гос. музыкальное издательство, 1934. Отдельные материалы из второго, третьего и четвертого томов ученый поместил в сборник, вышедший вскоре после его смерти (Береговский М. Еврейские народные песни / Под общ. ред. С. Аксюка. М.: Советский композитор, 1962). За пределами Советского Союза эти две книги получили известность лишь в 1982 году (Old Jewish Folk Music: The Collections and Writings of Moshe Beregovski / Edited and translated by M. Slobin. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982). Третий том на русском языке был опубликован с измененным порядком глав в теоретической части и с купюрами (Береговский М. Еврейская народная инструментальная музыка / Под ред. М. Гольдина. М.: Советский композитор, 1987). Полностью он вышел в США в начале XXI века (Jewish Instrumental Folk Music: The Collections and Writings of Moshe Beregovski / Translated and edited by M. Slobin, R. Rothstein, and M. Alpert; annotations by M. Alpert; with a Foreword by I. Zemtsovsky. New York: Syracuse University Press, 2001). Также на рубеже тысячелетия были напечатаны четвертый и пятый тома (Берегов-*

хранение и изучение ашкеназской культуры получил широкое признание, его полной биографии не написано.

Судьба Береговского во многом типична для поколения сталинского времени. В его жизни непросто очертить период, который можно было бы назвать благополучным, однако в самых тяжелых обстоятельствах ученый сохранял потребность в исследовательской работе. Читая письма, собранные его младшей дочерью Эдой Моисеевной², понимаешь, что даже наиболее продуктивные годы (например, 1930-е, когда Моисей Яковлевич работал в Академии наук Украинской ССР и публиковал статьи и сборники песен, или в середине 1950-х, когда уже вернулся из заключения и добился реабилитации) были полны лишений. Так, 8 февраля 1933 года он писал близкому другу Исааку Рабиновичу³:

У нас ничего нового и ничего хорошего. В Академии работаю, но денег до сих пор не получил (это с ноября месяца!). Волокита там такая, что и сам черт не разберется. Я бегаю каждый день — ругаюсь, подаю заявления — но пока денег

ский М. Я. Еврейские народные напевы без слов. М.: Композитор, 1999; *Береговский М. Еврейские народные музыкально-театральные представления* / Ред. Л. Фінберг. Киев: Дух і літера, 2001). Наконец, в 2013 году был выпущен комплект из пяти CD-дисков, на которых рядом с изданиями 1934 и 2001 годов были представлены архивные материалы, относящиеся ко второму, третьему и четвертому томам (*Береговский М. Я. Еврейский музыкальный фольклор: в 5 т. на CD-дисках* / Центр исследований истории и культуры восточноевропейского еврейства. Электрон. дан. — Киев, 2013).

² Береговская Эда Моисеевна (1929–2011), младшая дочь Береговского, филолог-романист.

³ Рабинович Исаак Соломонович (1897–1985) — пианист, педагог. В 1916–1920 годах учился в Киевской консерватории (классы фортепиано и композиции Б. Л. Яворского. В те же годы здесь учился и Береговский). В 1920–1922 годах преподавал фортепиано в музыкальной школе, организованной Береговским. С 1922 года жил и работал в Москве (Первый музыкальный техникум, Академия им. Н. К. Крупской и др.); с 1923 года преподавал в Московской консерватории. Переписка Береговского с Рабиновичем продолжалась всю жизнь. Фрагменты писем были опубликованы в кн.: Арфы на вербах: Призвание и судьба Моисея Береговского / Сост. Э. Береговская; издание подготовил А. Эппель. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 1994. С. 95–143.

не видел и нам приходится изворачиваться на одном жаловании Института⁴. На днях как будто получу деньги за 2½ месяца (до 1-го февраля). Детей мы пока кормим методом того водовоза, который отучивал свою клячу от еды. Они похудели и ждут более счастливых времен⁵.

«О нас не беспокойся. Жить можно и без денег, уверяю тебя», — писала его жена, Сарра Иосифовна, дочери в 1956-м⁶, а несколько месяцев спустя сообщала ей: «Пенсионные дела папины подошли к концу. Он не получил того, что ему полагается, но все же будет получать еще 300 р. Это даст нам возможность более или менее по-человечески жить, и *даже иногда купить себе самое необходимое*»⁷.

На этом отнюдь не радужном фоне пять лет в жизни Береговского — с его ареста 18 августа 1950-го по 18 марта 1955 года — были особенно мрачными. Несколько месяцев следствия, затем суд, пересылка и лагерь — предельная несвобода, в рамках кото-

⁴ Согласно справкам, выданным Береговскому в 1949 году, с 1 сентября 1929 по 1 сентября 1933 года он был заведующим Кабинетом музыкальной этнографии при фольклорном отделе Института еврейской культуры АН УССР, а с 1 сентября 1933 по 1 июля 1936 года — заведующим фольклорной секцией Института еврейской культуры АН УССР (Справка Бюро общественных наук АН УССР от 23 февраля 1949 г. Личный архив Елены Баевской). Однако из переписки становится понятно, что официальное оформление в Академии произошло осенью 1933 года, а первая запись в трудовой книжке ученого датирована 1936 годом.

⁵ Письмо М. Я. Береговского к И. С. Рабиновичу от 8 февраля 1933 года. Документ хранился в личном архиве Елены Баевской. В марте 2022 года письма Береговского с некоторыми другими документами переданы в Кабинет Рукописей РИИИ (Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург) для присоединения к архиву Береговского (фонд 45).

⁶ Письмо С. И. Береговской к Э. М. Береговской от 29 августа 1956 года. Личный архив Елены Баевской. Береговская Сарра Иосифовна (урожденная Паз) (1895–1965) — родилась в Симферополе в семье сапожника. Рано осталась без отца. Окончила гимназию экстерном. В 1917 году поехала в Киев. Работала в школе, потом в детском доме, где познакомилась с Береговским, одновременно училась на биологическом отделении университета. Уже после рождения детей окончила медицинский институт.

⁷ Письмо С. И. Береговской к Э. М. Береговской от 24 октября 1956 года. Личный архив Елены Баевской. Курсив наш. — Е. Х.

рой человек переставал принадлежать себе. Этот период оказался фактически вычеркнут из его судьбы как ученого, и тем не менее он заслуживает внимательного рассмотрения как пример мужественного поведения, умения в самых тяжелых условиях сохранить достоинство и верность себе, — род тихого подвига, одного из многих, совершавшихся в то время.

Основные документы, позволяющие нам понять, хотя бы в общих чертах, как были прожиты эти несколько лет, — письма, адресованные жене, Сарре Иосифовне⁸. Во многом это типичная корреспонденция заключенного: он сообщает адреса, на которые можно слать письма или посылки, желательный набор продуктов и предметов быта, а также перебирает имена родных, поздравляя их с какими-либо праздниками и комментируя немногие сообщаемые ему события их жизни. Однако даже при первом ознакомлении с этими письмами становится очевидным, что, вынужденный претерпевать все лишения и унижения, Береговский сохранял внутреннюю независимость. Он постоянно стремился формировать собственную повестку, которой старался неукоснительно следовать. В ней два основных пункта: во-первых, доказать свою невиновность и добиться реабилитации, а во-вторых, не утратить профессиональных навыков. «Когда придет лучшее, оно меня должно застать в хорошем виде не только физически, но и интеллектуально. Я буду готов к нормальной деятельности», — пояснял он близким⁹.

Потребность в постоянной внутренней занятости, какими бы ни были внешние обстоятельства, — одна из ведущих черт характера ученого. «Углубленная работа, работа с любовью и со всем пылом душевным — это самое благородное заполнение жизни», — писал он родным¹⁰. Требовательный к себе, Берегов-

⁸ Хранились в личном архиве Елены Баевской, переданы в Кабинет Рукописей РИИИ. Выдержки из некоторых писем были опубликованы в статье: *Береговская Э. М.* Материалы к биографии М. Я. Береговского // *Береговский М. Я.* Еврейские народные напевы без слов. М.: Композитор, 1999. С. 12–13.

⁹ Письмо М. Я. Береговского к Сарре Иосифовне от 2 октября 1954 года.

¹⁰ Письмо М. Я. Береговского к Сарре Иосифовне от 7 января 1955 года.

ский и своих близких настраивал глядеть вперед и добиваться цели без оглядки на обстоятельства. Некоторые из высказываемых им советов и пожеланий кажутся почти неосуществимыми. Например, дочери, ставшей учительницей немецкого языка в школе маленького шахтерского поселка, он рекомендовал уделять время также французскому и английскому, а еще «исподволь овладеть итальянским и испанским языками», регулярно играть на фортепиано и готовить диссертацию¹¹.

Первую краткую весточку из лагеря — на почтовой открытке — Моисей Яковлевич смог выслать только 30 мая 1951 года. Последнее письмо, написанное до ареста, было датировано 7 августа 1950 года. Береговский сообщал жене, проводившей лето с детьми в Чернобыле, тогда мало кому известном городке с тенистыми садами на реке Припять: «Наконец-то я обеспечил самое трудное (деньги!) и могу написать вам пару слов»¹². Между этими двумя датами — девять с половиной месяцев: арест, дознание, суд и этапирование в лагерь. Переписка в этот период была строго запрещена.

Еще в июне 1950 года Береговский планировал провести свой отпуск¹³ с семьей и звал присоединиться к ним своих близких друзей из Москвы¹⁴, но вынужден был вернуться в Киев, чтобы ездить по предприятиям и подбирать контингент для вечерней

¹¹ По прошествии времени мы можем оценить результат и признать, что он был возможен лишь при таком максималистском подходе. Эда Моисеевна окончила Киевский государственный университет (французское отделение) и стала крупным специалистом в области стилистики французского языка и методики его преподавания. Она владела также немецким и английским языками и просила отца научить ее идишу, но Моисей Яковлевич не захотел, посчитав, что эти знания ей не пригодятся.

¹² Письмо М. Я. Береговского к Сарре Иосифовне из Киева от 7 августа 1950 года. Личный архив Елены Баевской.

¹³ Через несколько месяцев после увольнения в феврале 1949 года из Академии наук «в связи с ликвидацией учреждения» и из Киевской консерватории Моисею Яковлевичу удалось устроиться преподавателем в музыкальную школу № 3. По совместительству он работал в вечерней музыкальной школе.

¹⁴ См. письмо М. Я. Береговского к И. С. Рабиновичу от 12 июня 1950 года. Личный архив Елены Баевской.

музыкальной школы. Сохранились два документа, оба датированные 17 августа 1950 года: удостоверение, направляющее Береговского на пивзавод «на предмет выявления талантливой молодежи», и постановление о его аресте, подписанное майором Секаревым.

Обвинение

Сбор агентурных данных в отношении Береговского проводился с 1948 года в рамках проходившей в СССР «борьбы с космополитизмом» (1948–1953). В числе руководителей Еврейского антифашистского комитета были близко знавшие Моисея Яковлевича Д. Гофштейн¹⁵ и И. Фефер¹⁶, назвавшие его имя при дознании. Вскоре арестовали возглавлявшего Кабинет еврейской культуры АН УССР И. Спивака¹⁷. Один за другим пропадали сотрудники Кабинета, коллеги Береговского. Ему оставалось лишь ждать своей очереди.

¹⁵ Гофштейн Давид Наумович (1889–1952) — еврейский поэт, переводчик, член президиума Союза советских писателей Украины. Писал на идише. Был арестован 16 сентября 1948 года, еще до роспуска Еврейского антифашистского комитета, и в 1952 году расстрелян.

¹⁶ Фефер Исаак Соломонович (Ицик) (1900–1952) — поэт, публицист и общественный деятель. Писал на идише. В 1919 году вступил в партию большевиков и пошел добровольцем в Красную армию. В 1938 году вместе с Береговским принял участие в подготовке сборника еврейских песен (*Yidische folks-lider / Tsunoyfgeshtelt fun M. Beregovski, I. Fefer*. Kiev: Ukrmelukhenatsmindfarlag, 1938). В 1942 году стал членом (с 1945 года — ответственным секретарем) Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Тесно сотрудничал с органами НКВД. Фефер был арестован одним из первых членов ЕАК. Оговорил себя и дал ложные показания против членов ЕАК. Был расстрелян. В 1956 году реабилитирован.

¹⁷ Спивак Илья Григорьевич (Эли, Эля Гершевич) (1890–1950) — лингвист и литературовед, доктор филологических наук, профессор (1927), член-корреспондент АН УССР (1939). Возглавлял Кабинет еврейской культуры АН УССР. Был членом Еврейского антифашистского комитета. Арестован в 1949 году. Скончался от пыток. 19 января 1956 года дело по обвинению Спивака было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Следственное дело № 149640 было завершено 26 декабря 1950 года¹⁸. Береговский обвинялся по статьям 54–10 часть II и 54–11 УК УССР¹⁹, то есть в антисоветской пропаганде и агитации (с использованием религиозных или национальных предрассудков масс) и в участии в контрреволюционной организации. В начале и в конце каждого протокола проставлено время начала и окончания допроса, как правило, это поздний вечер и глубокая ночь, с 23:00 до трех-четырёх, а то и семи часов утра.

В чем обвинялся Береговский? В постановлении на арест перечислены семь пунктов, среди которых националистическая работа, проводившаяся «сначала под прикрытием Института еврейской культуры <...>, а затем в кабинете еврейской культуры при Академии Наук УССР»; связь «с сионистами и американскими шпионами Спиваком, Гофшейном и Каганом²⁰», осведомленность о «вражеской» деятельности Еврейского антифашистского комитета, выступления с докладами «на так называемых “расширенных совещаниях” еврейской интеллигенции», «грубые идеологические извращения», допущенные в научных работах. Один из пунктов гласил: «Среди своего окружения Береговский высказывает недовольство советской действительностью и выражает намерение уехать в Палестину»²¹.

В том же духе были и обвинения, звучавшие на допросах. Приведем лишь несколько выдержек:

¹⁸ ЦДАГО України (Центральний державний архів громадських об'єднань України, Киев). Дело № 36960 ФП (Дело следчасти МГБ УССР Министерства государственной безопасности по обвинению Береговского Арона-Мойше Янкелевича по ст. 54–10 ч. II, 54–11 УК УССР).

¹⁹ Уголовный кодекс УССР, утвержденный 8 июня 1927 года, отличался от уголовного законодательства Российской Федерации нумерацией статей. Статья 54 в нем соответствовала печально известной 58-й в УК РСФСР (статья 54–11 самостоятельно не применялась, только в сочетании с другими, говорящими об ответственности за какое-либо контрреволюционное преступление).

²⁰ Каган Абрам Яковлевич (1901–1965) — прозаик, поэт, драматург. Был корреспондентом ЕАК в Киеве. Арестован 24 января 1949 года. На допросах называл имя Береговского. Реабилитирован в 1956 году.

²¹ ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 2–3.

Вы подчинили работу фольклорного отдела националистическим целям, организовывали в институте экспедиции по сбору старых еврейских синагогальных песнопений и националистических преданий²².

Спивак показал, что, работая в кабинете еврейской культуры со дня его организации, вы, он, Лойцкер²³ и другие ваши единомышленники всячески стремились сохранить буржуазное культурно-историческое наследие еврейского народа и выступали противниками естественной ассимиляции евреев в Советском Союзе²⁴.

Известно, что вы, являясь кадровым еврейским националистом, высказывали злобные клеветнические измышления в отношении национальной политики, проводимой ВКПб и советским правительством. Покажите, кому вы высказывали ваши клеветнические измышления?²⁵

Столь же «содержательными» были и показания, данные на Береговского его бывшими коллегами и знакомыми. Давид Гофштейн на допросе от 21 ноября 1949 года сообщил:

По нашим заданиям Береговский и Лернер²⁶ разъезжали по городам и местечкам Украины, где среди евреев собирали

²² ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 82. Протокол допроса от 6 октября 1950 года (начат в 22 ч. 45 мин., окончен в 7 ч. утра).

²³ Лойцкер Ефим Борисович (Хаим Беркович, 1898–1970) — писатель, языковед, литературовед, переводчик. Окончил педагогический факультет Московского университета (1930). Учился в аспирантуре при Институте еврейской культуры Академии наук УССР, работал старшим научным сотрудником Института еврейской культуры, в последние годы — заведующий отделом литературоведения, ученый секретарь, член ученого совета Кабинета по изучению еврейского языка, литературы и фольклора АН УССР. Был арестован в 1949 году, реабилитирован в 1955 году.

²⁴ ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 91. Протокол допроса от 12 октября 1950 года (начат в 22 ч. 45 мин., окончен в 3 ч. 50 мин.).

²⁵ Там же. Л. 117. Протокол допроса от 23 октября 1950 года (начат в 22 ч. 45 мин., окончен в 4 ч.).

²⁶ Лернер Рувим Яковлевич (1902–1972) — лингвист, фольклорист. В 1936–1941 и 1945–1949 годах — старший научный сотрудник секции языка Кабинета еврейской культуры при ВУАН (Всеукраинская академия наук). В 1942 году

так называемые фольклорные произведения <...>, а затем придавали им националистическое содержание и распространяли среди еврейского населения²⁷.

Киевский писатель Н. Забара²⁸ дал «подтверждение» другим «преступным деяниям»:

После ареста Спивака, Фефера и ряда других еврейских националистов, а также после ликвидации Кабинета еврейской культуры при Академии наук УССР, закрытия еврейского альманаха «Дер штерн» в г. Киеве и еврейской газеты «Эйникайт» в Москве²⁹, Береговский как-то в личном разговоре со мной заявил, что несмотря на все это он убежден, что собранный им фольклор представляет большую ценность для еврейского народа и если он не будет напеча-

вступил в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. После демобилизации вместе с Береговским ездил в экспедицию и работал над темой «Еврейское народное творчество в дни войны». Арестован в марте 1951 года. Освобожден в сентябре 1955 года.

²⁷ Показания Гофштейна цитируются не только в самом деле, но и в постановлении от 8 июня 1953 года, подписанном начальником секретариата Особого совещания при МВД СССР генерал-майором В. Ивановым, а также в заключении по архивно-следственному делу № П-356329 по обвинению Береговского. ЦДАГО Украины. Дело № 36960 ФП. Л. 367, 391. Оба документа содержат отказы в пересмотре дела в ответ на заявления С. И. Береговской.

²⁸ Забара Натан Ильич (1908–1975) — еврейский писатель, автор романа «Колесо вертится». Писал на идише. Прошел войну спецкором газеты «Красная Звезда» (мобилизован в 1941 году). Сотрудничал с Еврейским антифашистским комитетом. Был арестован в ходе кампании по борьбе с космополитами в мае 1950 года. Реабилитирован в июле 1956 года.

²⁹ Забара объединил в одной фразе несколько событий, знаменовавших разгром еврейской культуры. Еврейский антифашистский комитет был распущен 20 ноября 1948 года — в день, когда вышел последний номер учрежденной комитетом газеты «Эйникайт». 25 ноября было подписано постановление Политбюро о закрытии единственного на тот момент еврейского издательства «Дер Эмес». 8 февраля 1949 года та же участь постигла литературные альманахи «Геймланд» и «Дер Штерн» (см.: Хаздан С. Е. «Эйникайт»: газета Еврейского Антифашистского комитета // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 4. С. 158–165; Хаздан С. Е. «Дер Эмес»: газета, типография, издательство // Библиосфера. 2020. № 3. С. 58–64).

тан в Советском Союзе, то когда-нибудь напечатают в Палестине или в других странах мира, т. е. там, где, как он выразился, есть возможность печатать такие работы.

И несколько далее:

Характерно, что Береговский всю свою деятельность главным образом направил на сбор так называемого «фольклора», воспевающего прошлое еврейского народа, и в свое время даже собирался писать монографию о каком-то еврейском канторе из Бердичева³⁰.

«Контрреволюционной организацией», в сотрудничестве с которой обвинялся Береговский, была Культур-Лига³¹. Из материалов следствия мы узнаем, что сотрудничество Моисея Яковлевича с ней началось в 1917 году, и юноша, будучи студентом консерватории, состоял членом бюро музыкальной секции, принимал участие в устройстве концертов, музыкальных вечеров, а также занимался организацией курсов подготовки учителей пения для еврейских школ (или, на языке следственных документов, «снабжал учителей репертуаром националистического характера»). Однако Культур-Лига была официально зарегистрирована лишь в январе 1918 года, а еще три месяца спустя, в апреле, состоялось учредительное собрание, на котором были созданы ее руководящие органы — Центральный комитет и Исполнительное бюро. Этого расхождения в датах не заметил даже сам обвиняемый.

Каким образом Береговский мог сотрудничать с еще не существовавшей организацией? Ответ находим в его рукописной

³⁰ Выписка из протокола допроса арестованного Забара Натана Ильича от 10 августа 1950 года (ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 311–312).

³¹ Культур-Лига — зонтичная организация, объединившая еврейскую творческую интеллигенцию. Учреждена в Киеве в 1918 году. Включала ряд секций (образовательную, издательскую, библиотечную, литературную, художественную, музыкальную, театральную), деятельность которых была направлена на развитие идишской культуры. Формально просуществовала до 1924 года, хотя еще в 1920 году почти все относившиеся к ней учреждения были переданы Наркомпросу.

автобиографии: «В 1916–1920 г. руководил еврейским самодеятельным хором Киевского отделения Общества еврейской народной музыки, выступая впоследствии с этим хором на многих концертах». Учреждение в Киеве отделения знаменитого петербургского-петроградского Общества еврейской народной музыки (подобные отделения появились также в Москве, Харькове, Симферополе) предшествовало возникновению Культур-Лиги, и в дальнейшем зонтичная организация вобрала в себя уже оформившийся коллектив. Официальное объявление о слиянии организаций было напечатано в газете «Зритель» в октябре 1918 года³², однако двенадцатью днями раньше, в конце сентября, в газете «Киевская мысль» был помещен анонс: «“Культур-Лига” в понедельник 30 сентября устраивает концерт еврейской музыки. В программе: народные песни, музыкальные произведения Житомирского, Цейтлина, Крейна и др.»³³ (перечисленные композиторы также были членами Общества еврейской народной музыки).

Береговский не отрицал сотрудничества, но и не видел в нем преступного деяния. «Ведь “Культур-Лига” существовала в советских условиях вполне легально. Государственные органы ей доверяли организацию культурных учреждений на еврейском языке», — пояснял он в жалобе, адресованной Генеральному прокурору СССР в 1956 году.

Как видно из этих примеров, в вину человеку вменялись его заслуги, связанные с научной деятельностью, с сохранением и изучением родной культуры, и лишь «плюс» в их оценке менялся на «минус»³⁴. Подписывать протоколы следователи заставляли угрозами и насилием. Тем не менее, отвечая на вопросы о колле-

³² Зритель. 1918. № 28. 8 октября. С. 10.

³³ Киевская мысль. 1918. № 171. 27 (14) сентября.

³⁴ Более того, в формулировке вопросов следователей мы находим косвенный ответ тем ученым, которые считали, что Береговский не замечал или игнорировал чрезвычайно значимый пласт музыки, связанный с синагогальными службами: в Советском Союзе даже проявление интереса к «клерикальным» течениям воспринимались как преступное действие.

гах и знакомых, Береговский отрицал их участие в антисоветских разговорах и действиях. Показаний против бывших сотрудников Института еврейской пролетарской культуры от него так и не добились.

Перед самым окончанием следственных действий, 25 декабря 1950 года, Береговский подписал согласие на уничтожение части своего архива. В следственном деле содержатся постановление и акт, согласно которым с согласия заключенного была «уничтожена путем сожжения» разная переписка на 180 листах, 10 блокнотов и три тетради (их объем не уточняется)³⁵. Ни имена и адреса авторов писем, ни содержание уничтоженных документов в следственном деле не фигурируют. Скорее всего, дознаватели не нуждались в подтверждении обвинений и не брались за трудоемкий анализ конфискованных материалов, тем более что часть их могла быть на идише. К счастью, значительная часть изъятого при обыске была возвращена жене Береговского. В соответствующем постановлении перечислены 12 фотокарточек, 63 целлулоидных пластинки, 27 книг о фольклоре (на идише), а также 45 папок с рукописями Береговского³⁶. В нарушение процедуры, в ходе следствия не было проведено ни одной очной ставки со свидетелями.

Постановлением Особого совещания³⁷ при МГБ СССР от 7 февраля 1951 года Береговский был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества.

³⁵ ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 332–333. Постановление и акт составлены и подписаны Заместителем начальника отделения Следственной части МГБ УССР майором Куценко и следователем лейтенантом Кузнецовым.

³⁶ ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 334–335.

³⁷ Особое совещание (ОСО) — внесудебный орган по административному рассмотрению уголовных дел по преступлениям, связанным с посягательством на интересы государства. Он появился в 1934 году после ликвидации «судебных троек». В послевоенное время Особому совещанию было предоставлено право рассмотрения дела о преступлениях, доказательства по которым в силу их особого характера не могли быть оглашены в судебном заседании (например, содержащим агентурные данные). Упразднено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года.

Адреса

Местом отбывания наказания был определен Озёрный исправительно-трудовой лагерь (Озерлаг, Особый лагерь № 7, особлаг № 7), расположенный в Иркутской области между Тайшетом и Братском. Его заключенные были заняты на строительстве участка БАМа³⁸ Братск — Тайшет и далее до Усть-Кута, а также на лесозаготовках, деревопереработке, производстве и поставке пиломатериалов, шпал и сборных деревянных домов.

Происхождение названия лагеря объяснялось по-разному:

Трудно сказать, чем руководствовались в ГУЛАГе при выборе названия для седьмого особого лагеря. Быть может, здесь свою роль сыграла относительная близость к Байкалу (500 км) или обилие мелких озер вокруг Тайшета, которому пришлось стать столицей одного из самых крупных особлагов. Как бы там ни было, особому лагерю № 7 досталось наименование «Озерный». Любопытно, что «Озерлаг», как наиболее часто употребляемый вариант названия лагеря в одной из немецких монографий, ссылаясь на воспоминания заключенных, ошибочно представили в виде аббревиатуры «OSOR-Lag», якобы Особый Секретный Рабочий Лагерь³⁹.

Лагерный мир оказывается не только замкнут, но как бы выведен за пределы земных географических координат. Заключенному запрещено писать о месте, где он находится, и так же, как его имя заменяется нашитым на одежду пятизначным номером, его адресом становится безликий номер почтового отделения.

Адрес — первое, что сообщает Береговский о себе, хотя из предельно лаконичного послания можно понять, что какая-то связь была налажена и раньше и Моисей Яковлевич уже получал посылки от родных. В дальнейшем указание нового адреса —

³⁸ БАМ — Байкало-Амурская магистраль, железная дорога, проходящая через Восточную Сибирь и Дальний Восток России. Общая протяженность 4324 км. Большая часть магистрали проложена в зоне вечной мерзлоты. Участок Тайшет — Братск — Усть-Кут был официально «сдан» в 1958 году.

³⁹ *Мионов А.* Особый Озерный // Родина. 2010. № 7. С. 141–145.

одна из регулярно повторяющихся в письмах реалий: сначала станция Невельская, расположенная примерно в пятидесяти километрах от Тайшета, затем — дальше на восток — Новочунка, а потом Сосновые Родники. Лишь однажды изменения связаны не с переездом, а с переименованием подразделения⁴⁰. Повторы показывают: арестант не получает писем и посылок на новый адрес и не уверен, что предыдущая корреспонденция дошла до близких.

Сопоставляя эти данные, мы видим, что смена местопребывания происходила ежегодно. О постоянной (и даже более частой, до пяти-шести раз в год) «перетасовке» заключенных говорится во многих воспоминаниях. Чаще всего она объясняется просто: «чтоб не привыкали». В реальности причины могут быть, хотя бы отчасти, иными. Исправительно-трудовой лагерь (А. И. Солженицын называл их «истребительно-трудовыми») являлся организацией, объединявшей большое число лагерных зон. Озерлаг был самым крупным и весной 1951 года включал в себя 55 лагерных пунктов, из них 47 — с «особым контингентом» (то есть с осужденными по политическим статьям)⁴¹. Лагерные пункты в свою очередь дробились на лагерные участки. Все эти подразделения носили временный характер: они появлялись при возникновении производственной необходимости и могли существовать от двух-трех месяцев до нескольких лет⁴². Перевод заключенного мог быть связан как с изменением его категории работоспособности (пригодности к тем или иным видам работ, болезни и т. п.)⁴³, так и с формированием новых лагерных пунктов.

⁴⁰ См. письмо от 13 декабря 1954 года.

⁴¹ Протокол закрытого собрания первичной партийной организации первого отдела Озерлага от 18 апреля 1951 года. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 79. Л. 38.

⁴² Подробнее см.: Положение об исправительно-трудовых лагерях 1930 года // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. С. 66. (Серия «Россия. XX век. Документы»).

⁴³ Подробнее см.: Селезнев Е. С. Производственная деятельность ИТЛ ГУЛЖДС НКВД/МВД на западном участке БАМа (1937–1953 гг.). Дисс... ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 2009. Гл. 3: «Подневольный труд

В письмах нет никаких описаний. Из характеристик местопребывания — лишь несколько замечаний о погоде: зимних холодах, при которых возможно пересылать скоропортящиеся продукты, а вот лук или яблоки промерзают, и о лете, когда «климат ближе к уфимскому»⁴⁴. В диалоге с внучкой появляется еще одна деталь: «здесь у меня много белок»⁴⁵, — в то время вокруг Тайшета были леса.

«Внешний» мир в письмах представлен очень небольшим количеством мест. Все письма направлялись в Киев, однако Береговский почти не вспоминал города. Лишь поясняя, как отыскать магазин музфонда, он указал сначала «нотный магазин против оперного театра»⁴⁶, а в другом письме уточнил: «ул. Ленина, выше оперного театра (с левой стороны)»⁴⁷. Значительно активнее Моисей Яковлевич упоминал Киев в последние месяцы, пробуя узнать, вернулся ли кто-то из друзей, и особенно повстречав земляка, который затем первым выехал домой.

Второй важный город — Москва. Туда неоднократно ездила Сарра Иосифовна, чтобы подать заявления о пересмотре дела мужа или попытаться ускорить их рассмотрение⁴⁸. В столицу

на строительстве западного участка БАМа». См. также: *Селезнев Е. С.* Лагерь НКВД-МВД СССР на западном БАМе: Тайшет — Бранск — Усть-Кут, 1938–1951. Красноярск: Сибирские промыслы, 2015. Гл. 5: «Трудовое использование подневольного труда на строительстве западного участка БАМ и физическое состояние заключенных». URL: <http://taishetrn.ru/wp-content/uploads/2019/01/%D0%9B%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%8F.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

⁴⁴ Письмо М. А. Береговского без даты, от начала декабря 1951 года. Знаменательно, что он сопоставляет пребывание в лагере со временем эвакуации, также полным трудностей и лишений.

⁴⁵ Письмо М. А. Береговского внучке Элле, без даты, конец 1952 или январь 1953 года. См. также письма от 25 апреля 1952 года и 24 января 1953 года. Обещание прислать нарисованную белочку перерастает в диалог и объяснение, почему нельзя послать по почте живого зверька.

⁴⁶ Письмо М. А. Береговского от 4 июля 1953 года.

⁴⁷ Письмо М. А. Береговского от 4 декабря 1953 года.

⁴⁸ Всего С. И. Береговская подала три заявления: на имя Л. П. Берии (6 мая 1953 года), а затем, не дожидаясь ответа на него, на имя Генерального прокурора СССР (2 марта 1954 года) и на имя председателя Комитета государ-

также отправлены два прошения на имя Генерального прокурора, составленные самим Береговским⁴⁹. Оттуда ожидался ответ (и даже — в последних письмах — возможная весть о реабилитации). Соответственно, фраза «Из Москвы я ничего не получал»⁵⁰, не сопровождаемая никаким контекстом, читается как отсутствие официальной реакции на жалобы.

Кроме того, Москва — место, где можно заказать ноты и каталог издательства «Музгиз» (через друзей или через службу отдела «Ноты — почтой»)⁵¹. Здесь также появлялся адрес: Неглинная улица⁵². Наконец, через Москву Береговский планировал возвращаться домой: он обсуждал прибытие на Казанский вокзал, а оттуда — переезд на Киевский. Там можно повстречаться со знакомой и позвонить близким друзьям. Так по мере приближения часа освобождения в письмах все отчетливее проступают реалии «внешнего» мира.

Есть некое место, куда уехали, окончив учебу, младшая дочь с мужем. В письмах его название не фигурирует: это просто одно из направлений поездок Сарры Иосифовны.

В 1951 году муж младшей дочери Эды, Вадим Соломонович Баевский, окончил Киевский педагогический институт и по распределению уехал работать в Донецкую область, в шахтерский поселок при шахте им. Киселева⁵³ (шахта названа в память о коммунисте Кузьме Ивановиче Киселеве, председателе комитета

ственной безопасности при Совете министров И. А. Серова (16 июля 1954 года). Тексты заявлений сохранились в архивно-следственном деле № 36960 ФП. Во всех трех случаях в пересмотре дела было отказано.

⁴⁹ Тексты обращений М. Я. Береговского из ИТЛ не сохранились. О них известно из его писем, а также из чернового текста жалобы в порядке надзора, где указаны сроки подачи: март 1951 и весна 1954 года (личный архив Елены Баевской).

⁵⁰ См. письмо Береговского от 13 декабря 1954 года.

⁵¹ См. письмо Береговского от 4 июля 1953 года.

⁵² В Москве, во втором этаже дома № 14 по ул. Неглинной, два огромных зала занимал музыкальный магазин знаменитого издательства Петра Ивановича Юргенсона. В советское время в магазине существовал отдел «Ноты — почтой», позволявший заказывать новые издания из других городов.

⁵³ Называя шахту, Елена Баевская произносит фамилию Киселева с ударением на первом слоге (так, как она звучала в ее детские годы).

независимых селян, убитом в 1920 году), находившийся в составе города Чистяково (с 1964 года — город Торез). К мужу после окончания в 1952 году Киевского университета перебралась Эда Моисеевна. Здесь, а затем в ближайшем городе Сталино молодая семья прожила 10 лет.

Позже, весной 1958 года, Береговский сам побывал в Чистяково и в красках описывал его своим друзьям. Это небольшой («В городе одна центральная улица — шоссе, по которому непрерывно взад и вперед шныряют машины — легковые, грузовые и автобусы. Чуть вправо или влево уже “окраина”») и невероятно грязный шахтерский поселок («В галошах невозможно было выходить даже на тротуар, ибо он покрыт слоем липкой грязи, и галоши тотчас же тонут»)⁵⁴. Дом, где жили Эда Моисеевна с мужем и дочерью, отапливался печкой, и Моисей Яковлевич поясняет: «Возни с ней немного — она топится без перерыва и два раза в день нужно засыпать уголь, утром выгрести шлак. Минут 10–15 и вся операция готова»⁵⁵. От лагерных это письмо отличается не только многочисленными подробностями; оно полно жизнерадостного света, любования детьми и внучкой, их распорядком, их умением жить наполненной жизнью. О бытовых трудностях — печке, отсутствии в доме водопровода и туалета — Береговский узнал из писем жены, еще будучи в лагере: «Из твоего письма от 8/IX у меня осталась царапина — будто Эдочка с Вадиком не так хорошо живут»⁵⁶.

Дополняют картину «внешнего» мира Караганда (Карагандинская область) и Красноярский край, упомянутые в письмах 11–19 февраля 1955 года. Это места, куда заключенного могли направить на поселение, лишив его права вернуться в родные места. Но в письмах Береговского они — лишь названия неведомых земель: «Там весна раньше, чем здесь, наступает»⁵⁷ и «говорят, что там ветры очень беспокойные, но люди живут ведь»⁵⁸.

⁵⁴ Письмо Береговского к И. С. Рабиновичу от 3 апреля 1958 года. Личный архив Елены Баевской.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Письмо Береговского от 2 октября 1954 года.

⁵⁷ Письмо Береговского от 13 февраля 1955 года.

⁵⁸ Письмо Береговского от 19 февраля 1955 года.

Письма из заключения

Сохранилось 37 писем и две телеграммы. Некоторые письма занимают по несколько плотно исписанных страниц. Например, в одном конверте были посланы записи, датированные 25-м и 26-м, дополненные постскриптумом от 28 апреля 1952 года⁵⁹. Другие — лаконичны. «Я писал и пространные письма, но ты их, к сожалению, не получила», — оправдывал Моисей Яковлевич краткость своих посланий.

В особлагах (и в ИТЛ Озёрном в частности) письма разрешалось получать только от родственников. Сами заключенные имели право отправлять по два письма в год. За любое нарушение лагерного режима (например, невыполнение дневной нормы работы) человек мог быть лишен переписки на несколько месяцев (отправленную ему корреспонденцию и посылки также могли задерживать). «Внеочередное» письмо являлось одним из видов поощрения. Береговский получал такое разрешение дважды — за достижения в работе с организованным им хором⁶⁰. Лишь с апреля 1954 года, когда после реорганизации Озёрный утратил статус особлага, заключенным позволили писать домой чаще, и Моисей Яковлевич посылал весточки дважды в месяц (из этой корреспонденции первые месяцы до адресата доходило меньше половины). Таким образом, в нашей подборке два письма от 1951-го, четыре — от 1952-го, три от 1953-го, семнадцать от 1954-го и одиннадцать от января — марта 1955 года.

Письма и посылки доставлялись нерегулярно, могли идти больше месяца (даты почтовых штемпелей на одном из конвертов: 03.05.52–21.06.52). В письме от 26 апреля 1952 года Береговский сообщал: «Недавно я получил 50 р. Это, вероятно, те, о которых вы мне писали прошлым летом».

⁵⁹ В нашем случае они оформлены как одно письмо. В то же время отдельно мы считаем странички, адресованные внучке и тоже, по-видимому, вкладываемые в конверт с письмом к жене. Таким образом, небольшое письмо-поздравление с днем рождения (то есть приуроченное к декабрю 1952 года), вероятно, было отправлено вместе с июльским того же года.

⁶⁰ См. письма от 25 апреля 1952 года и 4 декабря 1953 года.

Не дойти корреспонденция могла и по иной причине. Как известно, лагерная переписка подвергалась строгой цензуре. В двух случаях мы видим замаранные строчки. Предположительно часть писем была изъята: в них могли усмотреть запретные к передаче сведения. К таковым относилась, например, информация о характере производства, внутреннем распорядке, о каких-либо происшествиях, болезнях и эпидемиях. Не допускались жалобы на быт и питание, на судебные-следственные органы⁶¹.

Понимая ненадежность связи, Береговский в нескольких письмах подряд повторял свои пожелания о присылке нот, книг или журналов. «Не стесняйтесь повторять более интересные новости в нескольких письмах», — просил он⁶². Из письма от 26 января 1955 года понятно, что родные начали нумеровать свою корреспонденцию: «Позавчера получил, наконец, ваших два письма (№ 6 и 8; 7-го пока нет)», — писал им Моисей Яковлевич. «Пропавшее» послание так и не дошло до адресата, — как видно, и там могли усмотреть нежелательную информацию.

Имена

Поскольку писать можно было только близким, именно их упоминания мы встречаем чаще всего. Береговский обращается к каждому, ласково варьируя их имена. Его жена — *Саронька* (*Саррунька*), старшая дочь Ира⁶³ — *Ирочка*, ее муж — *Изя*⁶⁴. Младшая дочь Эда Моисеевна — *Эдочка*, *Эдонька* или *Эдунька*,

⁶¹ Подробнее см.: Право переписки: связь воли и неволи: о письмах, посылках и свиданиях заключенных советских тюрем и лагерей / авт.-сост.: Е. Жемкова, А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская; Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал»; Архив общества «Мемориал». 2-е изд., доп. М.: Agey Tomesh, 2017. С. 108.

⁶² Письмо Береговского от 20 июня 1954 года.

⁶³ Береговская Ира Моисеевна (1923–1994), в замужестве Левицкая — старшая дочь Береговского, врач патологоанатом.

⁶⁴ Левицкий Израиль Иосифович (1922–1983) — механик.

ее жених, а потом муж — *Вадик*⁶⁵. Внучка, дочь Иры — *Элочка*, *Элунчик*, *Элонька*⁶⁶. Вторая внучка, дочка Эды, родившаяся, пока Береговский был в заключении, — *Леночка*⁶⁷ или *малайка* (то есть младшенькая).

Береговский пишет, уделяя внимание каждому. Он обращается к своим близким напрямую и старается говорить на темы, значимые для каждого из них. Его беспокоит здоровье старшей дочери, с детства страдавшей тяжелым пороком сердца, тревожат вести о болезнях детей (как понятно из писем, от него скрывали, что дочь Ира, имевшая диплом врача, не могла устроиться на работу⁶⁸). Моисей Яковлевич стремится поддержать в младшей дочери желание учиться дальше, работать над диссертацией, обсуждает тему исследования. Трехлетней (а потом и пятилетней) внучке он пишет на отдельных листах крупными буквами и получает ответы (как известно из корреспонденции его жены, девочка «диктовала» свои письма бабушке).

Каждому — иногда задолго до наступления праздника — Береговский шлет поздравления, перечисляя «именинниц» (по советскому обычаю отождествляя день рождения с именинами). А в ноябре 1954 года, обращаясь к Ире, добавляет: «Будем надеяться, что это последний год, когда мы празднуем свой общий день рождения врозь»⁶⁹.

⁶⁵ Баевский Вадим Соломонович (1929–2013) — литературовед, педагог, писатель, переводчик.

⁶⁶ Левицкая Элла Израилевна (род. 4 декабря 1949 г.). Окончила строительный институт. В настоящее время живет в Австралии.

⁶⁷ Баевская Елена Вадимовна (род. 21 апреля 1953 г.) — филолог, переводчик. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

⁶⁸ Ира Моисеевна «работала педиатром в киевской областной больнице, но недолго, до ареста бабушки. Тогда ей еще какое-то недолгое время дали поработать патологоанатомом в больничном морге, а потом уволили — дочь врага народа могла либо покаяться и отречься от отца, либо вылететь с работы с волчьим билетом. Устроиться на работу ей не удалось, а потом дело врачей сделало это совсем невозможным. Иногда ей удавалось просто подменять заболевших или ушедших в отпуск, но все это было эпизодически и, конечно, без оформления» (сообщено Эллой Израилевной Левицкой. Письмо от 17 марта 2021 года).

⁶⁹ Письмо Береговского от 24 ноября 1954 года.

Об общем с дочерью празднике Моисей Яковлевич говорит также в другом письме, несколько лет спустя, в декабре 1957 года:

Как прошли наши с Ирой именины? Я себя в этот день неловко чувствую. Тому причиной целый ряд мотивов, из которых главный — это чувство неловкости, когда сосредотачивают внимание на моей персоне. В моем детстве и в среде, в которой я рос, этому (т. е. празднованию дня рождения) не придавали никакого значения и я, вероятно, впитал в себя равнодушное отношение к этому событию. <...> Следует к тому же помнить, что это условное понятие, так как на самом деле я день своего рождения не установил, — для этого я должен был бы раздобыть еврейский календарь за соответствующий год и установить дату, в которой приходится третий день праздника Маккавеев (Хануко⁷⁰). Я давно решил оставить это своему будущему биографу, самому не стоит заниматься такого рода изысканиями⁷¹.

Ира Моисеевна родилась 16 декабря 1923 года, а вот сведения о дате рождения Береговского в разных источниках расходятся. В автобиографии он указал 15 декабря 1892 года⁷². Подлинника свидетельства о его рождении не сохранилось. Все основные документы были оформлены заново в 1950-е годы, после возвращения из заключения. Во вновь полученном свидетельстве о рождении (от 30 октября 1956 года) стоит 23 января 1892 года. Ту же дату мы видим в справке из ЗАГСа, датированной 1950 годом и подшитой к следственному делу⁷³. Ханука не могла сдви-

⁷⁰ Моисей Яковлевич написал название праздника в ашкеназском произношении. Вычислить нужную дату непросто: в солнечно-лунном еврейском календаре праздники постоянно сдвигаются относительно дат григорианского летоисчисления. В девятнадцатилетнем цикле бывает семь високосных лет, а продолжительность года может варьироваться от 353 до 385 дней. Празднование Хануки приходится на декабрь.

⁷¹ Письмо Береговского к дочери Эде от 24 декабря 1957 года. Личный архив Елены Баевской.

⁷² Кабинет рукописей РИИИ. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 27; документ опубликован в переводе на иврит с фрагментом факсимиле: *Braun, Joachim*. Moshe Beregovski: Otobiografiya // Tatzlil. [Jerusalem]. 1979. No. 19/10. P. 159–161.

⁷³ ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 319.

нуться на январь; возможно, ошибка вкралась при переносе данных из дореволюционных метрических книг.

В Советском Союзе не было возможности сверить даты по еврейско-христианскому календарю. В начале 1990-х Эда Моисеевна обратилась в синагогу, где ей назвали 28 декабря. Однако эта дата неверна: она соответствует 27 Кислева (то есть третьему дню Хануки) 5652 года, начало которого приходилось на осень и зиму 1891 года согласно григорианскому летоисчислению, тогда как в декабре 1892-го первая ханукальная свеча зажигалась вечером тринадцатого декабря. Соответственно, третий день праздника начинался вечером 15-го и продолжался 16-го числа. Таким образом, верными могут считаться и дата в автобиографии, и совпадение дней рождения отца и дочери.

Но вернемся от «именинников» к именам.

Еще одна родственница — *Софочка* — Софья Львовна Погребинская, племянница Береговского, дочь его старшей сестры Полины Яковлевны. Обсуждая ее возможный приезд к родне (девушка еще не слышала об аресте дяди), Моисей Яковлевич советует: «Можно ей сообщить в общей форме, что, мол, дяди не будет в Киеве»⁷⁴.

Другие люди, в отличие от круга родных, называются с осторожностью. Лишь один раз в письме мы видим фамилию: Лернер⁷⁵, — Береговский узнал об освобождении из заключения поэта Йосла (Иосифа) Лернера (1903–1994), и поинтересовался, вернулся ли тот в Киев. В остальных случаях он лишь называет имена, а иногда сокращает и их. Например, в письме от 7 января 1955 года он упоминает бывшего коллегу, Р. Я. Лернера: «Посылка *Рувима*, <высланная ему> в сентябре прошлого года, до сих пор где-то его разыскивает».

«*Ис. Сол.*», к которому просит обратиться Береговский, если трудно достать нужные ноты⁷⁶, — это его ближайший друг, пианист и педагог Исаак Соломонович Рабинович.

⁷⁴ Письмо Береговского от 25 апреля 1952 года.

⁷⁵ Письмо Береговского от 20 июня 1954 года. О Лернере см. примеч. 26.

⁷⁶ См. письмо Береговского от 4 июля 1953 года.

«Привету от *Мот. Ион.* очень рад. Когда вернется домой, расцелуйте его за меня»⁷⁷. Нам не удалось установить, о ком идет речь, но понятно, что еще кто-то из знакомых вышел из заключения.

«Как здоровье *Ефима?*» — спрашивал Береговский у родных в письме от 19 октября 1954 года, и через две недели: «Мы радовались *выздоровлению Еф.* и приезду его домой»⁷⁸. Здесь — уже с оглядкой — он интересовался другим своим коллегой, Ефимом Борисовичем Лойцкером. «Выздоровлением» названо освобождение.

В том же письме Моисей Яковлевич спрашивал: «Кто-то передавал, что *дядя Эля* умер. Правда ли это?» Цензор, просматривавший письма, должен был подумать, что заключенный интересуется одним из своих родственников. Не получив ответа, Береговский задал вопрос еще раз: «До нас дошли слухи, что *дядя Эля* умер. Правда ли это?»⁷⁹ Слухи были верны: Эли Гершевича (Илью Григорьевича) Спивака зверски запытали во время следствия.

Только по имени — Люба — названа близкая знакомая, а возможно, родственница, у которой несколько раз останавливалась в Москве Сарра Моисеевна. Из одного из писем жены Береговского понятно, что Люба жила далеко от центра Москвы. Моисей Яковлевич собирался встретиться с ней на вокзале при пересадке на поезд до Киева.

В письмах 1955 года Береговский чаще называл не имена друзей и знакомых, а их отчества. Так, планируя пересадку на киевский поезд в Москве, он спрашивал, можно ли будет позвонить *Соломоновичу* и *Меносевне* — то есть ближайшим московским друзьям, Исааку Соломоновичу Рабиновичу и Берте Михайловне Гейбер⁸⁰

⁷⁷ Письмо Береговского от 6 сентября 1954 года.

⁷⁸ Письмо Береговского от 2 ноября 1954 года.

⁷⁹ Письмо Береговского от 19 декабря, 1954 года.

⁸⁰ Гейбер Берта Михайловна (Бася Меносевна) — давний друг семьи Береговских, соратница по Культур-Лиге, руководительница детского дома, где работали Береговский и Сарра Иосифовна, много и плодотворно помогавшая

(как известно, «экзотические» имена или отчества в Советском Союзе нередко заменялись близко звучащими «общепринятыми»). А еще он писал о встрече с земляком *Кивовичем*, упоминая его жену Соню и даже представляя бытовую сцену: «Недалек тот час, когда их квартира вновь огласится былыми “кличами”: “Соня, подай ложку!”» Речь идет о весьма тесном знакомстве двух семей.

Сопоставляя письма Береговского с теми, которые его жена писала дочери, мы видим сходную систему утаивания имен, когда понять, о чем идет речь, может лишь «свой».

«Как Маина дочка? — спрашивал Моисей Яковлевич. — Хороша ли? *Где теперь дедушка их?*»⁸¹ Первые два вопроса подводят к третьему, по-видимому, основному в этой череде. «Дедушка» (вероятно, кто-то из бывших сотрудников Украинской академии наук, а может быть, просто из киевских знакомых) не называется, но однозначно опознается людьми из ближнего круга по имени дочери.

А вот два фрагмента из писем Сарры Иосифовны к дочери Эде:

Вчера мне рассказывала жена Моисея, что муж ее в больнице. Прележит там месяц для установления диагноза. Если он перейдет на инвалидность, то ему придется вернуться домой. Но вряд ли его отпустят с работы раньше весны, а может, и лета. Интересно, что в больнице он встретился с *отцом Оси*. Представляешь себе эту встречу⁸².

Я писала тебе, что *Ирин папа* встретился с *Аврумом* в больнице. *Аврум* уже выздоровел и 1-го выехал домой. Возможно, что я с ним повидаюсь. А *Сарисман* вздумал переехать в другое место, надеясь, что климат его скорее вылечит.

им и в последние годы жизни. В конце 1940-х годов Гейбер работала заведующей учебной частью 349-й московской школы (сведения по: *Протопова А.* Одиннадцатый класс // Московский комсомолец. 1947. № 59 (756). Суббота, 17 мая. С. 3).

⁸¹ Письмо Береговского без даты, июль 1952 года.

⁸² Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Москвы от 26 января 1955 года. Личный архив Елены Баевской.

Снимет себе комнату и будет жить один. Так мне рассказывали его родные. Они очень огорчены и настаивают, чтобы он вернулся домой⁸³.

«Жена Моисея» — это сама Сарра Иосифовна. Письмо сообщает о встрече Береговского с тем, кого он в письме именует *Кивович*. Она же, в свою очередь, говорит о нем как об «отце Оси» (Иосифа? — по-видимому, ровесника дочери, хорошо ей знакомого). Во втором письме она называет мужа «Ирин папа» (по своей старшей дочери). Здесь появляется имя знакомого: Аврум. Полностью сочетание его имени и отчества (и имени сына) мы находим в записке, посланной Саррой Иосифовной дочери также из Москвы: «Завтра утром приезжает Авр. Кивович. С ним обо многом сумею посоветоваться, поэтому жду его с нетерпением. <...> Сегодня приезжает Ося встречать отца»⁸⁴.

Собрав многочисленные детали этой головоломки, мы установили, что земляка Береговского звали Абрам Кивович Козодой⁸⁵. Моисей Яковлевич познакомился с ним в 1926–1927 годах. Они были близкими друзьями, дружили семьями, несколько раз выезжали вместе на дачу. Козодой с женой Софьей Исаевной жил в доме 15 по улице Саксаганского, недалеко от детской музыкальной школы № 3, в которую Береговский устроился после закрытия института и увольнения из консерватории, так что Моисей Яковлевич часто заходил к нему в перерыве между занятиями⁸⁶.

В процитированных фрагментах упоминаются больница и лечение. В этом случае больница была реальной. В нее в январе

⁸³ Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Москвы от 3 февраля 1955 года. Личный архив Елены Баевской.

⁸⁴ Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Москвы. Без даты. Начало марта 1955 года. Личный архив Елены Баевской. Приблизительно установить дату письма — начало марта — мы можем, сопоставляя сведения об отъезде знакомого из письма Береговского от 27 февраля 1955 года.

⁸⁵ Козодой Абрам Кивович (1893–?) работал преподавателем механического техникума и инженером Киевского трамвайного треста.

⁸⁶ ЦДАГО України. Дело № 36960 ФП. Л. 165–168. Протокол допроса от 12 декабря 1950 года.

1955 года положили партию заключенных для обследования и «активирования» — определения их статуса. Люди, негодные к работам по состоянию здоровья, подлежали освобождению. Одновременно «выздороветь» — означает во многих письмах «выйти из заключения». Сообщая о загадочном *Сарисмане*, который «вздумал переехать» (то есть высланном на поселение), Сарра Иосифовна использует тот же язык, что и ее муж⁸⁷.

Подобным же образом шифруется информация о подаче прошений о пересмотре дела: «От папы письма получаю 2–3 раза в месяц. Он собирается написать *брату в Москву* [то есть Генеральному прокурору. — Е. Х.], чему я очень рада»⁸⁸.

А вот как Сарра Иосифовна извещает дочь о новых попытках попасть на прием в Генеральную прокуратуру: «Жду 8-го, чтобы побывать у того врача, у которого я бываю обычно. Если же выяснится, что это необходимо, то побываю и у его профессора. Сам-то профессор, к сожалению, уже месяц болен. Пойду, верно, к его заместителю»⁸⁹.

По-видимому, весь январь 1955 года приема у Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко не было.

В апреле, вернувшись с мужем в Киев (где Моисею Яковлевичу проживать воспрещалось), Сарра Иосифовна излагала примерный план действий:

Пока еще М<оисей> никуда не ходил. *Долечиваться* придется пока здесь, а потом опять придется поехать в Москву. А<брам> Кив<ович> пока в Киеве⁹⁰.

⁸⁷ В переписке ни С. И. Береговская, ни ее муж давно уже не называют фамилий. К тому же людей с такой неординарной фамилией найти не удастся. Предлагаем одно из возможных решений этой загадки. «Сар» на иврите — князь. Тогда речь может идти о П. М. Князівском (Князівський) (1887–?), историке, научном сотруднике Института истории Украины (см.: *Історія Національної академії наук України (1941–1945): Частина 2. Додатки / Редкол.: О. С. Онищенко (відп. ред.) та ін. Київ, 2007. С. 256*).

⁸⁸ Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Киева от 16 декабря [1954?].

⁸⁹ Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Москвы от 3 февраля 1955 года.

⁹⁰ Письмо С. И. Береговской к дочери Эде от 10 апреля 1955 года. Козодою, как и Береговскому, по выходе из заключения запрещалось жить в крупных городах.

В июле, когда Береговский, вернувшись, хлопотал о восстановлении в Союзе композиторов, чтобы иметь возможность проживать в Доме творчества в Ворзеле, под Киевом, Сарра Иосифовна делилась с дочкой последними новостями: «Папа завтра едет в Ворзель. Как будто это уж должна быть окончательная поездка. А числа 22-го поедет в Москву. Я его записала к врачу»⁹¹ (то есть на прием к Генеральному прокурору).

Несколько позже в переписке «больничная» тема была заменена и Береговский стал ездить «к Главному редактору».

Работа (пища духовная)

Из дневниковых записей В. С. Баевского, сделанных по следам разговоров с Моисеем Яковлевичем, известно, что сначала Береговский работал на лесоповале, вручную перетаскивал бревна⁹². Каторжники просыпались в пять утра, а возвращались с работы в шесть вечера. Десятичасовые смены были сокращены в 1953 году. Как становится очевидно из письма, отосланного летом 1952 года, в котором вместо обычного перечня продуктов Береговский просил прислать набор разных лекарств, он тяжело заболел и, вероятно, был переведен на другие работы. Позже он пояснял, что в случае сердечных приступов «дают какое-то лекарство» и ему «нужно полежать, пока сердце приходит в норму»⁹³. В дальнейшем выясняется, что речь не о кратковременном перерыве: «В случае припадка я полежу день-два и прихожу в себя»⁹⁴. Тем не менее болезнь не освобождала от высоких нагрузок. «В большие морозы (больше 30°) я мало гуляю. Таких дней

⁹¹ Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Киева от 15 июня 1955 года. Личный архив Елены Баевской.

⁹² Два эпизода приводятся в: *Береговская Э. М. Еще раз о судьбе Береговского // Береговский М. Я. Еврейские народные музыкальные представления. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 23.*

⁹³ Письмо Береговского без даты, январь или февраль 1954 года.

⁹⁴ Письмо Береговского от 10 августа 1954 года.

не так уж много. Чаще всего здесь 12–29 градусов, и я гуляю много», — писал он зимой 1954 года⁹⁵.

Сообщать что-либо о своей работе заключенный не имел права. Впрочем, Береговский и не называет так подённый изнурительный труд. Слово «работа» у него относится в первую очередь к занятиям близких, как профессиональным, так и творческим, о которых он расспрашивал с настойчивым интересом, стараясь давать советы⁹⁶.

Применительно к себе Моисей Яковлевич чаще всего пишет о *работе с хором*, причем она составляет предмет гордости⁹⁷. Именно за эту деятельность Береговский дважды получал поощрение — разрешение на внеочередное письмо. Нам неизвестно, была ли это сформированная культбригада, куда собирали попавших в лагерь профессионалов, или руководство самодеятельными коллективами (члены «профессионального» коллектива не освобождались от тяжелых лагерных работ, но все-таки получали некоторые послабления).

Возможно, сперва Моисей Яковлевич попал в более комфортные с этой точки зрения условия. Дальнейшие же «места работы» были самодеятельными: с каждым переездом, в очередном лагерьном пункте, ему приходилось начинать все сначала. По-видимому, от места к месту менялся социальный состав заключенных. Поначалу среда была достаточно творческой: только что собранный коллектив смог интенсивно выступать. «Мне приятно сообщить вам, что хор сделал большие успехи. До сих пор мы дали 26 концертов (6 программ). У нас готова новая программа, с которой выступим в майские дни»⁹⁸, — делился новостями с близкими Моисей Яковлевич.

⁹⁵ Письмо Береговского от 19 декабря 1954 года.

⁹⁶ Исключением выглядит *работа* Иркутского областного суда (в письме 26 января 1955 года).

⁹⁷ См. письма Береговского: без даты, декабрь 1951 года; от 24 января 1953 года; от 4 июля 1953 года; от 4 декабря 1953 года; без даты, январь или февраль 1954 г.

⁹⁸ Письмо Береговского от 25 апреля 1952 года.

«У него в хоре пели первая скрипка оркестра Большого театра, литовские музыканты», — записал в дневнике В. С. Баевский⁹⁹. Воодушевленный успехом, Береговский попросил родных прислать ему одежду для выступлений: «галстук и одну верхнюю рубашу (цветную)»¹⁰⁰, а также летние брюки. По-видимому, для тех же целей ему были нужны «гуталин и 2 пары черных шнурков»¹⁰¹. (Ношение гражданской одежды на зоне было запрещено¹⁰², и само разрешение — пусть ненадолго — переодеваться в гражданское платье тоже было поощрением и свидетельствовало о статусе коллектива.)

В том же письме есть еще необычная просьба: прислать пять струн «ми» для скрипки. Возможно ли, чтобы в лагере были в наличии пять столь хрупких и требовательных к уходу инструментов — и что у всех недоставало лишь верхних струн? В то же время играть одноголосную мелодию скрипач способен и на одной струне. Тогда речь идет об изготовлении монохордов (при этом могли использоваться как подсобные материалы, так и корпуса фабричных инструментов). В этом случае просьба о струнах выступает еще одним подтверждением планов создания культбригады. Береговский просит не жильные, а стальные струны: они долговечнее, лучше держат настройку, звучат ярче. Менее вероятным (в контексте письма — рядом с просьбой о галстуке, шнурках, гуталине) является вариант, при котором струны требовались для каких-либо бытовых нужд (например, как замена ножей).

По-видимому, формирование культбригады не было доведено до конца. Во всех дальнейших письмах Береговский настойчиво просил не присылать ему носильных вещей, мотивируя тем, что у него все есть. Очевидно, ему больше не приходилось переоде-

⁹⁹ Запись процитирована в: *Береговская Э. М.* Еще раз о судьбе Береговского. С. 23.

¹⁰⁰ Письмо Береговского без даты, декабрь 1951 года.

¹⁰¹ Письмо Береговского от 25 апреля 1952 года.

¹⁰² См. Инструкцию о режиме содержания заключенных в особых лагерях МВД СССР (1950 г.). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/gulag-glavnoe-upravlenie-lagerej-1918-1960/4 (дата обращения: 17.09.2021).

ваться в «концертную» одежду. Однако почти каждый раз в письме содержалась просьба, связанная с *работой*. Ему были нужны камертон, нотные тетради, карандаш, резинка, а главное — ноты.

Безусловно, Береговский, опытный фольклорист, знал наизусть немалое количество песен и мог разучивать их с самодеятельным хором. Но уровень первого собранного им коллектива позволял обращаться и к классике. Он просил дочку разыскать и переписать ему три хора¹⁰³. Выбор сочинений показателен. Два первых хора передают настроения, созвучные переживаниям заключенных.

«Хор поселян» из четвертого действия оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» начинается словами «Ох, не буйный ветер завывал, Горе навевал <...> Что не черен ворон налетал. Беду накликать»¹⁰⁴. Это достаточно сложная партитура (для смешанного состава), для исполнения которой нужен опыт. Береговский был уверен, что собранному им хору она по силам, что свидетельствовало о наличии в составе музыкантов хорошего уровня.

«Ноченька» — хор из последней картины первого действия оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». Небольшой сумрачный по колориту мужской хор начинается и заканчивается словами «Ноченька темная, скоро пройдет она, завтра же с зоренькой в путь нам опять». Ее поют вынужденные заночевать спутники князя Синодала, не знающие, что завтра их караван будет разграблен, а многие из них убиты.

В противоположность двум первым сочинениям, «Серенада 4-х кавалеров одной даме» А. П. Бородина для мужского вокального квартета без сопровождения¹⁰⁵ — шуточное сочинение,

¹⁰³ Письмо Береговского без даты, декабрь 1951 года. См. также письма от 24 января 1953 года, 4 декабря 1953 года.

¹⁰⁴ В опере, где хор следует за «Плачем Ярославны», происходит как бы смена планов, объединенных общей эмоцией: горе тоскующей по Игорю княгини (крупный план) — бедствие народа (общий план).

¹⁰⁵ «Serenade de quatre galants à une dame» (музыка [и текст] А. П. Бородина, 1868–1872) была посвящена Н. Н. Пургольд (впоследствии ставшей женой Н. А. Римского-Корсакова) и исполнялась А. П. Бородиным, М. П. Мусоргским, Н. А. Римским-Корсаковым и В. В. Стасовым. Издана: Лейпциг: М. П. Беляев, 1889.

бисовка, юмористический эффект которой мог быть усилен хоровым исполнением:

...Любовью сторая, мы все вчетвером
Так долго, ах, долго стоим под окном.
Стоим мы, стоим мы, стоим и поем.
Скорей отворите... не то — мы уйдем...
Пустите, пустите, пустите вы нас:
Все четверо, четверо любим мы вас.

«Серенада...» написана для голосов без сопровождения, но во вступлении и между куплетами певцы имитируют гитарный аккомпанемент. Береговский, не совсем уверенный в авторстве Бородина, пояснял, как найти это сочинение: «начинается она так: “Дрень-дрени-дрени, дрень-дрень-дрень”»¹⁰⁶.

Ноты купить не удалось, а Моисей Яковлевич настойчиво повторял, что нуждается в них, и Эда Моисеевна переписала эти сочинения для отца. Девушка окончила первый курс музыкального училища, где училась параллельно с университетом (после ареста отца училище пришлось бросить), однако исполнение просьбы являлось своего рода подвижничеством. Для выполнения этой кропотливой работы недостаточно владения нотной грамотой: переписка партитуры в чем-то приближается к искусству чертежника, поскольку ее элементы (ноты, паузы, тактовые черты, а также многочисленные штрихи и вербальный текст), расположенные на разных нотных строчках, должны быть строго согласованы между собой по горизонтали и вертикали. Несмотря на небольшие объемы названных произведений, копирование каждого из них могло занять от нескольких часов до нескольких дней.

Кроме этих трех хоров Моисей Яковлевич просил присылать сборники народных и советских песен. Береговскому не всегда удавалось адекватно оценить возможности очередного коллектива. Так, поначалу очень понравившаяся ему хрестоматия¹⁰⁷

¹⁰⁶ Письмо Береговского от 4 декабря 1953 года.

¹⁰⁷ См. письмо Береговского от 24 января 1953 года. Это могло быть одно из недавно вышедших изданий: Хрестоматия по хоровой литературе / сост. С. Попов. М.: Музыка, 1951. Вып. II (Оперные хоры), или Вып. III (Хоровые произведения русских композиторов).

впоследствии оказалась сложной: «Из Хрестоматии, которую вы мне прислали, я мог использовать только лишь 2–3 песни»¹⁰⁸. Его интересовали уже готовые обработки, но он и сам был настроен аранжировать сочинения или расписывать их для мужского хора (вместо смешанного). По-видимому, вскоре Береговский понял, что его прежнего опыта недостаточно¹⁰⁹. Ему понадобился учебник по гармонии, называвшийся в профессиональной среде «бригадным»¹¹⁰, или же — вместо него — «Практический учебник гармонии» Н. А. Римского-Корсакова¹¹¹. Возможно, тогда же Береговский принял решение восполнить и другие пробелы в своем образовании и просил родных выслать книги по истории русской и зарубежной музыки. Одновременно Моисей Яковлевич старался ограничивать вес посылок, не заставляя близких отправлять ноты, которые могут оказаться невостребованными: при каждой перемене адреса ему приходилось перетаскивать весь свой скарб. Тяжелые издания (требовавшиеся ему книги весьма объемны) и ноты становились бременем.

По меняющимся запросам мы видим, как постепенно отходила на второй план исполнительская (хоровая) работа и приоритетной становилась научная деятельность. Береговский заинте-

¹⁰⁸ Письмо Береговского от 4 июля 1953 года.

¹⁰⁹ В свое время он так и не окончил консерваторского курса. См.: Хаздан Е. В. Моисей Береговский. Годы ученичества: новые материалы к биографии ученого // История и нематериальная культура евреев России и мира: материалы Международной научной конференции / Отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева, М. О. Мельцин. СПб.: [Петербургский институт иудаики], 2022. С. 155–170. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 17).

¹¹⁰ Дубовский И., Евсеев С., Способин И., Соколов В. Учебник гармонии. М.: Музгиз, 1937 (ч. 1); 1938 (ч. 2). Название «бригадный» отсылало к широко внедрявшемуся в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов «бригадному методу», предполагавшему выполнение поставленных задач специально сформированной группой. Учебник был подготовлен на материале «Практического курса гармонии» (М.: Музгиз, 1934, 1935), переработанного для исполнительских факультетов консерваторий. Он продолжает использоваться в консерваторском обучении (последнее переиздание: М., 2012). Впервые Береговский упоминает книгу в письме от 24 января 1953 года.

¹¹¹ См. письмо Береговского от 4 декабря 1953 года. Этот учебник был составлен композитором в 1885 году (переработан в 1886-м); он стал первым в России пособием по гармонии.

ресовался новинками — только что вышедшей книгой «Вопросы музыкознания» (1954), положившей начало серии научных изданий, а также журналом «Советская музыка», публиковавшим как работы в области истории и теории музыки, так и рецензии на крупные музыкальные события в стране: новые оперные постановки, фестивали, концерты. Возможно, изменение интересов произошло в ходе изучения каталога Музгиза¹¹². Заказав его для того, чтобы узнавать о новых изданиях и точнее объяснять близким, какие ноты могут быть полезны, Береговский благодаря ему увидел и другое поле возможностей для творческой работы.

Решение отказаться от хоровых выступлений, по-видимому, было вынужденным: при очередной переброске в новый лагерьный пункт (летом 1954 года) Береговский оказался в чуждой ему среде. Уже в который раз он попробовал «начать все сначала», но коллектив оказался слабым, так что Береговский постарался поскорее избавиться от него¹¹³. «Хор здесь настолько слаб, что приходилось идти на такие компромиссы, которые доставляли мне огорчения и раздражение и очень мало радости, — писал Моисей Яковлевич спустя еще месяц. — Зачем же мне возиться с таким хором, тем более что среда художественной самодеятельности здесь для меня мало интересная»¹¹⁴.

«Компромиссами» Береговский мог назвать уступки в выборе репертуара, когда по требованиям участников хора и слушателей вместо классики и народных песен начинал звучать «тюремный шансон». Тогда же Сарра Иосифовна стала замечать, что от писем мужа «веет обреченностью»¹¹⁵. Через некоторое время, однако, Моисей Яковлевич нашел для себя другой вид «общественно-культурной нагрузки»: чтение лекций¹¹⁶.

¹¹² См. письмо Береговского от 4 июля 1953 года.

¹¹³ См. письмо Береговского от 2 октября 1954 года.

¹¹⁴ Письмо Береговского от 18 ноября 1954 года.

¹¹⁵ Береговский старался возражать жене, см. письма от 24 сентября 1954 года и 2 октября 1954 года.

¹¹⁶ См. письмо Береговского от 19 декабря 1954 года.

Пища земная

Перечень продуктов, которые хотел бы получить заключенный, — вероятно, наиболее типичное содержание лагерных писем. Суточные нормы продуктов определялись Приказом МВД СССР¹¹⁷. Ежедневное «меню» для основного контингента состояло из четырнадцати пунктов (нормы указаны в граммах):

Хлеб — 700
Мука пшеничная 85 процентов помола — 10
Крупа разная — 110
Макаронны и вермишель — 10
Мясо — 20
Рыба — 60
Жиры — 13
Картофель и овощи — 650
Сахар — 17
Соль — 20
Чай суррогатный — 2
Томат-пюре — 10
Перец — 0,1
Лавровый лист — 0,1
(Примечание: картофель и овощи, томат-пюре, перец и лавровый лист выдаются при наличии ресурсов).

Для тех, кто не выполнил норму дневной выработки, для больных или помещенных в штрафной изолятор размеры продовольственного пайка уменьшались. Продукты — главное, что требовалось заключенным.

Чаще всего в письмах повторяется просьба о сахаре и «жирах» (то есть сливочном или топленом масле): «...вы должны остановиться на том минимуме, который мне действительно необходим.

¹¹⁷ Приказ МВД СССР № 0281 «С объявлением норм продовольственного снабжения заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД». 6 мая 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 275. Л. 100–109об. Типографский экземпляр. С. 426–436. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/50128-prikaz-mvd-sssr-0281-s-obyavleniem-norm-prodovolstvennogo-snabzheniya-zaklyuchennyh-v-ispravitelno-trudovyh-lageryah-i-koloniayah-mvd-6-maya-1948-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 15.09.2022).

Это — килограмм жиру и килограмм сахара»¹¹⁸. Лишь летом 1952 года Береговский отказывался даже от этого минимума: «Врач считает, что и масло и сахар мне не надобно»¹¹⁹. Ссылка на «советы одного врача», перечень лекарств, в числе которых антибиотики и препараты для повышения уровня гемоглобина, показывают, что Моисей Яковлевич серьезно болел. Он сильно ослаб: «...мне добавочного питания не нужно — я с трудом съедаю полагающийся мне рацион».

Кроме «необходимого минимума» в письмах появляется еще ряд продуктов. Поначалу это «концентраты» — род сухих консервов¹²⁰. Береговский уточнял, какого рода концентраты он хотел бы получить. В красочном каталоге названные им лапшевник и гречневая каша помещены в разделе «Концентраты обеденных блюд. Вторые блюда»¹²¹. В перечне каш гречневая занимает почетное первое место.

¹¹⁸ Письмо Береговского от 25 апреля 1952 года. См. также письма от 24 января 1953 года, 4 декабря 1953 года, 21 апреля 1954 года, 24 сентября 1954 года.

¹¹⁹ Письмо Береговского без даты, июль 1952 года.

¹²⁰ В СССР разработка ассортимента пищевых концентратов велась с двумя целями: чтобы облегчить приготовление еды женщинам, занятым в производстве, а также обеспечить питание участникам дальних экспедиций — полярникам, зимовщикам, летчикам, геологам (см.: Пищевые концентраты // Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1952. С. 101). Концентраты выпускались в виде спрессованных брикетов. Их достоинствами были небольшой вес, длительные сроки хранения, быстрота приготовления и почти полное отсутствие отходов (но, увы, не вкусовые качества). Чтобы приготовить еду, требовалось размять содержимое брикета, залить водой и варить, помешивая. Весь процесс занимал от десяти минут до получаса.

¹²¹ См.: Пищевые концентраты: Каталог / Министерство торговли СССР; Главбакалея. [М.:] Художественно-оформительский комбинат Продоформление, 1958. На страницах каталога описан процесс производства: «...крупя, помимо сухой очистки на специальных машинах-сепараторах, подвергается тщательной мойке в моечных машинах, варке до полной готовности с остальными компонентами — жиром, солью, сахаром, молоком, обезвоженным мясом (в зависимости от рецептуры). Полученная смесь прессуется и завертывается на автоматах в два слоя бумаги. Преобладающие виды расфасовки — брикеты весом 100 и 200 г. <...> Выход готового блюда из одной порции концентрата весом 100 г — 275–300 г», а для лапшевника — 230–285 г.

Кроме того, в письмах упоминаются сгущенное молоко, какао с молоком, кофе с молоком, плавленые сырки. Посылались разные виды круп, мясо (домашняя тушенка или приготовленный и замороженный кусок), лук и чеснок, яблоки и черная смородина (видимо, варенье), горчица и перец, домашнее печенье, мед и конфеты (монпансье, карамель «Театральная» и даже шоколад).

В начальный период пребывания в лагере Береговский разнообразил меню, покупая сухофрукты, конфеты и консервы¹²². После перевода в другой лагерный пункт он не упоминал о покупке продуктов и даже писал: «Денег не посылайте ни в посылках, ни почтой — мне они не нужны»¹²³. (Следующая строка в письме содержала что-то запретное: она вымарана цензурой.) Вновь упоминание о лагерном ларьке и возможности купить (на этот раз сахар) появляется осенью 1954 года, в том же письме есть и просьба о деньгах¹²⁴.

На этом фоне резко выделяются просьбы выслать ветчину, красную икру, балык, сыр бакштейн. Эти продукты явно не входили в «необходимый минимум», и Береговский прекрасно понимал как стесненное материальное положение его близких, так и трудности в добывании этих деликатесов. С чем же связаны подобные гастрономические «капризы»? Одну из подсказок мы находим в письме 1952 года: «Хочу вас обрадовать тем, что с мая прошлого года я бросил курить. <...> Хотя я и не собираюсь вновь начать курить, все же прошу в каждой посылке вложить 2–3 пачки махорки (никаких папирос!)»¹²⁵. То, что не входило в «необходимый минимум», также требовалось для физического выживания: для обмена, для расплаты с теми, кто проверял почтовые отправления, для обеспечения хоть сколь-нибудь сносного обращения с собой.

Вторая подсказка — в одном из последних лагерных писем. В нем Береговский сперва сообщает: «Вчера, наконец, получил посылку. Все дошло в отличном виде. Ничего не испортилось и не

¹²² См. письмо Береговского от 25–26 апреля 1952 года.

¹²³ Письмо Береговского от 24 января 1953 года.

¹²⁴ См. письмо Береговского от 19 октября 1954 года.

¹²⁵ Письмо Береговского без даты, июль 1952 года.

разбилось»¹²⁶. Тем не менее через несколько строк мы читаем: «Не нужно было посылать рис. Но поскольку это всего 400 граммов (мешочек разорвался и пришлось его собирать из ящика), то не стоит и говорить об этом». Итак, в посылке были хрупкие предметы (баночки с горчицей), которые остались неповрежденными, при этом порвался мешочек (то есть не бумажный пакет!) с крупой. Как можно это объяснить?

Понять помогают письма других заключенных, свидетельствующие, что человек, получавший посылку, должен был сразу уделить что-то лагерной обслуге. Приведем здесь фрагмент воспоминаний Е. М. Львова:

Получая посылку из рук надзирателя, надо немедленно проявить широту натуры. Горсть конфет, пачку папирос, пачку печенья и др. надо тут же положить на середину стола — угощение выдающему, присутствующим надзирателям и отсутствующим придуркам. Не сделаешь этого, с тобой поступят «по закону»: все вскрыют, распечатают и одно за другим будут высыпать в наволочку (ящики не выдаются). В результате в посылке окажется смесь из сахара, круп, чая, табака и т. д.¹²⁷

Видимо, понимая, что совсем скоро он покинет лагерь, Береговский перестал платить унижительную дань.

Чаще всего отбирали и деньги, вложенные в посылки. Еще меньше шансов было сохранить присылаемую одежду. «Невозможно иметь здесь что-нибудь, кроме как на себе. Присылать что-нибудь из обуви, одежды, белья — выкинуть в бездонную яму. Я категорически запрещаю вам присылать мне что-либо из вещей», — писал из Бамлага М. Д. Юдин в 1938 году¹²⁸. Поэтому после «концертных» рубахи, галстука, летних брюк Береговский попросил лишь «пару рубах нижних»¹²⁹, а в дальнейшем упорно писал, что у него есть все необходимое и вещей присылать не надо.

¹²⁶ Письмо Береговского от 13 февраля 1955 года.

¹²⁷ Цит. по: Право переписки: связь воли и неволи: о письмах, посылках и свиданиях заключенных советских тюрем и лагерей. С. 129.

¹²⁸ Там же. С. 130.

¹²⁹ Письмо Береговского от 25 апреля 1952 года.

По эту сторону

Письма из лагеря были драгоценностью: их читали по многу раз. На первой странице письма, датированного 24 января 1953 года — следующего после письма с перечнем лекарств, — видны следы слез, так что некоторые буквы совсем расплылись. Как прожила жена Береговского эти полгода — от одной весточки до другой, — понимая, что муж серьезно болел, и не имея возможности узнать, жив ли он? Но слезами горю не поможешь: письма Береговского свидетельствуют, что он получал посылки, сполна отвечавшие его запросам. Каждую из его просьб родные старались выполнить.

Отчасти понять, *что* стоило собрать тот «необходимый минимум», можно из переписки Сарры Иосифовны и дочери Эды Моисеевны. Нередко это не письма, посылавшиеся по почте, а записки, вкладывавшиеся в посылки. Между Киевом и Чистяково, а также Москвой и Киевом постоянно курсировали разного рода вещи: это и перелицованная и перекрашенная в домашних условиях одежда, и самые простые продукты. Например, когда у старшей внучки случилось сильное расстройство желудка, оказалось, что в Киеве было невозможно достать риса (для приготовления рисового отвара, служившего лекарством). Его раздобыли только в столице. Оттуда же приходилось возить и сахар. «Хотела бы, чтобы ты привезла сахару и клгр изюму (изюм в посл<еднюю> очередь)», — писала Сарра Иосифовна дочери 16 августа 1947 года — еще до ареста мужа.

А вот выдержки из нескольких ее писем 1955 года:

Что касается сахара, то подожди, Эдонька, может, еще тут появится. Тебе ведь это большой труд отправить посылку. А Ира сегодня достала 2 кгр., да С. И.¹³⁰ — килогр., так что мы разбогатели¹³¹.

¹³⁰ Софья Исааковна Баевская, мать Вадима Соломоновича, сватья Береговского.

¹³¹ Письмо С. И. Береговской к дочери к Эде из Киева от 19 января 1955 года.

Я же писала тебе, что здесь уже начал появляться сахар, и если постоять 20–30 м[инут], то кило сахара достанешь. <...> На днях буду отправлять вам вторую посылку, а у меня для нее пока только 6 кг. муки и кило крупы. Если у вас нет масла, то я куплю на рынке и пришлю. Может, и подслон[ечного] прислать?¹³²

Масло на рынке стоило в несколько раз дороже, чем в магазине. Но, видимо, и на рынке его не оказалось: «Масла, к сожалению, и здесь нелегко достать, но все же я отправлю посылочку вам, как только что-нибудь раздобуду»¹³³.

Хлопоты, связанные с добыванием самых простых продуктов, продолжались и после возвращения Береговского в Киев:

Эдонька, я привезла немного сахара из Москвы (и масла, конечно), но его ведь надолго не хватит. Зная, как трудно вам иметь лишнюю тяжесть, все же и вас прошу привезти немного сах[ара], чтобы здесь в нем не нуждаться. Больше ничего не надо. Лапша и манн[ная крупа] есть и здесь¹³⁴.

Семью поддерживали ближайшие друзья, безусловно понимавшие, что одолженные деньги если и будут возвращены, то очень нескоро. После суда Сарра Иосифовна смогла собрать солидную сумму, чтобы выкупить часть конфискованной мебели. Без серьезной помощи родные вряд ли могли посылать ежемесячные посылки, бандероли. Из писем выясняется также, что подписку на «Литературную газету» — многостраничную и интересную, пригодную служить еще и своеобразной «лагерной валютой» (газеты шли на самокрутки), оформлял для Береговского его московский друг И. С. Рабинович.

15 марта 1955 года Береговский вышел из заключения, получив на руки билет на проезд до Киева стоимостью 284 рубля. Он не

¹³² Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Киева от 26 января 1955 года.

¹³³ Почтовая карточка С. И. Береговской к дочери Эде из Москвы от 24 февраля 1955 года.

¹³⁴ Письмо С. И. Береговской к дочери Эде из Киева от 15 июня 1955 года.

имел права жить в столичных городах (Москве и Киеве). Его ждал тяжелый период борьбы за реабилитацию, за получение пенсии, за сохранение драгоценного архива и за публикацию хотя бы части своих основных работ.

Во время работы над публикацией письма Береговского и его жены, а также ряд других документов находились в личном архиве Елены Баевской. В марте 2022 года материалы архива, касающиеся непосредственно Береговского, были переданы в Кабинет рукописей Российского института истории искусств (Санкт-Петербург) для присоединения к архиву Береговского (фонд 45). Документы еще не описаны и к моменту публикации не получили инвентарных номеров.

Тексты писем публикуются без сокращений; орфография и пунктуация (за небольшими исключениями) приведены к современным нормам. Подчеркнутые и зачеркнутые фрагменты передаются соответствующими шрифтами. В квадратных скобках помещен текст, дописанный Береговским поверх строки. В тех случаях, когда сохранились конверты, в примечании дополнительно указаны даты по почтовым штемпелям.

М. Береговский

Письма из лагеря

*Публикация, подготовка текста, вступительная
статья и комментарии Е. Хаздан*

30 мая 1951 г.¹

Дорогие мои! Посылаю вам новый адрес, по которому будете писать мне письма. [Он же] и для посылок: Иркутская область, гор. Тайшет, ст. Невельская п/я 215/020. Не беспокойтесь, все, что [вы] посылали на мое имя по старому адресу, будет мне передано сюда. Если пошлете посылку, то глюкозы не посылайте. Жив и здоров, целую всех. Жду письма. Ваш Моисей.

Посылки обязательно с уведомлением. Моисей².

***3

Дорогие мои!

Я здоров и чувствую себя совсем хорошо. За все время, что я здесь, я не болел и не простуживался ни разу, ни осенью, ни теперь.

Начиная с октября месяца я работаю с хором. В праздники хор выступал несколько раз, и выступления были весьма удачны. В ближайшие дни мы выступаем с новой программой. Художе-

¹ Почтовая карточка. Ручка плохо пишет, как будто чернила быстро кончаются.

² Последнее предложение вписано вверх ногами по верхнему краю карточки.

³ Письмо на четырех страницах, без даты; предположительно написано в начале декабря 1951 года. По-видимому, оно сохранилось не полностью, поскольку в конце отсутствуют формулы прощания и подпись.

ственные самодеятельные кружки работают у нас хорошо. В связи с тем, что мне придется систематически выступать в концертах и вечерах, я вынужден просить в<ас> прислать мне галстух и одну верхнюю рубаху (цветную).

Писем от вас я получил довольно много. Не могу передать в<ам>, сколько радости они мне доставляют. Прошу в<ас> и впредь радовать меня своими письмами. Меня ведь интересует каждая деталь из вашей жизни и работы. Мне приятно, когда Вы пишете подробно обо всем. Хотя я не на все ваши письма могу ответить реально, [зато] мысленно я обсуждаю вместе с вами все важные и мелкие вопросы вашей жизни, быта и работы.

Посылки я получил все, о чем вы знаете из уведомлений, которые вы получаете. Посылки получаются в отличном состоянии. Все цело, ничего не поломано, не разбито и не испорчено. Что же касается содержания посылок, то в общем вы посылаете то что нужно. Пользуюсь случаем внести мелкие коррективы. Не посылайте мне мыла хозяйственного, папиросной бумаги, чаю и консервов. Все это мне не нужно. До конца [будущего] года мне хватит туалетного мыла. Зубного порошку пришлите мне 2 кор<обки>, а в дальнейшем 1 кор<обку> в 3–4 месяца. Вместо печенья посылайте мне 1 кор<обку> манной крупы и концентраты. До апреля-мая можно посылать свежее масло в бумаге⁴. Можно посылать сырки плавленые — они не портятся. Посылки посылайте не чаще чем раз в месяц.

Что касается носильных вещей, то кроме рубахи и галстуха, о которых я писал выше, мне сейчас ничего не нужно. В марте-апреле вложите в отдельные посылки коричневую кепки (sic!) и старые гетры. В мае — летние брюки. Обуви мне пока никакой не нужно. Я одет тепло. Летний климат близок к уфимскому⁵, но ветров здесь почти нет. В этом году до сих пор [больших] морозов почти не было. Валенки мне не надо.

⁴ Для упаковки продуктов брали либо вощеную, либо пергаментную бумагу, не пропускающую влагу.

⁵ В Уфе Береговский с женой и дочерьми жил в эвакуации с лета 1941 до апреля 1943 г.

Позавчера, вчера и сегодня получил от вас 2 письма (одно от 25/Х, а другое раннее, с карточкой, снятой на пристани), 2 бандероли лит<ературной> газеты и посылку от 18/ХІ. Спасибо, родненькие, за память и заботу обо мне.

По совести говоря, мне очень тяжело обременять вас посылками. Я ведь знаю, что вы отрываете последнее у себя. Мне будет легче, если посылки будете высылать одну в 1½–2 месяца. Для меня и это будет большой поддержкой, а для вас не так тяжело. Что же касается писем, то я вас не ограничиваю, а наоборот — будут рад [получать] по крайней мере 2 письма в месяц. Так как дети могут быть заняты и не всегда смогут писать мне, то тебе, Сарунька, уж придется брать на себя эту работу.

Из твоих писем, Эдочка, я знаю довольно подробно о твоей работе в общем и в частности о дипломной работе. Надеюсь, что и впредь ты мне будешь писать обо всем подробно. Я рад был твоему сообщению о том, что ты вновь дружишь с Вадиком. Ты знаешь, что я его любил. Где он работает, что преподает, пишет ли тебе?

А вот о тебе, Ирочка, я очень мало знаю. Я не знаю, где ты работаешь (кстати — сколько получаешь?), у кого, готовишься ли сдавать канд<идатский> минимум, или работаешь только практически. Из письма мамы я знаю, что дома ты теперь работать не можешь — сил не хватает⁶. Щади себя, Ирочка!

Здоровье у тебя слабое и замучить себя нельзя.

Эдочка! Если возможно, вышли мне следующие ноты:

1. Хор крестьян из оперы «Князь Игорь».
2. «Ноченька» из оперы «Демон».
3. Серенада 4-х кавалеров (муз<ыка> Бородина?).

Все эти вещи вряд ли удастся купить. Их придется переписать в муз<ыкальной> библиотеке А<кадемии> Н<аук> или консерватории. Кроме того, мне нужны новые советские песни, русские и украинские нар<одные> песни, по возможности для мужского хора, но и др<угие> годятся. Если ты сама не сможешь достать,

⁶ Старшая дочь Береговского имела врожденный порок сердца, но не работала по другой причине — как дочь «врага народа».

напиши кому-либо из знакомых музыкантов в Москве и проси выслать тебе, а ты мне перешлешь.

По возможности скоро это сделать. Кроме того, прошу присылать мне в каждой посылке по 1–2 нотных тетради (купить их легче всего в писчебумажных магазинах на ул. Кирова), 1–2 учебных тетр<ади> и раз в мес<яц> простой карандаш, не очень твердый. Вышли мне одну резинку.

25 апреля 1952 г.

Дорогие мои! За хорошую работу с хором мне разрешили написать в<ам> внеочередное письмо.

Раньше всего хочу поздравить в<ас> всех, и в первую очередь тебя, Эдонька, со столь значительным событием в твоей жизни⁷. Я Вадика любил, ты это знаешь, и надеюсь, что вы будете жить ладно, хорошо. Кроме здоровья и материальных благ я желаю вам жизнь радостную, творчеством наполненную. Вы оба достаточно способны и в ваших возможностях жить [интересно и] интенсивно.

До сего времени я получил от в<ас> 2 письма, написанных в ответ на мое декабрьское письмо. Я не могу передать в<ам> те радостные чувства, которые каждое из них вызвало у меня и у моих друзей (получение кем-либо из нас письма из дому переживаем коллективно и письма неоднократно читаем совместно). У Элочки⁸ здесь целая группа поклонников, и мы все радуемся ее хохмам. Просим (это я обращаюсь заочно и от [имени] моих друзей) и впредь радовать нас ее остротами, словечками и пр.

Ноты, высланные мне, лежат в Тайшете. На днях я их получу. Жаль, что я их не видел до этого письма, а то, может быть, пришлось бы сделать какие-либо конкретные поправки или указания. Помните следующее: объемные сборники лучше не посылайте. В случае переезда мне придется таскать их. Пусть Эдочка сле-

⁷ Эда Моисеевна вышла замуж за Вадима Соломоновича Баевского 6 января 1952 года.

⁸ Внучка Береговского, дочь Иры Моисеевны.

дит — конечно, когда она освободится от экзаменов — за тем, что выходит из печати, и, по возможности, покупает такие отдельные песни для хора с аккомпанементом (или без такового) и высылает мне. Небольшие сборники или отдельные экземпляры можно вкладывать в посылку.

Мне приятно сообщить в<ам>, что хор сделал большие успехи. До сих пор мы дали 26 концертов (6 программ). У нас готова новая программа, с которой выступим в майские дни.

20-го апреля я получил посылку от 6/IV. Это 3-я посылка, полученная мною в ответ на мое письмо. Оказывается, что я ошибся, прося вместо печенья манную крупу и концентраты. Питание у нас улучшено, и мне нет надобности в добавочной каше. Немного концентратов можно присылать (лапшовик⁹ и гречн[евая] каша). У меня есть запас крупы — гречневой, овсяной и манной, и я их буду употреблять по мере надобности.

Свежее масло можно и летом посылать в бумаге (пергаментной), и не надо тратиться на покупку коробок пластмассовых. Сало посылайте не топленое. Я здесь сам перетоплю. Лук и чеснок прошу присылать. У меня иногда появляются фурункулы. Пожалуйста, пришлите мне пивные дрожжи в облатках¹⁰. Если можно (т. е. недорого станет) — пришлите мне витамин С и D (в флаконах).

Когда речь заходит о посылках, я хотел бы поскорее проскочить это место, написать его петитом¹¹. Мне тяжело, мне больно, что из-за меня вы вынуждены отказывать себе в самом необходимом. Помните, дорогие, а особенно ты, Сарунька, что посылки — это не кратковременное явление, и поэтому вы должны остановиться на том минимуме, который мне [действ<ительно>] необходим. Это — килогр<амм> жиру и килогр<амм> сахара. Все остальное — это сверх минимума. В каждой мелочи я чувствую вашу любовь и вашу готовность всячески облегчить мою участь. Но не увлекайтесь. Эллочка еще маленькая, ей скорее нужно дать необходимое, чем мне.

⁹ То есть лапшевник.

¹⁰ Пивные дрожжи являются одним из средств лечения фурункулов.

¹¹ То есть мелким шрифтом, не тратя на это места.

Что касается носильных вещей, то не посылайте мне ни пальто, ни пиджака и пр. Если можно, вышлите мне пару рубах нижних (если сохранились мои — покупать не надо!). Но это не к спеху. Майки и трусы у меня есть, а рубах до осени носить не буду. За рубаху и галстук — спасибо.

Из мелочей прошу выслать следующее:

[1-а) 5 струн для скрипки «ми»¹² (стальные)].

1. Ручку (складную, для пера и карандаша. Если можно — деревянную, а нет — то железную) и несколько перьев. 2. 3–4 конверта с марками. 3. Гуталин и 2 пары черных шнурков. 4. Набор акварельных красок (самый дешевый, ученический) и пару тонких кисточек, и 5. Мои очки запасные.

Эдочка! Прошу держать меня в курсе твоих экзаменационных дел. В июне я смогу написать и надеюсь поздравить тебя с хорошим окончанием университета; этот год один из самых знаменательных у тебя. Хорошо.

Ирочка! Следи за собою. Не огорчайся, что тебе, по состоянию здоровья, нужно отказываться от многого из того, что тебе было бы доступно. Кроме хорошей работы ведь у тебя и чудесная дочка; какие у тебя с ней отношения?

Сарунька! А как ты? Совсем себя не щадишь? Ты все боялась, что с отъездом Эдочки тебе станет особенно тяжело. А я думаю, что когда ты в будущие годы поедешь к Эдочке и Вадику в гости, то тогда и почувствуешь, что и Ира тебе близка. Во всяком случае, скучать тебе дети и внуки (в будущем) не дадут. Что касается Софочки¹³, то пусть приедет к в<ам> в гости. Ведь у нее же никаких родных, кроме в<ас>, нет. Писать ей обо мне не нужно, или можно ей сообщить в общей форме, что, мол, дяди не будет в Киеве и т. д.

¹² Струна «ми» — верхняя, самая тонкая струна скрипки.

¹³ Софья Львовна Погребинская, в замужестве Рычкова, племянница Береговского, дочь его сестры Полины. Она упоминается в письме И. С. Рабиновичу от 16 июля 1941 года («Итак, коротко: я с Полей и Софочкой (сестра и племянница) едем в Днепропетровск» (Арфы на вербах: Призвание и судьба Моисея Береговского / Сост. Э. Береговская; издание подготовил Асар Эппель. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 1994. С. 103)).

Эллунчик! Как ты поживаешь? Ходишь ли ты в детский сад? Один художник обещал мне нарисовать [для тебя] белочку, но у него не оказалось красок. Крепко целую тебя. Понравился ли тебе дядя Вадик, Эдочкин муж?

Крепко, крепко целую всех. Дедушка.

26 апреля 1952¹⁴

Сегодня получил извещение на посылку от 14/IV. Ну зачем вы это делаете? Вы хотите меня побаловать к празднику, но ведь это слишком дорогое удовольствие. Спасибо, родненькие. Но впредь умоляю вас этого не делать. Мне одной посылки в месяц вполне достаточно. Посылку получу днем.

Недавно я получил 50 р<ублей>. Это, вероятно, те, о которых вы мне писали прошлым летом. У меня на текущем лицевом счете имеется теперь 75 р<ублей> + 25 (из последней посылки).

Вскоре возьму на 50 р<ублей> продукты (сухофрукты, конфеты и консервы. Крупы — не возьму), и у меня останется 50 р<ублей>.

Поздравляю тебя, Сарунька, с днем рождения (1 июня). Много тяжелого выпало на нашу долю на старости. Желаю тебе сил и здоровья. Хоть дети уже как будто большие и смогут уже [и] без нас управиться, но ты им еще многое можешь дать. Держись, дорогая, щади себя. Авось еще и увидимся и закончим [наш] жизненный путь вместе.

Целую тебя бесконечно.

Твой М. Береговский

28 апр[еля]

Посылочку получил. Спасибо, родненькие. Очень прошу впредь не посылать лишних вещей, как продовольственных, так и носильных.

Целую Мои[сей]

¹⁴ Год дописан Эдой Моисеевной.

***15

Дорогие мои! В начале мая я послал вам внеочередное письмо, разрешенное мне (как и многим другим) за хорошие показатели по работе. Получили ли вы его? Сейчас пишу очередное письмо.

С 1-го июня мой адрес изменился. Вы, однако, не беспокойтесь. Все то, что вы мне выслали по старому адресу, мне будет передано сюда.

До переезда я получил от вас четыре письма. Последнее было от 13 мая. Здесь я пока ничего не получил. Надеюсь, что вы и впредь будете меня радовать своими письмами.

В мае я получил 2 посылки. Спасибо. Однако о посылках я должен несколько подробнее поговорить. Во-первых, вы мне слишком много [и слишком часто] посылаете. В майском письме я просил не присылать мне ни крупы и ни концентратов. Это мне не нужно. Недавно я советовался с врачом, и он тоже находит, что крупы мне никакой не нужно. Углеводов я получаю в достаточном количестве. Недостаточно — белков и минеральных солей. Врач считает, что и масло, и сахар мне не надобно. По его мнению, посылка должна состоять из следующих предметов.

1. Драже поливитаминное (2–3 табл<етки> в день).
 2. Гефе-фитин¹⁶
 3. Ферро-каль¹⁷
- } из 10 флаконов сыпать
} в 2 бум<ажных> пакетика.
4. Гематоген сухой (в таблетках. 5 табл<еток> в день).
 5. Раствор глюкозы 40 % с аскорбиновой кислотой 5 %.
1–2 кор<обки> (20 амп<ул> по 20 мл.).
 6. Раствор хлористого кальция 10 % (1 кор<обка> — 10 ампул по 10 мл.).

¹⁵ Письмо не датировано. Над текстом вписано рукой Эды Моисеевны: июль 1952. Дата на штемпеле на конверте — 27 июля. Судя по дате, встретившейся в тексте письма, оно написано 28 июня.

¹⁶ Гефифитин (Hefaphytinum) — комбинированный препарат фитина и медицинских сухих дрожжей. Применяется при лечении заболеваний нервной системы, рахите, общем расстройстве питания, болезнях крови, сосудистой гипотонии.

¹⁷ Феррокаль — железосодержащий препарат, применяемый при различных формах малокровия.

Кроме этого врач советует мне иметь в запасе следующие медикаменты:

1. 50 гр. стрептацита (sic) белого¹⁸
2. 25 гр. норсульфазола¹⁹ и
3. 1½ милл. ед. пеницилина (sic)²⁰.

Из специй [для возбуждения аппетита] врач рекомендует перец (черный или красный), уксусную эссенцию (1 флак[он]), горчицу и лавровый лист. Если пришлете глюкозу, то желательно и шприц (20 гр.) с 5-ю иглками.

По мнению врача, такая посылочка для меня гораздо более полезна, чем общепродуктовая.

Посоветуйтесь с кем-либо из врачей и решайте сами. Помните, что в крупе я вовсе не нуждаюсь, ибо мне добав<очного> питания не нужно — я с трудом съедаю полагающийся мне рацион.

Что касается носильных вещей, то прошу ничего мне не посылать — ни пальто, ни пиджака и ничего другого. При переезде я изнемогаю под тяжестью вещей и продуктов, большей частью мне вовсе не нужных.

Рубаху и галстух я получил. Они хороши — спасибо. Летние брюки получил. Нотные тетради присылайте мне 1 в 2 месяца. Очень прошу прислать мне камертон дя или до. Можно вилочку-камертон, если нет таковой — то трубочный²¹.

Ноты я до сих пор не получил. Впредь не посылайте бандеролью, а только в посылке.

¹⁸ Стрептоцид белый (Streptocide alba) применяется наружно при гнойных ранах.

¹⁹ Норсульфазол — противомикробное бактериостатическое средство. Применялось при лечении бронхопневмонии, плеврите, стафилококке, при некоторых других видах сепсиса.

²⁰ Пенициллин — антибиотик. Указана концентрация раствора (1½ млн ед.).

²¹ Камертон — инструмент, воспроизводящий эталонный звук. Используется музыкантами для настройки (инструментов или хора). У вилочного камертона звук образуется при ударе за счет колебания зубцов. Трубочный камертон устроен как духовой инструмент, звук образуется благодаря колебанию язычка.

Я здоров и чувствую себя неплохо. Фурункулов у меня теперь нет.

Я и здесь руковожу муз<ыкальной> работой (хор и оркестр). Пришлось опять начинать сначала. Завтра, 29 июня, первый концерт. Надеюсь, что пройдет хорошо.

Что у вас? Хоть не могу пожаловаться на вас в отношении писем, но хотелось бы знать побольше подробностей о вас. Весь июнь я совместно с Эдочкой сдаю госуд<арственные> экзамены. Поздравляю тебя, родненькая, с окончанием университетского курса. Ты уже действительно становишься взрослым, самостоятельным (к тому же «молодо-замужним») человеком. Какие неповторимые в жизни дни и события! Я, Эдунька, ни на минуту не забываю всех вас и каждого в отдельности. Прими, доченька, мои горячие поздравления и самые лучшие пожелания!

Тебе, Сарунька, тысячу благодарностей за письма и за внимание, уделяемое мне. Твои письма являются громадной поддержкой для меня. Они помогают мне жить и верить в то, что мы еще свидимся с тобой. Хоть в твоих письмах нередко прорывается стон наболевшей души, изнемогшей под гнетом тяжкого испытания, выпавшего на нашу долю, но верь, родная моя, что и для нас солнце засияет.

Я написал жалобу на имя ген<ерального> прокурора СССР²². Ответа еще не получил.

Рад, что Элонька опять ходит в детский сад. Почему она так часто болеет? Врачи ведь находили, что она нормальный здоровый ребенок, а в последние годы она почти непрерывно хворает. Имеете ли вы возможность в этом году отдохнуть немного за городом? В прошлом году никто из вас никуда не выезжал. Не поедет ли Эллочка в детском саду за город?

Ирочка, как ты себя чувствуешь? Как твое здоровье? Как тебе работается? Написала бы когда-нибудь хоть пару строк.

Только что получил посылку. Спасибо. Умоляю, не посылайте мне так много продуктов, и не чаще, чем один раз в 1½ месяца.

²² Как понятно из письма, написанного в апреле 1954 года, эта жалоба была подана в 1951 году. Текст неизвестен. Ответа Береговский не получил.

Кстати, должен предупредить вас, что извещения²³ здесь подписываются по доверенности. Почта далеко (15–17 километров), и едущий за посылками сразу и подписывает извещения. Не беспокойтесь. За мелочи большое спасибо. Мне приятно, что это письмо я заканчиваю пером, присланным в посылке.

Элунчик! Спасибо за печенье, которое ты спекла для меня. Завтра приглашу кого-либо из своих приятелей на чай и буду угощать [и] твоим печеньем.

Сегодня после обеда состоялся просмотр нашей концертной программы. Хор пел очень хорошо. На завтра, 29 июня, назначено два концерта, в 10–12 утра и в 7–9 вечера.

Фотокарточек ваших у меня немало, но больше всего Элочкины. Нередко я устраиваю себе маленький праздник и приглашаю всех вас (на фотокарточках) в гости, и мы ведем продолжительные беседы.

Не забудьте написать мне, что слышно с комнатой. Что это за новая напасть на вас?²⁴

Хочу вас обрадовать тем, что с мая прошлого года я бросил курить. Мне очень жаль, что вы зря тратитесь на дорогие папиросы. Хотя я и не собираюсь вновь начать курить, все же прошу в каждой посылке вложить 2–3 пачки махорки (никаких папирос!).

Лук и чеснок прошу присылать в каждой посылке. Зимой не стоит посылать — замерзает. В сент<ябре>-окт<ябре> пришлите небольшой запас.

Вспомнив осень, я решил заранее поздравить вас всех с днем рождения. Надеюсь, что [немного погода] мне будет разрешено

²³ То есть уведомления о вручении посылки.

²⁴ Вернувшись из эвакуации, семья поселилась не в прежнем доме на ул. Короленко, а в выделенных ей двух комнатах в коммунальной квартире в доме 4 по Троицкому переулку (в настоящее время — пер. Рыльского). В связи с тем, что людям, имевшим научную степень, полагались дополнительные метры жилплощади, семье выделили не одну, а две комнаты. Возможно, в связи с выбытием (арестом) Береговского были попытки передать «освобожденную жилплощадь» другим жильцам. Эта же тема затрагивается в следующем письме.

написать внеочередное письмо²⁵. Все же поздравляю вас и теперь. Твой день рождения, Сарунька, я и в этом году праздновал мысленно. Как раз в этот день мы собирались в дорогу. Несмотря на это, я весь день был с тобой.

Как Маина²⁶ дочка? Хороша ли? Где теперь дедушка их? Дай им мой [новый] адрес.

Мой новый адрес на всякий случай повторяю: Иркутская обл., Шиткинский р-н, почтовое отд. Ново-чунка²⁷, почт. ящик 215/2–05.

Крепко целую вас, дорогие мои.

Ваш М. Береговский.

<PS> Очки мои пока целы. Дома осталась одна запасная пара моих очков. Если найдете — пришлите, нет — не надо. Рецепт тоже остался дома (в бумажнике моем).

МБ

***28

Элочка, родненькая!

Поздравляю тебя с днем рождения. Тебе уже три года, ты уже большая. Твои письма получил. Спасибо. Напиши мне, как ты себя чувствуешь, совсем ли ты здорова?

Я получил от тебя коробку конфет. Спасибо. Больше конфет мне не посылай. Сама ешь — мне это будет приятней.

Напиши мне, как ты живешь с бабушкой. Помни, родненькая: если ты ее обижаешь, то мне это больно.

Здесь у меня много белок, но их нельзя послать по почте — по дороге они сдохнут. Придется подождать, пока их привезу сам.

Крепко целую тебя. Дедушка.

²⁵ Поощрения в виде разрешения на внеочередное письмо Береговский не получил. Следующее письмо он смог написать лишь в начале января.

²⁶ Неустановленное лицо.

²⁷ Современное название Новочунка; поселок, административный центр, расположен в Чунском районе Иркутской области.

²⁸ Письмо без даты, на отдельном листе. Видимо, письмо-поздравление было вложено в июньское письмо (см. в нем фразу: «Вспомнив про осень, я решил заранее поздравить вас всех с днем рождения»). День рождения Эллы — 4 декабря.

24-го января 1953 г.²⁹

Дорогие мои! Хотя и с опозданием, но все же хочу вас поздравить с <Новы>м³⁰ годом и пожелать вам сил, здоровья и всего хорошего.

Наконец-то я смогу исправить свою ошибку и успокоить вас насчет моего здоровья. Когда я в прошлом письме просил присылать мне гл<авным> обр<азом> лекарства и очень мало продуктов питания, то я не представлял себе, что это вызовет у вас напрасные огорчения и вы подумаете, будто я чем-то особенным заболел. На самом деле все обстоит гораздо проще, чем вы думали (судя по письмам). Состояние моего здоровья вполне удовлетворительное, если принять во внимание возраст и пр<очие> особенности. В прошлом году у меня часто появлялись фурункулы. В этом году (с лета) у меня больше их не было. Что же касается лекарств, то врач, [рекомен]довавший³¹ мне их, вообще увлекается всякого рода препаратами, и в моем лице он нашел старательного исполнителя своих советов. После первой же посылки [с лекарствами] он пожалел, что так малоудачно рекомендовал. Как я ни старался, я все же не смог проглотить все количество лекарств, полученных мною. Впредь больше мне не посылайте никаких лекарств, кроме витаминов (поливитамины). Что же касается продуктов питания, то и теперь могу повторить то же, что писал уже однажды: мне нужно только лишь 1 кг жира и 1 кг сахара. Это основа посылки. Не присылайте мне рыбы (мы ежедневно получаем рыбу) и консервов. Посылку посылайте одну в два месяца. Чаше не нужно, для вас это накладно, а для меня бесполезно.

Денег не посылайте ни в посылках, ни почтой — мне они не нужны. <Строка — начало предложения — вымарана цензурой> в посылку можно вкладывать не больше 25 руб.

²⁹ Штмп киевской службы доставки на конверте: 09.02.53.

³⁰ Слово почти не читается: по верхнему краю письма следы капель (слезы?), буквы размыты.

³¹ Написанное вначале «дававший мне их» Береговский затем исправил на «рекомендовавший», стараясь показать, что его не лечили, а лишь посоветовали иметь у себя набор лекарств на всякий случай.

Одежды мне также не нужно никакой. Я одет тепло, чего мне еще? Книг не посылайте мне никаких ни бандеролью, ни в посылке. Литературную газету присылайте (в посылках), если вы ее выписываете.

Один только учебник попрошу прислать мне. Среди моих книг найдете учебник по гармонии, составленный 4 проф<ессорами> Московской консерватории (я помню фамилию одного из авторов — Способин)³². Если учебник этот сохранился, вложите в посылку. Если не сохранился — покупать не надо. Перехожу к нотам. Я очень обрадовался нотам, присланным в последней посылке. Очень хорошо пригодится мне хрестоматия. Помните, что большой библиотеки я собирать не могу и покупать вещи, которые я не смогу использовать, не стоит. В первую очередь спрашивайте ноты для самодеятельных хоров. Сложные и большие произведения (2 вы мне прислали) я использовать не смогу. Очень прошу присылать для меня сборники [(по одному)] укр<аинских> и русских нар<одных> песен (желательно в обработке для хора). Песен о вождях не присылайте мне. Мы их исполнять не можем.

Жалко, что я не получил нот, высланных вами бандеролью. Впредь посылайте только лишь в посылке. Мне бы [очень] хотелось достать хор «Ноченька» (из оп<еры> «Демон»), но я знаю, что теперь переписывать ноты некому, и придется мириться с этим. Кстати: советую составить список нот, высылаемых мне, дабы не было досадных ошибок (повторная покупка).

Я продолжаю работать с хором. Концертов мы здесь дали несколько меньше, чем в прошлом году, но все же почти каждый месяц мы готовили новую программу.

Писем я от вас получил много (последнее письмо — от 27/XII). Не могу передать вам, сколько радости доставляют мне ваши письма. Пожалуйста, и впредь пишите.

Сейчас получил [ваше] письмо от 4/I. Хорошо, что ты, Сарунька, едешь к Эдочке³³. Немного отдохнешь и поможешь им привести себя в порядок.

³² См. вступительную статью, примеч. 110.

³³ То есть в Чистяково. См. вступительную статью, с. 281

Мне было очень больно читать о болезнях, перенесенных детьми. Все же очень хорошо, что вы обо всем пишете. От души желаю вам быть здоровыми и маму и бабулю не мучить.

Элочкины письма доставили мне много удовольствия³⁴. Надеюсь, что ты, Эллучик, вскоре сама уже будешь писать мне — ведь ты уже большая — пятый год!

А вот насчет белочки не выходит у нас. Почта не хочет принимать ее, а белочка сама дороги в Киев не знает.

Спасибо тебе, Эллочка, за подарки. В дальнейшем прошу мне шоколада не присылать. Шоколад дедушкам вредно кушать, а внукам — очень полезно.

Тебе, Ирочка, я хочу дать небольшую нагрузку. Когда слушаешь по радио выступления хоровых коллективов, отметь [наиболее интересные] песни (конечно, не очень сложные). Мама постарается достать их. Перепиской нот я тебя загружать не хочу.

Твои письма, Эдочка, получил. Спасибо. Искренне рад удачам в твоей работе. Помни, все же, что кроме педагогической работы ты должна делать и литературную. Раньше всего нужно систематически читать (и по возм<ожности> говорить) на языках, которыми владеешь. Забыть [иностран<анный>] язык очень легко. Кроме чтения надо и работу какую-нибудь задумать — и постепенно ее делать. Это слишком «общо» (мои советы), но более конкретные советы мне недоступны.

Я еще раз хочу вас заверить, что я здоров, никакими болезнями не болел, даже ни разу не простуживался, и ваши огорчения и беспокойство были напрасны. Письма пишите почаще, посылок посылайте одну в 2 месяца. Ноты для меня подбирайте и посылайте такие, которые я смогу использовать. Пришлите мне 2 нотные тетради (на ближ<айшие> 3 месяца), больше не надо.

Целую вас всех крепко, крепко.

Ваш М. Береговский.

³⁴ Четырехлетняя внучка «надиктовывала» свое письмо для дедушки.

4-го июля 1953 г.³⁵

Родненькие мои! Раньше всего хочу поздравить вас всех, а Эдочку с Вадиком, конечно, в первую очередь, со столь радостным и важным событием — с рождением малайки (она же одновременно и дочка, и внучка, и племянница, и сестричка!)³⁶. Желаю вам всем здоровья, сил и радости. Когда малайка оформится немного — пришлите мне карточку — это же [пока] самая младшая моя внучка!

Воображаю, сколько у вас хлопот! Мне пока доступно лишь мысленно участвовать вместе с вами в тех трудах и хлопотах, которыми наполнилась теперь ваша жизнь. Какая она (Леночка? — вы так и не сообщили мне, на каком имени вы остановились), крупная-маленькая, здорова ли, спокойная ли и пр. Эллочка была очень спокойная девочка, сама спала хорошо и другим спать давала. А Леночка как? Пишите мне обо всем подробно.

Сможете ли вы выехать с детьми за город хоть на короткое время?

Саррунька! Если тебе придется поехать к Эдочке осенью, то ненадолго. Как только отлучат малайку³⁷, тотчас вернись с ней домой. Квартиру нужно сохранить.

Я здоров и чувствую себя сравнительно неплохо. Письма и посылки я получал аккуратно — большое вам спасибо. На днях получил последнюю посылку, высланную вами 18 июня. Сало я перетопил с луком и смогу его есть. Если будете посылать масло (в бумаге), то присолите его немного. Колбасы вовсе не посылайте, вместо нее лучше сырки. Витаминов у меня собралось много. Месяца 4–5 не посылайте их, а там не больше 2 пакетиков в посылке. Чеснок не посылайте мне — у меня от него изжога (кстати — время от времени посылайте мне по 100 гр. соды). Денег мне не посылайте — они мне вовсе не нужны.

³⁵ Даты по почтовым штемпелям: 11.07.53–29.07.53.

³⁶ Е. В. Баевская, дочь Эды Моисеевны и В. С. Баевского, родилась 21 апреля 1953 года.

³⁷ Отлучат от груди, перестанут кормить грудным молоком. Декретных отпусков для кормящих мам не предусматривалось.

Умоляю вас, дорогие, — посылайте мне посылки не чаще, чем раз в 1½ месяца, — а еще лучше — раз в 2 месяца. Вещей ни летних, ни зимних мне пока не нужно. Когда нужно будет — напишу.

С хором работаю по-прежнему, и по мнению всех — очень успешно. В концертах выступаем часто. Большие трудности испытываю в отношении репертуара. Кроме сборников русских и укр<аинских> нар<одных> песен мне нужны были бы нетрудные хоры из русских и зап<адно>-европ<ейских> опер, а также советские песни. Из Хрестоматии, которую вы мне прислали, я мог использовать только лишь 2–3 песни.

Если купить нужные мне ноты невозможно, прошу написать в Москву Ис<ааку> Сол<омоновичу>³⁸, и просите для меня пару сборников русск<их> и укр<аинских> нар<одных> песен (по возможности небольшого формата). У меня здесь имеются такие сб<орники:> «А. Свешников — Русские нар<одные> песни в обработке для смеш<анного> и мужского хора». Музгиз, М. 1946. И небольшой сб<орник> русск<их> нар<одных> песен в обр<аботке> А. В. Александрова.

Прошу также прислать мне имеющиеся каталоги Музгиза. Спросите в нотном магазине против оперного театра³⁹. Если же там нет — затребуйте таковые из Москвы (Неглинный 14, Ноты почтой)⁴⁰. По каталогам я смогу называть немало конкретных произведений, которые вы могли бы купить в Киеве либо выписать из Москвы (ноты почтой).

Я, как и вы, надеюсь, что вскоре увидимся. На свою жалобу генер<альному> прокурору СССР я ответа не получил. Писать больше, вероятно, не буду. Стремление к укреплению законности в нашей стране, о котором мы все читаем в газетах⁴¹, и есть то,

³⁸ И. С. Рабиновичу, см. о нем вступительную статью, примеч. 3.

³⁹ В следующем письме Береговский уточняет, что имеет в виду нотный магазин Музфонда, располагавшийся на ул. Ленина.

⁴⁰ См. вступительную статью, примеч. 52.

⁴¹ Речь идет о реформах Л. П. Берии, после смерти Сталина возглавившего МВД СССР и предложившего ряд преобразований, в числе которых был пересмотр части репрессий сталинского времени. Период реформ продлился до 26 июня

что питает и укрепляет мои надежды на скорое свидание с вами. Пока же этот желанный час наступит, необходимо спокойно продолжать свою работу.

Надеюсь, что вы и впредь будете писать мне часто. Писать будете не только о здоровье и пр<очем>, но и о творческой и интеллектуальной жизни детей. Я хотел бы, чтобы и Эдочка, и Вадик исподволь готовили бы диссертации. Это им доступно и крайне необходимо.

Крепко, крепко целую всех вас.

Моисей.

4 декабря 1953 г.

Дорогие мои! За хорошую работу с хором мне разрешено написать внеочередное письмо.

Последнее письмо Ваше я получил от 10/X. В предыдущих письмах получил фотокарточки Леночки, в том числе и карточку, где она снята в капоре. Леночка чудесная девочка. Хоть в<ам> не всегда легко урвать время написать мне, да и часто не о чем писать — это я отлично понимаю, — все же прошу писать не реже, чем раз в месяц. В нашем быту письма доставляют столько радости, что и описать трудно. Надеюсь, что вы и впредь не оставите меня без писем.

С некоторым опозданием все же поздравляю именинниц [«осенне-зимнего» сезона] (Эдочку, Эллочку и Ирочку) с днем рождения⁴². Целую вас, дорогие мои, бесконечное число раз и желаю вам всего наилучшего. В этом году у вас будет уже и весенняя группа именинниц — Леночка и бабушка. До сих пор ты, Сарунька, была единственная весенняя, а с этого года вас уже двое. Можно надеяться, что и ваша группа увеличится (рано или

1953 года, когда они были осуждены на июльском Пленуме ЦК КПСС и отозваны как неправильные, вызвавшие обострение межнациональных отношений в СССР, искажающие ленинскую политику пролетарского интернационализма. Их текст был изъят из протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС.

⁴² Эда Моисеевна родилась 11 ноября, Ира Моисеевна — 16 декабря.

поздно). Заодно я уже всех вас поздравляю с Новым годом. Желаю вам здоровья и всяких благ.

Посылки я получаю аккуратно. Спасибо, дорогие. Последнюю «луковую» получил, правда, лук почти весь замерз, но к употреблению он вполне годен. Еще и еще раз прошу посылать мне посылки не чаще, чем раз в 1½ месяца. Содержание посылок: 1 кило масла (по возможности свежее или присоленное), 1 кл. сахару, 1 банку варенья или меду, 200 гр. икры красной, 2 бан<ки> молока⁴³, 1 пачку какао и немного печенья. Если захотите побаловать меня — вложите гр[аммов] 300 монпасье⁴⁴ (прошу дорогих конфет не посылать, вы тратитесь, а у меня их хватает на 2 дня, монпасье мне хватит на дольше).

Сырки хороши, но для разнообразия — посылайте иногда ½ кл. голландского сыра. Вот и все, что мне нужно, и этого мне совершенно достаточно на 1½ месяца. Иногда вместо сыра можно посылать ½ кл. ветчины (мягкой и не очень жирной). Вовсе не обязательно, чтобы в каждой посылке был весь ассортимент продуктов.

Ноты, высланные в посылках, я получил все (в том числе и переписанные Эдочкой «Ноченька» и хор из оперы «Князь Игорь»). Много из присланного вами я очень хорошо использовал. Хоть это для вас хлопотно, а дел и хлопот у вас и так немало, но все же прошу и впредь настойчиво продолжить поиски нот для меня.

Не имея каталогов, я и сейчас не могу назвать конкретные произведения, которые мнегодились бы. Мне крайне нужен хороший сборник русских нар<одных> песен в обработках для хора без сопровождения (желат<ельно> для мужского, в крайнем случае — для смешанного хора. Я сам обрабатываю их для мужского состава). Если в прошлых письмах я просил присылать сборники небольшого объема, то сейчас отказываюсь от этого, шлите сборники любого формата и объема. Если в продаже нет

⁴³ Имеются в виду консервы «сгущенное молоко».

⁴⁴ Монпасье (правильно: монпансье) — мелкие ароматные леденцы. Душистый запах конфетам раньше придавали с помощью пряностей.

сейчас новых нужных мне сборников, то не стесняйтесь и просите у кого-либо из знакомых что-либо соответствующее из старых изданий. Хорошо бы достать что-либо из репертуара ансамбля Александрова⁴⁵. Еще раз напомню: записывайте те вещи, которые вы мне высылаете, дабы было поменьше повторных экземпляров (до сего времени таковых пока 2). Если Эдочка сможет урвать время заскочить в муз<ыкальный> отдел библиотеки А<кадемии> Н<аук> (рядом с университетом) и списать для меня песню «Серенада 4-х кавалеров одной прекр<асной> даме» (так, или почти так, кажется мне, называется песня Бородина — в точности не уверен, что именно Бородина — начинается [она] так: «Дрень-дрени-дрени, дрень-дрень-дрень» и т. д.).

Украинские нар<одные> песни (Леонтович⁴⁶ у меня есть) присылайте. (Есть ли в продаже песня «И шумит и гуде» в обработке Веревки⁴⁷?) Хорошо [было бы] посмотреть в [нотном] магазине музфонда, ул. Ленина, выше оперн<ого> театра (с левой стороны).

⁴⁵ Ансамбль Александрова — Ансамбль песни и пляски Советской (в настоящее время — Российской) армии имени Александрова. Коллектив (Ансамбль красноармейской песни при Центральном доме Красной Армии) появился в 1928 году. В первом составе значились восемь певцов, два танцора, баянист и чтец, десятилетие спустя это был коллектив из трехсот человек, снискавший славу не только в СССР, но и за рубежом. Его музыкальным руководителем был композитор и дирижер Александр Васильевич Александров (наст. фамилия Коптелев, 1883–1946). После его смерти его имя было присвоено ансамблю, в репертуаре которого значительную часть составляли песни Александрова, а также выполненные им обработки народных песен.

⁴⁶ Леонтович Николай Дмитриевич (1877–1921) — украинский композитор, автор более 150 обработок народных песен. Возможно, Береговскому был выслан только что опубликованный сборник: *Леонтович М. Українські народні пісні для хору / Упорядкував М. Вериківський. Київ: Мистецтво, 1952.* Он мог пользоваться и другими изданиями, выходившими в 1924, 1930 или 1931 годах.

⁴⁷ Веревка Григорий Гурьевич (Верьовка Григорій Гурійович, 1895–1964) — композитор и хоровой дирижер, преподавал в Киевской консерватории, в 1941–1945 годах, как и Береговский, был в эвакуации в Уфе. С 1943 года — главный дирижер организованного им Украинского государственного народного хора. Его песни и хоровые обработки выходили как отдельными изданиями, так и в сборниках.

Я просил прислать мне учебник по гармонии, составленный так называемой московской бригадой (4 автора. Я помню только одну фамилию: проф^{<ессор>} Способин)⁴⁸. Если его до сих пор нет в продаже, то прошу прислать мне учебник по гармонии Римского-Корсакова⁴⁹. У меня был экземпляр. Еще я прошу купить для меня учебник по истории музыки (для вузов) всеобщей и русской.

Я знаю, что сейчас вы испытываете материальные трудности. Содержание посылок сокращайте до минимума, но на ноты, пожалуйста, не скупитесь. Работа с хором очень хорошо налажена, работа моя получает очень высокую оценку, и мне не хочется из-за отсутствия соответствующего нотного материала снизить уровень. Напомню, что кроме народных песен мне нужны хор^{<овые>} произведения русской и западноевропейской классики.

Я здоров и относительно неплохо себя чувствую. Правда, сердце временами пошаливает, ничего не поделаешь — возраст!

Климат здесь хороший, и простудных болезней я не знаю. Как мне больно, что все так часто хвораете. В этом году зима несколько значительно опаздывает. Снег только недавно по-настоящему лег, а морозов больших до сих пор не было.

О приезде ко мне и не думайте — свидания никак не разрешаются.

Один из моих приятелей просит прислать ему тюбик крема для лица (рубля на 2). Если возможно — сделайте это. Другой приятель интересуется марками и просит присылать для него все интересные марки, которые вам попадутся. В каждую посылку вкладывайте письмо. Если будете посылать марки — вложите в письмо.

Все письма мои, верно, похожи друг на друга. Жизнь однообразна и приходится писать об одном и том же. Не взыщите. Я не согласен с тем, что Эдочка и Вадик не должны думать о диссертациях. Ничто не должно служить препятствием стремле-

⁴⁸ См. предыдущее письмо, а также вступительную статью, примеч. 110.

⁴⁹ *Римский-Корсаков Н. А. Практический учебник гармонии.* М.: Государственное музыкальное издательство (МУЗГИЗ), 1949. 172 с.

ниям, если даже конкретное осуществление этих стремлений и затянется на какое-то время.

Крепко, крепко целую вас, дорогие.

Ваш М. Береговский.

Жалобы пока не писал, и, скорее всего, и не напишу⁵⁰.

***51

Дорогие мои! На этот раз наша очередь на письма несколько отодвинута была. Впредь не волнуйтесь, не получая моего письма в ожидаемый в<ами> срок.

На днях я переехал на новое место, в связи с чем и посылаю в<ам> новый адрес (вернее 2 адреса, 1 — для писем, а другой — для посылок).

Адрес для писем почти такой же, что и предыдущий. Отличие состоит в том, что здесь почтовый ящик 215/2–03, а не 05, как было раньше. Подчеркиваю это, дабы вы не приняли это за опisku или не обратили бы на это внимание. Письма и посылки, посланные по предыдущему адресу, будут пересланы мне сюда, и вы можете быть совершенно спокойны на этот счет.

Чувствую себя удовлетворительно. Правда, изредка меня беспокоит сердце, но ведь это для меня не ново. Отдышка (sic!) несколько усилилась, и если я поволнуюсь или устану, у меня начинается аритмия, слабость, появляются круги перед глазами и т. д. В этих случаях мне дают какое-то лекарство и мне нужно полежать, пока сердце приходит в норму. Специальных лекарств мне никаких не нужно.

Как мне работается? До переезда очень хорошо. На смотре художественной самодеятельности (декабрь 1953) наш хор занял первое место (а кружок в целом, т. е. хор, оркестр и драм<атическая> часть — 2-е место). Теперь на новом месте опять приходится начинать сначала. Как оно сложится и каких успехов в работе удастся достичь — сказать пока трудно. Надеюсь, что и здесь не буду из последних.

⁵⁰ Далее строка или две вымараны цензурой.

⁵¹ Без даты, январь или февраль 1954 года.

Последнее письмо ваше я получил от 18-го декабря. Почему вы так часто болеете? Что является причиной этому? Из того же письма я узнал, что Эдочка имела какую-то временную работу до 1-го янв<аря>, а какую именно — не знаю. Я также не знаю, на каких она курсах не то учится, не то преподает. Письмо, в котором вы об этом писали, я не получил.

Что касается Эдочкиных настроений по поводу невозможностей подготовки диссертации, то я не одобряю их. Работать над собою нужно и должно всегда, даже когда не готовишься к конкретным зачетам, экзаменам и пр. Если Эдочка не может сейчас наметить тему диссертации, то отрасль литературо- или языковедения, в которой ей хотелось бы работать и специализироваться — уже может быть определена. В этой области — как и в смежных областях — и следует систематически углублять свои знания, изучать соответствующую литературу, собирать материал и т. д. Когда все это созреет и она приступит к какому-либо конкретному исследованию — собранные знания и скажутся.

Такой путь нередко плодотворнее гладкого пути из вуза в аспирантуру и т. д., это [который] все же ученический путь, несколько пассивный, а тут большая мобилизация внутренних сил, более активизированный путь. Так учиться хоть и труднее, зато здесь должно иметь место хорошее напряжение творческой энергии. Это сказано общо — но я ведь не могу быть в курсе деталей вашей жизни.

Напиши мне, пожалуйста, о работе Ирочки.

Последнюю посылку я получил 31 дек<абря>. Тушенка была очень вкусная, но позже апреля не посылайте таковой — испортится, верно, в дороге⁵².

Когда потеплеет, посылайте мне масло присоленное и частично шоколадное. Свежее сладкое портится. Колбасу можно присылать — пока холодно, — но не твердую⁵³. Перец не присылайте вовсе. Вещей носильных мне не нужно никаких. Я одет тепло.

⁵² Речь идет не о консервах, а о «домашней» тушенке.

⁵³ То есть не твердого копчения.

Пришлите мне пару конвертов с марками и рублей 20 денег (в посылке).

За ноты, присланные мне, спасибо. Я многое из присланного использовал и впредь смогу использовать. Прошу и в дальнейшем присылать мне ноты.

Книги, которые я просил в прошлом письме, постарайтесь прислать мне. Если ~~сейчас~~ [вам] не удастся достать хороший учебник по ист<ории> музыки (для вузов), то пришлите мне книгу Р. Грубера «Ист<ория> муз<ыкальной> культуры», имеющуюся дома. Пришлите по 1-й книге (снач<ала> ч. I, а впоследствии — ч. II). Если же вышла теперь новая работа в этой области, то лучше новую, книга Грубера доведена только до XVI ст<олетия>⁵⁴.

Крепко, крепко целую вас всех, дорогие мои. Ваш Моисей.

Мои адреса: для писем:

Иркутская обл., Шиткинский р-н, п/о Ново-Чунка, п/я 215/2-03

Для посылок:

Иркутская область, Алзатайский р-н, ст. Чуна, п/я 215/2-03.

21 апреля, 1954 г.

Дорогие мои!

Со вчерашнего дня нам разрешено писать без ограничения, и я уже пользуюсь этой возможностью. На этот раз напишу кратенькое письмецо.

15 апреля получил последнюю посылку. Не могу передать, как я сердился. В посылке нужно: кило сахару и кило жиру. Это основа. К этому можно прибавить [еще] кое-что: сыр или колбасу или печенье. А вы в одну посылку навалили и колбасы, и сыру,

⁵⁴ Береговский имеет в виду две части издания: *Грубер Р. И.* История музыкальной культуры. Т. 1, ч. 1: С древнейших времен до конца XVI века. М.; Л.: Государственное музыкальное издательство (МУЗГИЗ), 1941. 593 с. Т. 1, ч. 2: С древнейших времен до конца XVI века. 514 с. Следующий, второй том, посвященный музыкальной культуре Италии, Франции и Испании с середины XV века до начала XVII века, вышел в 1953 году.

и тушенки, и молока, какао, и еще, и еще. Зачем мне столько продуктов? Ем я мало, много мне не нужно.

Умоляю: ближайшую посылку высылайте не раньше 20–25 мая. Ассортимент — попроще и поменьше. Запасов мне собирать незачем.

Ноты и книги получил. Спасибо. Пока больше нот и книг не присылайте. Я и присланные могу теперь очень мало использовать — хор молодой, начинающий, и моих запасов, а также местных мне хватит надолго. В случае надобности могу написать.

На днях получил письмо <ваше> от 15 марта.

30 марта я написал жалобу на имя генер<ального> прокурора СССР. В основном я изложил то же, что писал в 51 г.⁵⁵

Мне непонятно, зачем нужно было тебе лично поехать в Москву⁵⁶. Это имело бы смысл, если бы можно было быть на приеме у кого-либо из ответственных лиц. А получить устный ответ от секретаря — для этого стоит ли приезжать?

Вам, вероятно, живется нелегко. Эдочка мало зарабатывает, а расходов у вас теперь гораздо больше, чем в прошлом году.

Я чувствую себя неплохо. Поздравляю вас всех с 1-м мая и с весной. Как ваше здоровье, дорогие мои? Как себя чувствует наша молодежь, Эллочка и Леночка? Говорит ли уже Леночка что-либо? Эллочка, мне пришла сейчас хорошая мысль — тебе уже пора с тетей Эдой начать занятия по какому-либо иностранному языку — какой именно — сами решите. Ты уж будешь обучать Леночку.

Крепко, крепко целую вас всех, дорогие мои.

Ваш М. Береговский.

22 IV Сегодня получил заказное письмо от 3-го апреля⁵⁷.

⁵⁵ Текст обращения неизвестен. Ответа Береговский не получил.

⁵⁶ Фраза обращена к жене, которая, не дождавшись ответа на предыдущее обращение, 2 марта 1954 года подала новое заявление на имя Генерального прокурора.

⁵⁷ Последняя фраза вписана на последней странице по левому краю.

***58

Элочка, родненькая!

Твои письма получил. И я, и друзья мои читали их с удовольствием. Спасибо. Ты пиши мне почаще. Напиши мне о себе и о Леночке. Хорошая ли она девочка, есть ли у нее зубки, [как она] сидит, стоит, ходит ли уже? Разговаривает ли она? Какие ты книжки читаешь — обо всем напиши мне. Крепко целую тебя и Леночку.

Дедушка.

20 июня 1954 г.

Дорогие мои! Сообщаю вам свой новый адрес для писем:

Иркутская обл., Шиткинский р-н, п/о Ново-Чунка, п/я 215/2-033

и для посылок:

Иркутская область, гор. Тайшет, 10-й разъезд, п/о Сосновые родники, п/я 215/2-033.

Письма, посланные по предыдущему адресу, будут мне пересланы сюда. Но вы пишете почаще и не стесняйтесь повторять более интересные новости в нескольких письмах. С предыдущего места я послал вам четыре письма, получили ли вы их?⁵⁹ Я пишу не меньше 2-х писем в месяц. Но не всегда люди, организующие отправку писем, достаточно добросовестны и не отправляют их своевременно.

Я чувствую себя удовлетворительно. Еще и еще раз прошу до конца июля мне посылок не посылать. Запасов мне не нужно, а имеющиеся у меня сейчас продукты меня вполне обеспечивают до конца июля. В посылке (в конце июля) масла не посылайте — летом мне трудно кушать жиры (само собой разумеется, что и сала не надо). Сахара в этой посылке тоже не посылайте. Посылайте сырки, нежирную колбасу и печенье. [Посылки килогр<аммов> — 5 не более]. Если можно — пошлите мне рубл<ей> 20. Молока и какао пока не посылайте. Нот не посылайте мне. Когда нужно будет — попрошу.

⁵⁸ Без даты. Почтовые штемпели: 12.5.54-23.5.54. Письмо написано крупными буквами.

⁵⁹ Эти письма не дошли.

Как вы поживаете? Здоровы ли, смогли ли организовать отдых летом? Как малыши?

Опять приходится вновь начать организацию хора. Репертуара у меня теперь достаточно.

Будьте здоровы, дорогие мои. Крепко целую Вас.

Моисей.

Приехал ли Лернер⁶⁰ в Киев?

10 июля 1954 г.⁶¹

Дорогие мои! На днях получил ваших три письма — 2 из Москвы и одно — от 20 июня — из Киева. Спасибо.

Получил также посылку, высланную в начале июня. Я уже много раз просил пропустить один месяц, дабы я мог ликвидировать собравшиеся у меня запасы продуктов. Умоляю: очередную посылку выслать не раньше 20–25 августа. Ко времени получения этой посылки у меня хватит продуктов. В случае переезда эти запасы весьма чувствительны для меня.

Нот не посылайте.

Начиная с 20 апреля я регулярно пишу вам 2 письма в месяц. Это шестое письмо, которое я вам посылаю. Если вы их не получаете, запросите у начальника управления лагерем (г. Тайшет) о причине. Укажите мой предыдущий адрес, так как письма посылают оттуда.

Я здоров и чувствую себя удовлетворительно. Прошу не волноваться, когда писем не получаете вовремя — я в этом не виноват и — главное — причин для волнения нет. Вы чаще болеете, чем я. Из состояния лазарета почти не вылезаете.

Какие у вас виды на летний отдых?

Хочу напомнить, что дети и малыши должны отдохнуть — об отдыхе и для тебя, Саррунька, следует серьезно подумать. Ведь ты теперь главная цементирующая сила всей семьи.

Будьте здоровы, пишите почаще.

Ваш Моисей.

⁶⁰ Лернер Иосл (1903–1994) был арестован в 1949-м, освобожден в 1954 году.

⁶¹ Почтовые штемпели: 05.08.54–06.08.54.

10 августа 1954 г.⁶²

Сарунька дорогая!

Сегодня получил твое письмо от 5-го июля, а несколько дней тому назад — от 10-го июля.

Мне больно, что ты так волнуешься, не получая моих писем. Надеюсь, что до сего дня ты уже получила майские и, вероятно, и июньские. Вооружись терпением и впредь спокойно дожидайся писем. Ты уверена, что я заболел. До сих пор получается совсем наоборот — вы все очень часто болеете, а я вовсе не болел ни разу. Сердце не в счет, в случае припадка я полежу день-два и прихожу в себя. Коротко — у вас никаких оснований для волнений нет. Я пишу аккуратно 2 раза в месяц, и в конце концов вы все письма получите.

Нам передавали, что [наши] жалобы из Москвы направлены в места, где мы арестованы. Я думаю, что секретариат генерального прокурора известил бы тебя об этом. На всякий случай справься в прокуратуре.

Неужели ты так и не выехала с Леночкой из Киева в ожидании моего письма? Тебе предстоит такая тяжелая зима, и хоть немного надо было бы отдохнуть. Мне ни нот, никаких вещей пока не нужно.

Крепко целую тебя, моя хорошая.

Твой М. Береговский

Поцелуй Леночку, а ко времени получения этого письма, то, верно, и Эллочка будет дома. Расцелуй обеих.

6-го сентября 1954 г.⁶³

Сарунька, родная! На днях получил твое письмо от 4-го августа. Очень обрадовался ему. Огорчает меня то, что вы до того времени не получили никаких писем моих, а меж тем я аккуратно пишу 2 раза в месяц.

Это дело [с письмами] поручено было бездушным, ленивым чинушам, для которых живые люди ничего не значат и волнения

⁶² Почтовые штампы: 18.08.54–25.08.54.

⁶³ Почтовые штампы: ?–10.09.54.

наших родных — пустое место. Сейчас лучше налажено, и я надеюсь, что в последнее время вы уже получаете [письма] систематически.

15 июня я переехал на новое место. На всякий случай сообщаю — в третий раз — свой новый адрес. Для писем адрес тот же, разница п/я 215/2–033 (т. е. вместо 03, теперь 033).

Для посылок другой: Иркутская область, гор. Тайшет, 10-й разъезд, п/о Сосновые родники, п/я 215/2–033.

В конце августа я получил посылку, высланную 15 июля. Спасибо, родненькие! Хотя она несколько задержалась при пересылке с 03, но продукты несколько не испортились. Вместо сырков (которые надоели мне) прошу прислать сыр в форме колбасы. Он мне кажется вкуснее. Вместо какао [и молока] я прошу прислать мне 2 коробки молока с кофе (готовое)⁶⁴. Сладкого (с сахаром) масла мне не посылайте. Теперь уже можно посылать свежее, слегка присоленное. Прошу также прислать не много (не больше клгр) луку, по возможности не горького.

Я здоров и чувствую себя сносно.

Неужели Ирочка опять болела дифтеритом? Что это с вами, отчего вы так часто болеете?

Как теперь, здоровы ли вы?

Целую вас всех, дорогие мои. Много-много раз целую Эллочку и Леночку.

Ваш Моисей.

Вещей мне никаких не нужно. Трусики получил, но и они мне не нужны. Нот мне пока не нужно. Привет всем. Привету от Мот. Ион.⁶⁵ очень рад. Когда вернется домой, расцелуйте его за меня.

⁶⁴ «Кофе с молоком», жестяная банка. Изготовитель: Завод пищевых концентратов № 2, Москва. Вес нетто 250 г. «Состав: молоко сухое, сахар-песок, кофе натуральный. Способ приготовления: 6 чайных ложек смеси тщательно перемешать с небольшим количеством теплой воды и залить кипятком при интенсивном помешивании. Общее количество добавленной воды — стакан (200 гр.). Для улучшения вкуса напиток рекомендуется прокипятить».

⁶⁵ Неустановленное лицо.

9-го сентября 1954 г.⁶⁶

Дорогие мои! 7-го сент<ября> получил от вас сразу три письма — от 9, 18 и 21 августа. Я уже писал вам, что в последнее время у нас значительные улучшения в отношении отправки и получения писем, и я надеюсь, что и ваши волнения кончились и вы теперь аккуратно получаете мои письма.

На всякий случай повторяю еще раз свой новый адрес:

Для писем — тот же, что и раньше, только п/я 215/2–033.

Для посылок:

Иркутская область, гор. Тайшет, 10-й разъезд, п/о Сосновые родники, п/я 215/2–033.

Если вы выслали посылку по адресу для писем, то я и ее получу.

Я здоров и чувствую себя удовлетворительно.

Хоть я легко представляю себе вашу жизнь, ваш быт, но все же хотелось бы знать и подробности. Я давно не получал ничего от Элочки. Надеюсь, что теперь и она мне напишет. Неужели Леночка никаких хохм не имеет. Правда, то, что она ест хорошо — это самое мудрое⁶⁷, что она может в своем возрасте продуцировать, все же хочется знать, как она развивается.

Справляешься ли, Саронька, с такой трудной нагрузкой? А вторая бабушка часто ли бывает, помогает ли она тебе?

Я в Москву писем-напоминаний не пишу⁶⁸. Думаю, что твоих достаточно.

Пишите мне часто, всего хорошего, целую вас всех крепко, крепко,

Ваш Моисей.

⁶⁶ Почтовые штемпели: 18.09.54–29.09.54.

⁶⁷ Игра слов. Хохма — *ивр.* «мудрость». Но хохмами называют также юмор, а в данном случае детскую речь.

⁶⁸ То есть новых жалоб и прошений.

Пятница, 24 сентября 1954 г.⁶⁹

Саррунька дорогая!

Не могу передать тебе, сколько хорошего пережил я в последние 10–12 дней. За это время получил от тебя несколько писем (последнее от 8 сент<ября>), 20-го получил бандероль, а вчера получил посылку. С тех пор как сменили работника, ведающего письмами, это дело налажено [у нас] прекрасно. Мы аккуратно получаем ваши письма, и хочу надеяться, что и вы теперь также получаете наши письма.

Ты недовольна тем, что я пишу очень коротко. Я писал и пространные письма, но ты их, к сожалению, не получила. Все же я впредь буду стараться коротко писать — это укорачивает путь наших писем к вам.

Я здоров и на этот раз напишу, что чувствую себя вполне удовлетворительно. Тебя пугает это определение, но напрасно. В моем возрасте могу ли писать другое? Я не боюсь, сердечные припадки у меня теперь гораздо реже, вот это и оцениваю «удовлетворительно».

За посылку спасибо. В октябре уже можно посылать «зимнюю» — масло свежее (слегка присоленное) 1 кгр., 1 кгр. сахара, немного печенья (пожалуйста, не присылай некоторое время сладкого — мне надоело, — а лучше солёное). Если можно, 1 кгр. колбасы или мяса отварного (к<а>к в прошлом году), бан<ку> горчицы. Больше ничего не нужно. Сырки мне очень надоели.

Вещей мне никаких не нужно. У меня есть и перчатки, и рукавички меховые, и шерстяные носки, и все что нужно. Ты прислала мне сетку⁷⁰ и трусы, а я их ни разу не надел.

Ты пишешь, что от моих писем веет обреченностью. Этого не может быть, у меня нет ощущения обреченности, но я стараюсь вообще не думать о скорых изменениях. Весною, когда я получил твое первое письмо из Москвы⁷¹, я очень бурно переживал [бу-

⁶⁹ Почтовые штемпели: ?–11.10.54.

⁷⁰ Сеткой называли легкое мужское нижнее белье (типа футболки) из сетчатой ткани (комм. Елены Баевской).

⁷¹ См. письмо от 21 апреля 1954 года.

душее] — кончилось длительной бессонницей. С тех пор прошло больше полугода, и я стараюсь [всячески ото]гнать эти мысли, поскольку я ничего сделать не могу для изменения моей участи.

В своей жалобе я коротко (все же заняла 7 страниц) по-деловому старался доказать, что в сущности и обвинения настоящего не было. За что же я сижу вот уже <нрзб>? Все же чувства обреченности у меня нет.

Какая Леночка чудная девочка! Все же не слишком ли много ты на себя взяла, оставив ее у себя?⁷²

Элунчик! Ты уже давно не писала мне. Я знаю, что ты не была в Киеве, была на даче, но с тех пор, как ты приехала домой, ты могла бы мне уже написать письмецо. Пожалуйста, сделай это и напиши, как ты лето провела, что делают папа и мама, как ты живешь с Леночкой, хорошая ли она девочка, любишь ли ее. Как ты с бабушкой живешь? У меня к тебе еще одна просьба: пожалуйста, не хворай больше, ведь бабушку совсем замучите, да и тебе самой, я думаю, тоже не так уж приятно болеть.

Целую вас всех крепко
Ваш Моисей.

Суббота, 2-е октября 1954 г.

Дорогие мои! 30-го сент<ября> получил ваше письмо от 16/IX. Видите, как хорошо теперь идут письма. Надеюсь, что и вы теперь вовремя получаете мои письма, и это больше не является поводом для лишних волнений и беспокойства.

Эдочкино письмо меня очень обрадовало. Мне приятно, что она хорошо работает, ищет хороший размах в работе.

Тема диссертации и мне кажется стоящей (sic). Не надо торопиться, лучше лишний год поработать, но работать надо с первого месяца систематически, максимально углубляясь в разработку вопроса. Эдочка не пишет, на какой именно литературе она собирается работать. Она, конечно, возьмет в основу франц<узскую> литературу, но мне кажется, что материал она попутно

⁷² Дочка Эды Моисеевны первые годы жила в Киеве с бабушкой и теткой (Ирой Моисеевной).

должна собирать (и впоследствии использовать в работе) все возможное из английской и немецкой литературы. Это сделает тему и шире, и богаче. Кстати, я считаю, что ей сейчас нужно было бы исподволь овладеть итальянским и испанским языками. При ее способностях это будет не трудно, а впоследствии ей очень пригодится. Как у нее обстоит дело с латинским яз<ыком>, знает она его хорошо или нет? А знать латынь нужно. Коротко — я очень рад, что она взялась за работу во всю мощь. Желаю успеха!

Саррунька! Из твоего письма от 8/IX у меня осталась царапина — будто Эдочка с Вад<иком> не так хорошо живут⁷³. Из Эдиного письма этого не видно. В чем же дело? Может, я неправильно понял тебя?

Как Ирочка и Изя? Как их здоровье? Как работа?

О себе? То же, что и раньше. Я здоров и чувствую себя неплохо (чуть не написал «удовлетвор<ительно>»), но вовремя спохватился. Тебя это слово пугает). Я уже месяца 1½ не работаю больше с хором. И здесь пришлось опять начинать сначала с очень слабеньким хором, и при первом удобном случае я сбыл его с рук.

Относительно своих настроений я писал в прошлом письме. Могу повторить и сейчас. У меня никакой угнетенности нет. Однако мечтать впустую я себе не разрешаю — это слишком дорого обходится. Все, что можно [было сделать] для того, чтобы добиться реабилитации — я сделал. Я написал по-деловому ген<еральному> прокурору. Больше ничего сделать не могу. Читением и др<угими> занятиями я стараюсь заполнить время, и когда придет лучшее, оно меня должно застать в хорошем виде не только физич<ески>, но и интеллектуально. Я буду готов к нормальной деятельности.

Как поживает Эллочка? Здорова ли она, ходит ли в садик? Почему она совсем перестала писать мне?

⁷³ Даже по меркам послевоенного времени условия жизни в Чистяково были очень сложны. В доме не было ни водопровода, ни туалета, отапливать его приходилось углем.

Леночка чудесная девочка! Эда пишет, что с ней уже можно поговорить и попеть. Воображаю, какие вы там концерты устраиваете!

Прошу прислать мне пару тетрадей и немного бумаги для писем. Какао и молока не посылайте мне. Кофе гораздо приятнее. Впредь посылайте не такое дорогое.

Целую вас всех, родненькие мои!

Ваш Моисей

19 октября 1954 г.⁷⁴

Саррунька! Твое письмо от 28/IX получил 12/X. Собирался тотчас ответить, но — как видишь — несколько затянул. Мне совестно. Впредь этого не будет — буду писать вовремя.

Раньше всего я должен развеять твоё совершенно неправильное представление о моем здоровье и душевном состоянии. Я здоров, не болею, и никакого угнетенного состояния у меня нет. Твоя интуиция на сей раз тебя позорно подводит, ибо решительно никаких оснований нет [и не было] для подобных предчувствий.

Что же касается мажорного тона, которого — по твоим словам — нет в моих письмах, то в этом ничего удивительного нет, и это ни в малейшей степени не связано ни с состоянием здоровья, ни с душевным состоянием. Я не могу дать себе волю мечтать по-пустому — это слишком дорогое удовольствие в моем положении, и в конце концов оно явилось бы только лишь выражением моих (и ваших) пожеланий, но не действительного положения вещей. Много ли стоили бы мои заверения в том, что, мол, скоро увидимся и т. д. и т. п. Все что я мог, я сделал: написал генеральному прокурору. Я стараюсь об этом не думать и жду ответа. Ответ слишком долго затягивается — это плохо. Если бы я знал, что так затянется, я просил бы прислать пару нужных мне книг. Сейчас я выбит из колеи и не знаю, стоит ли просить. Подожду еще некоторое время.

О посылках. Я уже много раз писал, что не стоит отдавать этому так много внимания и хлопот. Если ничего подходящего

⁷⁴ Почтовые штемпели: ?-21.10.54.

нельзя [нрзб.], то пришлите лишний $\frac{1}{2}$ клг. масла (т. е. вместо 1 клг. — $1\frac{1}{2}$) и все (тогда сыру вовсе не надо). Масло слегка присолите, чтобы не портилось. Если можно приготовить тушеное мясо — присылайте, если это трудно — то обойдусь и так. Горчицу, пожалуйста, пришлите. Можно один пакетик красного перца.

Газеты лучше бандеролью присылать. Пришлите, прошу, рубл<ей> 50 — у меня совсем нет денег. Сахар я могу купить у нас в ларьке (10 р<ублей> песок, 12 — раф<инад>). Стоит ли посылать?

У вас теперь наступил «именинный сезон». Передайте Эдочке — первой имениннице — мои поздравления и наилучшие пожелания.

В одном из писем я просил сладкого мне не посылать. Дайте мне немного отдохнуть от сладкого, а то я уже смотреть не могу на сладкое. Внеочередных посылок никаких не посылайте мне. Они мне не нужны. В ноябрьской посылке уже ни луку, ни яблок посылать нельзя — замерзнет.

Всего хорошего, дорогие мои.

Отдельно обнимаю малышей.

Целую Эллочку и Ленуську много, много раз и всех вас, родные мои.

Ваш Моисей

Как здоровье Ефима?⁷⁵

2 ноября 1954 г.

Саррунька дорогая! Письмо твое от 7-го октября получил. Спасибо, родная! Не могу передать тебе, сколько радости оно доставило мне и моим друзьям. Наконец-то я получил более или менее полное представление о Ленуське, которую ты очень хорошо описала. Теперь она передо мной как живая. Об Эллочке и говорить не приходится — ее-то ведь я хорошо знал и любил и раньше.

⁷⁵ Е. Б. Лойцкер. См. во вступительной статье примеч. 23, а также раздел «Имена», с. 287.

Мы радовались выздоровлению Еф<има>⁷⁶ и приезду его домой. Как его самочувствие, скоро ли сможет приступить к работе? Кто-то передавал, что дядя Эля умер⁷⁷. Правда ли это?

Посылку получил 26-го окт<ября>. Спасибо. Все (и яблоки, и лук) пришло в лучшем виде. За мясо спасибо — оно очень вкусно приготовлено. Стоит ли тратиться на коробки (кстати, сколько стоит такая?) — ведь можно посылать просто в бумаге — оно [совершенно] застыло. Лука больше не посылай — этого мне хватит надолго. Пирог не стоит посылать в свежем виде — лучше разрезать и засушить сухарями. Он у меня долго лежит — я раньше беру за продукты, которые портятся.

Сыру (бакштейн⁷⁸, голландский) можно посылать. Молока мне не надо. Кофе, если можно, пришли, пожалуйста. На время сладкого не присылай — надоело. Если будешь посылать мясо — то пришли [и] немного печенки.

У меня ничего нового. Я здоров, чувствую себя неплохо. Из Москвы ничего пока не получил⁷⁹. Сам больше не писал туда, думаю, что посылать напоминания не имеет смысла — это не ускорит пересмотр.

Всего вам наилучшего, дорогие мои. Крепко целую вас всех.

М. Береговский.

Впредь буду писать 1-го и 15-го каждого м<есяца>.

18 ноября 1954 г.⁸⁰

Здравствуйте, дорогие мои!

На днях получил твое, Саррунька, письмо от 26 окт<ября> (из Москвы), а несколько раньше — письмо из Киева, написанное перед отъездом. Я все время готовился к такому варианту и поэтому воспринял его не как неожиданный, а как будто уже из-

⁷⁶ Е. Б. Лойцкера. См. предыдущее письмо.

⁷⁷ И. Г. Спивак. См. во вступительной статье примеч. 17, а также с. 287.

⁷⁸ Бакштейн (Backstein) — лимбургский мягкий сыр из коровьего молока.

⁷⁹ То есть нет откликов на поданные жалобы.

⁸⁰ Почтовые штампы: 27.11.54–09.12.54.

вестный мне⁸¹. Думаю, даже уверен, что это не может быть окончательным решением, и терпеливо жду изменений. Из Москвы я ничего не получил (из прокуратуры).

Я здоров и чувствую себя вполне удовлетворительно. То, что я отказался от работы с хором, это ни в малейшей степени не послужит [к] понижению тонуса. Хор здесь настолько слаб, что приходилось идти на такие компромиссы, которые доставляли мне огорчения и раздражение и очень мало радости. Зачем же мне возиться с таким хором, тем более что среда худ<ожественной> самодеятельности здесь для меня малоинтересная⁸².

Если можно, прошу купить для меня недавно вышедшую книгу «Вопросы музыкознания» вып. 1 (Москва, Музгиз, 1954) и прислать ее. Она стоит 16 р. 85 к. Вчера получил «Литер<атурную> газету» (бандер<оль>). Спасибо.

Эллуська! Поздравляю тебя с днем рождения! Умоляю: не хворай больше! Мне просто стыдно: ты как старшая внучка, совсем уже большая (шесть лет!), и так много и часто хвораешь! Целую тебя много, много раз. Расцелуй за меня бабушку, маму и папу, а особенно — Ленуську. Передай им всем мои наилучшие пожелания. Как тебе понравилась Москва⁸³?

Всего хорошего, дорогие мои.

Ваш Моисей

24 ноября 1954 г.⁸⁴

Саррунька, родненькая! Три дня назад получил твое письмо, а сегодня получил посылку. Спасибо и за письмо, и за посылку. Я, признаться, уже беспокоился — из Москвы так долго не пишешь — значит заболела. В этом отношении и письмо несколь-

⁸¹ Речь идет о получении извещения от 30 сентября 1954 года за № 13/2328–51, сообщавшего, что заявление С. И. Береговской рассмотрено и оставлено без удовлетворения. (Документ хранится в личном архиве Елены Баевской.)

⁸² Береговский не интересовался тюремным фольклором, не пытался его записывать.

⁸³ Сарра Иосифовна вынуждена была брать внучку с собой в Москву, а не оставлять ее дома.

⁸⁴ Почтовые штемпели: 16.12.54–?.

ко заставляет меня волноваться. До сих пор (по крайней мере 15–17-го [с<его> м<есяца>]) ты в осеннем пальто и без бот. Как это можно было решиться поехать в конце октября в Москву в осеннем пальто? Мне нетрудно догадаться, что зимнее твое пальто порядком поношено (за это время ты себе нового пальто ведь не пошила⁸⁵) и ты не хотела, да и не могла показаться в нем в Москве. Но можно ли так рисковать?

Письмо в целом меня очень обрадовало, хоть недоволен я тем, что ты слишком глухо и «вообще» обо всем пишешь. Пожалуйста, напиши подробно: у кого ты была, чего ты требовала и что тебе ответили. Кстати — советовалась ли ты с юристом⁸⁶?

Я в своей жалобе кое-что упустил. Сегодня-завтра напишу ген<енельному> прокурору и прибавлю упущенное.

Посылкой я очень доволен. Еще раз спасибо. Лишнее здесь — сгущ<еное> молоко с кофе. Лучше было бы послать просто 100 гр. кофе (можно и не натурального). Печенье очень вкусное, но хватило бы и 2-х коробок. Я уже писал, что если нельзя достать сыру или чего-нибудь подобного, то присылай масла, мясо (заморозить его куском⁸⁷ и послать в бумаге), сахар и 100 гр. кофе.

К мясу хорошо баночку горчицы, а время от времени пакетик красного перца. Вот и все. Лимонов и мандарин не посылайте — они замерзают. Если захотите иногда побаловать меня — пришлите прессованные фрукты (дыни или что-либо другое)⁸⁸. Не

⁸⁵ Покупка готовой верхней одежды была в жизни советских людей событием редким, почти исключительным. Пальто чаще всего шили у портных или заказывали в ателье. Сарра Иосифовна сама обшивала семью, чаще всего перелицовывая и перекрашивая старые вещи. Иногда также шила на заказ (в том числе верхнюю одежду).

⁸⁶ В письме к дочери Эде от 26 октября 1954 года из Москвы Сарра Иосифовна сообщала, что договорилась повидаться с юристом. (Личный архив Елены Баевской.)

⁸⁷ То есть заморозить.

⁸⁸ Трудно достоверно установить, что имел в виду Береговский. Это могут быть вяленые фрукты, либо «концентрированные плодо-ягодные кисели», выпущавшиеся в виде прессованных таблеток весом 33 г (на 1 стакан киселя) (см.: Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1952. С. 314). Но кисель из дыни в каталогах отсутствует.

думай, Саррунька, что я капризничаю, а еще меньше думай о какой-либо болезни моей. В предпоследних посылках было слишком много сладкого (вплоть до сладкого масла), и мне это просто приелось.

Я здоров и чувствую себя неплохо. Зима уже стала у нас по-настоящему. Я уже писал вам, что зима здесь отличная — сухая, без ветров, и морозы сравнительно легко переносятся. Я на морозе мало бываю. Одет я тепло, и мне ничего не нужно. Даже плапочки, присланные, пока не нужны мне (другое дело — если бы они были темные, но это без намеков).

От всей души поздравляю очередную именинницу — Ирочку. Желая тебе, доченька, здоровья, сил и всего хорошего. Будем надеяться, что это последний год, когда мы празднуем свой общий день рождения врозь⁸⁹. Старую нашу традицию опять возобновим.

Целую вас всех, родные мои, много, много раз. Еще больше целую малышкой. (Эллочка, ты не обижайся, что я тебя малышкой называю. [Правда, тебе уже] шесть лет⁹⁰, в Москве месяц была, видела Мавзолей и Кремль, ездила на метро и т. д. — и вдруг малышка! Это я тебя любя так называю!)

Всего хорошего. Ваш Моисей.

В последнем письме я просил прислать мне недавно вышедшую книгу «Вопросы музыкознания» вып. I (Музгиз, 1954). Если она уже имеется в продаже, купите и пришлите мне (она стоит 16 р. 85 к.).

*** 91

Эллочка! Поздравляю тебя с днем рождения и с Новым годом! Тебе уже 5 лет (твоя первая пятилетка!), ты уже большая. Желая тебе быть здоровой, не хворать больше и быть хорошей девочкой.

⁸⁹ См. раздел «Имена» во вступительной статье. Это первый намек на ожидаемое освобождение.

⁹⁰ Береговский ошибается: в декабре Элле исполняется пять лет.

⁹¹ Без даты, ноябрь или декабрь 1954 года.

Хорошо ли ты живешь с Леночкой? Бабушка пишет, что она чудесная девочка. Ты тоже так думаешь? Крепко целую тебя, а ты поцелуй за меня Леночку.

Дедушка.

Понедельник, 13 декабря 1954 г.⁹²

Саррунька, дорогая! 6-го утром я написал вам письмо⁹³, а вечером того же дня получил от тебя сразу два письма. Третьего дня я получил твое письмо от 26 ноября. Не могу передать тебе, как я радовался твоим письмам. Спасибо, родная! Я их читал и перечитывал, и не мог нарадоваться им.

В октябре я послал тебе 2 письма, а в ноябре — 3⁹⁴. Получила ли ты их?

В октябрьских письмах я просил прислать мне книгу «Вопросы музыкознания» вып. I. В позднейших письмах я просил присылать мне впредь (вместо «Лит<ературной> газеты») журнал «Сов<етская> музыка». Если вы «Лит<ературную> газету» [уже] выписали, я и в этом случае прошу присылать мне «Сов<етскую> муз<ыку>». Выписывать этот журнал не стоит, его можно покупать в нотном магазине на Владимирской и присылать мне в посылке или бандеролью.

Следи, пожалуйста, за тем, чтобы мне не посылать дублированных номеров, как это случалось с нотами.

Что касается посылки, то я писал о том, что московскую получил вовремя и в полном порядке. Из Киева посылай мне такое: масло, сахар, вареное мясо и кусочек печенки (мясо заморозить и завернуть в бумагу), немного печенья (не сладкого). Если можно достать недорогой балык⁹⁵, можно прислать с ½ клг.

Что касается сладкого, то под этим я понимаю и печенье (сладкое), и торт, и пр<очее>. Мне все это надоело, и я некоторое

⁹² Почтовые штампы: 26.12.54-?.

⁹³ Письмо не сохранилось (возможно, не дошло).

⁹⁴ Сохранились письма от 2 и 19 октября и от 18 и 24 ноября (то есть одно утрачено).

⁹⁵ Балык — соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы.

время хочу отдохнуть от него. Мед пока не посылай. Если есть черная смородина — можно баночку. Горчицы прошу прислать. Молоко сгущеное и кофе с молоком не стоит присылать.

У нас теперь новый адрес, хоть мы никуда не переезжали. Адрес: Иркутская обл., Чунский р-н п/о Сосновые Родники, п/я 90/2–033. Этот адрес и для писем и для посылок.

Из Москвы я ничего не получал.

Я тебе в прошлом письме объяснил, почему я писать не буду.

Поздравляю вас, дорогие, с Новым годом. Желаю вам всего, всего наилучшего и крепко целую вас всех.

Ваш Моисей.

Особый привет малышам!

Воскресенье, 19 декабря, 1954 г.⁹⁶

Дорогие мои! Я хотел бы, чтобы вы это письмо получили к Новому году, и получите мои горячие поздравления и наилучшие пожелания. Хочется мечтать о том, что это последний раз мне встречаем Новый год врозь. А как оно получится в действительности?

Я здоров, чувствую себя неплохо. Простудными болезнями почти совсем не болею (климат здесь очень хороший). В большие морозы (больше 30°) я мало гуляю. Таких дней не так уж много. Чаще всего здесь 12–29⁹⁷ гр<адусов>, и я гуляю много. Одет я тепло, и мне из одежды ничего не нужно. Из ежедневных сводок о погоде (по радио) я знаю, что у вас зимы-то еще [почти] и не было. Хорошо, что в квартире тепло.

Как вы, дорогие мои? Здоровы ли, как живете? Кстати, как это Ира оставалась с Леночкой, она [разве] не работает?⁹⁸ Как ее здоровье? Я не могу пожаловаться, письма от вас получаю часто и подробные, но мне ваши письма доставляют столько приятно-

⁹⁶ Почтовые штемпели: 07.01.55–18.01.55.

⁹⁷ Обе цифры переправлены в большую сторону, вторая оказалась неразборчива: возможно прочитать ее как 23, 28 или 29.

⁹⁸ Вопрос касается периода, когда Сара Иосифовна ездила в Москву и брала с собой старшую внучку Элли, а младшая оставалась в Киеве под присмотром родной тети.

го (независимо от содержания), что прошу не скупиться и писать часто.

Чтобы не забыть: в посылках теперь запрещено посылать деньги. Если вы в дек<абрьской> посылке вложили деньги, то эти еще выдадут, а в январской уж ни в каком случае. Имейте это в виду. Пока мне деньги не нужны. Через некоторое время вы мне вышлете по почте руб<лей> 100, и этого мне хватит надолго. Но раньше, чем я напишу, не посылайте.

Получили ли вы мои окт<ябрьские> и ноябрьские письма?

Я просил прислать мне недавно вышедшую кн<игу> «Сов<етское> музыкознание» вып. 1⁹⁹. Кроме того, я просил [систематически] присылать мне журн<ал> «Сов<етская> музыка». Сегодня я должен был читать лекцию на тему: «Основные линии разв<ития> сов<етской> музыки». По техническим причинам она перенесена на будущее воскресенье. Хоть материалов у меня не так много, но все же я ее написал (лекцию).

Журн<ал> «Сов<етская> музыка» я не видел и за 54 г<од>. Купите последний из тех [номеров], что есть в продаже. Следите, чтобы не покупали дубликатов, как это бывало с нотами.

Целую вас, дорогие мои, крепк<о>, крепко. Ваш Моисей.

До нас дошли слухи, что дядя Эля умер¹⁰⁰. Правда ли это?

1 января 1955 года¹⁰¹

Эллочка, родненькая! Поздравляю тебя с Новым годом. Желаю тебе доброго здоровья и хорошего поведения. Спасибо за письмо и подарок ко дню рождения. Как ты живешь? Понравилась ли тебе Москва — ведь ты там была почти целый месяц? Как тебе понравилось метро, лестница-кудесница?

Ходишь ли ты в детский сад? Как ты живешь с бабушкой и с Леночкой?

⁹⁹ Это описка: Береговский просил выслать книгу «Вопросы музыкознания» (1954).

¹⁰⁰ См. письмо от 2 ноября 1954 года и раздел «Имена» во вступительной статье.

¹⁰¹ Письмо на отдельном листе написано крупными печатными буквами. Из письма от 7 января 1955 года понятно, что оно было послано отдельно.

Я хотел бы, чтобы ты была хорошая, спокойная и выдержанная девочка. Хочется [тебе] рассердиться на кого-либо, хочется тебе сказать грубость, а ты удержись, не сердись, не груби. Каждый раз вспомни, что дедушке это не нравится.

Расцелуй за меня папу, маму, бабушку и Леночку.

А я тебя целую много, много раз.

Дедушка.

7-го января 1955 г.

Саррунька дорогая!

В последнем письме от 2-го янв<аря> я писал вам об активировке инвалидов, которую мы ждем¹⁰². Активировка — это постановление медиц<инской> комиссии об устойчивой инвалидности и неизлечимости его болезней в наших условиях. На основании этого акта местный суд досрочно освобождает заключенных.

Я оказался в числе первой партии отправленных в больницу на медосмотр, и уже сегодня третий день как нахожусь на новом месте. Среди знакомых, которых я тут встретил, оказался и мой давнишний приятель Кивович¹⁰³. Я его вчера угостил обедом (мясо и яблоки). Яблоки оказались очень пикантным блюдом, все же мы решили, что лучше посылать вместо этого сухофрукты. Он просит меня поблагодарить тебя от его имени за столь вкусное угощение. Он не хотел оказаться в долгу и тут же выложил прекрасный торт, дело рук его жены. Оказывается, что и она чудесно печет. Здесь в больнице я пробуду около месяца. Когда меня сактируют, я должен указать адрес моих родных, которые могут взять меня на иждивение. Я укажу Ирочку, она ведь работает? Вчера я хотел телеграфно сообщить вам о своем переезде и предупредить, чтобы вы посылки не посылали. Это мне не удалось сделать. В феврале не посылайте посылки, пока я не укажу вам новый адрес. Посылки, блуждающие с места на место, могут быть

¹⁰² Упомянутое письмо не сохранилось (скорее всего, не было пропущено цензурой, поскольку Береговский в нем «подробно рассказывал о себе»).

¹⁰³ А. К. Козодой. См. раздел «Имена» во вступительной статье, в частности примеч. 85.

доставлены очень поздно. Посылка Рувима¹⁰⁴ в сент<ябре> прошлого года до сих пор где-то его разыскивает. То же относится и к бандеролям. Письма пишите чаще — они будут нам доставлены.

В последнем письме я много и подробно рассказал о себе. Того же числа я послал отдельное письмо Эллочке. Получила ли она его?

Я здоров и, как обычно, чувствую себя удовлетворительно. Поездка была очень легкая (12 клм. на машине). Одет я тепло, и в тот день был небольшой сравнит<ельно> мороз.

Как вы живете? Как здоровье всех вас? Как вы провели каникулы? Леночка, конечно, не узнала своих родителей. Только успела привыкнуть к ним, и они должны были опять уехать. Как это больно.

Я уже спрашивал в письме, как Вадик готовится к канд<идатским> экзаменам. Выбрал ли он тему для диссертации? Как Эдочкины дела?

Вы писали мне, что она показала свои переводы видному писателю. Кому именно?¹⁰⁵ Саррунька, старайся всеми силами поддержать в них хороший рабочий тон. Никаких поправок себе они не должны давать. Углубленная работа, работа с любовью и со всем пылом душевным — это самое благородное заполнение жизни.

Кончаю. Еще раз напоминаю, чтобы февральскую посылку выслали только по получении [соответствующего] адреса, т. е. когда я приеду на новое место после больницы.

В посылке не посылать: ни молока сгущ<еного>, ни консервов, ни кофе (в больнице не имею возможности использовать присланное кофе, и оно останется. Запасов мне никаких не нужно). Посылайте: клг. масла, сахар, мяса, немного сыру (с ½ клг.),

¹⁰⁴ То есть Р. Я. Лернера (см. о нем вступительную статью, примеч. 26).

¹⁰⁵ Эда Моисеевна переводила книгу Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Отдельные главы перевода были показаны Николаю Михайловичу Любимову (1912–1992) и Евгению Львовичу Ланну (настоящая фамилия Лозман; 1896–1958). Перевод получил высокую оценку, но опубликован не был.

гр<аммов> 300 театр<альных> конф<ет>¹⁰⁶ и немного печенья малосладкого (в последней посылке очень удачное). Сухофруктов с 1½ клг. Если не удастся сварить — я их и сырыми съем.

Крепко целую всех вас, родные мои.

Пишите часто. Ваш Моисей.

26 января 1955 г.

Дорогие мои! Вчера 25-го января постоянная выездная сессия Иркутского областного суда начала у нас работу. Мое дело вчера же было рассмотрено, и постановлением суда я освобожден. Это называется условное досрочное освобождение. Списки освобожденных посылаются в Москву, и там решают, кому можно ехать домой, а кому здесь (т. е. в Иркутской обл<асти>, или Красноярском крае) оставаться. Эта процедура длится месяца два. Хочу надеяться, что мне будет разрешено вернуться домой. Если же — паче чаяния — этого не будет, то я не успокоюсь — как и вы — до тех пор, пока такое разрешение не получу.

Как бы то ни было, мы и впредь должны добиваться полной [моей] реабилитации. Я никакого антисоветского проступка не совершил и без вины пребываю в заключении в течение 4½ лет¹⁰⁷.

Сегодня суд продолжает работу. Кивович пошел с утра.

Позавчера получил, наконец, ваших два письма (№ 6 и 8; 7-го пока нет). Мне жалко, если ты, Сарунька, ездила в Москву в январе. Уж лучше было бы ехать после того, что я судом освобожден. Это все же еще один новый мотив, который ген<еральный> прокурор может принять во внимание.

Мы не знаем, сколько мы здесь пробудем и куда нас повезут в ожидании ответа из Москвы. Помните, что я просил посылок не посылать, пока я не попрошу об этом. Возможно ведь, что посылка больше не понадобится, а лучше будет выслать наличными рубл<ей> 150. Об этом я напишу, как только выяснится наше положение. Без моих указаний ничего не делать. Ни книг, ни бандеролей мне пока не посылать.

¹⁰⁶ Театральные конфеты — леденцы.

¹⁰⁷ Береговский считает срок с момента ареста.

В полной мере это относится и к Соне¹⁰⁸. Кстати, она может иметь представление о том, что Кивович уже умирает — судя по тому списку болезней своих, которые он ей представил. Это не так. Мы старики, болезней у нас достаточно было уже и до лагеря, здесь мы, конечно, стали старше, следов<ательно>, многое усугубилось, но «умирать нам еще рано»¹⁰⁹. Мы еще «проскрипим», и хочу надеяться, что недалек тот час, когда их квартира вновь огласится былыми «кличами»: «Соня, подай ложку! и пр. пр.».

Когда Кив<ович> вернется в корпус — суд заседает в клубе, — мы сегодня к обеду решили угоститься мясом из стекл<янной> баночки. До сегодн<яшнего> дня мы ее не трогали, она на морозе стоит, а так как мне хотелось отдохнуть от мяса, то и он не брал ее. Сегодня мы отмечаем его освобождение (вчера вечером — мое) и решили приступить к этой баночке. Как видите, мы совсем не так плохо живем. Кроме мяса у нас еще есть печенье и много других вещей. Кстати, скажи Соне, что она слишком много гвоздики кладет в торт. Может быть, ей мало одного привередника, т<a>к нашелся новый. Ладно, критиковать [больше] не буду.

Кончаю. Всего хорошего, родные мои. Крепко, крепко целую вас всех много раз, а вскоре, надеюсь, и не только мысленно всех вас расцелую.

Ваш М. Береговский.

31 января 1955 г.¹¹⁰

Дорогие мои! Как видите, я еще в больнице. В ближайшие дни нас отсюда отправят, и, конечно, тотчас же напишу вам свой новый адрес.

Судя по всему, меня домой не пустят, а оставят где-нибудь в этих местах. Дело в том, что кроме категории «стойкий инвалид»

¹⁰⁸ Софья Исаевна, жена А. К. Козодоя.

¹⁰⁹ Береговский неточно цитирует строчку «Песенки фронтового шофера» из к/ф «Великий перелом» (1945; музыка Б. Мокроусова, сл. Н. Лабковского и Б. Ласкина).

¹¹⁰ Почтовые штампы: ?–14.02.55.

добавляется еще «может или не может себя обеспечить». У меня, как и у моего приятеля Кивовича, написано «может», а таких, вероятно, домой не отпускают. Впрочем — увидим на деле, что с нами будет. Нам, по крайней мере, еще ничего не объявляли...

От вас я, к сожалению, кроме двух писем № 6 и 8 ничего больше не получал. Я не упрекаю вас, ибо уверен, что вы писали, но 033 не торопится переводить, а письма, посланные на 038, еще не получены¹¹¹. Посылку еще не получил. Помните, что я просил в феврале не посылать, а ждать нового адреса и моих указаний на этот счет.

Чувствую себя неплохо. За 26 дней, что я здесь нахожусь, я даже поправился — много лежим, а питание неплохое. Кроме того, мы получаем молоко и масло (гр<аммов> 20–25). Мне дали 10 уколов (глюкоза, никотин и еще что-то). И это, вероятно, помогло лучшему самочувствию. [Боли в] пояснице прошли почти совсем. Лечился я весьма примитивным средством — натирал поясницу скипидаром, так как грелки было трудно достать.

Всего хорошего, дорогие мои.

Крепко целую вас.

Ваш Моисей

11 февраля 1955 г.¹¹²

Последние дни получил от вас три письма: от 26 янв<аря>, 31 янв<аря> и 1-го февраля. Телеграмму также получил. Я хотел сразу ответить, но так как позавчера мне передали перевод на посылку, то я отложил письмо, пока получу посылку. Однако и сегодня с почты не привезли посылок (говорят — завтра), и я решил [больше] не ждать. Когда получу посылку, еще раз напишу.

Я уже писал вам, что в результате активировки я получил инвалидность (диагноз врачей — нетрудоспособен), однако с оговоркой — «может себя обеспечить». Это противоречит логике — но

¹¹¹ 033 и 038 — последние цифры «почтового ящика» (они же — номер подразделения, к которому приписан арестованный).

¹¹² Почтовые штемпели: ?– 04.03.55.

что поделаешь. Следовательно — я пока не нуждаюсь в иждивении. Что будет дальше, когда поеду на место жительства — трудно сказать. Я обо всем подробно писать вам буду. Во всяком случае — беспокоиться вам незачем. На первое время у меня на жизнь есть — у меня осталось 90 р<ублей>, а у Кивовича я взял 50, след<овательно>, у меня 140 р<ублей>. Продуктов у меня тоже достаточно. Из новой посылки мы, вероятно, мясо съедим, а остальных продуктов мне хватит (я, правда, не знаю, что там есть). Кивовичу я дам (так мы договорились) 750 гр<аммов> масла (из моих остатков) и клг. сахара.

Я, скорее всего, поеду в Караганду. Там и климат<ические> условия лучше, там и с овощами и фруктами можно быть обеспеченным. Конечно, лучше всего было бы теперь получить из Москвы полную реабилитацию [и поехать прямо в Киев], но это ведь не совсем от нас зависит.

Бандероль до сих пор не получил. На 033, вероятно, считают, что я из больницы уже уехал. Хоть посылку они на днях перевели сюда. Ничего пока не посылайте, ни посылки, ни денег, ни газет. Если нужно будет, я телеграфно попрошу денег.

Саррунька, твой фантастический диагноз насчет болезней, которые я собираюсь лечить 200 гр<аммами> печенки (жареной или вареной), меня привел в восторг. И может же подобное прийти в голову! Bravo, bravo!

Мне непонятно, почему Ирочка не работает. Что там случилось?

Целую вас всех крепко, крепко.

Ваш Моисей.

Воскресенье 13-го февраля 1955 г.¹¹³

Здравствуйте, дорогие!

Вчера, наконец, получил посылку. Все дошло в отличном виде. Ничего не испортилось и не разбилось. Сегодня мы уже могли завтракать мясом с горчицей (неужели мне не хватило бы одной баночки?), пощелкали орехов и закусывали конфетами (не житье,

¹¹³ Даты по почтовому штемпелю: ?–15.02.55.

а масленица!). Все же мы решили, что раньше всего нужно налечь на одно мясо, и поэтому мы отставили разные масла и сыры на будущее.

Мясо в бумаге пришло в отличном виде. Имей в виду, что б<ольшая> часть коробок пластмассовых ломается в дороге, а тут в непропускающей бумаге оно (мясо) находится в лучшем виде. Не нужно было посылать рис. Но поскольку это всего 400 гр<аммов> (мешочек разорвался и пришлось его собирать из ящика), то не стоит и говорить об этом. Мясо больше присылать не придется. Полученной посылки плюс остаток прошлых мне хватит на добрый месяц, т. е. до середины марта. В марте посылать мясо уже нельзя, тем более что я, скорее всего, поеду отсюда в Караганду. Там весна раньше, чем здесь, наступает. Так как я пока никакого представления не имею о том, что будет через месяц, где я буду находиться, какие там будут условия, что мне нужно будет, а что и не нужно вовсе, то никаких посылок не посылайте без моей просьбы. Когда приеду и ознакомлюсь с новыми условиями жизни, я обо всем подробно писать буду.

Пока что у меня ничего нового. Когда поедем — неизвестно. С Кивовичем живем вместе, спим рядом. Думали мы, что это на пару недель, а оно, как видите, тянется уже 2-й месяц.

На днях я заполнил опросный лист, где указал Изю¹¹⁴. Может случиться, что придут к вам с обоими опросными листами¹¹⁵ (но может, и ни с одним — все бывает!), то не волнуйтесь по этому поводу.

Элочкину открытку — поздравление с Новым годом получил. Спасибо, родненькая.

Носовые платки тоже получил.

Могу вам открыть секрет, что из всех платков, которые вы мне по разным поводам посылали, я ни одного не использовал по назначению. Повседневно пользуюсь платками, которые я привез

¹¹⁴ То есть зятя как родственника, который будет ответственен за Береговского как за иждивенца.

¹¹⁵ То есть на дочь Иру (которую, по-видимому, Береговский назвал сначала) и на ее мужа.

с собой. Раз в десять дней стираю их в бане, и до сих пор они мне служили верой и правдой (часть уже изорвались и я их выбросил, речь идет о тех, которые еще могут быть использованы). Что касается посылаемых мне, то часть из них я дарил кое-кому (чаще всего уходящим на волю), а остальные лежат в мешке. Один служит мне для вытирания стекол¹¹⁶, а остальные ждут своей очереди. Поскольку я вскоре буду жить на воле, то, верно, придется обратиться к запасам платков. Хоть вес их мал, но выбрасывать их было бы больно — тем более что это так много напоминает мне вас, дорогие мои. Но в сумме с другими вещами, которые тоже невозможно пока выбросить, делают мешок очень тяжелым (относительно моих слабых сил. Все же не молод [никак не решусь писать «старик»] и сердечник к тому же!). Чтобы не носиться с мешком (вернее, с мешками, — ведь кроме вещевого у меня есть и продуктовый мешок, о весе которого вы заботитесь весьма рьяно), я заказал себе маленькие саночки, которые я привяжу к мешку (наглухо, так сказать). Вozить мне легко, а носить не могу.

Как видите, я и тут не могу обойтись без рационализаторских приспособлений.

Будьте здоровы, дорогие мои. Я буду часто и подробно о себе писать.

Крепко целую всех вас,
Моисей.

Суббота 19-го февраля 1955 г.¹¹⁷

Дорогие мои!

У меня пока ничего нового — я все еще в ожидании поездки. На всякий случай я решил вкратце повторить все то, что я писал вам неоднократно. Я актирован и судом досрочно освобожден. Это все соответствует постановлению надлежащих органов. Но в дальнейшем начинаются совершенно нелогичные последствия. Меня актируют как стойкого инвалида, болезни которого неиз-

¹¹⁶ Скорее всего, стекол очков.

¹¹⁷ Даты по почтовому штемпелю: ?–25.02.55.

лечимы в наших условиях; с осени 1952 г. медкомиссия меня признала нетрудоспособным, а тут вдруг я оказываюсь инвалидом нетрудоспособным, но могущим себя обеспечить. На основании этой последней отметки меня на иждивение родных послать не могут (я могу сам себя обеспечить!), а должны послать либо в Красноярский край, либо в Карагандинскую область. Я уже писал вам, что решил выбрать Караганду. Если там придется задержаться некоторое время, то там легче будет доставать овощи, и там все же и теплее, и ближе к дому. Правда, говорят, что там ветры очень беспокойные, но люди живут ведь. Я надеюсь, что по приезде меня направят во ВТЭК¹¹⁸ и там определят более правильно мое состояние.

Я от вас получил последнее письмо от 1-го февраля. Почему нет дальнейших писем? Я думаю, что вы не пишете, так как считаете, что я уже выехал отсюда. Мне, конечно, хочется знать, как вы живете, была ли ты, Сарра, в Москве, что нового?

Если вы действительно это время не писали — будет очень досадно. 17-го мы с Кивовичем телеграфировали в Киев. Из этой телеграммы вы могли заключить, что мы еще здесь. Думаю, что здесь задержимся не меньше, [чем на] неделю.

Я в некоторой растерянности. Это письмо вы получите в конце февраля. Может случиться, что мы тут задержимся и дольше. Я постараюсь телеграфно сообщить вам свой новый адрес, дабы перерыв у нас был бы возможно короче.

Пока мы не выехали, мы стараемся через 2–3 дня писать то вам, то Соне¹¹⁹. Всего хорошего, дорогие мои.

Ваш Моисей.

Письмо совершенно неудовлетворительное — не пишется. Не взыщите, откладывать не хотелось, и приходится мириться.

Целую Ваш Моисей.

Привет Кивовичу и Соне.

¹¹⁸ ВТЭК — врачебно-трудоу экспертные комиссии, учреждены в 1929 году. Занимаются установлением наличия инвалидности.

¹¹⁹ Софье Исаевне, жене А. К. Козодоя.

Воскресенье 27 февраля 1955 г.

Дорогие мои!

Уверен, что, когда получите настоящее письмо, вы уже успели получить живой привет от Кивовича. Вчера он, неожиданно для себя и для всех нас, выехал в Киев. Правда, он сделал оплошность. Дело в том, что по нашему освобождению в самом Киеве жить не разрешается, но в нескольких километрах от города — напр<и-мер>, ближайшая дачная местность — можно жить. Он же думал, что речь идет о расстоянии в 101 кил<ометр>¹²⁰. Не сомневаюсь, что это недоразумение легко разрешится в Киеве.

Сегодня я с уверенностью могу сказать вам, дорогие мои, что в ближайшее время и я поеду в Киев. Никакой Караганды и пр<очих> мест мне не придется знать. Искусственно, вернее, бумажно, можно из меня сделать рабочего, как это делали со многими другими. Однако когда хозяйственные организации столкнулись с фактом, что им присылают людей активированных и к работе негодных, они отказались принять их. Будьте совершенно спокойны, дорогие мои. Мне этих добавочных трудностей больше не придется переносить.

Кивович расскажет вам, что я себя чувствую неплохо, стремлюсь все перенести максимально спокойно — коротко, я хочу, чтобы вы меня встретили в лучшем виде. Если мне придется ехать через Москву, то я не знаю, куда деться от поезда к поезду. По городу ходить мне будет неловко, т<a>к к<a>к мое верхнее одеяние (бушлат) хоть и теплый, но довольно грязный, лоснящийся, и мне будет неловко куда-нибудь заехать в таком виде. Если это

¹²⁰ 101 километр (сто первый километр) — неофициальный термин, обозначающий способ ограничения в правах, применявшийся в СССР к отдельным категориям граждан. Им запрещалось селиться в пределах стокилометровой зоны вокруг Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик (Киев, Минск и др.), многих крупных, а также «закрытых» городов. В 1930-е годы за сто первый километр высылали «врагов народа» (права проживать в столицах могли быть лишены также члены их семей). В 1953 году это были амнистированные, а позже неугодные власти (тунеядцы, диссиденты и др.), а также пьяницы, проститутки, бомжи, цыгане, инвалиды, — те, кто «портил имидж городов».

возможно, то напишите Любе¹²¹, чтобы она приехала на Киевский вокзал, где мы с ней и встретимся. Поезд наш приходит на Казанский вокзал, но так как может случиться, что поезд приходит на рассвете, то не стоит ей беспокоиться. До Киевского вокзала я доберусь на метро, там смогу ждать ее в условленный час. Это я пока пишу общо. Когда выяснится, что я еду, то в Тайшете узнаю точно время прихода поезда, и я вам сообщу телеграфно, вы же сообщите Любе, я ведь ее адреса не помню. Если ко времени получения этого письма от меня уже будет телеграмма, то сообщите, успеете ли вы послать в Москву письмо авиапочтой по адресу: почта — Киевский вокзал до востребования. В письме напишите, удобно ли мне позвонить Соломоновичу¹²², Меносевне¹²³. Если да — то сообщите мне номера <их> телефонов.

Не вздумай, Сарунька, ездить в Москву встречать меня — ты, кажется, об этом писала в каком-то письме. Мне очень хочется с тобой повидаться возможно скорее, но тратиться на поездку в Москву нельзя вам. До сентября — до начала учебного года — я работы, вероятно, иметь не буду, во всяком случае, постоянной работы, и нам будет нелегко. Кое-что придется потратить на одежду, и поэтому нецелесообразно делать излишние расходы.

Последнее письмо от вас я получил от седьмого февраля. Каждый день хожу спрашивать, и — увы — письма нет. Неужели не писали больше? Я делаю усилия воспринять это возможно спокойно. Вы, верно, думаете, что я давно уехал отсюда. Правда, 17 февр<аля> мы телеграфировали Соне, и по этой телегр<амме> вы знаете, что я здесь. Как бы то ни было, я не в претензии.

Санки мои вчера оказались очень полезны уезжающим¹²⁴. Я сегодня заказал для себя другие. До скорого свидания, дорогие мои, целую вас всех. Моисей.

¹²¹ Неустановленное лицо.

¹²² И. С. Рабиновичу. См. вступительную статью, примеч. 3.

¹²³ Б. М. Гейбер. См. вступительную статью, примеч. 79. Береговский называет «еврейское» отчество, по которому посторонним трудно вычислить упоминаемого им человека.

¹²⁴ То есть их стащили.

6-е марта 1955 г.¹²⁵

Дорогие мои!

Я, как видите, все еще здесь. О своем положении пока ничего определенного не знаю. Ошибка моя в том, что я не настаивал, чтобы вы поскорее выслали справку об иждивении. Все, что проделала Соня, вы должны были проделать от себя. Если вы до сих пор не получили запроса о согласии взять меня на иждивение, то напишите сами, заверьте подписи у нотариуса и пошлите ее по адресу (заказным): Иркутская обл., Чунский р-н, п/я ПВ 120/2.

Формы этой справки я не знаю. Нетрудно самим составить или посоветоваться с кем-либо. Поскольку Соня все это уже проделала, то лучше всего с ней и посоветоваться. Главное — не затягивать, сделать это в 1–2 дня. Копию мне пошлите (не заверенную), дабы я был в курсе. Если Кивович уже приехал, пусть мне напишет или вам расскажет, как он ездил — до Москвы прямо или с пересадками, можно ли достать плацкарту и сколько она стоит.

Я получил 2 открытки Сони от 22 и 24 февраля. Из этих открыток я узнал, что мама¹²⁶ поехала 21 в Москву. От вас ничего не получаю — последнее письмо от 7/II.

Я написал бы маме в Москву, но не знаю Любиного адреса.

Итак — не откладывайте со справкой и пишите мне почаще.

Крепко целую вас, родные мои.

Ваш Моисей.

9 марта 1955 г.

Дорогие мои!

Только лишь позавчера, 7 марта, я получил обе телеграммы из Москвы. Только сегодня ответил, — ибо должен был выяснить возможность остаться здесь впредь до выяснения вопроса о поездке домой. Сейчас вопрос собственно стоит так, ждать ли мне окончательного ответа (как по активировке, так и по реабилитации) на 038 или на каком-либо ближайшем пункте.

¹²⁵ Почтовые штампы: ?–21.03.55.

¹²⁶ То есть Сарра Иосифовна.

О поездке в Караганду или Красноярский край сейчас не может быть и речи. Мне, конечно, не хочется никуда [зря] ездить, и пока я остаюсь тут, а там — если все же затянется дольше, чем на месяц — видно будет.

Я уже писал вам, что после письма от 7/II я от вас никаких писем не получал. Недавно получил 2 открытки Сонины, из которых я узнал, что ты, Саррунька, в Москве с 22-го февраля.

У меня ничего нового, жизнь достаточно однообразна и тосклива.

Жду ваших писем — трудно описать, как я их жду. Кроме писем мне ничего не нужно, ни продуктов питания, ни денег. На дорогу мне хватит, а здесь я потребляю очень мало.

Не задерживайте справку об иждивении, это ускорит мой приезд.

Крепко целую вас, дорогие мои.

Ваш Моисей.

11 марта 1955 г.¹²⁷

Дорогие мои! Хотя у меня ничего нового пока нет, все же пишу вам пару слов. Когда поеду домой — выяснить пока не удалось. Письма от вас пока не получил. Сегодня третий день лежит моя телеграмма (ответ), и не удается ее отправить. А вы волнуетесь, но что я могу сделать.

Вы с вашей стороны должны всячески торопить с отправкой справки [об иждивении] — этим вы ускорите мой приезд. Кстати — один получил такую справку из Киева, и она была заверена в районе милиции¹²⁸. Там это сделали — как пишут в письме — без проволочек и даже охотно. Примите это к сведению.

Жду ваших писем, [на] телеграммы не тратьтесь — они получаются не скорее писем. О реабилитации телеграфировать разрешаю.

Целую вас всех. Моисей.

¹²⁷ Почтовая карточка. Даты по почтовому штемпелю: 17.03.55–26.03.55.

¹²⁸ То есть в районном отделении милиции.

11.03.55

[телеграмма]

Киев Торицкий переулок 4 кв 7 Береговской

Ново-Чунки 1/123 14 11 1528

Выяснения возможности ехать Киев остаюсь здесь — Моисей

18.03.1955

[телеграмма]

Киев Троицкий переулок четыре квартира семь Береговской

Боготола¹²⁹ 0380 17 18 1013

Еду домой Тайшета сорок первым Москве двадцать второго целую — Моисей

¹²⁹ Боготол — город в Красноярском крае, а также станция Красноярской железной дороги.

«Почему остался живой?» Интервью с Борисом Каменко

*Подготовка к публикации,
вступление и комментарии И. В. Ребровой*

С 2018 года я реализую выставочный проект «Помни о нас...»¹. Он посвящен памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, которые стали жертвами нацистов в период оккупации регионов Северного Кавказа. Проект финансируется немецким фондом «Память, ответственность и будущее», Центром изучения антисемитизма при Техническом университете Берлина и Ростовским отделением Всероссийского общества охраны памятников и культурного наследия. В период подготовки выставки летом 2018 года я посетила все выявленные мной места уничтожения этих групп жертв, пообщалась с представителями лечебных и образовательных медицинских учреждений, в результате чего круг партнеров выставки расширился до 16 организаций. Среди них оказался и Ставропольский государственный медицинский университет (СтГМУ), на базе которого с 2013 года существует Музей истории СтГМУ, а его коллектив занимается изучением и восстановлением истории вуза². Особое внимание сотрудники музея уделяют военному периоду и судьбам

¹ Более подробно см. официальный сайт проекта «Помни о нас...». URL: <https://nsvictims.ru> (дата обращения: 20.09.2022).

² «Музей истории СтГМУ» // Официальный сайт СтГМУ. URL: <https://stgmu.ru/?s=academy&k=departments&id=194> (в настоящее время ресурс недоступен).

профессорско-преподавательского состава Ставропольского (в то время Ворошиловского) медицинского института в период оккупации Ставропольского края со 2 августа 1942 по 27 января 1943 года³. В августе 1941 года в Ставрополь был эвакуирован Днепропетровский медицинский институт, который с начала 1941–1942 учебного года слился с местным учебным заведением. Ввиду стремительного продвижения войск Вермахта⁴ летом 1942 года на Северный Кавказ эвакуация вуза была сорвана, в оккупации оказалась значительная часть сотрудников и студентов института, многие из которых были евреями. Уже 8 августа 1942 года бургомистр города издал приказ о регистрации всего еврейского населения с восьмилетнего возраста под угрозой расстрела. В бывшем здании НКВД базировалась штаб-квартира Айнзацкоманды 12 Айнзацгруппы Д. «Воззвание к еврейскому населению» предписывало всем эвакуированным евреям собраться 12 августа 1942 года в 7 часов утра на Ярмарочной площади вблизи железнодорожного вокзала для «переселения»⁵. Часть явившихся на регистрацию евреев была сосредоточена в тюрьме и во дворе бывшего здания НКВД. Массовые казни (расстрелы и удушение в специальном автомобиле «газваген», более известном в народе как «душегубка») немцы и местные полицаи производили на территории аэродрома⁶. В последующие дни были убиты и местные евреи, их тела захоронили недалеко от психиатрической больницы⁷. Жертвами Холокоста стали 33 сотрудника

³ В период с 1935 по 1943 год Ставрополь назывался Ворошиловском, а Ставропольский край носил название Орджоникидзевский с 1937 по 1943 год. В предисловии к публикации и в тексте интервью используются названия «Ставрополь» и «Ставропольский край» соответственно.

⁴ Здесь и далее в тексте слова вермахт, айнзацгруппа и зондеркоманда даются в авторском написании.

⁵ Воззвание к еврейскому населению Ворошиловска // Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. ОФ 23307.

⁶ «Ворошиловск» // Холокост на территории СССР: энциклопедия / под ред. И. А. Альтмана. М.: РОССПЭН, 2011. С. 185.

⁷ Акт ЧГК по г. Ставрополю от 26 февраля 1943 года // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 1. Л. 91–92.

медицинского института и 39 человек членов их семейств, всего 72 человека⁸. В музее СтГМУ сохранились личные дела профессорско-преподавательского состава, одним из экспонатов стала докторская диссертация заведующего кафедрой биологической химии Я. С. Бляхера, защищенная им в 1940 году. Сотрудники музея во главе с его основателем доктором исторических наук А. В. Карташевым на основе имеющихся списков профессорско-преподавательского состава вуза военных лет и актов Чрезвычайной государственной комиссии по г. Ставрополю восстановили биографии практически всех известных медиков, ставших жертвами Холокоста в августе-сентябре 1942 года⁹.

Знакомясь с материалами музея и документальным фильмом «Семестр, которого не было»¹⁰, повествующим о сотрудниках вуза в годы войны, я невольно вспомнила об интервью с Борисом Львовичем Каменко¹¹ для Фонда Шоа (позже разместившегося в стенах Университета Южной Калифорнии и известного в России как Фонд Спилберга — University of South California Shoah Foundation, далее — USCSF). В рамках работы над докторской диссертацией, посвященной памяти о Холокосте на Северном Кавказе, я изучила более 300 устных интервью с евреями, пережившими Холокост в этом регионе, записанных в 1990-х годах для этого фонда. Интервью с Каменко было достаточно продолжительным (оно состоит из шести тридцати-

⁸ Акт ЧГК по г. Ставрополю от 12 июля 1943 года // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 1. Л. 77–78. См. также: «Помни о нас...»: каталог выставки, посвященной памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, убитых в период нацистской оккупации Северного Кавказа / под ред. И. В. Ребровой. Краснодар: типография «ЭдАрт принт», 2019. С. 173–184.

⁹ Ставропольский медицинский: дорогами войны: биографический справочник / под ред. А. В. Карташева. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2015. С. 174–195.

¹⁰ «Семестр, которого не было. Оккупация». Творческая мастерская «Братья Карташевы». Ставрополь, 2018. 41 мин. 47 сек. URL: <https://youtu.be/B2QCN-IEPM> (дата обращения: 17.05.2021).

¹¹ Интервью с Борисом Каменко, 1923 года рождения, интервьюер Елена Леменова, 18 апреля 1997 года, г. Дзержинск, Россия. 6 кассет, 165 мин. // USCSF Visual History Archive, код интервью 30577.

минутных видеокассет) и весьма информативным. Борис Каменко был сыном Льва Борисовича Каменко (1879–1942), заведующего кафедрой биологии Ставропольского медицинского института. Коллеги из СтГМУ располагали краткими биографическими сведениями о деятельности ученого. Было известно, что он работал в вузе с 1937 года и погиб вместе с другими евреями города¹². Интервью с его сыном, которому удалось пережить оккупацию, содержало в себе много ранее не известных коллегам из СтГМУ деталей о жизни и деятельности Л. Б. Каменко, что послужило поводом для дальнейшей работы по восстановлению биографии ученого-медика¹³. Наиболее эмоциональный сюжет видеointервью, где Борис Каменко рассказывает об убийстве евреев Ставрополя членами Айнзацкоманды 12 и о том, как ему лично пришлось закапывать могилу своих родителей, стал частью выставки «Помни о нас...» и доступен для просмотра на официальном сайте проекта¹⁴. Однако, с моей точки зрения, ценность представляет все интервью, поэтому в 2021 году я получила от фонда дополнительные права на публикацию его расшифровки.

Интервью с Борисом Каменко, 1923 года рождения, было записано Еленой Леменовой в городе Дзержинске Нижегородской области 18 апреля 1997 года. Как и все интервью, записанные в рамках проекта USCSF, оно состоит из трех частей¹⁵. Первая

¹² См.: Ставропольский медицинский: дорогами войны. С. 183.

¹³ *Карташев А. В.* К вопросу о гибели сотрудников Ставропольского медицинского института: судьба выжившего очевидца // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. А. В. Карташева. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2019. С. 35–41.

¹⁴ Фрагмент интервью с Борисом Каменко, 9 мин. 30 сек. URL: <https://youtu.be/t72C0JLIWWc> (дата обращения: 17.05.2021).

¹⁵ Более подробно о структуре интервью для USCSF и моем анализе интервью с пережившими Холокост на Северном Кавказе см.: *Rebrova I.* Re-Constructing Grassroots Holocaust Memory: The Case of the North Caucasus. Berlin-Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. P. 248–267.

часть — это воспоминания о жизни семьи до войны, рассказ о родственниках, увлечениях, осознании себя как еврея. Центральная часть посвящена рассказу о периоде Второй мировой войны, оккупации и истории Холокоста в Ставрополе. После регистрации еврейского населения, на которую явилась семья Каменко, члены айнзацкоманды 12 отобрали Бориса в числе тридцати физически развитых и молодых мужчин (несмотря на сильную близорукость и ношение очков с диоптриями), которым предстояло закапывать трупы евреев на окраине города. Отобранные евреи, оставшиеся в живых после выполнения этой работы, были помещены в тюрьму СД. Борис находился там почти четыре месяца, до декабря 1942 года, а потом ему и еще одному арестанту удалось бежать. Рассказ о скитаниях по Ставропольскому краю завершается историей об освобождении города. Третья часть интервью посвящена послевоенной жизни рассказчика, учебе и работе, его принятию себя как еврея в условиях расцвета государственного и бытового антисемитизма. Классические интервью для USCSF записывались согласно примерной схеме, в которой центральное место (до 60 % времени) уделялось военной истории и по 20 % времени распределялось на довоенный и послевоенный периоды. Особенностью интервью с Каменко является то, что военному и послевоенному периоду отведено практически одинаковое количество времени. Каменко на протяжении более чем 20 послевоенных лет периодически привлекался следственными органами и сотрудниками НКВД-МВД для дачи показаний против подозреваемых в преступлениях советских коллаборационистов и нацистских преступников в городе Ставрополе. Эта часть интервью, пожалуй, представляет наибольший интерес, так как до сих пор материалы послевоенных советских судебных процессов засекречены и недоступны исследователям на территории современной России.

Борис Каменко — образованный, грамотный и интересный рассказчик. Текст интервью расшифрован дословно Анастасией Кахарук и проверен Галиной Ребровой. В финальной версии транскрипции были удалены частые слова-паразиты, такие как

«ну», «значит», «и так далее», «и прочее», «вот», и согласованы падежные окончания в некоторых предложениях. Знаки препинания расставлены согласно интонации говорящих. Переход к новому смысловому блоку внутри повествования рассказчика, где было необходимо, обозначен новым абзацем. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках, информация о том, что происходит в кадре, и об окончании очередной кассеты приводится в квадратных скобках и выделена курсивом. Текст снабжен необходимыми пояснениями.

Интервью с Борисом Львовичем Каменко

[Кассета 1: в кадре Борис Львович Каменко]

ЕЛ: Сегодня 18 апреля 1997 года. Я, Елена Леменева, беру интервью у Бориса Каменко. Фамилия при рождении — Каменко. Интервью проводится в городе Дзержинске Нижегородской области, Россия. Язык интервью — русский. Представьтесь, пожалуйста.

БК: Я Каменко Борис Львович, родился в городе Днепропетровске, на Украине, в 1923 году. Сейчас мне 73 года.

ЕЛ: Что вы знаете о ваших предках?

БК: О более далеких предках я знаю мало. С нами жила бабушка, мать моей матери. Мой отец, Каменко Лев Борисович, в Днепропетровске преподавал в университете. Мать, Полина Григорьевна Каменко, она в то время нигде не работала. Бабушка, Елена Павловна Изиль, тоже жила с нами, нигде не работала. Больше об этом я ничего не знаю, сожалею.

ЕЛ: А что преподавал ваш отец?

БК: Отец был преподавателем, потом он стал профессором общей биологии.

ЕЛ: А что он заканчивал?

БК: Он закончил Петербургский университет¹.

ЕЛ: А какое было образование у вашей мамы?

БК: У мамы было среднее образование. Закончила, очевидно, гимназию, но я точно не могу сказать.

¹ Скорее всего, имеется в виду Императорский Санкт-Петербургский университет, в настоящее время это Санкт-Петербургский государственный университет.

ЕЛ: Кто кроме вас был еще в семье?

БК: Была младшая сестренка, Фаина Львовна Каменко, [19]26 года рождения.

ЕЛ: Вы так и жили в Днепропетровске?

БК: Нет, в [19]30 году отец по конкурсу перевелся в город Омск, в Сибирскую, как она тогда называлась, сельскохозяйственную академию, или, как ее кратко называли, «СИБАКа»². И стал там заведовать кафедрой общей биологии. Там мы прожили до [19]35 года. Я там поступил в школу и учился до 6 класса. В [19]35 году отец также по конкурсу перевелся в город Ставрополь на Кавказе, где занял в медицинском, Ставропольском медицинском институте³ тоже должность заведующего кафедрой общей биологии института и профессора, преподавал общую биологию.

ЕЛ: А что вы помните об отце? Какой он был?

БК: Ну, он... Когда я родился, ему было уже 44 года. Ну, какой он был? Обыкновенный человек. Увлекался кроме своей специальности литературой. Была очень большая библиотека у него. Ну, собственно, дальше в городе Ставрополе я помню, как он очень переживал во время гонений на так называемых генетиков⁴, поскольку он сам был из этой компании. Кроме того, он

² Омский сельскохозяйственный институт был основан в 1918 году. В результате нескольких преобразований с декабря 1921 года учебное заведение получило название Сибирская сельскохозяйственная академия (СИБАКа). В настоящее время это Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина. «История университета» // Официальный сайт университета. URL: <https://www.omgau.ru/o-universitete/istoria/> (дата обращения: 5.05.2021).

³ В настоящее время это Ставропольский государственный медицинский университет.

⁴ 14 июня 1939 года в центральной советской печати было объявлено, что генетика противоречит марксистской диалектике. Объявление лженаукой одного из самых перспективных научных направлений XX века стало победой Трофима Денисовича Лысенко (1898–1976), который отрицал само понятие «ген». «Лысенковцы» использовали термины «вейсманнизм-морганизм» и «менделизм» для обозначения приверженцев классической генетики, которая характеризовалась ими как «реакционная буржуазная лженаука».

в городе еще работал в музее, занимался там естественными науками в этом музее, зоологический музей там⁵. Ну и по его работе больше я, собственно, ничего особенного не помню.

ЕЛ: А об отце как о человеке?

БК: Ну, был хороший отец. Насколько я помню, никогда меня не наказывал, хотя я и не очень себя всегда хорошо вел, благожелательный был. Я его любил, как сейчас я понимаю, я его очень любил. Тогда я это понимал слабо.

ЕЛ: Как вы проводили время вместе с ним?

БК: Мы с ним редко проводили время вместе. Иногда только выезжали. Вот из Омска мы ездили на курорт Боровое⁶. Там мы вместе отдыхали. Ездили на Кавказ, то есть на Кавказе и жили уже в то время, но ездили на море пару раз за все время. А так больше я возился со своими сверстниками, чем с отцом.

ЕЛ: На каком языке говорили у вас дома?

БК: На русском, только на русском.

ЕЛ: А на каких языках были книги в библиотеке вашего отца?

БК: Книги у него были на иностранных. Он знал английский, он знал немецкий языки. Были у него на этих языках книги. Но, а в основном, [книги были] на русском языке.

Названия образованы от имен немецкого зоолога Августа Вейсмана (Friedrich Leopold August Weismann, 1834–1914), американского биолога Томаса Ханта Моргана (Thomas Hunt Morgan, 1866–1945) и австрийского ботаника и монаха Грегора Менделя (Gregor Johann Mendel, 1822–1884), которые являются основоположниками современной генетики. С 1941 до 1965 года Лысенко возглавлял Институт генетики. «Вейсманизм-морганизм» // Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 67–69.

⁵ Скорее всего, имеется в виду Музей Северного Кавказа, который в 1930-е годы состоял из трех отделов: исторического, отдела социалистического строительства и отдела природы. В настоящее время это Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. «История музея» // Официальный сайт музея. URL: <https://www.stavmuseum.ru/o-muzee/istoriya-muzeya> (дата обращения: 5.05.2021).

⁶ Скорее всего, имеется в виду бальнеологический курорт Бурабай в поселке Боровое, Акмолинской области на севере Казахстана.

ЕЛ: Вас учили каким-нибудь языкам?

БК: Только в школе. Меня начали учить в первых классах школы. Домой приходила учительница немецкого языка, но очень быстро я это дело бросил. Я от нее прятался под кровать, и меня долго не могли найти, поэтому это дело бросили. В школе я учил немецкий язык. В институте был у отца большой друг — академик Бродский⁷. Он в Днепропетровске, когда я приехал в институт, он мне сказал: «Какой язык учите, немецкий? Переходите на английский, сейчас более важный английский». Я перешел на английский. В институте учил английский язык. Ну, как обычно, при наших учебах в школе и в институте я его очень слабо знаю. Могу читать почти без словаря техническую литературу, близкую к моим интересам. Ну и очень слабо другие книги. Разговаривать я не умею, никогда не пробовал даже.

ЕЛ: Какой была ваша мама?

БК: Была очень добрая женщина, на 21 год моложе отца. Она, когда я родился, она была совсем молодой. 23 года ей было. Я ее помню как очень хорошую мать, как очень хорошую жену и как очень хорошую хозяйку. Я прожил, значит, с родителями до 18 лет. Не помню ни одной ссоры. Ну, может быть, такие впечатления у меня остались. Но я не помню ни одной ссоры у нас в семье. Кроме того, что больше ссорился я: не приходил вовремя домой, бегал по улицам и так далее.

ЕЛ: А что вы делали в свободное время?

БК: Читал много, я очень рано начал читать. Я пошел в первый класс, я уже умел довольно бегло читать. Поэтому меня после окончания первого класса перевели в третий класс. Потому что я не тем занимался в школе, чем надо было. Много читал, много бегал с ребятами. Это же не теперешние города, там были огромные места, где можно было играть. Мы играли в казаки-разбой-

⁷ Александр Ильич Бродский (1895–1969) — ученый-химик, член-корреспондент АН СССР, академик АН Украинской ССР. В 1922–1934 годах работал в Институте народного образования в Днепропетровске. Одновременно в 1930–1941 годах он преподавал в Днепропетровском химико-технологическом институте.

ники и в лапту, о чем сегодня, наверное, уже забыли, что это такое. И в прятки разные, это самое, причем это как в Омске, так и в Ставрополе. Там практически в городе были леса. До леса было, ну, полчаса ходьбы, до настоящего леса. Мы там играли. Но я много и читал. Я рано увлекся литературой.

ЕЛ: Какие у вас были любимые книги?

БК: Первую книгу, которую я так вот помню, я нашел ее на чердаке дома. Не наша книга была, это была «Саламбо» Флобера⁸. Потом дальше, ну конечно, Дюма. По тем временам я очень любил исторические романы Вальтера Скотта, Купера⁹. Читал, наверное, так, в пятом классе разную детективную, как сейчас называется, литературу. У меня был друг в школе, он был родным братом, младшим братом знаменитого в то время поэта Павла Васильева, Павла Николаевича Васильева¹⁰. Слыхали такого? У него как-то, я помню, наверное, в пятом классе я был, сидел, читал, ну, что-то вроде «Пещера Лейхтвейса»¹¹, что-то такая книжечка. Зашел красивый крупный человек, он приехал туда, он был на 13 лет старше меня, Павел. Выхватил книгу, швырнул в угол, сунул мне Пушкина и сказал: «Вот это читай». С тех пор я читаю Пушкина, до сегодняшнего дня.

ЕЛ: Кто были ваши друзья?

⁸ «Саламбо» — исторический роман французского писателя Гюстава Флобера (Gustave Flaubert, 1821–1880). Действие романа происходит в Карфагене во время восстания наемников (ок. 240 г. до н. э.).

⁹ Александр Дюма (Alexandre Dumas, 1802–1870) — французский писатель; Вальтер Скотт (Walter Scott, 1771–1832) — шотландский прозаик и поэт; Джеймс Фенимор Купер (James Fenimore Cooper, 1789–1851) — американский романист и сатирик.

¹⁰ Павел Николаевич Васильев (1909–1937) — советский поэт и журналист. Расстрелян в 1937 году, реабилитирован посмертно.

¹¹ «Пещера Лейхтвейса» — приключенческий роман немецкого писателя, скрывавшегося под псевдонимом В. А. Редер (W. A. Röder). Полное название романа «Пещера Лейхтвейса, или Тринадцать лет любви и верности под землей». В основе романа лежат реальные события второй половины XVIII века, хотя на самом деле все события произошли на протяжении полутора лет. Роман написан в конце XIX века и был очень популярен в России в начале XX века.

БК: Ну, школьные друзья, простые ребята. Вот в Омске, я помню, Васильев был у меня, Левка Васильев. Ну а так, школьные друзья в основном, и уличные, со своей же улицы. Правда, школа была три дома от нас, в том же квартале. Друзей много было.

ЕЛ: Что для вас значила национальность ваших друзей и ваша собственная?

БК: Вы знаете, ни в Омске, ни в Ставрополе она ничего не значила до войны. Даже я и не придавал этому никакого значения, и не то что значения, я и не чувствовал этого ничего¹². По-настоящему мы начали чувствовать с войны.

ЕЛ: А что вы знали о вашем происхождении, вашей национальности?

БК: Практически ничего. В те времена практически ничего. Вообще о евреях до войны я мало что знал.

ЕЛ: А что вы знали о религии до войны?

БК: Тоже ничего. У нас, насколько я помню, в Ставрополе даже действующей церкви ни одной [не] было. Ничего не знал. Единственное, что уже в школе, приблизительно так в 9–10 классе, когда я увлекся немного химией, я начал делать эти самые опыты занимательной химии. И там многие опыты, которые были направлены специально на опровержение библейских этих самых [сюжетов]: превращение воды в кровь, зажигание костра самопроизвольное, когда там махнешь рукой. Ну и прочие такие вот вещи. И меня, значит, в то время заставили, да нельзя сказать заставили, просто назначали, так сказать, заниматься антирелигиозной пропагандой. Вот приблизительно так к 10 классу я начал читать книги, довольно серьезные книги, так называемую критику Библии. Критика Библии — это понятие научное¹³. Это не

¹² Имеются в виду возможные антисемитские проявления или притеснения в повседневной жизни на почве национальной принадлежности. Вопрос задан именно для того, чтобы подтолкнуть рассказчика говорить о любых формах притеснения евреев.

¹³ Имеется в виду библейская критика — совокупность рациональных методов и суждений, применяемых для изучения текста Библии с целью установления оригинального текста, авторства и времени написания, установления литературных особенностей текста.

то что я критикую Библию, это научное название изучения Библии и прочее. Начал читать, и у меня все начало потихоньку переворачиваться. Я начал понимать, что чем я занимался, и что нам говорили, вот этот атеизм и прочее, все это абсолютно неверная вещь. Абсолютно неверная вещь. Причем она была построена, вся эта вещь была построена, вся эта наука наша была построена на том, что все это вранье, все вранье. Еще описаны там и города, которые были, и люди, которые были, — вранье. А когда я начал заниматься этим [библейской критикой] более-менее по-настоящему, особенно потом уже, ну, уже и в 9–10 классе, я увидел, что история показывает, что практически все это правда. Существование тех людей, библейских патриархов, того же Моисея, Давида, Соломона¹⁴ — это вообще непробиваемая вещь. Они действительно существовали, это вся история об этом говорит. И поэтому я стал немного переходить на обратный путь.

ЕЛ: Это было в 10 классе?

БК: Да, это началось у меня с 10 класса. Именно началось с этой антирелигиозной пропаганды.

ЕЛ: Каких воззрений придерживались ваши родители в этом вопросе?

БК: Атеистических. Я никогда в семье не помню, чтобы вообще у нас был разговор о чем-то божественном.

ЕЛ: А о чем обычно разговаривали у вас в семье? Чему учили детей?

БК: Со мной разговаривали в основном о моих делах, об учебе. Учился я хорошо, закончил, тогда называлось, с золотым аттестатом. И в институт прошел без экзаменов, иначе меня бы просто не приняли: мне не было 17 лет, поскольку я второй класс пропустил. Со мной в основном говорили о моих занятиях, о моих делах на улице и прочее. Взрослых разговоров у нас в то время не было. В свои дела они не особенно посвящали. Особен-

¹⁴ Моисей (XIII век до н. э.) — еврейский пророк и законодатель, основоположник иудаизма, организовал Исход евреев из Древнего Египта. Давид (по разным хронологиям жил и правил в XI или X веке до н. э.) — второй царь народа Израиля. Соломон (X век до н. э.) — третий еврейский царь, правитель объединенного Израильского царства, сын Давида.

но в то время, когда начались все эти вот, я говорил, гонения на генетиков и прочее. Отец тоже, он тоже попал под эту струю. Собственно говоря, все биологи попали тогда. Они резко разделились на две категории: лысенковцы и генетики, вейсманисты-менделисты [вейсманисты-морганисты] так называемые. Ну вот, собственно, больше ни о чем.

ЕЛ: А вообще были какие-то разговоры о политике?

БК: Нет.

ЕЛ: Советской власти?

БК: Нет.

ЕЛ: О Германии, о голоде?

БК: Да нет, практически таких разговоров не было. А о том, что был голод в [19]33 году, я знал, в то время мы жили в Омске, и там было плоховато со всем этим делом. Ходили, выпрашивали хлеб люди, но все-таки не умирали. А так понаслышке, но было ведь все закрыто, это же нигде не печаталось, нигде, не дай бог говорить на эту тему. Вот. А о Германии ничего практически не говорили. Но в то время чего было говорить о Германии? Она была еще совершенно неопределенной страной, [19]33, [19]35. В [19]35-м мы поехали в Ставрополь, там только два года как Гитлер пришел к власти. Причем пришел же он, как известно, совершенно нормальным путем — голосованием, народ выбрал¹⁵.

¹⁵ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) действительно пользовалась поддержкой значительной части населения. На четвертых за пять месяцев выборах в рейхстаг 31 июля 1932 года она набрала максимум голосов (13,7 млн). При этом партия не смогла завоевать абсолютного большинства в парламенте. В начале 1933 года правые и центристские партии объединились, найдя общего врага — коммунизм. Поэтому многие историки говорят не о захвате, а о передаче власти НСДАП. Однако для утверждения своей власти национал-социалисты использовали нелегальные средства, как, например, террористические акции, в ходе которых политических противников запугивали, арестовывали и уничтожали физически (только депутатов рейхстага было убито 96 человек). Неприкрытым нарушением конституции стало самовольное присвоение себе Гитлером титула фюрера и рейхспрезидента после смерти Гинденбурга в 1934 году (после состоявшегося референдума посты рейхсканцлера и рейхспрезидента были объединены). *Evans R. J. The Coming of the Third Reich. London: Allen Lane, 2003; Frei N. Machtergreifung — Anmerkungen zu einem historischen Begriff // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1983. № 31. С. 136–145.*

Так что об этом никогда никаких разговоров, о политике тоже не разговаривали. О политике мы разговаривали в школе. Когда я в [19]38 году поступил в комсомол, и первое собрание, на котором мы были, это было собрание по поводу разоблачения Первого секретаря ЦК комсомола Косарева¹⁶. Как называли его, Саша Косарев. И мы все голосовали за расстрел.

ЕЛ: Почему?

БК: Ну, потому что так нам рассказывали: оказался врагом народа, оказался шпионом и прочее. Все голосовали.

ЕЛ: А среди ваших знакомых не оказывалось врагов народа?

БК: Был один знакомый, бывший военный, по фамилии, как помню, Булатов. Его посадили. Ну, потом я не знаю, что с ним стало. Очевидно, расстреляли.

ЕЛ: И как вы к этому отнеслись?

БК: Да никак, собственно говоря. Я знал, что он был хороший человек, очень добрый человек и прочее. Ну, объявили врагом народа, враг Сталина. Для нас же это было все тогда.

ЕЛ: А что вы думали о Сталине?

БК: Что мы думали? Преклонялись. Был вождь. Только после войны я начал понимать, в чем все дело. Уже во время войны, когда разговаривал с нашими пленными, которые были у немцев, я уже начал понимать, что все это не то, что нам говорили. А до того это было полное преклонение. В школе, когда я учился, вообще разговора не было.

ЕЛ: А вы что-нибудь знали до войны о существовании анти-семитизма?

БК: Ну, вообще-то знал, но не сталкивался. Я знал в основном по историческим книгам: все это дело Дрейфуса, дело Бейлиса¹⁷.

¹⁶ Александр Васильевич Косарев (1909–1939) — советский комсомольский, партийный и государственный деятель 1920–1930-х годов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1929–1938), основатель ДСО «Спартак».

¹⁷ Дело Дрейфуса — судебный процесс в декабре 1894 года во Франции и последовавший за ним социальный конфликт (1896–1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи офицера французского генерального штаба, еврея родом из Эльзаса (на тот момент территории Германии), капитана Альфреда Дрейфуса (Alfred Dreyfus, 1859–1935), разжалованного военным

Все это, об этих вещах я читал. Вот о том, что Короленко выступал против антисемитизма, Горький¹⁸ там, и прочее. Это знали, но все это понаслышке, по книгам, а с примерами антисемитизма до войны я не встречался, вот как сейчас помню, ни разу.

ЕЛ: У вас никогда не возникало сложности в общении с людьми из-за этого?

БК: Нет. До войны не было. В войну уже было, тогда уже все началось.

ЕЛ: А вы что-нибудь знали о сионизме?

БК: Очень мало.

ЕЛ: А что?

БК: Ну, я знал, что есть такая группа, которая ориентирует [агитирует] за то, что все евреи переехали в Сион, в Палестину.

ЕЛ: Вы не думали об этом?

БК: Нет, совершенно нет.

ЕЛ: Какие у вас были планы на жизнь?

БК: [О]кончить институт, работать.

ЕЛ: Кем?

БК: Я хотел работать в науке. И когда попал в институт на первый курс, а первый курс я в [19]40 году начал и [о]кончил

судом и приговоренного к пожизненной ссылке на основании фальшивых документов и на волне сильных антисемитских настроений в обществе. Дело получило большой общественный резонанс и сыграло значительную роль в истории Франции и Европы конца XIX — начала XX века. Дело Бейлиса — судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса (1874–1934) в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 года. Процесс состоялся в Киеве 23 сентября — 28 октября 1913 года и сопровождался, с одной стороны, активной антисемитской кампанией, а с другой — общественными протестами всероссийского и мирового масштаба. Бейлис был оправдан. Дело Бейлиса стало самым громким судебным процессом в дореволюционной России.

¹⁸ Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — российский и украинский писатель, журналист, прозаик и редактор, общественный деятель. Максим Горький (настоящее имя Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) — русский и советский писатель, поэт, прозаик, драматург, основоположник литературы социалистического реализма, инициатор создания Союза писателей СССР и первый председатель правления этого союза.

в самом начале, в первые дни войны [19]41 года. Я [когда] из Ставрополя уехал в Днепропетровск учиться, то я уже на первом курсе занимался некоторыми занятиями по третьему курсу вот у этого академика Бродского. Довольно известный был академик, один из создателей, ну, это первый человек, который сделал тяжелую воду¹⁹ в Советском Союзе. И поэтому он дальше занимался и бомбой, и всеми этими делами, как я потом узнал. Вот он заставлял меня проходить курс занятий по третьему курсу по физической химии. Я и думал идти по этой физхимии и пойти в науку.

ЕЛ: А что вы знали о приближающейся войне? Вы вообще знали об этом что-либо? Если знали, то были ли у вас какие-то намерения в связи с этим?

БК: Знаете, есть известный анекдот: «Были ли колебания от генеральной линии? — Колебался вместе с генеральной линией», — ответ был такой. Сначала мы все, конечно, были против фашизма, причем страшно. Начиная с пионера, с комсомола, начиная с того года, когда Гитлер пришел к власти. Ведь много бежало к нам этих самых коммунистов оттуда. Потом уже в конце школы мы увидели, что у нас действительно интенсивные колебания. Причем мы начали заигрывать с ними [с Германией], ругать начали Англию. В [19]39 году мы все были рады, когда освободили Западную Украину, Западную Белоруссию, когда в следующем году освободили Прибалтику, все были очень рады²⁰. Практически все, кого я знал, взрослые. И в [19]40 году, когда мой отец приехал навестить меня в Днепропетровске, мы

¹⁹ Тяжелая вода — этот термин применяется для обозначения тяжеловодородной воды, известной также как оксид дейтерия. Тяжеловодородная вода имеет ту же химическую формулу, что и обычная вода, но вместо двух атомов обычного легкого изотопа водорода (протия) содержит два атома тяжелого изотопа водорода — дейтерия, а ее кислород по изотопному составу соответствует кислороду воздуха.

²⁰ Имеются в виду территориальные присоединения к СССР в результате подписания секретного протокола к так называемому пакту Молотова — Риббентропа. Это был Договор о ненападении между СССР и Германией, подписанный 23 августа 1939 года.

пришли вот к этому академику Бродскому, включили радио на английском языке. Ну, эти-то понимали, я-то не понимал. И там, значит, насчет боев англичан с немцами. Я как-то говорю: «Да куда они лезут, эти англичане? Немцы ж с нами друзья, расколосшатся», и прочее. Я до сих пор помню, как Бродский сказал: «Англичане войну выиграют». Вот тогда я начал немножко понимать в этих делах. Но ведь была тоже запрещена пропаганда против фашизма, мы были друзья, кругом были фотографии — Сталин с Риббентропом, Молотов с Гитлером. Наши, когда вошли в Западную Украину, так там, в Западной Белоруссии, в Бресте чуть не братались с немцами, это ж было все. И все тогда там показывали это, потом перестали показывать, а сейчас снова начали. Так что до начала войны мы, собственно говоря... Сначала нас учили так, что война неизбежна, что она будет вот-вот. А потом как-то это тихо завуалировали, и уже немцы не стали врагами, врагами стал мировой капитализм, и так далее.

ЕЛ: А ваш отец ничего вам не говорил в связи с дружбой с фашизмом?

БК: Нет. Ничего, таких разговоров не было.

ЕЛ: Где вы жили в Ставрополе?

БК: В самом центре, в доме бывшего купца одного, жили мы на втором этаже, пять комнат у нас было. Потом в начале войны нам оставили две комнаты, конечно, там эвакуированных заселили. Вот. Жили в самом центре, на Базарной площади²¹. Это был самый центр города Ставрополь. Там, на этом месте, сейчас, на месте Базарной площади огромный кинотеатр построили.

ЕЛ: У вас была состоятельная семья?

БК: Да, довольно состоятельная. Во всяком случае, правда, одежду-то мне перешивали от отца, а пищи, по-моему, у нас все было, особенно было, когда отец в [19]30 году поехал организовывать первый Узбекский университет в Бухаре. Он оттуда

²¹ Эта площадь в XIX веке официально называлась Александровской. Из-за базаров, проводившихся на площади, она получила свое обиходное название — Базарная. Александровская площадь во время установления советской власти была переименована в площадь Луначарского, а позже в площадь Ленина. Находится в центре Ставрополя.

привез такие вещи, что там с одной чалмы²² два платья матери получилось.

ЕЛ: А какой вы помните вашу сестру?

БК: Я ее довольно хорошо помню. Ей было 16 лет уже.

ЕЛ: Какой она была, что она любила, кем она хотела быть?

БК: Она, наверное, никем еще не собиралась быть и, в отличие от меня, читала мало, больше играла с девочками. Училась похуже меня, к сожалению.

ЕЛ: Как она выглядела?

БК: Ну, такая, обычная девочка, довольно красивая.

ЕЛ: Почему вы поехали поступать в Днепропетровск?

БК: Во-первых, я оттуда рождения, кроме того, ближайший химико-технологический институт был в Днепропетровске.

[*Конец кассеты 1. Кассета 2: в кадре Борис Львович Каменко*]

ЕЛ: Кассета номер 2. Интервью с Борисом Львовичем Каменко проводит Елена Леменева. Город Дзержинск Нижегородской области. Что вы помните о своем институте в Днепропетровске?

БК: Институт я очень хорошо помню. Во-первых, я жил в общежитии там, так что было кругом много ребят, много друзей. Учился я хорошо, даже удивительно хорошо. Мне, когда я туда ехал, отец дал письмо к этому академику [А. И. Бродскому]. Я к нему пришел только после экзаменов. И он написал письмо отцу, что: «Я посмотрел его отметки в первый раз, он приходил ко мне, и нам, Лева (это он отцу писал), мне за себя стало стыдно, мы так не учились».

ЕЛ: Чем вы занимались в свободное время?

БК: Очень много на Днепре проводил времени: купались, на лодках много ездили. Я в то время даже начал заниматься фехтованием. Да. Очень понравился мне этот спорт. Ну, это очень быстро прекратилось.

ЕЛ: С кем вы дружили?

²² Чалма или тюрбан — мужской и женский головной убор в виде куска ткани длиной 6–8 м, обмотанного вокруг головы, распространенный среди ряда народов Северной Африки, Аравийского полуострова, Индии и Азии.

БК: Я дружил со своими, с теми, с кем в комнате жил. Потом недалеко у меня жил хороший друг Иван Домашнев, Жан мы его звали. Мы с ним вместе проводили время. Ну, мы вместе с ним занимались, можно сказать, вместе. Очень много пропускали занятий. Причем у меня остался (вы видели, по-моему) студенческий билет, так там написано «студенческий билет *відмінника*» [укр.], то есть отличника. Там в нем написано, что имеет право свободного посещения занятий. Мы этим пользовались на все 100 %. Перед экзаменами, конечно, мы садились, и все это нагоняли.

ЕЛ: В этом институте были евреи, кроме вас?

БК: Были.

ЕЛ: Сколько?

БК: Ну да я не обращал тогда на это внимания. Совершенно. Я даже не могу сказать, кто из них был евреем, если по фамилии он не это самое. Ну, вот академик Бродский, он еврей? Александр Бродский. Мой, можно сказать, первый такой, не то чтобы учитель, я у него по-настоящему не учился, но много с ним [общался].

ЕЛ: Как вы узнали о начале войны?

БК: Мы пришли утром сдавать экзамен.

ЕЛ: По какому предмету?

БК: По неорганической химии. И вдруг что-то тут [все] забежали, засуетились. Мы-то понять не могли. Стоим перед аудиторией, вдруг выходит оттуда преподаватель, который принимал экзамен, и говорит: «Товарищи, экзамены прерываются. Началась война. Сейчас будет выступать Молотов». Ну вот, прослушали мы Молотова²³, это узнали. Днепропетровск, хоть он и на Украине, его в первые дни не бомбили. Так что мы об этом не знали. Его начали бомбить приблизительно через месяц-полтора, до-

²³ Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986) — советский политический, государственный и партийный деятель. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС в 1921–1957 годах. В 12 часов дня 22 июня 1941 года Молотов выступил по радио с сообщением о начале Второй мировой войны в границах СССР, закончив эту речь знаменитыми словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

вольно сильно. Вот так мы узнали про войну. Но экзамен нам дали всем сдать, окончить, ну, мы практически кончали. И во время этих экзаменов копали щели во дворе института.

ЕЛ: Это на каком курсе вы были?

БК: На первом, я первый только кончил до войны.

ЕЛ: У вас не возникло мысли сразу поехать домой?

БК: Знаете, нет. Как-то мы в начале войны, вот я о себе скажу и моих товарищах, я не знаю, как остальные, вообще не верили, что может быть такая война. Мы понять не могли, как это Гитлер на нас полез. Что он, с ума, что ли, сошел? Мы же видели все эти картины: «Если завтра война», понимаете, там, «Танкисты»²⁴ и прочее. Первые дни совершенно не понимали, но это первые дни. Можно сказать, до выступления Сталина²⁵, даже раньше. Мы начали понимать, когда уже пошли сводки, какие мы оставляем [территории], эти самые. Потом начали появляться раненые. Ну, те уже начали рассказывать, по-настоящему что делается. Вот так мы, собственно, и вступили в эту войну.

ЕЛ: Что было дальше?

БК: Дальше, значит, бабушка в то время жила в Днепропетровске на квартире своего старшего сына. Старший сын был в армии, и вся его семья, они из Гродно были, там он майором был. И она одна там жила. И началась эвакуация. Значит, мы с ней пошли, взяли там пару чемоданов, узлы, и в вагон. Это было, если не ошибаюсь, в июле или в августе [1941 года], в самом начале. Сели в вагон, поехали через огромный мост Днепропетровский, отъ-

²⁴ «Если завтра война...» — советский пропагандистский хроникально-постановочный фильм о готовности СССР к возможному нападению потенциального агрессора, о готовности Красной армии дать отпор любому врагу. Фильм был подготовлен коллективом кинорежиссеров под руководством Е. Л. Дзигана, вышел на экраны 23 февраля 1938 года. «Танкисты» — советский пропагандистский черно-белый полнометражный художественный фильм 1939 года, в котором рассматривается легкий и победоносный сценарий возможной войны против вероятного противника.

²⁵ 3 июля 1941 года состоялось первое после начала Великой Отечественной войны обращение главы правительства СССР Иосифа Сталина к советскому народу. Текст выступления был напечатан в газете «Правда» от 3 июля 1941 года, а позднее выпускался отдельно в виде брошюры.

ехали мы [после моста] километров 40, и начали рассказывать, что этот мост практически разбили самолеты. Мы одни из последних выскочили. Ехали мы долго до Ставрополя, с месяц. По дороге нас собрались отправить куда-то в Краснодарский край. Но мы вылезли из вагона, поскольку мы не просто эвакуированные, а ехали на вполне определенное место. И доехали до своих в Ставрополь.

ЕЛ: Что вы видели по дороге?

БК: По дороге страшные вещи были. Огромные эшелоны, бомбили нас несколько раз по дороге, разбитые вокзалы бомбежкой. Абсолютное превосходство, да не то что превосходство, мы за всю дорогу, я ни одного нашего самолета не видел в небе. Летали как хотели. Люди бежали, по дорогам бежали. Ну, видели, когда проезжали не на станциях, а вот так проезжали, видели, как скот угоняют. Вот эшелоны шли со станками, впрочем, навстречу шли эшелоны с войсками. Но по тем временам танков и прочее я видел мало.

ЕЛ: Когда вы приехали в Ставрополь?

БК: В августе месяце [19]41 года.

ЕЛ: Что вы там застали?

БК: Я же говорил, что, во-первых, значит, мы уже переселились в две комнатки. Ну что застали? Еда уже была не та, все не то, очень много эвакуированных. Но пока город был не тревожным. Вот когда взяли Ростов²⁶, тогда уже началась тревога. Это было в начале зимы, насколько я помню, [19]41 года. А потом, мне кажется, под Новый год, да точно, под Новый год, наши выбили немцев из Ростова²⁷. Что интересно, те, которые приезжали из Ростова, евреи, они не знали о том, что немцы уничтожают евреев. Потому что так недолго Ростов был у немцев, что еще карательные органы не начали работать, там зашли только войсковые части. И поэтому немного, да и газеты у нас об этом не писали. И сообщений об этом не было в те времена. Так, были слухи.

²⁶ Здесь и далее речь идет о Ростове-на-Дону.

²⁷ Первая оккупация Ростова-на-Дону длилась одну неделю, с 21 по 29 ноября 1941 года.

А когда приехали из Ростова, мы их начали расспрашивать: как при немцах? — Да ну как? Пришли немцы, потом ушли. Они были там неделю, по-моему, что-то в этом роде. Этим сбили здорово всех. В Ставрополе было очень много эвакуированных евреев.

ЕЛ: А откуда?

БК: С Украины в основном. То есть посчитали, что там [в Ставрополе в период оккупации с августа 1942 года] этих евреев, эвакуированных, в первый же день было расстреляно 2000 человек, только эвакуированных²⁸. Потому что сразу было видно, потому что до того в Ставрополе же евреев очень было мало. Ну, на Кавказе мало их, пожалуй.

ЕЛ: А был временной промежуток между отступлением наших войск и наступлением немцев?

БК: В Ставрополе? Тогда я должен рассказать такую значительную [историю]. После того как наши сдали Харьков, был крупный прорыв в этом направлении. И от такого города Сальска немцы шли, как потом говорили, по сто километров в день. Институт, в котором был отец, погрузили в эшелон. И они все там были, значит, в эшелоне. И вот он [эшелон] стоял сутки, стоял двое. И на третьи сутки, когда он чуть-чуть тронулся, потом оказалось, что он тронулся в никуда. Потому что из Ставрополя, чтобы

²⁸ Согласно показаниям другого очевидца, Николая Энгеля, в Ставрополе 12–13 августа 1942 года было убито более 1000 евреев. Эту цифру подтверждает бывший член Айнзацкоманды 12 Отто Штрафе. Протокол допроса Отто Штрафе от 28 апреля 1966 г. // ВАР, В 162/1155. Л. 2289; Протокол допроса Николая Энгеля от 8 июля 1944 г. // ВАР, В 162/1282. Л. 169–175. В акте Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по г. Ставрополю от 26 февраля 1943 года сказано, что 12 августа 1942 года на привокзальную площадь явились около 3500 евреев. Все они были вывезены за город на территорию аэродрома на грузовиках и расстреляны. 13 августа поступило распоряжение явиться на регистрацию всем местным евреям города. Всех прибывших, более 500 человек, продержали в тюрьме больше суток. В ночь с 14 на 15 августа они были вывезены в район психиатрической больницы и расстреляны. Территория аэродрома и психиатрическая больница находятся недалеко друг от друга. Акт ЧГК по г. Ставрополю от 26 февраля 1943 года // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 1. Л. 91–92.

выехать на железную дорогу, ведущую к Баку, нужно ехать на запад к станции Кавказская, а потом только поворачивать. Там ветка, там через Ставрополь не проходит главная дорога. А в это время уже Кавказская была занята. Появились самолеты, начали бомбить. Мы выскочили и бежали через порядки наших войск. Что интересно, что на Ставрополь шла группа Клейста²⁹. И впереди шла танковая дивизия СС «Мертвая голова»³⁰. А против нее был поставлен 15-й запасной кавалерийский полк, у которого не у каждого была винтовка. Это я видел своими глазами. Ну, мы убежали обратно в город, бросив там, конечно, все вещи эти. Вот таким образом пришли немцы. То есть никакого не было, это самое, наоборот, наши еще были в городе, еще были западнее, когда немцы уже шли напрямую с нашего города по направлению Невинномысска — Минвод [Минеральные воды]. Они, прямо пройдя город, прошли туда. Поэтому там после этого мы попробовали уйти пешком, но у первой деревни увидели, что нам это не под силу. То есть отцу моему за 60 лет уже было, а бабушка еще старше была. И мы вернулись назад.

ЕЛ: А сколько было бабушке?

БК: Бабушке? Лет, наверное, около 70.

ЕЛ: А маме?

БК: А моя мама, ей был 41 год в [19]41 году, 42 года было, когда немцы пришли.

ЕЛ: Как вы увидели немцев в первый раз?

БК: На улице. На улице идут немцы. Лежал труп одного убитого, значит. Был такой у нас, он немного полоумный такой был, ко всем приставал. Говорили, он к немцам подошел, начал это [при-

²⁹ Эвальд фон Клейст (Paul Ludwig Ewald von Kleist, 1881–1954) — немецкий военачальник (с 1943 года фельдмаршал). Во время вторжения в СССР командовал танковой армией на южном направлении. Единственный немецкий фельдмаршал, умерший в СССР при отбытии наказания за военные преступления.

³⁰ Имеется в виду моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» [SS-Infanterie-Division Totenkopf (mot.)], которая в 1941 и 1942 годах вела бои на северо-западе СССР, а затем на территории Украинской ССР. На юге РСФСР она не воевала.

ставать], и они его застрелили. Он тут же валялся. Ходили немцы в сапогах, никого не трогали. Правда, отец рассказывал, что один раз к нему подошел один немецкий солдат. Отец по-немецки разговаривал. Спросил, сколько времени. Тот ему часы, у него хорошие были часы, старые, тот ему говорит: «Отдайте мне часы». — «Ну как же? Они мне самому нужны». — «Они вам не понадобятся». Он пришел и рассказал такую вещь. А в чем дело, он не понимал.

ЕЛ: Это искренне? Искренне не понимал?

БК: Искренне не понимал. Мы в то время не знали об этом [о массовых убийствах нацистами евреев] ничего. Наверное, если бы писали в газетах, если бы это громко говорили, так, конечно, всего бы этого не было бы. Но это замалчивали.

ЕЛ: Когда немцы вошли в Ставрополь?

БК: 3 августа [19]42 года.

ЕЛ: И каковы были их первые шаги в отношении евреев?

БК: 11 августа были расклеены воззвания к еврейскому населению, где было сказано, что 12 августа на площадь перед вокзалом должны собраться все эвакуированные в город евреи для переселения в другие местности. Я там не был. Они там все собрались, и их куда-то увезли. Затем 13 числа было написано, что все местные евреи должны явиться в здание бывшего НКВД, краевого НКВД, это недалеко от нашего дома, мы жили в самом центре, для того чтобы зарегистрироваться и получить нарукавные повязки. Ну, мы и пошли. Была большая толпа, то есть не толпа, а очередь установилась. Туда пропускали за чем-то, до сих пор до меня не доходит, записывали каждого в этом самом здании и выводили во двор. Когда всех собрали, это самое, вышли два офицера. Потом я их знал. Оказывается, это были уполномоченный и его заместитель: уполномоченный по еврейскому вопросу Венцель и Рауш³¹, его заместитель. Они начали всех сгонять, шомполами бить. Значит, остальные немцы ничего такого, ничего особенного не делали. И заявили через переводчика, что всех оставляют на ночь, потому что нужно проверить, кто из евреев плохо относится к немецкой власти.

³¹ Эти фамилии значатся в советских актах ЧКГ по Ставропольскому краю.

ЕЛ: А сколько там было народу?

БК: Там было 500 человек. Около 500–600, вот так вот было. Посредине стояло такое большое здание, потом я в нем пребывал, это была тюрьма. Внутри тюрьма НКВД, которая стояла внутри тюрьмы СД, или, как у нас все называли, «гестапо». Если точно сказать, то гестапо у нас не было. Это внутренняя полиция, а это СД, зихерхайдсдинст³². Нас за эту тюрьму загнали. И там были, потом я узнал, что это такое, прогулочные дворики. Несколько таких двориков, метров 10, значит, в ширину и метров 20 в длину. И в эти дворики нас всех загнали. Там один на другом был. И мы там провели всю ночь. Наутро тут уже с дикими криками пришли немцы и русские полицаи и начали отделять женщин и детей от мужчин в первую очередь. Всех, значит, отделили, вывели из этих двориков. Ну, там, видно, значит, и сразу раздеваться. И начали грузить в машину, французские машины марки «Пежо» [*фр.* Peugeot], крытые брезентом вот с таким вот тупым носом, то есть не тупым, а именно острым. Ну и тут мы, конечно, все поняли, все это дело. Когда остались мужчины, вдруг туда зашел офицер, с ним еще несколько человек. Офицер, который, потом я узнал, был командиром так называемой «кавказской роты», каратели которой были взяты из кавказцев-пленных, для того чтобы потом иметь готовые кадры в Закавказье: полицейских и прочее. Он по-русски говорил, этот самый офицер говорил на каком-то кавказском языке, на каком не знаю, на азербайджанском, что ли. Потом узнал, что фамилия его Керер, Вальтер Керер³³. Он по тем

³² СД — служба безопасности рейхсфюрера СС (Sicherheitsdienst des Reichsführers SS). Основана в 1931 году как спецслужба НСДАП и связанных с ней отрядов СС. Гестапо (Gestapo, сокращение от Geheime Staatspolizei, «тайная государственная полиция») — политическая полиция в нацистской Германии. Действовала в 1933–1945 годах как на территории Германии, так и в оккупированных странах.

³³ Вальтер Георг Керер (Walter Kehrer, 1912–1992) родился в населенной немцами колонии Хеленендорф на Кавказе. С 1930 года жил в Германии и делал карьеру в НСДАП. В июне 1941 года его назначили на должность переводчика в подразделение Айнзацгруппы Д — Айнзацкоманду 12. Летом 1942 года Айнзацгруппа Д сформировала из коллаборационистов собственное подразделение, получившее название «Кавказская рота», которую возглавил

временам был довольно известный человек, потому что он до этого уничтожал в Краснодаре людей. И его имя всплыло на краснодарском, первом краснодарском процессе во время войны еще [1943 года]. Но его не поймали. Что интересно, описывают, что в Западной Германии уже после войны он открыл ресторан. И на каждой тарелке было написано «Керер». Это описывал Гинзбург в «Бездне», в книге «Бездна»³⁴.

И он начал считать: eins, zwei, drei [нем. один, два, три]. Отсчитал 30 человек, я попал в третьем десятке туда. Поскольку я не очень крепкий был, а он, видимо, более молодых выбирал, и там таких было очень мало, поэтому я попал. В основном были старики, дети. Я не был в армии, потому что меня по глазам не брали в армию — очень плохое зрение. В те времена было минус 10 диоптрий, а сейчас вообще... Нас, значит, вывели к тому месту, где раздевали женщин, их уже увезли, приказали все вытянуть из карманов, но не раздеваться. И посадили, значит, в две машины такие же, и увезли. Что делали с остальными до того, как я их увидел на яме, я не знал. С остальными, которые остались, мужчины более старшие. Нас повезли и по дороге остановились

Керер. Вальтер Керер не попал в плен и прошел денацификацию вскоре после окончания войны. С 1948 года он работал торговым агентом в мебельной отрасли и в оптовой торговле кондитерскими изделиями. В 1962 году в отношении него начинается следствие по подозрению в участии в военных преступлениях. В 1965 году Керера арестовали, но выпустили через две недели. В 1970-х годах прокуратура Мюнхена начала следствие в отношении бывших членов Айнзацгруппы Д. На процессе фигурировали обвиняемые из Айнзацкоманды 12. Среди них — Вальтер Керер. Он получил пять лет тюрьмы. В 1976 году прокуратура Штутгарта начала дополнительное расследование, однако Керер по состоянию здоровья уже не предстал в качестве обвиняемого. Он умер 3 января 1992 года в Оффенбурге. *Pieper H. SS-Oberscharführer Walter Kehrer und die «Kaukasier-Kompanie». Eine Sondereinheit und ihre Rolle im Zweiten Weltkrieg 1942–1944 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2008. № 56 (3). S. 211–219.*

³⁴ «Бездна» — повествование, основанное на документах, советского писателя и переводчика Льва Гинзбурга (1921–1980). В основу сюжета положен краснодарский судебный процесс против советских коллаборационистов — членов Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д 1963 года. Книга издана в 1967 году.

и сказали: нужно 8 человек на более легкую работу. И несколько человек рванули сами на эту легкую работу. Осталось нас 22. Привезли нас в район аэродрома. Потом, когда я был как свидетель по всем этим делам в Ставрополе, я туда возил и показывал эти ямы. Вот. И там оказалась огромная яма, присыпанная немножко землей, и было видно, что там фонтанчиками была кровь. Я помню, фонтанчиками. Когда спросили там этих полицаев, что это такое, да тут, говорят, лошади битые. А кавалерийский полк защищал их. И они положили несколько бомб прямо в лошадей, там, где коновязь была, [и сказали, что там лежат] партизаны там убитые. Партизан там вообще никаких не было. И нам, значит, сказали по ним пройти, по колышущимся, засыпать хлорной известью. Там были бочки с хлорной известью, и засыпать. Значит, мы все это дело сделали, засыпали. И уже к вечеру нас посадили снова в машину и повезли по направлению к городу.

Проехав километра два, свернули опять в лес. И тут перед нами была яма, не засыпанная, со свежими трупами. То есть те, которые были женщины увезенные, и те, которые остались после нас. Мы стояли. Этих конвоиров было человек 30. Немецкие офицеры, значит, там в основном были и полицаи русские, которые потом нас охраняли в тюрьме. Они-то, собственно, и расстреливали. Со мной рядом стоял профессор математики Гойх. И он посмотрел вниз, и как перед ним жена и двое детей лежат. Он спрыгнул туда, спрыгнул. Подошел немец: ком — он не идет, ком — он не идет, лежит на них, это самое. Он вытянулся и стукнул ему. И он там остался. Осталось нас 21. Начали мы зарывать. Сначала нас заставили трупы эти от краев оттягивать к середине, потому что расстреливали-то в основном у края. Мы таскали. Слава богу, там своих я не видел, они были, наверное, где-то внизу. Правда, плащ своей матери через два дня, когда разбирали эти вещи, я нашел. Порванный плащ, красный, красивый, как-то так. Значит, мы начали засыпать.

В это время подъезжает несколько машин. И нас заставили лечь в два ряда, вот так, лицом вниз. И сзади зашел с автоматом. Вот это такое ощущение было. Значит, я смотрю: передо мной былиночка. Вот я помню до сих пор, по ней муравей ползет.

Я дунул на него и запорошил глаз. Начал его вытирать, и в это время думаю: что я его вытираю, через секунду мне стукнут сзади. Зашел с автоматом. Подъехали машины, начали оттуда выгружать. Оказывается, что привезли из больниц людей. И значит, тут же самое. А парень, с которым мы ехали, за одним парнем, он моложе был меня. Но в такой тельняшке здоровый парняга, намного больше меня, ну, моложе меня, он мне говорил. Мы с ним ехали, значит, он говорит, что мать его в больнице. Он поднял голову и начал смотреть. К нему, значит, подошел солдат и вот так его кованым своим сапогом, значит, его так по лбу. Этот выругался, хорошо выругался. А тот понял, повторил за ним, значит, все. Повели их, этих самых. При нас их расстреляли. Ну, мы лежали лицом вниз. Когда мы встали, подходит этот и ему говорит: ком. Его отвели, положили и двое встали так. А один, в головах офицер, и начали его шомполами бить. Они ударили его раза три, он вскочил и офицеру, значит, в морду. Они выхватили пистолеты и начали стрелять. Мы его потом похоронили, правда, не в этой могиле, а в щель, там была, в этой щели. Он был, уже крови в нем не было. Но когда они стреляли, они попали своему офицеру под сердце. Его, значит, на машину, повезли, потом возвращают назад, кладут и говорят: капут. Но после нас избили хорошо. Избили. Осталось нас 20 человек. И в этой траншее мы увидели тех восьмерых, которых взяли на легкую работу. Зачем их взяли? Я так и не представляю, почему их расстреляли раньше. Ну, видно, действительно там нужно было что-то легкое сделать. И их же тут же положили, в этой траншее 9 человек оказалось.

Осталось нас 20. Как немцы потом все время, когда мы сидели, называли, «zwanzig» [нем. двадцать]. Привезли нас уже поздно вечером по темноте в тот же двор бывшего краевого НКВД и разместили. Оказалось, что это тюрьма стоит посередине, та самая внутренняя тюрьма. И разместили по камерам. По 4 человека в каждую камеру, четыре койки там, все это самое. Назавтра есть не давали, то есть мы больше суток ничего не ели. Назад наутро нас опять погрузили, тоже не кормя, и повезли туда досыпать. Мы не успели все засыпать ночью. Досыпали. Потом

привезли в тюрьму. Оказалось, что кроме тех двадцати, которые были на ямах, там было всего вместе с нами 60 человек. Там были портные, сапожники, слесаря. Ну, такие вот квалифицированные работы, шапочники. Они обшивали немцев там потом. Я там [был] четыре месяца, я видел, как они там работали. Мы же вот, несколько человек, которые не имели специальности. Одни, значит, там работали при кухне, таскали там разные. А мы, я и еще пять человек, шесть человек [всего], мы рано утром, до шести утра обычно это было, нас выпускали в тюрьме. Мы проходили в этом здании, которое было уже СД. Там немцы жили, там же у них и кабинеты были. Они выставляли сапоги, принадлежности все эти самые. И мы, значит, чистили сапоги. Но поскольку мы старались подольше чистить, потому что обычно в шесть часов из тюрьмы практически каждый день вывозили людей.

ЕЛ: И что?

БК: Вывозили людей, значит. И мы видели, как их грузили, и прочее. И мы старались прийти после того, как их увезут, чтобы не попался сам. Потому что иначе тебя могли в любой момент, ну, не понравился или чего-то там, или еще чего-нибудь. Там ведь как было: человеку там одному, я помню, таскали мы тяжелые, эти самые, бумагу, такие деревянные решетки, и упало на ногу. Он захромал, а на другой [день] они его увезли, или чем-то не понравился. А если не повезли, то хорошо, что они потом стукнут. Именно в это время. Поэтому, вот, это самое, через какое-то время...

[Конец кассеты 2. Кассета 3: в кадре Борис Львович Каменко]

ЕЛ: Интервью с Борисом Львовичем Каменко проводит Елена Леменева.

БК: Через какое-то время, через несколько дней, туда завезли еще одну группу евреев. Но уже немного, несколько десятков, это собрали по селам. Их тоже вывезли в этих машинах на расстрел. Через пару месяцев, потом, туда вывозили людей из тюрьмы. Брали тех, кто сидел, в том числе и мы сидели на третьем этаже. Убирали людей. Но через приблизительно месяц туда собрали большую толпу, больше 100 человек цыган. Они провели ночь не в тюрьме, а прямо во дворе, и наутро их вывезли тоже. Потом,

когда уже массовых не было, делалось так: утром переводчик тюрьмы Николай Энгель³⁵ и с ним два полицаи, которые охраняли нас, ну, тюрьму охраняли. Они ходили рано утром, около шести часов, ходили по камерам, открывали дверь: ты, ты — все, следующая камера: ты, ты.

ЕЛ: По какому принципу?

БК: А, по-моему, никакого принципа не было. Я даже не представляю какой. Ну, вот так. Ну, по какому принципу меня чуть не вывели, я потом расскажу. Но там [когда позже чуть не вывели Б. Каменко] действительно был какой-то принцип, хоть какой-то. И их, значит, выводили. И вот несколько раз я так попадал, когда не чистили сапоги. Обычно мы в это время убрали, чистили. Вот, кормили нас таким образом: утром давали пайку хлеба, грамм 200, наверное, горелого. Когда наши отступали, но я не знаю, то ли немцы разбомбили, при бомбежке это получилось, или наши подожгли, но сторел элеватор, поэтому, значит, зерно брали нам, это самое, хлеб давали утром, давали эту пайку на целый день.

ЕЛ: А сколько это было? Сколько было в пайке?

БК: Грамм 200. Вот, и утром давали кружку, как они называли, «чая». Но это был кипяток без ничего. Кипяток. Днем давали такую мисочку, ну, как говорили эти полицаи, «борщ». Это было мерзлая, видно, та, что осталась, свекла и капуста. Больше ничего: ни мяса, ни картошки, конечно, ничего там не было. Хлеба уже больше не давали. И вечером здесь давали тоже кружку «чая». Вот так кормили. Ну, раза два-три в этих вот двориках, которые, я говорил, для прогулки, там были немецкие кухни, которые для них готовили. Раза два-три мы там, значит, дрова готовили. Они нам да-

³⁵ Николай Энгель (1910–1944) — еврей, выдававший себя за венгра, работал переводчиком и заместителем начальника тюрьмы в Ставрополе, член Айнзацкоманды 12 Айнзацгруппы Д. При отступлении Энгель бежал в Одессу, где его арестовали и привезли в Ставрополь. В 1944 году военный трибунал НКВД приговорил его к расстрелу. *Шаповалов А.* От фармацевта до тюремщика: как аптекарь из Ставрополя стал карателем в Гестапо // Комсомольская правда. 2020. 12 августа. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/217168/4268878/> (дата обращения: 13.05.2021).

вали гуляш. Это вот я до сих пор помню, что это такое было по сравнению с той пищей. Мы там грузили бумагу, потому что там много шло бумаги, в этой команде. Была еще пропагандистская команда СС, которая все эти плакаты делала, развешивала все там. Там довольно много бумаги было. Грузили бумагу. Первое время мы по квартирам еврейским ездили и вывозили все до конца. Слава богу, в свою [квартиру] я не попал, вот. Причем вывозили все: и шифоньеры даже вывозили, все вывозили.

ЕЛ: А куда это девали?

БК: Недалеко от этого штаба был бывший дом Красной армии. Они там сделали свою такую базу. И все это вывозилось туда. Потом там работали наши портные. Они рассказывали, что все это барахло немцы посылками отправляли домой. Получше выбирали, значит, и отправляли посылками домой. Ну вот, [отправляли нас] на другие тяжелые работы, когда начались холода. Я часто работал на кочегарке. Там между тюрьмой и этим зданием гестапо, этого СД, была кочегарка такая полуподвальная. Ну, здание такое сверху, а снизу — полуподвал. Мы работали на этой кочегарке, топили углем и архивом НКВД. Много там было, я даже читал некоторые дела, интересные там дела были.

ЕЛ: А что вы помните?

БК: Ну, я помню, там был один, одно [дело] я хорошо помню: бывший комиссар Чапаевской дивизии, который после Фурманова³⁶ был комиссаром. Вот его, оказывается, ухватили у нас там [в Ставрополе] к расстрелу. Вы знаете, я по ночам там читал.

ЕЛ: Что?

³⁶ Дмитрий Андреевич Фурманов (1891–1926) — советский писатель-прозаик, революционер, военный и политический деятель. В начале 1919 года был направлен в качестве политработника на Восточный фронт, с 25 марта комиссар 25-й стрелковой дивизии, которой командовал В. И. Чапаев. 30 июня 1919 года из-за конфликта с Чапаевым (на почве ревности, так как у Чапаева возник роман с женой Фурманова Анной Стешенко) был переведен из дивизии в Туркестан. «Фурманов Дмитрий Андреевич» // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1969. URL: <https://gufo.me/amp/dict/bse/Фурманов> (дата обращения: 13.05.2021).

БК: Читал. А они выкинули библиотеку, там была очень хорошая библиотека. Я нашел там, как сейчас помню, Дельбрюк «История военного искусства»³⁷. Вот эту книгу я читал по ночам. Там свет не тушили. Спать — не спалось. А думы такие, что с ума сойдешь. Так вот я читал эту «Историю военного искусства» Дельбрюка.

ЕЛ: А как вы ее проносили в тюрьму?

БК: А там пожалуйста, носи что хочешь. Мы же внутри этого самого двора. Ведь охранялся весь периметр [здания], все охранялось, это же гестапо. Только выходить мы не могли. Вот такие там были дела. Помню, одно время туда привезли знакомых, несколько профессоров: Шварцман³⁸, Бриккер³⁹, я помню, такой. Ну, это эвакуированные были, медицинские профессора — медики, их казнили. И они несколько дней жили там в одной камере. Мы с ними разговаривали. А мы довольно легко там разговаривали. У нас слесаря, которые все замки испортили. У нас двери на нашем третьем этаже открывались просто. А на остальных этажах, где этих слесарей не было, где были подозреваемые, что

³⁷ Ханс Дельбрюк (Hans Gottlieb Leopold Delbrück, 1848–1929) — немецкий историк. Самое масштабное его произведение — «Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории».

³⁸ Яков Самойлович Шварцман (1876–1942) — профессор. В середине 1930-х годов создал препарат «миоль», который применялся для лечения инфарктов. В конце июля 1941 года вместе с женой, двумя сыновьями и племянницей приехал в город Ставрополь, а 1 августа получил должность заведующего кафедрой факультетской терапии Ставропольского медицинского института. Однако 19 сентября 1942 года профессор Шварцман с женой были арестованы, и 20 сентября супругов утервили в газовой камере. «Помни о нас...»: каталог выставки. С. 184.

³⁹ Федор Матвеевич Бриккер (1895–1942) — профессор, заведующий кафедрой патологической физиологии Днепропетровского медицинского института. В августе 1941 года после слияния Ворошиловского и Днепропетровского медицинских институтов был назначен заведующим кафедрой патологической физиологии. Как ученый профессор Бриккер основное внимание уделял изучению злокачественных опухолей. В период оккупации он получил разрешение заниматься дальше научной деятельностью по проблеме лечения раковых заболеваний. Однако позже он был арестован и 20 сентября 1942 года умерщвлен ядовитыми газами в «душегубке». Вместе с ним погибли жена и дочь. «Помни о нас...»: каталог выставки. С. 181.

они агенты НКВД, да много прочего, один на другого говорил что-нибудь, там были окошечки для приема пищи. Они все открыты были, их никто не закрывал.

ЕЛ: А на этажах не было охраны?

БК: Охраны — нет. Охрана была только снизу. А поскольку мы мыли полы, еще эти шесть человек, значит, полы на всех трех этажах, то мы там вот, с этими я разговаривал. Значит, сказали, что им сказали, что их взяли и отправят в Германию. Особенно этот, Шварцман⁴⁰ был. Он был специалистом по раку, онколог. И там родился слух, что как будто бы у Гитлера рак, поэтому вот таких специалистов [сохраняли]. Но через несколько дней их погрузили тоже в машину. Через приблизительно полтора месяца приехали две машины туда, большие такие, деревом обшитые машины, без окошек, без ничего. Одна большая, другая — поменьше. И с этого момента они прекратили возить на расстрел. Мы сначала не понимали, а потом, значит, поняли. Эти машины немцы называли «газваген». А мы называли ее «душегубка». Так оно и пошло, это название, до сегодняшнего дня. Так же и в Краснодаре называли. Одна была большая машина, в нее загружали человек по 70, стоя, конечно, все. Там ни скамеек, ничего нет. А другая поменьше, 50 человек приблизительно туда загоняли. И вот они начали так во дворе. А я это хорошо видел через окно. Когда я был на допросе уже как свидетель у наших, у нас, когда я это рассказывал на другой день, мне следователь сказал: «А вот обвиняемый, который обвиняемый-подследственный, сказал, что этого быть не может. Ты сидел в тюрьме и видеть этого не мог». Я этому следователю говорю: «Пойдемте, я вам покажу, как я это видел». Подвел к окну и говорю: «С этого окна видно это место?» — Видно. «Вот я отсюда видел, когда чистил сапоги». И тот замолчал. Вот. Это я отвлекся немного. Значит, они загоняли туда [в «душегубку»] людей. Там страшные крики раздавались. Включали мотор, минут 5–10, крики смолкали. После этого шофер зачем-то лез под машину, и потом уже уезжал. Потом я это все, когда нас начали заставлять мыть эти машины, после этого [когда

⁴⁰ На самом деле специалистом по раку был Бриккер.

машины после рейса пустые приезжали] там рвота, кровь, зубы там валялись. Там чего только не было. Значит, машина была, там решетки на полу деревянные и внизу вход трубы и вот такая вот развилка, мелкие дырки. Он, мне кажется, снизу надевал гайку на выхлопную трубу, от выхлопной трубы надевал гайку на эту трубу и это время машина работала. Значит, когда они [люди внутри машины] умирали там все от угарного газа, он эту гайку раскручивал, чтобы была труба свободная, можно было ехать. И уезжали. Нас уже с ними не водили, с ними ездили полицейские. Как они там выгружали, я уже не знаю, как они этих людей [выгружали]. И даже не знаю, в какие места их возили... Вот так я был в этой тюрьме с 15 августа и бежал я оттуда 6 декабря. Ну, если интересует, расскажу, как я бежал.

ЕЛ: Конечно. Только несколько уточняющих вопросов. Как выглядела ваша камера?

БК: Камера? Ну, обычная камера, тюремная камера. Наверху окно закрыто вот таким козырьком кверху, чтобы нельзя было смотреть, [находилось оно] на самом верху. И четыре койки, которые опускались и потом поднимались, это все. Ну, там, как обычно, параша.

ЕЛ: А кто с вами жил в камере?

БК: Со мной, я помню только одного, с которым я бежал. Исаак Лехель был такой из Западной Украины, остальные у нас раза два менялись. А с ним мы вместе были, ну я, конечно, его хорошо запомнил, потому что мы вместе и сапоги чистили среди этих шести человек. Ну и потом бежали.

ЕЛ: Как вы бежали?

БК: Мы... Одно время нас полицейский водил недалеко в один домик, куда переехал жить начальник тюрьмы СС оберфюрер Шмидт⁴¹. Он там сошелся с одной женщиной. Поскольку надо

⁴¹ Обершарфюрер СС Вильгельм Шмидт (Wilhelm Schmidt) был начальником тюрьмы с конца августа 1942 года. Он упоминается в советских документах, в частности в актах ЧГК. Протокол допроса П. Н. Васютина о службе в гестапо и участии в уничтожении еврейского населения г. Ставрополя от 25 июня 1943 года // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 269. Оп. 1. Д. 26. Л. 125.

было там колоть дрова, рубить это, потом покрывали мы сарай, я помню, потом еще что-то делали. Ну, в общем, такая работа. Значит, нас полицейский туда водил. И мы там работали. Меня и этого вот Лехеля, значит, женщина, там двор большой, там несколько домов во дворе было, огромный двор. Значит, женщины из этих домиков носили иногда нам поесть чего-то. Иногда кусок хлеба давали, иногда борщ какой-то принесут. А когда я мыл пол на втором этаже, там в камере сидела одна женщина. Она меня, значит, спрашивает: «Ты выходишь? А куда ходишь?» — «Я вот туда». — «А, так я с этого дома. Передай, пожалуйста, мужу, что я здесь». Ну, я пошел, нашел мужа, передал ему это. По двору мы ходили свободно, этот нас видел охранник. Он мне записочку передал и карандашик, и бумажку ей. И так вот раза три я передавал бумагу, эти записочки. Один раз, значит, мужа не оказалось. И я передал эту записочку соседке. Потом оказалось, что соседка-то ее и выдала, эту женщину, что она агент КГБ-НКВД. Значит, ее посадили. И ей тут и передал. Она тут же пошла и передала в гестапо, СД. На другой день это было, 5 декабря, суббота, нас вызвали на допрос. Допрашивал начальник тюрьмы Шмидт, старший следователь тюрьмы Эрентроп⁴², ну и русский переводчик. Пару раз стукнули дубинками нас резиновыми. Мы отпираться сначала стали: знать не знаем, ведать не ведаем. Ну, стукнули [нас]. Открылась дверь, и появляется эта женщина: что нам отпираться-то уже было.

ЕЛ: Какая?

БК: Которой я отдал эту записку...

ЕЛ: Соседка?

БК: Да, соседка. Значит, ее туда привели, и нас заперли уже в тюрьме и не выпускали никуда весь этот день. Спасло нас то, что ночью менялась охрана тюрьмы. И новые, когда пришли они, не знали об этом. И утром, как обычно, нам открыли дверь, в воскресенье, чтобы мы пошли чистить сапоги. А двор был переделен стенкой, потому что там г-образное здание. Длинную часть занимала СД, а короткую часть — штаб военно-воздушных сил.

⁴² Имя и личность установить не удалось.

Именно так они охраняли. И между ними, значит, была калитка. И эту калитку мы когда-то чистили, там канализация, которая была в этом штабе, проходила. Там надо было чистить, мы замок этот самый выкинули туда, в канализацию. Сломали и выкинули. И знали, что калитка открыта. Мы, значит, выскочили. А это первый снег пошел в этот день. Значит, выскочили мы во двор военно-воздушных сил. Там ведро и песок был. Мы, значит, набрали песок. И через калитку открытую вышли туда ночью, там охраны не было. Там будка такая стояла, такая, как у нас в кино, жандармские будки разрисованные, знаете, вот такая. Но там, видно, холодно было, он ушел. Да они и не очень охраняли, эти военно-воздушные силы. Мы перебежали через дорогу. Город я хорошо знал, и в парк. А парк, как в южных городах, он огромный, он начинается с этого конца города и кончается на том конце города. Ниже по этому парку никого не было. И побежали к знакомым этого парня, Исаака Лехеля. И два дня пробыли у них на сеновале, и они нас подкармливали. Потом оказалось, уже когда наши пришли [части Красной армии освободили город] и прочее. Когда уже некоторых [коллорационистов] поймали, [то оказалось, что] полицейские, оказывается, эти два дня нас ловили. Им здорово попало. Они нас ловили по дорогам, а потом бросили: нет и нет. А мы на третий день ушли. Но мы с ним [с товарищем] разошлись, я ушел в село. Это километров 20–25, Старомарьевка⁴³ такая. Я не рассказал, что, когда мы там убирали, я на столе у начальника тюрьмы увидел паспорт — Павлик Александр Александрович. Что интересно, [18]96-го года рождения, представляете. Но там было много хлорки, я подтер, и из 96 сделал 26. Ну, то есть девяточку [исправил]. Но там было видно. Вот с этим паспортом я бегал, на всякий случай держал. Интересно, что этот Павлик Александр Александрович, потом выяснилось, был священник, который отказался служить молебен за победу немецкой армии. Патриарх дал распоряжение, значит, по всем церквям ни в коем случае такой молебен не служить. И вот он отказался при немцах служить мо-

⁴³ Старомарьевка — село в Грачевском районе Ставропольского края. Расстояние до Ставрополя составляет по прямой 21 км.

лебен. И вот туда [в тюрьму] его забрали. И я, значит, в этой Старомарьевке. Я там работал на молочно-товарной ферме, ухаживал за молодняком, выгонял его поить и прочее. Зима была, декабрь. Потом вдруг мне сказали, что тебе нужно идти в райцентр и зарегистрироваться. Я пошел, дал этот паспорт. Одна девчонка там, две девушки были там. «А паспорт поддельный». Я говорю: «А чего так?» — «А нас учили». Я говорю: «А где это вас учили, в НКВД, что ли?» Другая подошла, хорошая девчонка. Потом она посмотрела, говорит: «Да нет, настоящий паспорт». И отпустили меня. Прошло с неделю, вдруг мне говорят: к старосте приехали два полицейских и про тебя спрашивают, сидят сейчас у него и выпивают. Ну, у меня при себе ничего не было, стеганка такая вот, ватник. И я, значит, тут же самое успел ухватить, ну, украл просто-напросто буханку хлеба у хозяев и ушел.

ЕЛ: У кого вы там жили?

БК: У крестьян, колхозников.

ЕЛ: А что вы им сказали? Откуда вы?

БК: Я говорил, что я, в общем, из ПТУ [профессионально-техническое училище]. Там этих пэтэушников везли откуда-то, и, когда немцы пришли, их тут всех больше некуда было везти. Они все разбежались. И поскольку я знал, что они по лесам бегают, то я говорил, что я из этих, пэтэушников. Ну, мне было... Я в тюрьме, мне 19 лет было в тюрьме. И значит, я пришел уже поздно вечером в город. Пришел я в город, пошел прятаться к одному учителю, потом оказалось, что этот учитель... вам рассказывать, нет?

ЕЛ: Конечно.

БК: У нас был учитель физики в школе, мой учитель физики — Владимир Корнилович Стаханов. Как он говорил, ну, вроде подтверждали, что это двоюродный брат знаменитого Алексея Стаханова⁴⁴. Но, поскольку такой брат, он у нас был на очень хорошем

⁴⁴ Алексей Григорьевич Стаханов (1906–1977) — шахтер, новатор угольной промышленности, основоположник стахановского движения, Герой Социалистического Труда (1970). В 1935 году группа, состоявшая из забойщика Стаханова и двоих крепильщиков, за одну смену добыла в 14,5 раза больше угля, чем предписывалось по норме на одного забойщика. Однако советская пропаганда приписала весь добытый за смену уголь лично Стаханову.

счета, во всем городе его знали хорошо, общественник был и прочее. Вот я к нему и прибежал. Он жил в отдельном домишке, тоже там. А Ставрополь, он весь почти был такие вот домики. Значит, стучусь. Выходит его жена. Она меня знала и говорит: беги быстрее, у нас полиция. Ну, я рванул бегом оттуда и пришел к директору школы. Он партийный был, я знал. Правда, в начале немецкой [оккупации] они пришли, сдали эти билеты, ну, куда было деваться, все знали, ну и не тронули. Я к нему пришел, он меня спрашивает: «Ты где был, до меня где-нибудь был?» — «Был». — «А у кого?» — «Да вот я к Стаханову приходил прятаться». — «Как прятаться? Ты его видел?» — «Нет, не видел». — «Заходил?» — «Нет, не заходил». — «А жена?» — «Так сказала». А он [Стаханов], говорит, заместитель начальника полиции города. Вот так, ночь я, значит, пробыл у директора школы, уж не помню, как его звали. И он мне рассказал: иди вот по направлению к Невинномысску. Это 40 километров расстояние. Там только шоссе, железных дорог там нет. Там есть 15 километров отсюда, есть хутор Холодногорский. Вот там, говорит, сможешь [остаться]. Там молокозавод есть. Ну, я пришел в хутор Холодногорский. По дороге, значит, там картошкой с полей, абсолютно мерзлой, в декабре питался, или это уже было самое начало января. Пил воду, ел снег, пил воду из луж, когда они были. Пришел на этот хутор, спрашиваю. Мне говорят: нам нужен человек жать камыш на это озеро, все заросшее камышом. Значит, лед, и вот остро наточенной лопатой, вот так вот, раз — этот самый камыш, хватаешь его и перевязываешь. Ну вот. Ну, меня это очень устраивало, потому что весь день я был там. Правда, на этом хуторе немцев не было вообще. Жил я, значит... Мне на этом молокозаводе давали ведро пахты⁴⁵. Это то, что остается после взбивания сметаны. Я это ведро отдавал хозяевам, и они, значит, свиней поили и сами пили. Вот я там пробыл 15 дней. В один из дней, это было, сейчас я вспомню... Это было могу даже сказать когда, 18 января. Вдруг туда приезжают немцы и приезжают азербайджанцы в немецкой

⁴⁵ Традиционная пахта — это жидкий остаток после взбивания цельного молока в масло.

форме. Нас выгоняют всех, кто помоложе, и в сторону Невинномысска [направляют] копать окопы. А Невинномыссск, это Невинка, как мы его называли, горит уже весь. То есть в это время немцы ушли уже [оттуда]. И там слышно — стреляют.

ЕЛ: Это какой был год?

БК: Это был [19]42-й.

ЕЛ: И что дальше?

БК: [19]42-й год. Нет, январь это уже [19]43-й. То есть декабрь — это был [19]42-й, а январь — [19]43-й. В это время, значит, там выкопали окопы. Окопы уже почти были до нас выкопаны, не знаю, кто их там копал. Мы их докопали, и после этого, нас, значит, упряжка — двое быков. Мы начали возить солому туда. Ходили в поле, там скирды соломы набирали. Я с еще одним парнем был, он русский из этого же села (из хутора). Значит, говорим друг другу, что, слушай, нас же сейчас стукнут здесь, все на окопах, наши уже подходят. Мы этих, значит, быков погнали «цоб-цобэ», как их гоняют, и ушли. Куда он ушел? Не знаю, домой, наверное, прятаться. А я ушел в город. Пришел я в город 19 [января 1943 года]. По дороге я зашел попросить поесть в одно село. И там двое мужиков пьют самогон. Оказывается, наши пленные. И вот они, значит, говорят: убежать нам или не убежать от наших. Мне: «Садись». Налил стакан. До этого я не пил. Выпил. «Ну, как по-твоему? Как тебя звать?» Говорю, Сашка. Он говорит: «Как по-твоему?» Я говорю: ну нет, ну что ты, не может быть, чтоб наши наших [убивали]. «Остаемся». Ну, я поэтому немножко задержался, поэтому я пришел в город только 19 [января 1943 года]. Там 15 километров всего. И пришел в свой дом, в подвал. То есть я не в подвал, я пришел на первый этаж, там жила уборщица этого же самого [медицинского] института, где отец работал, соседка. Она мне говорит: давай в подвал. Там, говорит, прячется бабушка одна. Она там кур прячет от немцев, поскольку они уходят, всех [кур] ловят сейчас. Давай туда. Ну, я, значит, туда. И два дня там пробыл. Дали мне поесть картошку в мундирах. Я, не чистя, поел ее. И бутылку райнвайна⁴⁶ они мне

⁴⁶ Скорее всего, имеется в виду домашнее вино.

дали. Вот когда я выпил всю эту бутылку, я понял, что я остался живой. Через два дня к подвалу они, значит, подходят и говорят: выходи, наши пришли. Я выхожу, недалеко от угла нашего дома стоит солдат наш. Ну, ко мне все бросаются: «Ты живой?» Тут же нас все знали, тут наш дом рядом. Он спрашивает, в чем дело. Да вот так и так. Ну вот, таким образом я остался живой.

[*Конец кассеты 3. Кассета 4: в кадре Борис Львович Каменко.*]

ЕЛ: 18 апреля 1997 года. Интервью у Бориса Львовича Каменко берет Елена Леменева. Город Дзержинск Нижегородской области. Мы остановились на моменте вашего освобождения.

БК: Оказалось, что еще живых осталось несколько человек. Причем двое из них интересно были живые. В свое время мы в тюрьме люк тоже сломали — замок на крышу, на чердак. И вот двое ребят, значит, когда уже тюрьму выводили всю на расстрел, за два дня до ухода немцев, вот они туда пробрались и с крыши прыгнули в соседний двор. Ну, еще там, в общем, несколько человек остались живыми. И мы, не договариваясь, рванули на квартиру переводчика. Думали, поймает его и тут же повесим. Потому что этот переводчик сидел с нами, а потом доказал, что он не еврей, что он венгр, и стал переводчиком в тюрьме хуже любого немца⁴⁷. Туда мы прибежали, а там очень хорошая квартира была. Ну, его, конечно, нет. Опять, чтобы потом не отвлекаться... Его потом поймали в Одессе и повесили: привозили в Ставрополь, судили и повесили. Так вот, а там несколько военных сидит. Хозяйка ко мне бросилась: ты, говорит, живой! Знает, что меня не должно быть... Живой, значит. А мы его, этого переводчика, тоже обслуживали, ходили под конвоем. Хотел я спросить, в чем дело: оказывается, командир-полковник, командир дивизии, которая взяла город, его замполит, как тогда было, комиссар и вестовой, его денщик по-старому. Она [хозяйка] им рассказала, в чем дело. Они мне говорят: садись, парень, выпивать будем. А у них стояли там ведра со спиртом. Немцы взорвали ликероводочный завод, и спирт тек по канавам. Так солдаты брали одно ведро, ставили портянку наверх, другим ведром зачерпывали с грязью и через

⁴⁷ Рассказывает про переводчика Энгеля.

портянку [процеживали] этот спирт дальше. Но я тогда некрепкий был на это дело. Значит, пью, сплю, расталкивают, пью, ем, сплю. На третий день меня расталкивают и говорят: слушай (тогда я уже под своим именем был), Борька, тебя вызывает Суслов⁴⁸.

А Сусллова тогда все хорошо знали, он тогда был, конечно, не тем главным идеологом партии, которого потом узнали, а был первым секретарем крайкома партии. «А где он?» Ну, он в бывшей думе, которая дума была при немцах, значит, в думе. Значит, скажи ему, что ты Сашка, о котором говорила одна женщина, она меня знала как Сашку. Она ему про меня рассказала, что был такой-то. Я пришел. Оказывается, он меня вызвал узнать, как себя вели коммунисты, которые были в тюрьме. Я ему рассказывал. Рассказал про одну женщину-прокурора, которую с двумя дочками взяли туда, потом ее в душегубку отправили, и прочие такие вещи. Почему он второй раз меня вызвал — ей-богу не помню. Второй раз, значит, через несколько дней опять меня что-то вызвали, что-то какие-то наводящие вопросы насчет этих коммунистов начали задавать. Спрашивает: «Вы где работаете?» Я говорю: «Нигде не работаю». Ну, написал он записочку в горисполком. Пришел я в горисполком. Тогда уже там собрались люди, и меня отправили работать в отдел торговли крайисполкома, в краевое карточное бюро. Вы, конечно, не знаете, что это такое. Ну, это те, которые командовали хлебными карточками, продуктовыми карточками. И вот я там проработал почти год. Но через несколько месяцев, поскольку я там был самый молодой — там старики были, женщины... Начали строить железную дорогу от Карачаевского угла до ближайшей станции <нрзб.>. Это Карачаевская автономная область была. Отправили [меня туда] представителем крайисполкома. Я в последнее время проработал на строительстве железной дороги. Ну, работал я в основном экспедитором. За чем-нибудь ездил, доставал там, прочие вещи. Был приказ за подписью Молотова, подписанный: построить

⁴⁸ Михаил Андреевич Суслов (1902–1982) — советский партийный и государственный деятель. С февраля 1939 по ноябрь 1944 года первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б). Организатор партизанского движения во время оккупации Ставропольского края. В 1941–1943 годах член военного совета Северной группы войск Закавказского фронта.

за 100 дней. Я оттуда уехал, через шесть месяцев там еще и треть не была построена, конечно. Потом ее бросили, потом ее достроили уже после войны. И я узнал, что эвакуированный в Ставрополь Днепропетровский институт медицинский возвращается эшелонном в Днепропетровск. Я тогда бросил эту самую железную дорогу, уехал в Ставрополь. С ними договорился, что... они взяли меня: поступи к нам в институт. Да нет, я не могу, говорю, трупы резать я вообще не смогу. И я поехал с ними в Днепропетровск. В Днепропетровске, когда я приехал, я к тому времени списался с этим академиком Бродским, о котором я говорил. Он мне написал, что в Днепропетровске все разрушено, института нет. «А рекомендую тебе ехать в Харьков, там институт вернулся из эвакуации, он целый». Я в Днепропетровске походил, посмотрел: действительно там ничего нет. Уехал в Харьков. Ну, ездили мы тогда без билетов, на крышах вагонов, по-другому и не ездили. В Харькове я поступил в этот институт.

ЕЛ: С начала?

БК: Нет, не с начала. Но на конец первого курса, на самый конец. На второй я не рискнул на конец идти. А на конец первого курса я пошел. Ну, это был мне плюс, потому что у меня, когда я пришел на квартиру, она была вся разграблена, я там нашел несколько документов своих. И нашел там вот эту карточку, где я годовалый, и нашел зачетную книжку. Она никому не нужна была, она валялась там, зачетная книжка. И я приехал, показал зачетную книжку за первый курс. Я не сдавал экзаменов, даже вступительных. Ну, я первый курс не сдавал, несколько месяцев пробыл — и на второй курс. И [о]кончил его в [19]48 году. Никого у меня тогда родных не было, никого я не знал. Потом я, правда, нашел дядьку, ну, мы с ним вместе не жили.

ЕЛ: Это с чьей стороны?

БК: Со стороны матери.

ЕЛ: Как его звали?

БК: Его звали Павел Львович Иззиэль. Он был майор медицинской службы. Когда они отступали... потом его перебросили в Забайкалье, и там он еще участвовал в войне с японцами. А потом он приехал в Подмосковь, и я тогда у него несколько

раз бывал. Ну, раза три я всего-то у него был, мы были не очень близки, ну, знал я... И поскольку у меня никого не было, я никуда не ездил, я все каникулы сидел там [в Харькове]. Два года я работал по восстановлению общежития. Мы там жили, но оно было полуразрушенное. Там ни отопления не было, ни окон не было. Мы всю зиму прожили совершенно с открытыми [окнами], то есть даже рам не было. Ну, все делали, в конце я уже стекольщиком работал, уже повысил квалификацию. А в [19]46 году, когда на Украине был большой голод, меня для того, чтобы немножко подкормить, отправили в Орджоникидзе, теперешний Владикавказ, на практику. Курсовой проект я там делал. Вот там, проезжая Ростов, я увидел, как люди действительно умирают от голода. В Харькове я этого не видел. Голодали, но умирающих я не видел. А там действительно умирали прямо на вокзале от голода. Я там месяца три был на практике. Ели кукурузу в основном, кукурузный хлеб, кукурузную мамалыгу, которую с базара брали студенты. И приехал назад. В это время были выборы в Верховный Совет, и меня сделали агитатором. Вот я это помню с такой точки зрения: мы ходили, а люди злые, голод. Один раз там собралось человек двадцать в клубе каком-то, «красный уголок» какой-то. И вот стоит старикашка один и говорит мне: «Ну зачем вы выборы сейчас делаете, когда люди голодают?» Я ему отвечаю, мы ж подкованные были тогда: «Ну что? В [19]21 году был голод, в [19]33 был голод, и действительно, голод. В [19]21 году люди ведь умирали, а сейчас никто в Харькове не умирает». А он мне говорит: «Гражданин агитатор, как было в [19]21 году, по вашим годам я вижу, знать вы не можете. Но в [19]21 году я вам скажу, чем мы спаслись: мы рыбу ели. А сейчас неурожай на рыбу тоже». Вот тут я ему ничего ответить не мог. Ну, выборы прошли как обычно, 90 % процентов «за». Правда, мы выбрали очень хорошего человека в Верховный Совет. Мы выбрали Патона⁴⁹, был

⁴⁹ Евгений Оскарович Патон (1870–1953) — советский ученый-механик и инженер, работавший в области сварки, мостостроения и строительной механики. Руководитель Института электросварки, который с 1953 года носит его имя. Герой Социалистического Труда (1943), лауреат Сталинской премии.

такой академик Патон, очень известный. Его сын сейчас, по-моему, президент академии — Борис Евгеньевич⁵⁰. А тот был Евгений Оскарович. Он мосты делал. Знаменитый киевский первый сварной мост — это его мост. Вот мы его выбирали, так что он никакой ни политик был. Наоборот, он в такой полуопозиции был, так что особенно не нападали на нас.

Ну вот [о]кончил я институт. И мне предложили остаться в аспирантуре. Я тогда уже дружил с теперешней моей женой, поехал к ним домой, в Курскую область, в село. И там начал зубрить основы марксизма-ленинизма, диалектику учил, помню. А потом я приехал в город. И мне сказали, что... (тогда же утверждали органы, тогда утверждал и райком партии). «Тебя не утвердят, — мне директор говорит. — То есть уже не утвердили, ты, — говорит, — сдашь. Но у нас есть намного старше тебя один [кандидат], он работал в органах. Его примут, все равно место только одно. И мы тебе даем хорошее направление в город Сталинград, на большой хороший завод». Это был завод 91-й, он тогда так назывался, потом он стал называться имени Кирова⁵¹. Я туда поехал. Там я работал два года начальником смены хлорного цеха. Поскольку там работа все время была в противогазе, все это было устарелое. Во все бои в Сталинграде этот завод [продолжал работу], который находился в центре Сталинграда на восемнадцатом километре, 18–20 км. Жили мы на 18-м километре, а завод [находился] на 20-м километре. Он работал все время, он не останавливался. Поэтому он был весь разрушенный, газблоки страшные. Через два года я уже не мог работать в противогазе и в очках, я без очков вообще ничего не вижу. И меня перевели в проектный отдел. В проектном отделе (чего рассказывать?) я пришел старшим инженером и ушел оттуда замести-

⁵⁰ Борис Евгеньевич Патон (1918–2020) — советский и украинский ученый в области металлургии и технологии металлов, доктор технических наук, профессор.

⁵¹ Имеется в виду Завод № 91 Наркомата химической промышленности в городе Сталинграде, который работал с 1931 года. В 1994 году на базе активов государственного предприятия было образовано Волгоградское открытое акционерное общество «Химпром».

телем начальника проектного отдела. Потом я недолго проработал, там же перевели меня в филиал Московского проектного института, назывался он тогда ГСПИ-3 [государственный специализированный проектный институт]. А потом меня уговорили ехать сюда, в Дзержинск. Сначала в такой же филиал от института. Он был «Гипрополимер»⁵², сейчас он какой-то «Уде» общее, я уже не помню даже название. Ну вот, «Гипрополимер», если знаете. Я работал начальником, то есть главным инженером проекта, двух заводов местных. Но потом меня сделали начальником технического отдела. Когда я был начальником технического отдела, мы большую связь имели по одному из производств с Сибирской академией наук, с Сибирским отделением Академии наук в Новосибирске. Академгородок там такой есть. Там очень крупные ученые были. Мы столкнулись, так сказать, с Институтом катализа⁵³. Когда я там побывал, они меня пригласили в аспирантуру поступить. Я поступил заочно в аспирантуру, два года у них проучился заочно. И в [19]70 году я защитил кандидатскую диссертацию. И после этого меня уговорили, можно сказать, перейти в науку, в «НИИ полимеров»⁵⁴, есть такой здесь [в Дзержинске] институт. И я там проработал. Одновременно я был зав. лаборатории, заведующий отделом из пяти лабораторий и главным конструктором по одной из проблем. Ну, это конструктор от Минхимпрома считался, от министерства. И вот

⁵² Проектный институт «Гипрополимер» учрежден в 1953 году в городе Дзержинске Нижегородской области. В 1994 году «Гипрополимер» был приобретен инжиниринговой компанией Uhde GmbH (в интервью «Уде»), входящей в состав концерна ThyssenKrupp AG. В 2015 году фирмы ООО «Уде», ООО «Полизиус» и представительство Thyssen Krupp Fördertechnik объединились и образовали новую компанию — Тиссенкрупп Индастриал Солюшнс (РУС). Официальный сайт компании. URL: <https://www.tkisrus.com/ru/about/tradition> (дата обращения: 14.05.2021).

⁵³ Институт катализа был основан в 1958 году в составе Сибирского отделения Академии наук СССР. В настоящее время это Федеральный исследовательский центр «Институт катализа им. Г. К. Борескова Сибирского отделения Российской академии наук» (Институт катализа СО РАН).

⁵⁴ ФГУП «НИИ химии технологии полимеров им. академика В. А. Каргина с опытным заводом» — отраслевой научно-исследовательский институт. Основан в 1949 году как лаборатория московского ГосНИИОХТ.

там я проработал. Руководил я одним проектом, в котором участвовали мы, ГДР и Болгария. И когда мне стукнуло 65 лет, в [19]88 году, я ушел на пенсию. Сейчас я пенсионер: занимаюсь огородом, собакой и книгами.

ЕЛ: Как вы считаете, в том, что вы не смогли поступить в аспирантуру сразу после института, виновато только ваше малолетство или что-то еще?

БК: Какое малолетство? Что? Это две вещи, которые меня преследовали да даже после смерти Сталина. Во-первых, я еврей, во-вторых, был в оккупации и тем более в гестапо. Вот эти две вещи, которые...

ЕЛ: Как отразилось ваше пребывание в гестапо на вашей дальнейшей судьбе? Если не считать вот этой карьеры?

БК: Стойкость привило, по-моему. Мне уж после этого было на все трудности наплевать в высшей мере. А на карьерной, на этой, конечно, очень сильно [сказалось]. Я в институте подал заявление в партию, меня не приняли. Я в Сталинграде, когда уже поработал несколько лет, подал заявление в партию, меня не приняли. Я перестал, так сказать, подавать заявления. Потом, уже после смерти Сталина, мы покупали уже, здесь это было, в Дзержинске, покупали производство у японцев для Сталинграда. И я, собственно, был от проектировщиков руководителем по этой покупке. В Москве мы два года провели на это дело с небольшим перерывом. А когда меня начали оформлять туда, меня вызвали здесь в КГБ и сказали: «Мы боимся вас оформлять». Я говорю: «Почему?» А я их знал, они меня сотни раз вызывали на допросы по гестапо, по всем этим делам. «Да почему, собственно говоря?» — «Да вы знаете, вот вы были в СД, сидели в гестапо. А вдруг кто-нибудь из них вас [завербует]?» Я говорю: «Где, в Японии?» Ну, так и не пустили, конечно. Но после этого, когда я стал уже руководителем компании, которые создавали этот процесс сэбовский [служба экономической безопасности], то уже в Болгарии я был, в Венгрии я был, в ГДР я был, в Польше я был, то есть в эти страны меня уже пускали, и довольно часто.

ЕЛ: А расскажите поподробнее о ваших взаимоотношениях с КГБ.

БК: Они начались с того, что когда советские войска освободили наш город Ставрополь, то по паспорту, по этому, Павлик Александр Александрович, я уже ходить не мог, потому что наши бы поймали сразу. Я тут же пришел в военную комендатуру. Тогда еще не было... Вот через два дня и сдал этот паспорт. Мне дали справку, не паспорт, ничего мне не дали. А дали справку, что таким-то заявлено о потере паспорта. Через какое-то время меня туда вызвали, сказали, что тебе нужно пойти в КГБ, ну, тогда еще, по-моему, НКВД было. Ну, я пошел, дом-то известный, тот же самый дом. Я-то пошел, начали расспрашивать меня несколько человек. Я их знаю, даже по фамилиям знаю почти всех. Один из них был начальником краевого управления, другой — заместителем, третий был начальник следственной части и еще там кто-то был. Вот они сидят за столом, начали меня расспрашивать. Я им рассказал, но мне потом очень долго, лет десять, задавали один и тот же вопрос: «Почему остался живой?» Заметьте, не как остался живой, а почему остался живой. Не должен был остаться, и все. Ну, я рассказывал, так и так, и рассказал вот про эту женщину, которая нас выдала.

ЕЛ: Это соседку той заключенной?

БК: Соседку заключенной. Рассказал все. Ну, стою, молчу. Вдруг один из них встал, начал ходить, потом, я его хорошо знал — начальник следственной части, начал ходить. И один спрашивает: «Ну как?» А он говорит: «Врет». Я на него смотрю и говорю: «Что вру?» — «Все врешь». Вот так началось мое первое знакомство. Меня, значит, взяли и из этого же дома, по тому же самому двору отправили в ту же самую тюрьму. Но там внизу были такие стоячие одиночки. Они были, ну, что ли, полметра ширины, полметра глубины. И меня туда посадили, значит. Пробыл я там всю ночь. Уже чего только не передумал. Дверь толкнул, а она открыта. Я ее назад, а там ручки ведь нет, ничего нет, и назад не подтянешь. Думаю, они же скажут, что я бежать собрался.

ЕЛ: А не было мысли?

БК: Да ну, от наших бежать? Куда, как? Наутро меня выпустили.

ЕЛ: Каким образом?

БК: Вызвал начальник тюрьмы, в том же самом кабинете, в котором был Шмидт. Это рядом с этими стоячими одиночками, это на первом этаже. И начал меня выписывать. А я ему говорю: «Вы меня благодарить должны». — «За что это?» А я говорю: «Весь кабинет, все отделал вам. Мы тут и белили, и красили, и чего только не делали при немцах». А он мне говорит: мы, говорит, всем спасибо говорим, кто отсюда выходит. А когда я туда вошел, что интересно, у меня же одежды не было. И мне моряки, которые там были, подарили немецкий мундир.

ЕЛ: А где моряки были?

БК: В городе. Морская пехота пришла. Там ни морей, ни рек нет, конечно. Это морская пехота. И они рядом с тем домом, где я жил раньше... Мне дали мундир немецкий и шинель флотскую, черную. А у меня тогда от отца остался (к сожалению, все это у меня пропало) его ромбовидный значок Петербургского университета с орлом сверху. Такая голубая эмаль и белая окантовка, белая эмалевая окантовка и внутри голубая, крест. И чтобы не потерять, носил на этом [мундире]. Когда пришел начальник этой тюрьмы, говорит: «Железный крест?» Представляете? Железный крест... Это все равно как у нас Герой Советского Союза. Ну, вот такие вот. Это началось у меня с КГБ. Потом какое-то время меня не вызывали никуда. Этим никто не интересовался. То есть интересовались, чтобы меня куда-нибудь не допустить. Ну, в аспирантуру там, и прочее. Мне еле-еле дали допуск к работе в этом цехе. Он закрытый считался, вот. Потом, правда, с меня его сняли в то время, когда товарищ Сталин собирался, ну, когда началось «Дело врачей»⁵⁵. Когда собирались всех евреев выселить. Это Вы знаете, это же известно. Вот с меня этот допуск сняли. Никаких документов мне не показывали. Я в проектно-отделе что-то чертил. А потом уже здесь. Это было, значит, [19]45 и 20 — [19]65 год. Почему я говорю 20, я сейчас расскажу. В то время как

⁵⁵ Дело врачей (дело врачей-вредителей или врачей-отравителей), в материалах следствия дело о сионистском заговоре в МГБ, также дело Абакумова — уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. Кампания длилась в период с 1948 по 1953 год.

бы амнистия была. И нужно было, кого не поймали, срочно ловить. И организовали довольно хорошие следственные все эти бригады. Вот я с ними сталкивался в Ставрополе, в Краснодаре, которые действительно ловили всех. Но в основном-то ловили, конечно, — немцев они поймать не могли, ну, ловили тех, которые работали [на немцев в оккупацию]: старых полицаев, [членов] этой кавказской роты. Это довольно знаменитое подразделение было, оно довольно известное. Вот. И меня тогда начали вызывать. Сначала я даже очень грубо по телефону ответил, вот за этим столом. Сказал: бросить трепаться, кто-то меня разыгрывает. Когда мне сказали: вы должны быть в Горьком⁵⁶ тогда-то, в КГБ, такая-то улица. Зачем? Вот потом, ну, может, не стоит это говорить, но я всю ночь вспоминал, кому какой анекдот я рассказал. Понимаете, вот такое было впечатление. Меня туда, значит, позвали и долго-долго допрашивали. Все это [показания] записывали, записывали. Я в основном говорил, ну вот то, что я сейчас рассказывал. Но людей я не называл, и прочее. «По карточкам можете вспомнить?» Я говорю: «Что я могу вспомнить-то? Я его видел в [19]42 году. А сейчас уже середина [19]60-х годов. Кого я могу вспомнить?» — «Да, мы так и думали». И они отправили штуку [отчет], оказывается, в прокуратуру СССР. Через какое-то время, через месяц-два, приходит повестка. Кстати, у меня все сохранилось, повестка выехать в Ставрополь. Я выехал в Ставрополь. Пришел такой злой и говорю следователю: «Вы что меня вызвали? Вы меня допрашивали уже. Я все, что мог, рассказал, ничего я больше не вспомню». — «А как они вас допрашивали?» Ну, я ему рассказал. «Ну, вы у нас все вспомните».

[Конец кассеты 4. Кассета 5: в кадре Борис Львович Каменко]

ЕЛ: Кассета № 5. 18 апреля 1997 года. Интервью у Бориса Львовича Каменко берет Елена Леменева. Город Дзержинск Нижегородской области. Так чем закончилась ваша беседа?

БК: Я там был порядочно, недели две, если не больше. Во-первых, я показывал места захоронения, все это фотографировали. Потом я рассказывал, как я бежал, и показывал эту калитку,

⁵⁶ Название Нижнего Новгорода с 1922 по 1990 год.

значит, ворота, откуда я бежал. Причем там стою, пальцем вот так показываю, весь народ ходит по улице, на меня глядит. Ворота-то уже там, на улице. А меня в это время фотографируют. Им это нужно было для доказательства перед теми, перед обвиняемыми, что я действительно знаю. А потом кое-кого узнал.

ЕЛ: Кого, например?

БК: Во-первых, я узнал шофера душегубки. Это был русский, украинец он был. Потом я узнал... Дело в том, что я узнавал вполне определенных людей. Оказывается, их уже взяли в это время. Потом был суд в Краснодаре: там 13 человек было. Одного вот, Керера, о котором я говорил, его судили заочно. Его так и не выдали. Вот, а 12 судили очно⁵⁷. Там был заместитель Керера, Васо Элисбарашвили⁵⁸. Если не врут, то интереснейший человек. Я его знал как заместителя начальника этой «Кавказской роты» так называемой, кавказской компании, как они называли. Оказывается, он был, как рассказывали потом, прокурором области в Грузии. И очень известный человек. В плен он попал в Крыму. Был он, ну, как они говорили, армейским комиссаром. Но это, конечно, вранье, потому что армейский комиссар — это генерал, причем армии. Он был, очевидно, комиссаром армии. А комиссаром армии, как вы, очевидно, знаете, мог быть и полковник, по нашей истории. Очевидно, комиссаром армии он был. Его как-то не расстреляли. Комиссаров расстреливали тут же, евреев, комиссаров — разговоров не было. Его как-то не расстреляли. И он в Крыму организовал эту вот компанию. Там были

⁵⁷ Речь идет о краснодарском процессе 1963 года. Это был открытый суд над девятью членами Зондеркоманды 10а. Вейх А. К., Буглак Е. А., Еськов М. П., Жирухин Н. П., Псарев Н. С., Скрипкин В. М., Сургуладзе В. А., Сухов А. У. приговорены к высшей мере наказания — смертной казни (расстрелу). Дзампаев У. Т. — к лишению свободы сроком 15 лет с содержанием в исправительно-трудовой колонии строгого режима. *Зайцев В. П.* Второй краснодарский процесс над нацистами: предателей Родины не щадили. URL: <https://www.vkpress.ru/life/vtoroy-krasnodarskiy-protsess-nad-natsistami-predateley-rodiny-ne-shchadili/?id=122737> (дата обращения: 13.05.2021). То есть рассказчик здесь и далее дает неверные сведения об обвиняемых на этом процессе.

⁵⁸ Имя написано, как услышано. Установить личность этого фигуранта не удалось.

грузины, там были азербайджанцы, там были частично украинцы и русские. И были два заместителя. Один вот этот Элисбарашвили, а другой был русский Соловьев. Ну, русского этого не поймали, потому что его, когда они отступали, его в Кракове по пьяной лавочке, говорят, свои же и убили где-то там. А этих взяли. Среди них этот шофер душегубки был, и этот Элисбарашвили. Вот этих я узнал. Меня раза три вызывали, наверное, в Ставрополь. Потом один раз, но это, так сказать, уже по другому вопросу, вызвали в прокуратуру Советского Союза, в Москву. Но тоже должны были вызвать в Ставрополь. А мне в это время надо было ехать в Польшу. Как обо мне тогда договорились: «Вы честный». [Договорились], что я приеду в Москву на два дня раньше, сдам все показания там в прокуратуре и уеду. И там была очная ставка с этими: прокурор, земельный прокурор был, потом адвокат, еще там кто-то, того, которого поймали. Надо ж, одного Венцеля не поймали, а узнали, что он... Но, наверное, его не выдали, потому что больше меня не вызывали. А потом меня уже вызвали в Краснодар, поскольку дело перешло к ним. Его объединили вместе со ставропольским. Вызвали в Краснодар, там пару раз я был в КГБ. А потом меня вызвали на военный трибунал, на заседание военного трибунала, где вот эти вот 13 человек. Из них 12 очно судили. Я там говорил час. Конечно, не то, что я вам сейчас рассказываю, а чисто те вещи, час говорил.

И после этого встал Элисбарашвили. Когда его спросили: «Подсудимый, что вы можете сказать?» — он сказал: «Для того чтобы все это так знать, он должен был быть туда специально заслан». Ну, шесть человек приговорили к расстрелу, а шесть, значит, — 10 лет, по-моему, дали. Моих двух «подопечных» — к расстрелу. Ну, шофер душегубки, там же дело простое: за особо тяжкие преступления амнистия не действует вообще. А если ты своей рукой убивал, то это особо тяжкое. Да и нужно было, от чего он все время отпирался: что я был шофер — да, но газ туда я не пускал. И вот и нам, мне, собственно, удалось доказать. Вот он как раз говорил, что «не мог этого знать, потому что он не мог видеть все это дело». Вот я и повел следователя. Говорю: «Иван Иванович, пожалуйста, посмотри, мог я видеть или не мог видеть.

Я тут чистил сапоги, вам все это известно». Вот так, значит, доказали, что именно он. Ну, я думаю, что я видел его раза два-три, не больше. Но этого вполне достаточно. Причем он все ссылался, что он возил это дело [был водителем «душегубки»] уже перед концом, когда немцы уходили. Но на очной ставке я ему сказал, что я не мог видеть конца. Я бежал за полтора месяца до ухода немцев, это документально установлено. Так что это было намного раньше. Вот такие вещи. Вот такие у меня были связи [с КГБ].

А потом с КГБ я уже по моей просьбе связался, когда мне нужно было выбивать себе документ. Я же ездил, все меня там знали, а никаких документов, кроме этих самых повесток-то, у меня нет. Я, значит, эти повестки, значит, показал. Написал в прокуратуру, здесь показал. Оказывается, следователь Степанов Иван Иванович, который проводил все это дело и тут, и в Краснодаре, и в Ставрополе, он уже был на пенсии, его нашли. Он сказал, по какому делу это было, он все вспомнил. И мне выдали документы, которые вы видели.

ЕЛ: О чем?

БК: Подтверждающие, что семья у меня погибла, что я действительно сидел в тюрьме СД и что действительно бежал.

ЕЛ: А вы открыто говорили, что вы были в оккупации?

БК: У нас?

ЕЛ: Ну, вообще, в своей жизни.

БК: Да. Я во всех документах, во всех анкетах, везде писал. А как же по-другому? Да это у нас узнают очень запросто.

ЕЛ: А когда вы познакомились с женой, вы сразу ей об этом сказали? Будущей жене.

БК: Наверное, сразу. Да, в общежитии знали ребята, мы ж все вместе жили. Она тоже в общежитии жила. Она на курс моложе меня была. Наверное, сразу. Если она и раньше не знала по рассказам других.

ЕЛ: А то, что вы были в гестапо, и вообще то, что вы были в оккупации, как-то меняло отношение к вам людей?

БК: Да с которыми был близко — практически нет. А такие вот, как начальник Первого отдела, начальник отдела кадров и прочее — очень сильно меняло.

ЕЛ: А вы рассказывали своему сыну о своем прошлом?

БК: Ну, он знал. Я очень мало рассказывал. Ему немного рассказывал. А внукам не рассказывал ничего.

ЕЛ: Почему?

БК: Да сколько лет прошло, их это не интересует сейчас. Я вспоминаю себя, даже не в их возрасте, а раньше. Между временем Гражданской войны [1917–1922] и временем, когда я в школе учился, прошло совсем немного времени, ну, 20 лет. Даже меньше, если говорить, 20 лет — это когда я уже кончал школу. Ну представьте сейчас, сколько прошло между [Великой] Отечественной войной [1941–1945] и нашим теперешним временем? Я вспоминаю, для меня это тогда было что-то среднее между сегодняшним днем и Древним Римом. Это было уже старое. Я представляю их сегодня, для них это все старое. Они если бы не видели кино, так они вообще не знали бы, что это такое. Вот когда я с собаками гуляю, тут меня ребята часто спрашивают, больше всего спрашивают по чинам. Вот они слушают эти чины по телевизору: группенфюрер, штандартенфюрер⁵⁹ и прочее. Кто это такие? Вот это их интересует.

ЕЛ: А все соседи знают, что вы в этом ориентируетесь?

БК: Нет, здесь соседи вообще ничего не знают. В институтах, где я работал, конечно, знали.

ЕЛ: А почему мальчишки вас спрашивают?

БК: Меня несколько раз в КГБ вызывали. Я уйду раньше с прогулки. «А куда?» — «А, — говорю, — вот туда вызвали». — «А по каким делам?» — «Да вот, такие-то дела». Потом в этот, в Горький, вызывала еврейская организация, ей-богу, не знаю, как ее называют. Один раз мы там хорошо вместе собрались. Но больше я не ездил, тяжело туда ездить сейчас. Они начали спрашивать, я им рассказывал. Ну, конечно, не подробно рассказывал.

⁵⁹ Группенфюрер (Gruppenführer) — одно из высших званий в СС (военизированные формирования НСДАП) и СА (штурмовые отряды), с 1933 года соответствовало званию генерал-лейтенанта. Также — специальное звание в ряде полувоенных формирований. Штандартенфюрер (Standartenführer) — звание в СС и СА, соответствовало званию оберста (полковника) в Вермахте.

ЕЛ: А что для вас значит ваше еврейство после всего пережитого?

БК: Ну что? Во-первых, я понял, что это за народ. До войны я вообще не понимал, что это за такой народ. Даже не знал. Ну, я до войны, конечно, читал такие вещи, как Фейхтвангера с его «Оппенгейм» или «Оппенмайер», как она потом называлась, «Еврей Зюсс»⁶⁰. То есть я довольно много читал таких вещей, но это все исторические. А современное еврейство — я совершенно не представлял до войны, что это такое. И ни с кем не сталкивался. А потом, я уже говорил, очевидно, что я увлекся Библией, я увлекся исследованиями этой Библии. Я нашел очень интересную вещь. Например, чтобы завоевать иудеев, римлянам потребовалось в несколько раз большее войско легионов римских, чем [для войны] с очень крупными державами. Это ведь интересно. А так я вообще с организациями практически не сталкиваюсь. Одно время у меня было такое настроение вообще: или повеситься, или бежать куда-нибудь. И я пошел, здесь у нас... Как ее фамилия, Аранович? Она этим делом занимается. Я спросил: «Как можно уехать в Израиль?» Ну, когда она меня расспросила, она мне сказала: «Я вам ни в коем случае не советую туда ехать». Ну, жена у меня не поедет.

ЕЛ: А почему?

БК: Не поедет. Никто из моих не поедет? Не поедет. Я один там. Что я там один буду делать? Жить мне там будет негде. Мне же одному квартиру не дадут? Не дадут. Вот.

ЕЛ: А в связи с чем у вас было такое настроение?

БК: Ну, вот погиб сын у меня.

ЕЛ: А как это случилось?

БК: В этой комнате мы собирались на мой день рождения в [19]65 году. Но в день моего рождения не могли там прийти [гости], и перенесли на 18-е число. По-моему, суббота была. И вот

⁶⁰ Лион Фейхтвангер (Lion Feuchtwanger, 1884–1958) — немецкий писатель еврейского происхождения. Один из наиболее читаемых в мире немецкоязычных авторов. Работал в жанре исторического романа. В интервью рассказчик упоминает романы «Семья Опперман» (Die Geschwister Oppermann, 1933) и «Еврей Зюсс» (Jud Süß, 1925).

18-го числа (у меня 16-го день рождения) мы здесь гуляли, а он [сын] развелся с женой. Ну, правда, задолго до этого. Они разменяли квартиру. У них была прекрасная трехкомнатная квартира. Они разменяли эту квартиру. И он жил один на верхнем этаже большого дома в однокомнатной квартире. Они ушли отсюда. Он проводил жену свою бывшую, внучек туда. А потом... они далеко живут, в новых так называемых микрорайонах. А потом вернулся сюда. Он намного ближе живет. И на другой день позвонили. Нашли его убитым там, была огромная лужа крови. Он истек полностью кровью. Его нашли уже на другой день. И все. Никого не нашли. Кто убил, чего убил, за что убили? Как они проникли [к нему в квартиру]? Может, он и сам кого-нибудь позвал туда, выпить там, мало ли что? Ему было 45 лет. Я после этого лечился в неврологическом отделении нашем, в нашей поликлинике или как там ее, в больнице, долго там лежал. Потом ездил в диспансер. Они меня там осматривали. Долго у меня проходило [лечение]. У меня практически отнялись ноги. Я был весь в диком напряжении, весил страшно. Ну, может, и смешно говорить, но все началось у меня с потери собаки. И вот пошло подряд все это. Я очень переживал. Большой друг мне была собака. И подряд пошло одно за другим, одно за другим. Вот четыре года назад случилось первое, полтора года назад сын. Ну и много вообще было. Жизнь изменилась. Вы понимаете, я привык среди людей быть. У меня было много друзей. Я сейчас смотрю, я лежу, кругом меня одни покойники. Все друзья поумирали, понимаете? Причем намного моложе меня. Совсем недавно мой лечащий врач была, и ее муж у меня в отделе работал в «Гипрополимере», сгорели [скоропостижно умерли]. Только она ушла на пенсию, и сгорели. Вот мы их хоронили. Подряд. Вот совсем недавно мы 40 дней отмечали. Парень, с которым я в одной комнате общежития в институте жил, на полгода старше меня — похоронили. На меня это страшно действует. У меня не осталось никого, с кем можно, ну, в шахматы сыграть, поговорить, обсудить что-нибудь. Вот вы спрашиваете про политику, а сейчас мне не с кем разговаривать о политике. Хотя сейчас это, может быть, и интересно. Не с кем мне [разговаривать], никого нет.

ЕЛ: А сразу после войны вы не думали об эмиграции?

БК: Нет, а я тогда и не знал об этом, вот.

ЕЛ: А вы слышали что-нибудь об образовании Государства Израиль?

БК: Да, конечно. А как же.

ЕЛ: А что?

БК: О том, что, если я не ошибаюсь, в [19]48 году образовалось это самое государство. Что очень сильно, как тогда нам говорили, помогал в этом Сталин. Что мы были в большой дружбе с ними. Это действительно я помню, действительно более-менее были [дружеские отношения между государствами], до того как мы с арабами стали... Не то что дружить, дружить — это хорошо. Но заигрывать, по-настоящему заигрывать, ставку делать, вот. Я знал, что туда идет большой поток польских [евреев], которые остались живые. Ну и все, собственно говоря. Небольшое государство. Знал я о первых стычках с арабами, самых первых, знал я из «Голоса Америки» и «Свободы». Тогда я очень много их слушал, [хотя] их глушили тогда всюду. Вот здесь, лежа [на диване], слушал. Все время крутил, настраивался, потому что у нас узнать мало можно было, конечно. Тогда я узнал о сионизме, о Жаботинском, о Герцле⁶¹. Это все я узнал по радио.

ЕЛ: А почему вы так стремились вступить в партию?

БК: Потому что считал, что, как нам говорили, каждый передовой [гражданин] должен быть в партии. А поступил я в нее, уже когда работал на последней работе. Я уже думать не думал об этом и не хотел, по правде сказать. Хотя сейчас это говорить, конечно, модно. Меня вызвал директор и сказал: «Ты председатель совета специалистов нескольких стран, а руководитель делегации, который туда едет, должен быть обязательно партийный. И всю жизнь

⁶¹ Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880–1940) — еврейский писатель, поэт и переводчик, журналист, лидер правого сионизма. В 1993 году христианская организация «Слово жизни» основала фонд «Операция Жаботинский» (имени Владимира Жаботинского) для помощи евреям из бывшего СССР в переезде в Израиль через Швецию. Теодор Герцль (Theodor Herzl, 1860–1904) — еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, доктор права, журналист, писатель.

будет руководить делегацией, ну, один там товарищ, бывший директор “Гипрополимера” (его потом убрали). Он будет, а ты ж знаешь, что с ним работать нельзя». Я говорю: «Господи, я с ним работаю, знаю, что это такое». — «Так вот, тебе надо поступать в партию». Я ему рассказал, что так и так, я поступал два раза, меня не приняли оба раза, причем формулировка была очень интересная оба раза. Не было такого «не приняли», а «воздержаться от приема», «временно воздержаться от приема». Вот, и нет, я не два раза, я три раза подавал. Я когда уезжал из Ставрополя, подал, и у меня рекомендации там сохранились еще. В этом, в отделе торговли крайисполкома, крайторготделе. Тогда воздержались, в институте воздержались, и в Сталинграде воздержались. Он говорит: «Я тебе даю рекомендацию, там, туда-сюда, и давай». Как сейчас спрашивают многих по телевизору: «Вы из карьеристских соображений поступили?» Ну, можно сказать, из карьеристских, потому что действительно я должен был руководить. А руководить я, по нашим законам, не мог, потому что должен был быть партийный, раз руководитель выезжает за границу. Вот и все. На этом основании в открытую мне и директор наш бывший сказал, и все остальные. Конечно, при приеме в партию там: «Почему раньше не поступал?» Вы думаете, не спрашивают? Спрашивают. Ну, рассказывал более-менее. «А после этого, когда приехали в Дзержинск, когда уже все это дело прекратилось, почему не поступали? Почему в “Гипрополимере” не поступали, когда это было?» — ну вот такие [вопросы задавали].

ЕЛ: А как вы встретили смерть Сталина? Что это было для вас? Вы говорили, что вы его очень любили до войны.

БК: Я в то время жил, ну, опять я почти анекдотические вещи должен рассказать. Я в то время жил рядом с проходной завода. Ну, метров 200–300, был такой пятиэтажный корпус, это в Сталинграде. Вот я там жил на пятом этаже. А на втором этаже была гостиница. А в это время к нам приехал один... Ну, его биографию долго рассказывать, почему он ушел. Он был большим директором завода в Сумгаите, около Баку. Потом стал моим другом, огромный детина, вот в дверь, наверное, еле прошел бы. Его звали Фридун Абдул-Гусейн-Оглы Алиев. И вот мы, значит, си-

дим, в это время сообщают вечером о болезни Сталина. Не о смерти, а о болезни еще. А мы сидим, играем в преферанс у него в гостинице, втроем или вчетвером. Вот он говорит: «Померет, наверное, товарищ Сталин. И кто на его месте будет? Не дай бог Каганович⁶². Это такой грубый человек, мне, — говорит, — рассказывали». А у него один брат вице-президент академии был. А другой, значит, заместитель министра иностранных дел Азербайджана, у этого Алиева. Должен сказать, потом он умер в тюрьме за взятки, кстати. Значит, он такой грубый человек. Он, говорит, вообще не признает, что человек может болеть. Когда у него сотрудник болеет, он не верит. Он, говорит, когда к нему приходит сотрудник, что-то не нравится — он кулаком в морду, выбрасывает за дверь. Не дай бог. А вот если Лаврентий Павлович Берия⁶³ будет — вот этот хороший, такой-то, такой-то, там расписал его. И через два дня рано-рано утром по радио передают: умер Сталин. Я накинул пальто, вышел на улицу, пошел мимо завода. И навстречу мне директор едет на машине. Мы посмотрели друг на друга. Было очень сумрачно, и все это было до знаменитого письма, то есть не письма, а доклада Хрущева⁶⁴. Который тот же директор, хотя и не был членом партии... Но мы поздно сидели в то время на работе. Я уже был зам. начальника проектного отдела. Он нас позвал, человек десять, кто там остался, и прочел

⁶² Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991) — советский государственный, хозяйственный и партийный деятель, член Политбюро (Президиума) ЦК в 1930–1957 годах.

⁶³ Лаврентий Павлович Берия (1899–1953) — советский государственный и партийный деятель, генеральный комиссар государственной безопасности (1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943), лишен этих званий и приговорен судом к высшей мере наказания — расстрелу в 1953 году.

⁶⁴ Доклад «О культуре личности и его последствиях» (также известен как «секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС») был зачитан первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым на закрытом заседании XX съезда КПСС, состоявшемся 25 февраля 1956 года. Полностью в СССР доклад впервые был официально опубликован в 1989 году в журнале «Известия ЦК КПСС», массовым тиражом в приложении «Неделя» к газете «Известия» (1989, № 16).

это письмо. И мы все очумели. Но, право, перед этим мы уже более-менее разбирались. Когда освободили врачей, мы уже понимали, в чем дело. Знаете, хотя их освободили после смерти Сталина, что-нибудь через полгода, даже раньше, наверное. Так что тогда мы приняли очень болезненно. Не знали, что с нами будет.

ЕЛ: А для вас самого чем была эта смена правящего?

БК: Когда? При Сталине? После Сталина? Да ничем, собственно. Ну, пришел Хрущев. Я Хрущева понаслышке, конечно, более-менее знал. Я же в то время учился на Украине, когда он был там первым секретарем ЦК партии Украины. Потом его оттуда, вот во время этого голода, за то, что вроде он допустил голод, его оттуда вышибли. И на его место пришел Каганович. Так что понаслышке я знал [о нем]. Потом уже мне было абсолютно безразлично.

ЕЛ: А что вы знали о выселении кавказских народов?⁶⁵

БК: Я сам был на выселении. Честно, если я не ошибаюсь, это было перед самыми ноябрьскими праздниками [19]43 года. То есть я не ошибаюсь, я только не помню, 3 или 4 [ноября]. За день до этого пошли войска.

ЕЛ: Мы продолжим интервью на следующей кассете.

[Конец кассеты 5. Кассета 6: в кадре Борис Львович Каменко]

ЕЛ: [Кассета № 6. 18 апреля] 1997 года. Интервью у Бориса Львовича Каменко берет Елена Леменева. Город Дзержинск Нижегородской области.

БК: Как я уже говорил, что я последние полгода, когда был в Ставропольском крае, я работал в Карачаевской области,

⁶⁵ В 1943–1944 годах были проведены массовые депортации калмыков, ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, ногайцев, турок-месхетинцев, понтийских греков, болгар, крымских цыган, курдов — в основном по обвинению в коллаборационизме, распространенном на весь народ. Были ликвидированы (если они существовали) автономии этих народов. Далее в интервью речь идет о выселении карачаевцев в Казахскую и Киргизскую ССР согласно постановлению СНК СССР от 14 октября 1943 года. *Comins-Richmond W. The deportation of the Karachays // Journal of Genocide Research. 2002. № 4 (3). С. 431–439.*

в Карачаевске. Ну, это высокогорные места, по-моему, красивейшие места во всем Советском Союзе. Такой красоты я вообще никогда не видел. Перевалы огромные, скалы. Жили там карачаевцы. И вот, в начале, в самых первых числах ноября, вся эта область была окружена войсками. Причем войска двигались, и говорили, значит, они шли туда, к перевалам, чтобы отсечь всю эту область, дальше Грузия идет. И разнесся слух. Специально, наверное, разносили, что это против Турции. Что турки там что-то заворошились... Война еще была, [19]43 год. И войска взяли в окружение всю эту область. А потом в каждый аул въехали уже войска НКВД. И рано утром к каждому дому подходил какой-нибудь там, ну, сержант или что-то в этом роде, и один-два солдата. Мужчин всех во двор сразу. А женщинам собираться. Час на сборы. Пришло туда огромное количество машин, причем машины «Додже»⁶⁶, «Студебекеры»⁶⁷. Говорили, что их готовили для Африки, они были выкрашены в желтый цвет. Но поскольку в Африке к этому времени уже кончились, значит, их через Иран перебросили к нам, передали Советскому Союзу. И вот в эти машины их стали загонять всех и везти на ближайшую станцию. Станцию Усть-Джегутинскую, откуда начиналась ветка железной дороги. И, собственно, в одни сутки все это было сделано. Потом, поскольку эту область разделили, часть оставили Ставропольскому краю, а часть отдали туда, ниже перевала — Грузии. А там были огромные стада, там овцы, огромные стада. И все это, всех же забрали, а стадо-то... ни одного человека не осталось. Так был приказ нам, которые работали на железной дороге, срочно выехать туда наверх, на пере-

⁶⁶ Во время Второй мировой войны американская автомобильная компания Dodge занималась преимущественно выпуском тяжелых джипов (серии WC и WF), а также производством авиационных двигателей. Dodge WC поставлялся в СССР по ленд-лизу.

⁶⁷ Studebaker Corporation — американский автопроизводитель. Основанная в 1852 году и ставшая корпорацией в 1868 году под именем Studebaker Brothers Manufacturing Company, компания изначально была производителем тележек и повозок для фермеров, шахтеров и военных. В Советском Союзе и России была известна военным грузовиком Studebaker US6.

валы, и как можно больше скота угнать в эту сторону, чтобы Грузии он не достался. Вот я и еще 15 человек, мы этим делом занимались в ауле Верхняя Теберда. А Теберда — это, как известно, один из лучших курортов всего Советского Союза. Это прекраснейшее место, по красоте изумительное. Вот мне пришлось этим делом [заниматься], я это видел все, на моих глазах все это делалось. Да у меня-то и знакомые были, можно сказать, почти друзья. Мы жили в то время в станице Красногорская на [реке] Кубани. А как раз через Кубань, на ту сторону, мы непрерывно туда ходили, был аул Сары-Тюз. У нас там много знакомых было, мы туда ходили за медом и прочее.

ЕЛ: А как вам казалось, это правильно?

БК: По-моему, нет. Мне и тогда казалось, что это неправильно. Хотя, между прочим, там действительно были довольно большие отряды, которые ушли в горы, когда немцы ушли. Они ушли в горы, и вот, я знаю, одного председателя колхоза там зверски замучили. Там были такие... но это ж не народ. Ну, были те, которые были замазаны при немцах, которым нечего было делать. Они там остались.

ЕЛ: Что бы вы сказали людям, которые будут жить лет через 30, через 50, через 120, как человек, который прошел через все это?

БК: Понимаете, что сказать, я знаю. Но для этой программы это не совсем подходит.

ЕЛ: Ну, скажите, что вы считаете нужным.

БК: Нужно жить по Нагорной проповеди⁶⁸. По Нагорной проповеди. Конечно, не забывая 10 заповедей первых. И больше ничего не надо. У нас могут люди так жить? Сомневаюсь. Сегодня пока не видно, чтобы люди могли так жить. Наоборот, с точки зрения тех же всех заповедей, сегодня стало намного хуже. Прочтите Нагорную проповедь Иисуса Христа. Он же все это писал, причем он же заявлял, что ни один из старого закона не приидет. Все останется. Все 10 заповедей, все старые законы остаются. Плюс его. Понимаете, разница ведь в чем заключается? Если по

⁶⁸ Нагорная проповедь — собрание изречений Иисуса Христа в Евангелии от Матфея, преимущественно отражающих моральное учение Христа.

старым заповедям, например, «не укради», так ведь по Иисусу Христу наоборот: отдай последнюю рубашку. Раньше этого не было. Но, конечно, и те, и первые эти заповеди, и это — это величайшая вещь, которая есть в истории всего человечества.

ЕЛ: Спасибо.

[*В кадре Борис Львович и его жена, Лидия Семеновна Каменко — ЛК*]

БК: Это моя жена, Лидия Семеновна Каменко.

ЕЛ: Сколько лет вы уже вместе?

ЛК: С [19]45 года.

БК: Поженились в [19]49, а знакомы с [19]45.

ЕЛ: Лидия Семеновна, а что для вас было еврейское происхождение вашего мужа?

ЛК: Бориса Львовича? Ну как. Рассказывал о себе мне все: как в войну, что случилось с семьей. Мы учились в одном институте.

ЕЛ: Как вы отнеслись к тому, что ему пришлось пережить?

ЛК: Ну, в то время это было настолько естественно. Шла война, передавали все время ужасы о немцах, злодеяниях. Отнеслась... жалела очень его.

ЕЛ: Как вы считаете, ваши внуки должны знать о том, что пришлось пережить их деду?

ЛК: Конечно. Они мало очень знают как-то сейчас и плохо интересуется этим.

ЕЛ: Но стоит им рассказывать?

ЛК: Стоит.

ЕЛ: Спасибо.

[*Съемка фото решения суда*]

БК: Это решение суда, в который я обратился перед отъездом из города Ставрополя на учебу в город Харьков. И этот суд установил о том, что вся наша семья была схвачена гестапо, что мои родные были расстреляны, а я содержался в тюрьме СД или гестапо, откуда бежал.

[*Съемка статьи из газеты «Дзержинец»*]

БК: Это статья из газеты «Дзержинец» от 24 апреля [19]94 года. Она появилась, когда я обратился в редакцию «Дзержинца» с просьбой объявить благодарность от меня сотрудникам ФСБ

или бывшего КГБ за то, что они смогли, как я уже рассказывал, добыть мне документы, подтверждающие все мои приключения в тюрьме, так сказать, во время войны. Но, вместо того чтобы просто написать благодарность, корреспондент заинтересовался. И вышла довольно обширная статья о том, что со мной произошло, как это все было. И в конце эта благодарность от моего имени была объявлена.

[Съемка детской фотографии Бориса Каменко]

БК: Это единственная сохранившаяся фотография моя доверенная. Точнее, детских лет, которую я случайно нашел в квартире, когда после освобождения города пришел на эту квартиру, которая была полностью разграблена. На этой фотографии мне, наверное, что-нибудь около года, если не меньше.

[В кадре фото отца Бориса Каменко со студентами]

БК: Это одна из немногих, можно сказать, единственная фотография моего отца, еще [19]30 года. Отец — крайний слева, стоит, когда он был послан на организацию первого узбекского университета в городе Бухара, со своими студентами, очевидно.

[В кадре фото отца Бориса Каменко с сотрудниками]

БК: Это тоже одна из фотографий отца того же времени, в том же месте, в Бухаре. Вот он стоит сзади со своими сотрудниками.

[Съемка студенческих документов Бориса Каменко]

БК: Это сохранившиеся у меня документы из Харьковского химико-технологического института. Верхние — это студенческий билет, и внизу — это пропуск в общежитие, в котором я жил в то время.

[Съемка фотопортрета Бориса Львовича]

БК: Это фотография периода моей работы в «Гипрополимере» в [19]60-х годах.

[В кадре: съемка второго фотопортрета Бориса Каменко]

БК: Эта фотография относится к тому же времени моей работы.

[Съемка фото сына с его старшей дочерью]

БК: Это мой сын со своей старшей дочкой, когда ей было около года, в [19]74 году.

[Съемка фотопортрета сына]

БК: Это тоже фотография моего сына, когда ему было лет тридцать. Сын мой, я о нем уже рассказывал, Александр Борисович Каменко.

[Съемка фото жены Лидии с ее старшей внучкой Ирой]

БК: Это фотография моей жены Лидии Семеновны Каменко с ее старшей внучкой — Ирочкой. Когда Ире было около года.

[Съемка фото внучки Иры]

БК: А это та же самая моя внучка — Ира, уже в зрелом возрасте.

[Съемка фото младшей внучки Лиды с дочерью Катей]

БК: Это моя младшая внучка Лида со своей дочерью Катей.

[Съемка фото правнука Алеши]

БК: А это сын моей старшей внучки, мой правнук — Алеша.

[Конец интервью]

Указатель имен

- Аврум Кивович, знакомый М. Я. Береговского 288, 289
Айзенштадт А. Г. 18
Акимов А. Н. 186
Аксельрод Павел Борисович 189, 190, 227
Алданов Марк Александрович 25
Александр II 45, 56–58, 190, 215, 220, 246
Александр III 51, 56, 197, 198, 253, 256
Александра Петровна (урожд. принцесса Ольденбургская), великая княгиня 56
Алиев Фридун Абдул-Гусейн-Оглы 418, 419
Альтман Илья Александрович 362
Ананьич Борис Васильевич 147, 154, 157, 161, 166, 167, 181
Андрей Владимирович, великий князь 6, 14, 17, 33, 56–59, 71, 76, 77
Андриайнен С. В. 151
Антокольский Марк Матвеевич 148
Антошка, хозяин съемной квартиры в м. Дашев 84
Арончик Айзик Борисович 248
Артемьева Е. М. 242
Артемьева Ольга Михайловна 241–244
Асташев В. И. 152
Баевская Елена Вадимовна (Леночка, малайка) 267–269, 280, 281, 284, 285, 288, 289, 291, 304, 320, 322, 329, 330, 332–336, 338, 341, 342, 344–348
Баевская Софья Исааковна 302
Баевский Вадим Соломонович (Вадик) 280, 281, 284, 291, 293, 307, 308, 310, 311, 320, 322, 325, 348
Базилевский Виктор Иванович 156, 161
Бакунин Михаил Александрович 184
Баллод Петр Давыдович 155
Барабанова Мария Андреевна 8, 9, 182–261
Баранников Александр Иванович 197, 247
Бардина Софья Илларионовна 228
Баринов Д. А. 150

- Батюшин Николай Степанович 57, 75
- Батюшкова Варвара Николаевна 40
- Бейлис Менахем Мендель 52, 375, 376
- Белинский Виссарион Григорьевич 184
- Белозеров Иннокентий Николаевич 164, 165
- Белостоцкая Поли 108
- Бенкендорф Александр Христофорович 220
- Берви-Флеровский Василий Васильевич 184
- Бердников Л. 54
- Береговская (в замужестве Левицкая) Ирина Моисеевна (Ирочка) 283, 307, 308, 310, 314, 319, 322, 327, 333, 337, 343, 347, 352
- Береговская Сарра Иосифовна (Сарунька, Саррунька) 267–269, 273, 279, 280, 283, 287–291, 297, 302, 303, 320, 331, 335, 337–344, 347, 348, 352, 355, 358, 359
- Береговская Эда Моисеевна (Эдочка, Эдонька, Эдунька) 266, 269, 280, 281, 283–286, 288, 290, 291, 295, 302, 303, 307, 308, 310–312, 314, 318–320, 322, 324, 325, 327, 329, 336–339, 342, 348
- Береговский Моисей (Арон-Мойше) Яковлевич 9, 265–277, 279–297, 299–308, 310–360
- Берия Лаврентий Павлович 279, 321, 419
- Берлин А. М. 177
- Бибиков Виктор Александрович 220
- Блохом Григорий Анатольевич 65
- Бляйхредер Герсон фон (von Bleichröder Gerson) 60
- Бляхер Я. С. 363
- Бобылев Д. К. 153
- Богданович Николай Модестович 214, 222, 229
- Богданович Юрий Николаевич 209, 228, 240, 245
- Богдановский Александр Евстафьевич 170
- Богомолец Софья Николаевна 253
- Богучарский Василий Яковлевич 199, 200
- Бойл Генри 170
- Бонгард, сотрудник деда А. Шойхет 92
- Боргман Иван Иванович 153
- Борейша Антон Степанович 196, 197, 208, 209, 222, 223, 237
- Борис Владимирович, великий князь 5, 57
- Борисовский Дудя, сосед деда А. Шойхет 86
- Бородин Александр Порфирьевич 294, 295, 307, 324
- Бохановский Иван Васильевич 245
- Бояновский Николай Игнатьевич 164, 165, 169
- Брасова (Шереметьевская) Наталья Сергеевна 18
- Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна 249
- Бриккер Федор Матвеевич 393, 394

- Брискман, сотрудник Шойхета П. Н. 109
- Бродский Александр Ильич 370, 377–380, 403
- Бронивецкая М. Б. (Марочка) 111–114, 116–118, 119, 121
- Буайе Паскаль 177
- Буглак Е. А. 411
- Будницкий Олег Витальевич 5–33, 151, 177
- Бух Николай Константинович 191
- Буцевич Александр Викентьевич 209, 245
- Буцинский Дмитрий Тимофеевич 238, 252
- Быховский Соломон Владимирович 227
- Бычков Александр Иванович 193, 196, 256
- Бычков Владимир Иванович 193, 196, 256
- Вайль Жюльен 179
- Вайсендорф С. 153
- Валк Сигизмунд Натанович 182, 199, 213
- Ванюхин Евдоким Матвеевич 175, 176
- Варыпаева, купчиха 16
- Васильев Павел Николаевич 371, 372
- Васютин П. Н. 395
- Вейсман Август (Weismann Friedrich Leopold August) 369
- Вейх А. К. 411
- Вендрих Герман Александрович 145
- Вержбилович Александр Валерианович 65
- Виктория Федоровна (Виктория Мелита Саксен-Кобург-Готская), великая княгиня 58
- Виктория, королева Великобритании 58
- Винберг Карл Федорович 161
- Витте Сергей Юльевич 164
- Виттенберг Соломон Яковлевич 185, 186, 189
- Владимир Александрович, великий князь 56, 57
- Владимирски Ирена 8, 143–181
- Владиславлев Михаил Иванович 49
- Воейков Александр Иванович 153
- Войноральский Порфирий Иванович 233, 247–249, 251
- Волин Н. 144, 147
- Волкенштейн Людмила Александровна 212
- Волошенко Иннокентий Федорович 253
- Волховский Феликс Вадимович 248
- Волынский М. Д. 62
- Воронина Т. Л. 33, 34
- Вышнеградский Иван Алексеевич 65, 157
- Галл Александр Александрович 155
- Гаррис, лорд, вице-председатель Правления «Lena Goldfields Co., Ltd» 167, 170
- Гастальди Маврикий 148
- Гейбер Берта Михайловна (Меносевна) 287, 288, 357
- Гейне Генрих 49

- Геллис Меер Янкелевич (Яковлевич) 253
- Гельфман Геся Мировна 197, 230, 231, 237, 251
- Генрих, сын Мотла и Цирл 100
- Георгиевская (Свитыч) Элеонора Станиславовна 257
- Герард Владимир Николаевич 16, 17, 39, 40
- Герцль Теодор (Herzl Theodor) 417
- Гершун (урожд. Шерешевская) Софья Семеновна 42
- Гершун Александр Львович 16, 38, 42
- Гершун Борис Львович 5, 6, 13–77
- Гершун Лев Яковлевич 15
- Гершун Ольга Марковна 24
- Гессе Николай Павлович 194, 238
- Гессен Иосиф Владимирович 19, 74
- Гехтман Л. М. (Лиля) 100, 102, 104, 112, 113, 119
- Гешель М. Л. 18
- Гинзбург Лев Владимирович 387
- Гинцбург (Авраам) Альфред Горацевич, барон 8, 143–181
- Гинцбург Александр Горацевич 147, 151, 152, 161, 164
- Гинцбург Гораций Евзелевич (Осипович), барон 144, 146, 147, 149, 152, 154–157, 161, 162, 164, 168, 169
- Гинцбург Гурий Евзелевич (Осипович) 155
- Гинцбург Давид Горацевич, барон 144, 147, 157, 164
- Гинцбург Евзель (Осип) Гаврилович 148
- Гинцбург Марк Горацевич 147
- Гинцбург Соломон Евзелевич (Осипович) 155
- Гитлер Адольф 23, 27, 54, 374, 377, 378, 381, 394
- Глазенап Сергей Павлович 153
- Гоголь Николай Васильевич 46
- Гойх, профессор 388
- Голобородко (Голобородьков) Моисей Осипович 63
- Голубов Исаак (Исак) 112, 114, 115
- Голубова Настя (Настя) 112, 114, 115
- Гольденберг Григорий Давыдович 185, 190, 191, 201, 206, 207, 209, 215, 216, 218, 219, 223, 235, 236, 249
- Гольденвейзер Алексей Александрович 20–32
- Гольдовский Онисим Борисович 53
- Гольмстен Адольф Христианович 59
- Гончаров Иван Александрович 46
- Горбунов Александр Иванович 223
- Горинович Василий Елисеевич 224, 227
- Горинович Николай Елисеевич 224
- Горинович Надежда Николаевна 227
- Гортынский Петр Васильевич 224, 256
- Горький Алексей Максимович 25, 52, 108, 109, 376, 410, 414
- Готш Э(мил) 71
- Гофштейн Давид Наумович 270, 272, 273

- Гоштофт Н. Л. 254
Грауман Леопольд Фердинандович 156, 160, 162, 163, 165, 172, 173
Грацианский Николай Иванович 245
Грачевский Михаил Федорович 189, 197, 202, 209, 226–228, 230, 231, 234, 235, 237, 245, 247
Гржебин Зиновий Исаевич 18
Григорьев Ф. С. 144
Гринберг Христина Григорьевна 227
Гриневицкий Игнатий Иоахимович 250
Гронский Павел Павлович 177
Грузенберг Оскар Осипович (Израиль Иосифович) 24–26, 52
Губский, соученик А. Шойхет по институту 108
Гудошников М. 145
Гузенков С. В. 163
Гуль Роман Борисович 21, 22
- Давидов Алексей Августович 65, 67–69
Давидов Август Юльевич 65
Дациаро Джузеппе (Иосиф Христофорович) 37
де Гирш Морис, барон 107, 179
Дегаев Владимир Петрович 203, 204
Дегаев Сергей Петрович 203, 207, 239, 245, 246, 254–256
Дейч Лев Григорьевич 186, 201, 206, 225, 245
Дельбрюк Ханс Готлиб Леопольд (Delbrück Hans Gottlieb Leopold) 393
- Демянов Иван Давыдович 15
Демидов Павел Григорьевич 62
Дервиз Павел Григорьевич фон 59
Дервиз Павел Павлович фон 59
Дзампаев У. Т. 411
Дзиган Ефим Львович 381
Добржинский Антон Францевич 215, 216, 222, 229–231, 240
Добролюбов Николай Александрович 46, 184
Добротворский Леонид Федорович 203
Долгоруков Николай Петрович, князь 153
Донато Иосиф 148
Доня, дочь Мотла и Цирл 100, 119
Достоевский Михаил Михайлович 49
Достоевский Федор Михайлович 46, 49
Драгоманов Михаил Петрович 223
Дрейфус Альфред (Dreyfus Alfred) 375
Дрентельн Александр Романович 227, 247
Дубовский И. 296
Дубровин Евгений Александрович 241
Дуров Б. А. 177
Дымшиц Валерий Аронович 6, 78
Дювернуа (Duvernois) Николай Львович 16, 38, 39, 49
Дюма Александр (Dumas Alexandre) 371
Дюфур В. В. 177

- Евсеев С. 296
Евсей, двоюродный брат А. Шойхет 97
Елагина Мария Павловна 242, 257, 258
Емельянов Иван Пантелеймонович 250
Еськов М. П. 411
Ефимов Василий Владимирович 39
Ефрон, гимназист 46
- Жабоедова Ж. А. (Женя) 111, 114, 118, 119
Жаботинский Владимир Евгеньевич 417
Жарков Александр Яковлевич 226, 253
Жданов Александр Маркеллович 153
Желябов Андрей Иванович 189, 190, 198, 218, 233–235, 248, 250, 251
Жемкова Е. 283
Жирухин Н. П. 411
Житомирский Александр Матвеевич 275
Журинский, начальник Резника И. М. (Срули) 92
- Забара Натан Ильич 273, 274
Забрамский Л. И. 224, 252
Завалишин Федор Иванович 199, 202
Зайцев В. П. 411
Закс, служащий в Сенате 40
Залкинд Леонид Самойлович 192, 196, 213
- Заславский Евгений Осипович 218
Захер М. В. 173
Зеелер В. Ф. 21
Златопольская (Морейнис) Мария Абрамовна 208
Златопольская Софья (Сарра) Соломоновна 183, 206, 214
Златопольский Александр (Гирш) Соломонович 183, 206, 207, 210, 214
Златопольский Лев Соломонович 183, 207, 208, 214, 240, 241, 251
Златопольский Савелий Соломонович 8, 9, 182–261
Златопольский Яков Соломонович 183, 206, 214
Зунделевич Аарон Исаакович 9, 182
- Иванов Владимир Васильевич 273
Иванов Игнатий Кириллович 192, 193, 252
Иванов Л. А. 40
Иванова-Борейшо Софья Андреевна 191
Ивановская Прасковья Семеновна 197, 209
Изиэль Елена Павловна 367
Изиэль Павел Львович 403
Исаев Григорий Прокофьевич 197, 211, 226, 247
- Каганович Лазарь Моисеевич 419, 420
Кагановский Б. (Бенчик, Борис) 100
Казакевич, сотрудник министерства финансов 65, 66

- Кальницкий, сотрудник деда
А. Шойхет 91, 92
- Калюжный Иван Васильевич 228
- Каменко Александр Борисо-
вич 425
- Каменко Борис Львович 10,
361–425
- Каменко Лев Борисович 364, 367
- Каменко Лидия Семеновна
423, 425
- Каменко Полина Григорьевна
367, 370
- Каменко Фаина Львовна 368
- Кан Григорий Семенович 8, 9, 182
- Кантор Михаил Львович 25
- Капитолина, хозяйка съемной
квартиры в м. Дашев 84
- Карабчевский Николай Платоно-
вич 28, 40
- Карташев Антон Владимирович
363, 364
- Карцов Петр Нилович 57, 59,
60, 64
- Катуар Л. Л. 177
- Кахарук Анастасия 365
- Квятковская Анна Григорьев-
на 220
- Квятковский Александр 191
- Квятковский Григорий Ивано-
вич 220
- Керер Вальтер Георг (Kehrer
Walter) 386, 387, 411
- Кибальчич Николай Иванович
40, 226, 247, 250
- Кирилл Владимирович, великий
князь 58, 59
- Киселев Кузьма Иванович 280
- Клейнер, сотрудник Шойхе-
та П. Н. 110
- Клейст фон Эвальд (Kleist Paul
Ludwig Ewald von) 384
- Клеточников Николай Василье-
вич 192, 204, 248, 249, 251
- Клиер Дж. 181
- Кобылинский Петр Петрович
16, 40
- Кобылянский Людвиг Алексан-
дрович 215, 240, 241, 246, 252
- Ковалевский Е. П. 177
- Ковальская Елизавета Николаев-
на 253
- Ковальский Иван Мартынович
186, 189, 190, 218, 226, 227, 232,
233, 247
- Коган Поль 97
- Козлова А. 283
- Кокурин А. И. 278
- Колодкевич Николай Николае-
вич 182, 190, 191, 193, 198, 218,
219, 230, 235–237, 247, 251
- Конашевич Василий Петро-
вич 239
- Кони Анатолий Федорович 13,
25, 28
- Константин Павлович, великий
князь 152
- Корба (Прибылева-Корба) Анна
Павловна 182, 184, 191,
196–201, 203–205, 209, 213,
255, 258
- Коркин А. Н. 153
- Короленко Владимир Галактио-
нович 25, 52, 315, 376
- Косарев Александр Василье-
вич 375
- Костицын Владимир Алексан-
дрович 28
- Костюрин В. Ф. 247

- Котляревский М. М. 215
Котляревский, сотрудник деда
А. Шойхет 91, 92
Кравчинский Сергей Михайло-
вич 190
Красносельский Авраам Исаако-
вич 155, 173
Красносельский Иосиф Исаако-
вич 155
Красносельский Исаак Давидо-
вич 155, 158–161
Крейн Александр Абрамович 275
Кроль Моисей Ааронович 179
Кропоткин Дмитрий Николае-
вич 215, 240, 253
Кропоткин Петр Алексеевич 228
Кротова Мария Владимировна
8, 143–181
Крупник И. 130
Кубе А. А. 76
Кузьмин Н. Е. 184, 186
Купер Джеймс Фенимор (Cooper
James Fenimore) 371
Курмаков Николай Николае-
вич 172
Курчинская Евгения Тимофеевна
84, 92
Кшесинская Матильда Фелик-
совна 57, 71–73
- Лабе Жюль 149
Лавров Петр Лаврович 184, 187,
233, 249
Лебедев М. И. 145
Лебедева Татьяна Ивановна 250
Левакова Г. Г. (Гита) 116
Левакова С. Г. (Соня) 112, 116
Левандовская Валерия Никола-
евна 185
- Левандовская Фелиция Никола-
евна 185
Леви Израиль 177, 179
Левина Т. И. 21, 27
Левинский И. Я. 193, 196,
223–225, 237, 238, 256
Левицкая Элла Израилевна
(Эллочка, Элунчик, Элонька)
279, 284, 308, 309, 314–316, 319,
320, 322, 329, 330, 332–334, 336,
337, 339, 343, 346, 348, 353
Левицкий Израиль Иосифович
(Изя) 283, 337
Леменева Е. 10, 363, 364, 367, 379,
390, 401, 410, 420
Лернер Рувим Яковлевич
(Рувим) 272, 286, 331, 348
Лехель Исаак 395–397
Лехт Муня 96
Лешков В. Г. 180, 181
Лизунов П. В. 147–149, 152, 153,
166, 177
Литтауэр С. И. 173
Лойцкер Ефим Борисович
(Ефим, Еф.) 272, 287, 339
Лысенко Трофим Денисович
368, 369
Львов Е. М. 301
Люба [неустановленное лицо],
знакомая Береговских 287,
357, 358
Люстиг Фердинанд Осипович 251
Лютецкий Александр Осипо-
вич 221
- Мадам Делапорт, французская
актриса 149
Маклаков М. А. 177
Малинка Виктор Алексеевич 225

- Манасевич М. А. 69, 70
Манухин Сергей Сергеевич 144–147
Мария Александровна, императрица 56
Мария Павловна, великая княгиня 57
Марков Андрей Андреевич 153
Маркс Карл 35, 105
Мартынов С. В. 246
Мартыновский Сергей Иванович 208, 241
Маслов Константин Андреевич 195, 198, 209, 223–225, 229, 237
Медведев-Фомин Алексей Федорович 252
Меер Лазарь Леонтьевич 150
Мезенцов Николай Владимирович 190, 248, 251
Мейер Эдвард Мангус 155, 161, 169
Меленчук Виктор Сильвестрович 255
Мендель Грегор (Mendel Gregor Johann) 369
Меншуткин Николай Алексеевич 153
Меркулов Василий Аполлонович 197, 209, 218, 230, 231, 237, 250
Милюков Павел Николаевич 25, 26, 52, 75
Мина, сестра Голубовой Н. 112
Минский (Виленкин) Николай Максимович 149
Минченков Александр Михайлович 145
Миронов Александр 277
Мирский Леон Филиппович 247
Михаил Александрович, великий князь 18
Михайлов Александр Дмитриевич 186, 192, 193, 249, 251
Михайлов Н. 283
Михайловская Маруся 83
Мнухин Лев Абрамович 177
Молдавская Фаина (Фанечка) 107
Молдавский Михаил (Миша) 107
Молотов Вячеслав Михайлович 377, 378, 380, 402
Морган Томас Хант (Morgan Thomas Hunt) 369
Морейнис Михаил Абрамович 185
Морейнис Фанни Абрамовна 185, 208, 227
Мороз Иван 227
Морозов Николай Александрович 211, 248
Мот. Ион. [неустановленное лицо], знакомый М. Я. Берговского 287, 233
Мотл, муж Эстер 100, 105, 119
Мунгалов Николай Николаевич 145, 154, 156
Мурованная Зинаида Григорьевна 99
Мусоргский Модест Петрович 294
Мышкин Ипполит Никитич 252, 253
Наполеон III 149
Невский А. 144
Недачин Василий Петрович 177
Некрасов Николай Алексеевич 184

- Нечаев Сергей Геннадьевич 241, 246, 247, 258
Никитин Алексей Максимович 145
Николай I 56
Николай Михайлович, великий князь 56
Николай Николаевич (младший), великий князь 56
Николай Николаевич (старший), великий князь 56
Никольский Борис Владимирович 48
Ножин, майор Отдельного корпуса жандармов 240, 244
Нюмочка, сын Муни и Резник Ш. Н. 115
- Обручев Владимир Афанасьевич 156
Овчинников Михаил Павлович 202
Окладский Иван Федорович 248, 250
Орлов Павел Александрович 254
Осинский Валериан Андреевич 228, 253, 254
Осмоловская Пелагея Яковлевна 204, 205
Осендовский А. М. 173
Островская И. 283
Острогорский Александр Яковлевич 48
Ошанина Мария Николаевна 229
- Павлик Александр Александрович 397, 408
Павлов Александр Сергеевич 180
Палашковский Сергей Егорович 161
- Патон Борис Евгеньевич 405
Патон Евгений Оскарович 404, 405
Патуйе Жюль 177
Пелевин Юрий Александрович 192
Перовская Софья Львовна 198, 233
Петлицкий Я. И. 193, 224, 225, 229, 238, 239
Петр Трофимович, преподаватель истории в гимназии г. Гайсина 84
Петри Олаус 47
Петри Эдуард Юльевич 47
Петров Н. В. 278
Петровский-Штерн Йоханан 151
Писарев Дмитрий Иванович 46, 184
Плевако Федор Никифорович 28, 40
Плеханов Георгий Валентинович 186
Плясунов Ф. 145
Погребинская (урожд. Береговская) Полина Яковлевна 286, 310
Погребинская Софья Львовна (Софочка) 286, 310
Поливанов Петр Сергеевич 211
Полонский Нюшка, квартирант в доме деда А. Шойхет 85
Попов Михаил Родионович 193, 211, 238, 252,
Попов С. 295
Попович С. Г. 177
Потиевский М. (Муня), муж Резник Ш. Н. (Шевы) 115
Потоцкий Владимир 85

- Похитонов Иван Павлович 149
 Похитонов Николай Данилович 198
 Прен Аркадий 48
 Прибылев Александр Васильевич 205, 209, 210, 227
 Прибылева-Гроссман Раиса Львовна 205
 Провоторов Е. П. 207, 208, 240, 242, 257
 Прохоров А. М. 392
 Псарев Н. С. 411
 Пуляевский Г. Г. 180
 Пургольд Надежда Николаевна 294

 Рабинович Исаак Моисеевич 19
 Рабинович Исаак Соломонович (Ис. Сол., Соломонович) 266, 267, 281, 286, 287, 303, 310, 327, 357
 Раечка, дочь Муни и Резник Ш. Н. 115
 Распутин Григорий Ефимович 57
 Ратнер М. Д. 19
 Ратьков-Рожнов Яков Владимирович 161
 Рахиль, дочь Щерб З. 116
 Реброва Галина 365
 Реброва Ирина Викторовна 10, 361, 363
 Редер В. А. (Röder W. A.) 371
 Резник (Щерб) Мария Абрамовна 80–84, 86–94, 97, 101, 105, 106–108, 111, 112, 113, 116, 117, 119–121
 Резник Борис Моисеевич (Бенцин, Беньк, Боря) 90
 Резник Б. Н. (Цюня) 83, 86, 94
 Резник Григорий Моисеевич (Гриша) 84, 97, 102, 106, 113, 114, 116, 118
 Резник Дора Гершелевна (Дора Резник) 95
 Резник Израиль Моисеевич (Сруля) 80, 83, 86, 92, 93
 Резник Моисей Наумович 79, 80, 84, 86, 88–91, 93, 94, 97, 98, 105–108, 110, 111, 121
 Резник Наум (Нухим), дед Анны Шойхет 86, 87, 94
 Резник Рейзел, бабушка Анны Шойхет 86, 94
 Резник Р. (тетя Ривка) 99
 Резник Х. И. (Хана), жена Резника Г. М. 102, 106, 113, 114, 116, 118
 Резник Хонця Наумовна (Хонця) 86, 94
 Резник Шева Наумовна (Шева) 86, 94
 Резник Эмиль Моисеевич (Миля) 91, 92, 101, 110, 111, 114, 118, 119
 Резников Р. Г. (Ромочка) 113, 116, 118
 Римский-Корсаков Николай Андреевич 65, 294, 296, 325
 Рогачев Николай Михайлович 199, 255
 Роговин Исай Ильич 173
 Розенберг Анна 148
 Розенталь Марк Моисеевич 369
 Ролькер Чарльз М. 166
 Романенко Герасим Григорьевич 199, 200, 208, 218, 235, 236
 Романов М. Р. 240, 244
 Ромм, гимназист 46

- Рохман Роберт 149
Рубинштейн Антон Григорьевич 294
Рубинштейн Дмитрий Леонович 6, 14, 33, 56–77
Рубцов И. И. 177
Руденко Роман Андреевич 290
Рысаков Николай Иванович 216, 220, 241, 250
- Саблин Н. А. 230
Саладилов И. М. 145, 175
Саранчов Иван Михайлович 194, 195, 209, 224–226, 229, 237, 238
Сарисман, знакомый Береговских 288, 290
Сахаров Николай Николаевич, протопресвитер 177
Свешников Митрофан Иванович 48
Секарев, майор 270
Селезнев Е. С. 278, 279
Сергей Михайлович, великий князь 71
Серебряков Эспер Александрович 202, 203
Серков Андрей Иванович 17, 19
Серов Иван Александрович 280
Сидоренко Евгений Матвеевич 186, 197
Сказин И. И. 221
Скотт Вальтер (Scott Walter) 371
Скрипкин В. М. 411
Слепян Сергей Николаевич (Израиль Иосифович) 19, 20, 50
Слиозберг Генрих Борисович 147, 148, 168, 179
- Смирницкая Надежда Симоновна 228
Соколов В. 296
Соколов Д. И. 48
Солженицын Александр Исаевич 278
Соловьев Александр Константинович 251, 412
Соня, дочь Мотла и Цирл 100
Соня, жена Кивовича 288, 350, 355, 358
Спасович Владимир Данилович 40, 256
Спектор А. 115
Спектор Б. Е. 115
Спектор П. А. (Пинюся) 115
Спивак Эли Гершевич (Илья Григорьевич) (Эля) 270–273, 287, 340
Способин И. 296, 318, 325
Сталин Иосиф Виссарионович 321, 375, 378, 381, 407, 409, 417–420
Стародворский Николай Петрович 239
Старынкевич Константин Дмитриевич 177
Стасов Владимир Васильевич 294
Стаханов Алексей Григорьевич 398
Стаханов Владимир Корнилович 398, 399
Стеблин-Каменский Егор Павлович 46
Степанов Иван Иванович 413
Стефанович Яков Васильевич 200–202, 205, 209, 245
Стешенко Анна 392

- Столыпин Петр Аркадьевич 75, 368
Стрельников Василий Степанович 195, 196, 246
Струве Петр Бернгардович 48
Судейкин Георгий Порфирьевич 194, 203–205, 225, 226, 238
Сургуладзе В. А. 411
Суровцев Дмитрий Яковлевич 256
Суслов Михаил Андреевич 402
Суханов Николай Евгеньевич 198, 245
Сухов А. У. 411
Сухомлин Василий Иванович 190
Сыцяшко Александр Осипович 253
- Теллалов Петр Абрамович 197, 209, 223, 245
Терентьева Людмила Дементьевна 197, 250
Тесленко Николай Васильевич 21, 26, 27
Тетерка Макар Васильевич 230, 251
Тимирязев Василий Иванович 166, 167
Тихомиров Лев Александрович 191, 198–201, 205
Тотлебен Эдуард Иванович 202, 234, 252
Трахтерев Осип Сергеевич 26
Трепов Федор Федорович 247
Тригони Михаил Николаевич 211, 248
Троицкий Н. А. 210
Трубецкой А. Е. 40
Тургенев Иван Сергеевич 46
- Урман Хонця 96, 97
Урсу Ольга Васильевна 208, 209
Урсынович Леонтий Владиславович 191
Урусов Александр Иванович 28
- Файнберг И. Ю. 74
Фейга, прабабушка Анны Шойхет 94
Фейхтвангер Лион (Feuchtwanger Lion) 415
Фефер Исаак Соломонович 270, 273
Фигнер (Филиппова) Вера Николаевна 183, 191, 196, 198, 199, 211, 212, 216, 218, 223, 246
Фишель Л. Т. (Лёня) 114
Фишель М. Т. (Марик) 114
Фишель П. Л. (Павлик) 6, 7, 79, 95, 98
Фишель Т. Л. (Тимур) 6, 78, 95
Флобер Гюстав (Flaubert Gustave) 371
Фомин Алексей Александрович 205, 255
Фриденсон Григорий Михайлович 250
Фризер Яков Давидович 168, 173
Фроленко Михаил Федорович 182, 186, 187, 198, 211, 247, 251
Фурманов Дмитрий Андреевич 392
- Хаген Марк фон 146
Хаздан Евгения Владимировна 9, 265–305
Хаскл (Хаскель), муж Рахили 107
Хацкель, дядя Б. Л. Гершуна 42
Хвольсон Орест Данилович 153

- Хин-Гольдовская (в первом браке Фельдштейн) Рашель Мионовна 53
Хрущев Никита Сергеевич 419, 420
Хрущов Н. Е. 252, 253
- Цвилленев Николай Федорович 40
Цейтлин, композитор 275
Цирл, покойная первая жена Мотла 100
Цицианов Арчил Иванович 254
- Чапаев Василий Иванович 392
Чемберлен Невилл 23
Чернышевский Николай Гаврилович 184
Чернявская-Бохановская Галина Федоровна 248, 254, 255
Чертков Михаил Иванович 252
Чуковский Корней Иванович 52
- Шаляпин Федор Иванович 76, 787
Шапирштейн-Лерс Яков Ефимович 144
Шаповалов А. 391
Шарапов Иван Прокофьевич 145, 147
Шацилло Корнелий Фёдорович 145
Шварц Абрам Давидович 173, 175
Шварцман Яков Самойлович 393, 394
Шеманин, майор Отдельного корпуса жандармов 216, 222, 229–231, 245
Шепелев Сергей Никитич 255
- Шерешевский (Шершевский) Борис Семенович 38
Шерешевский Григорий Семенович 38
Шерешевский Дмитрий Семенович 38
Шефтель Михаил Исаакович 169, 176
Шипов Иван Павлович 172
Ширяев Степан Григорьевич 249
Шифрин, муж Белостоцкой П. 108
Шклявер Гавриил Григорьевич 47, 48
Шмидт Вильгельм (Schmidt Wilhelm) 395
Шойхет Анна (Хана) Моисеевна 6, 78, 79, 109
Шойхет Генрих Наумович (Генрих) 100
Шойхет Иосиф Наумович (Йосиф) 100
Шойхет Дмитрий Наумович (Митя) 100, 112
Шойхет Марина Павловна (Марина) 6, 79, 95, 111–113, 115–117, 121
Шойхет Павел Наумович (Пинхас Нахманович) (Павлуша, Пинхос) 79, 90, 95–112, 114–120
Шойхет Роза Павловна (Розочка) 101–106, 110
Шойхет Эстер Наумовна (Эстер) 100, 102–105, 112, 119
Шостак Михаил Александрович 168
Штрафе Отто 383
Шув Б. И. (Борис) 116

- Шув И. Б. (Ирочка) 116
Шув М. И. (московская Милля) 116
Щегловитов Иван Григорьевич 69, 70
Щедрин Николай Павлович 211, 253
Щерб Авраам (дедушка Авраам) 83, 84, 86–88, 90, 91, 94, 106, 116
Щерб Белла Авраамовна (Белла) 83, 93, 102
Щерб Гершель Авраамович (дядя Гершель) 94, 99, 102
Щерб Зисл (тетя Зисл) 97, 116
Щерб Исаак Авраамович (дядя Исаак) 91, 94
Щерб Лейб Авраамович (дядя Лейб) 82, 88, 89
Щерб Меер (дядя Меер) 91, 92
Щерб Поля (тетя Поля) 94
Щерб Рива (бабушка Рива) 84, 89, 90, 102, 106
Щерб Рахиль Авраамовна (тетя Рахиль) 80, 107
Щерб Фаина Авраамовна (Фаня) 83, 94, 97, 102
Щерб Ф. Л. (Фройка) 82, 83
Щерб Ш. Л. (Шлойма) 82, 83
- Элисбарашвили Васо 411, 412
Эллочка, дочь Леваковой Г. Г. 116
Энгель Николай 383, 391, 401
Энгельгардт Александр Николаевич 222
- Эрнст Людвиг, великий герцог Гессенский 58
Эстрайх Геннадий 7, 122
Эстрайх Елена 7, 122, 130
- Ювачев Иван Павлович 256
Юдашкова, сотрудница Шойхета П. Н. 117
Юдин М. Д. 301
Юдин Павел Фёдорович 369
Юровская Ф. (Фрейдл) 85
Юровский Б. (Бенцин) 85
Юровский, владелец магазина в м. Дашев 85
Ющинский Андрей 376
- Яблочков Павел Николаевич 249
Яворский Болеслав Леопольдович 266
Якимов Павел Михайлович 254
Якимова Анна Васильевна 228, 246, 250
Яковлев В. Я. 214
Янгиров Рашит Марванович 18
- Ben Ammi 179
Comins-Richmond W. 420
de Meaux Larroine 148, 149
Evans R. J. 374
Frei N. 374
Jantzou, frn, гувернантка 43, 45
Rayot J. (Пэйо Ж.) 37
Pieper H. 387
Slisberg Henri 178

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПУБЛИКАТОРАХ

Барбанова (Панькина) Мария Андреевна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России XIX — начала XX веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Специализируется на истории партии «Народная воля» после царевубийства 1 марта 1881 года. Автор монографии «Ночь после битвы. Дегаевщина и кризис в партии “Народная воля”» (2018) и ряда статей.

Будницкий Олег Витальевич — доктор исторических наук, ординарный профессор, директор Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более чем 300 научных и научно-популярных работ. Среди его последних книг сборник документов «В движении: русские евреи-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (1938–1941)» (2020, составитель и отв. редактор), монографии и сборники статей и очерков «Терроризм в Российской империи. Краткий курс» (2021), «Люди на войне» (2021), «Другая Россия. Исследования по истории русской эмиграции» (2021), «Золото Колчака» (2020).

Владимирски Ирена — доктор филологии, преподаватель Академического колледжа Ахва в Беэр Тувия, Израиль. Автор многочисленных статей по истории еврейских общин Сибири, Китая (Харбин), Средней Азии и Кавказа, в том числе в сборнике «Juifs d’ailleurs» (Jews from Elsewhere). Paris: Les editions Albin Michel, 2020.

Воронина Татьяна Львовна — ведущий аналитик Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Дымшиц Валерий Аронович — доктор химических наук, научный сотрудник Межфакультетского центра «Петербургская иудаика» в Европейском университете в Санкт-Петербурге, профессор факультета Свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. Автор более 200 публикаций, посвященных еврейской этнографии, фольклору, истории, истории еврейского искусства и литературы. Переводчик с идиша, член Всероссийского творческого союза «Мастера литературного перевода». Член редколлегии журналов

«Народ Книги в мире книг» (Петербург), *Judaic-Slavic Journal* (Москва), *Yiddishland* (Иерусалим).

Кротова Мария Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Автор многочисленных статей и монографий по истории русского Дальнего Востока, России в Маньчжурии, русской эмиграция в Китае: «Харбин — центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.)» (2010); «СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.)» (2014).

Реброва Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, PhD, научный сотрудник Центра изучения антисемитизма Технического университета Берлина (Германия), ассоциированный исследователь *Nadassah Brandeis Institute* Университета Брандайса (США). Автор монографии «*Re-Constructing Grassroots Holocaust Memory: the Case of the North Caucasus*» (2020) и ряда статей по проблемам памяти о войне и Холокосте, устной истории, социальной и культурной памяти российского общества о Второй мировой войне, гендерной истории.

Фишель Тимур Леонидович — инженер-электротехник, автор-исполнитель песен, исполнитель песен на идише.

Хаздан Евгения Владимировна — кандидат искусствоведения, этномузыколог, музыкальный критик, независимый исследователь, автор многочисленных публикаций, в т. ч. о М. Я. Береговском (одна из последних: Дмитрий Шостакович и Моисей Береговский // Музыкальная академия. 2022. № 2). Сфера научных интересов: традиционная музыкальная культура восточноевропейских евреев, история еврейской музыкальной фольклористики в СССР, музыка современных композиторов.

Эстрайх Геннадий — в 1988 году сменил род деятельности с инженерного на журналистский и писательский, став ответственным секретарем московского еврейского литературного журнала «Советиш геймланд». После отъезда в 1991 году получил докторскую степень в Оксфордском университете, работал в Оксфорде и Лондоне. С 2003 года профессор Нью-Йоркского университета. Автор книг и статей по истории, литературе и культуре евреев.

Эстрайх (Дашевская) Елена — окончила Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет), факультет английского языка и литературы. До отъезда из страны преподавала английский язык в школе. В библиотеке Оксфордского университета руководила группой, занимавшейся компьютерной каталогизацией периодических изданий на европейских языках.

ABSTRACTS

Boris Gershun. *Memoirs of a Russian Lawyer*. Introduced by Oleg Budnitskii, annotated by Tatyana Voronina

Boris L'vovich Gershun (1870–1954) was one of the outstanding Russian lawyers of the early twentieth century. He was a legal advisor — his clients included the grand dukes Andrei and Boris Vladimirovichi — and participated in a number of major civil proceedings. Gershun was forced to emigrate in 1918, first to Germany (1918–1933), then to France (1933–1954). His standing among his colleagues was extremely high: he was elected chairman of both the Council of Attorneys at Law in Petrograd and unions of Russian lawyers in Germany and France. His *Memoirs of a Russian Lawyer* (1936–1939) is in the Bakhmeteff Archives at Columbia University, New York. Gershun's text is a unique source for historians of the Russian court, the Russian legal profession, and the customs of Russian society in the late nineteenth and early twentieth centuries. His portraits of Russian lawyers, court officials, and prominent figures, from Grand Duke Andrei Vladimirovich to the famous adventurer “Mit' ka” Rubinstein, do not idealize their subjects and have no equal. *Memoirs of a Russian Lawyer* is a magnificent example of Russian prose and makes for fascinating reading.

Anna Shoykhet (Reznik). *Autobiography*. Edited and introduced by Valery Dymshits and Timur Fishel

The memoirs of Anna Shoykhet (Reznik) cover the first half of her long life. She describes her childhood in the Ukrainian shtetl of Dashev and her youth in the nearby regional town of Gaysin. Her recollections contain descriptions of the banditry and pogroms that took place during the civil war. Having spent the 1920s in Berdichev, in the 1930s Shoykhet studied and worked in Kyiv. She was evacuated to Central Asia with her family during the Great Patriotic War, and returned to her home in Kyiv at the end of hostilities. Her biography captures the life trajectory of a typical middle-class Jewish woman in the USSR.

Gennady and Elena Estraikh. *A Soviet Jewish Family's Story of Emigration*

Elena and Gennady Estraikh applied for permission to emigrate from the USSR at the peak of the Jewish “exodus” to Israel in 1979, but they were turned

down and became *refuseniks*. Nobody informed them as to why their application was unsuccessful. An official simply told them — no written explanation was provided — that their emigration was not in the interest of the state. Unlike many others awaiting an Israeli visa, Gennady managed to keep his job and even get promoted. In due course, Elena also found work that suited her qualifications.

Writing four decades later, the Estraiikhs do not heroize themselves. Their recollections are simply episodes from the life of a Soviet Jewish family at the end of 1970s and beyond.

Irena Vladimirskey and Maria Krotova. Baron Alfred de Gunzbourg and the Development of the Russian Gold Mine Industry

This chapter explores one of the lesser-known members of the famous Gunzbourg family, Baron Alfred de Gunzbourg, the fifth son of Baron Horace de Gunzbourg. There is little research on Baron Alfred de Gunzbourg. Even the considerable literature on the Lena Massacre (spring 1912), which took place on the grounds of the Gunzbourg family's gold mines in the Olekminsk-Vitim taiga, does not mention his name despite the fact that he was the managing director of the Lena Goldfields joint-stock company. Alfred was the only family member who chose to manage the company, and he often visited the mines for weeks or months at a time.

This study is based on documents and materials from archives and collections in Moscow and Saint Petersburg. It is intended to aid understanding of the history of the Russian gold industry, particularly Baron Alfred de Gunzbourg's role in the implementation of technical innovations, the development of new approaches to management, the introduction of professional qualifications for workers, and labor legislation in relation to Siberian climate conditions and cultural traditions.

Maria Barabanova. Savely Zlatopolsky, Member of the People's Will Party. Addendum. Savely Zlatopolsky. Testimonies. Notes. Letters

This chapter is on Savely Zlatopolsky (1856/57–1885), a member of the Executive Committee of the People's Will (Narodnaya Volya) party, a figure undeservedly overlooked not only by researchers, but also by other memoirists. It contains Zlatopolsky's full testimony records, his secret notes from the Peter and Paul Fortress, and three letters to his relatives. This material is valuable because provides not only a picture of the revolutionary movement during the period, but also, and most importantly, of Zlatopolsky himself, who left no diaries or memoirs. Supporting the revolutionary movement of the 1870s, he stood apart from it in many respects: his political and social

views diverged from the views of the revolutionary youth of that era. This made him almost a renegade; he believed neither in going “to the people” nor in the readiness of the peasantry for a mass uprising. He fully joined the revolutionary movement only when it set itself political tasks. Having become a member of Narodnaya Volya, and now regarding terrorism as a method of revolutionary struggle, he was still in many ways a dissenter, believing that the first task of the revolutionary movement was to make Russia democratic rather than establish socialism.

Moisei Beregovsky. Letters from a Camp. Edited and introduced by Evgeniia Khazdan

Moisei Beregovsky, folklorist and researcher into the musical culture of Eastern European Jews, was arrested in 1950 on charges of “anti-Soviet nationalist activity” and sent in the Ozerny corrective labor camp. This paper is based on documents relating to his five years in prison. The publication of Beregovsky’s letters is supplemented by excerpts from his investigation file and other documents, as well as passages from his wife’s letters. Analysis of these materials makes it possible to identify most of the people mentioned in the letters and to understand both the general living conditions of camp inmates at the time and Beregovsky’s inner life—an inner life which enabled him to maintain his dignity and remain true to his cause.

“Why did you stay alive?” An Interview with Boris Kamenko. Edited and introduced by Irina Rebrova

This chapter is a transcription of an 1997 interview with Holocaust survivor Boris Kamenko (b. 1923) that was conducted for the USC Shoah Foundation. The first part of the interview is about his life before World War II—his relatives, hobbies, and awareness of himself as a Jew. The central part, however, is the story of the war period, that is, the Nazi occupation of Stavropol (Voroshilovsk) and Kamenko’s survival of the Holocaust.

After the Jewish population, including the Kamenko family, was registered in August 1942, members of Einsatzkommando 12 selected Boris as one of the thirty physically strong men tasked with burying the corpses of Jews on the outskirts of the city. The men who survived this ordeal were placed in an SD prison. In December 1942, after four months in captivity, Boris and another prisoner managed to escape. His recollections of hiding out in the Stavropol area ends with the liberation of the city. The final section of the interview covers Boris’s post war life — his studies, work, and struggle against the state and everyday antisemitism. The interview is followed by detailed historical analysis.

Содержание

О. В. Будницкий. От редактора	5
-------------------------------------	---

Воспоминания

О. В. Будницкий. Б. Л. Гершун — юрист и общественный деятель	13
Б. Л. Гершун. Воспоминания русского адвоката. Подготовка текста и примечания Т. Л. Ворониной	34
А. М. Шойхет (Резник). Автобиография. Публикация и подготовка текста Т. Фишеля и В. Дымишица. Примечания и вступительная статья В. Дымишица	78
Е. и Г. Эстрайх. История эмиграции одной московской еврейской семьи	122

Исследования

И. Владимирски, М. В. Кротова. Альфред Гинцбург и российская золотопромышленность	143
М. А. Барабанова. Народоволец Савелий Златопольский ...	182
Приложение. С. Златопольский. Показания. Записки. Письма	213

Документы

Е. Хаздан. Лагерные письма Моисея Береговского	265
М. Береговский. Письма из лагеря. Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Е. Хаздан	305
«Почему остался живой?» Интервью с Борисом Каменко. Подготовка к публикации, вступление и комментарии И. В. Ребровой	361
Указатель имен	426
Сведения об авторах и публикаторах	441
Abstracts	443

Contents

<i>Oleg Budnitskii</i> . From the Editor	5
--	---

Memories

<i>Oleg Budnitskii</i> . B. L. Gershun — lawyer and public figure	13
<i>B. L. Gershun</i> . Memoirs of a Russian lawyer. <i>Annotated</i> by <i>Tatyana Voronina</i>	34
<i>Anna Shoykhet (Reznik)</i> . Autobiography. <i>Edited and introduced</i> by <i>Valery Dymshits and Timur Fishel</i>	78
<i>Gennady and Elena Estraikh</i> . One Soviet Jewish Family's story of Emigration	122

Research

<i>Irena Vladimirskaia and Maria Krotova</i> . Baron Alfred de Gunzbourg and development of the Russian gold mine industry	143
<i>Maria Barabanova</i> . Savely Zlatopolsky, member of the People's Will party	182
Addendum. <i>Savely Zlatopolsky</i> . Testimonies. Notes. Letters	213

Documents

<i>Moisei Beregovsky</i> . Letters from the camp. <i>Edited</i> and introduced by <i>Evgeniia Khazdan</i>	265
"Why did you stay alive?" Interview with Boris Kamenko. <i>Edited and introduced by Irina Rebrova</i>	305
Index	426
Contributors to this volume	441
Abstracts	443

Научное издание

АРХИВ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. ТОМ 13
Под редакцией О. В. Будницкого

Директор издательства *И. В. Немировский*
Куратор серии *В. Кучерявенко*
Ответственный редактор *И. Белецкий*
Заведующая редакцией *О. Петрова*
Дизайн *И. Граве*
Редактор *Р. Рудницкий*
Корректор *А. Филимонова*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 31.10.2022.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 30,0.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «Библиороссика».
190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25а

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
<http://www.club366.ru>
Тел./факс: 8(495)9264544
e-mail: club366@club366.ru

Книги издательства можно купить
в интернет-магазине: www.bibliorossicapress.com
e-mail: sales@bibliorossicapress.ru

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*